

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАСТЕР СЛОВ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ЭРИНЕРЫ ГИПНОСА

Annotation

Мир снов непознаваем, нелогичен, наполнен глубинными страхами и опасностями. Но он существует по своим жестким правилам и нерушимым законам. Здесь нет судий, которые отмеряют степень вины. И нет палачей, исполняющих приговор. Однако все, кто погружаются в его реальность, редко осмеливаются разбивать парадоксы и логику сновидения. Потому что знают – рано или поздно возмездие настигнет нарушителя. В глубинах подсознания обитают свирепые эринии. Они продолжают преследовать тех, кто не в силах противостоять им. Даже в реальности. Обманывая чувства сильнее любого миража, разрушительные сожаления сокрушают волю. А разум человека сам решает, насколько велико будет наказание – апатия, беспричинный гнев или сломанная жизнь...

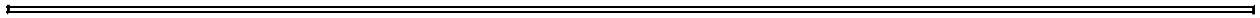
- [Алексей Юрьевич Пехов, Наталья Турчанинова, Елена Бычкова](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Гипносарий](#)
    -
    - [Мир сновидений](#)
    - [Сновидящие](#)
    - [Мастера снов](#)

- [Дэймосы](#)
- [Пятиглав](#)
- [Конгломераты](#)
- [Краткий словарь персонифицированных образов и терминов, которые используют сновидящие](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)

Алексей Юрьевич Пехов, Наталья Турчанинова, Елена Бычкова Эринеры Гипноса

Мир снов непознаваем, нелогичен, наполнен глубинными страхами и опасностями. Но он существует по своим жестким правилам и нерушимым законам.

Здесь нет судий, которые отмеряют степень вины. И нет палачей, исполняющих приговор. Однако все, кто погружаются в его реальность, редко осмеливаются разбивать парадоксы и логику сновидения. Потому что знают – рано или поздно возмездие настигнет нарушителя. В глубинах подсознания обитают свирепые эринии. Они продолжают преследовать тех, кто не в силах противостоять им. Даже в реальности. Обманывая чувства сильнее любого миража, разрушительные сожаления сокрушают волю.

А разум человека сам решает, насколько велико будет наказание – апатия, беспричинный гнев или сломанная жизнь...

Глава 1

Призраки из прошлого

Мы стояли у входа на небольшое кладбище.

Древняя арка ворот, сложенная из темно-красного кирпича, покрыта пятнами серого лишайника. Мощное основание утопало в пожухлой траве. На полукруглом своде – как раз над замковым камнем – притулилось маленькое деревце, выросшее из семени, занесенного сюда с соседних берез. На тонких ветках удерживался один-единственный желтый лист. Его мотало ветром, и казалось, на вершину арки забрался тощий призрак и машет всем проходящим почти бесплотной ладонью.

Хэл смотрела по сторонам с вполне понятным любопытством и легким недоумением. До сих пор она еще никогда не была в древних некрополях.

Старый храм Гермеса Психопомпа – проводника умерших – возвышался в отдалении. И точеные колонны портика спорили белизной со стройными телами берез, столпившихся вокруг здания. Несколько деревьев отбились от стайки подруг и разбрелись между могил.

Аромат прелых листьев, тумана и влажных древесных стволов сменялся холодным, стерильным запахом приближающейся зимы. В прозрачных кусочках неба, видных среди ветвей, скользили черные силуэты птиц. Вороны или галки. Здесь их всегда было много.

Хэл вопросительно взглянула на меня из-под густой каштановой челки. Я молча пошел вперед, указывая ей дорогу.

Дорожка с каждым годом становилась все более узкой, хоть ее и чистили. С приходом тепла сорные травы и одичавшие цветы напоздали на нее с обеих сторон, отхватывая все новые и новые куски жизненного пространства. Сейчас, поздней осенью, они поникли, высохли, затаились до будущей весны. Среди облетевших кустов застыли мраморные обелиски. Иногда весьма внушительные. Танатос с распахнутыми крыльями. Девушка, закутанная в длинный плащ – его складки, искусно выточенные из камня, казались настоящими. Сам Гермес, ведущий за руку юношу с понурой кудрявой головой. Атлетически сложенный мужчина, опустивший факел к земле...

Моя ученица шла позади, отставая время от времени, чтобы лучше разглядеть особенно впечатляющий памятник, и снова догоняла меня, неторопливо следующего по давно знакомой тропе. Подошвы тяжелых

ботинок Хэл стучали по твердой земле, свежий запах ее духов то обволакивал меня плотным облаком, то растворялся в осеннем холоде.

– Такое чувство, будто я нахожусь во сне, – прозвучал у меня за спиной ее озадаченный голос. – В твоём сне. Напоминает то самое кладбище твоего мира.

– Вполне возможно, – отозвался я, поворачивая на тропинку между двух миниатюрных мраморных ротонд с колоннами не выше человеческого роста.

В стороне, за деревьями, виднелись люди в темно-фиолетовых одеждах – тесная группа возле одного из надгробий. Тихий шелест голосов вплетался в шепот ветвей.

Еще несколько старинных памятников, смутно знакомых из прошлого, и наконец та самая береза, в одиночку замершая среди тонких осин.

Я остановился у прямой черной стелы, поднимающейся из гладкой, отполированной плиты тяжелого основания.

Опавшие листья густо осыпали обелиск и землю вокруг. Хэл наклонилась, смахнула сор с гранита и положила на него букет поздних астр.

Я смотрел на имя, выбитое в камне.

«Феликс...»

Больше ничего. Ни барельефа, ни даты рождения и смерти, ни голограммы. Рядом с плитой холмик оплывшей от времени земли, покрытый дерном, в нем обломки камней.

Она взяла меня под руку.

– Думаешь, он сделал это сам?

– Разделил свое тело сновидения и физическое тело? Не знаю, Хэл. Я до сих пор ничего о нем так и не знаю.

Мы помолчали, вслушиваясь в шум ветра. Моя спутница переступила с ноги на ногу, мне было хорошо знакомо это движение нетерпеливого любопытства.

– Послушай, Мэтт, а он... Феликс... то есть его тело... – Она посмотрела на землю у себя под ногами. – Ты говорил, что похоронил его, я как-то не придавала значения твоим словам. Он что, лежит там? Внизу?

– Ищи меня шестью футами ниже, – произнес я задумчиво и ответил на ее вопрос: – Да.

Хэл покосилась на меня недоверчиво:

– Значит, это не просто символическое надгробие?

– Нет.

– То есть его тело не сожгли?

– Нет.

– Но почему?!

– Он просил меня незадолго до смерти не превращать его в пепел.

Ее пальцы сильнее сжали мой рукав.

– Послушай, а вдруг его тело сновидения, Феникс, существует только потому, что физическая оболочка... она не... – Хэл осеклась под моим взглядом.

– Думаешь, я похоронил его живым? И все это время он пролежал в коме?

– Нет, – смутилась ученица, – это невозможно, знаю. Просто... вдруг там... – Хэл уставилась на плиту, засыпанную листьями, с жадным любопытством и понизила голос: – Лежит вовсе не он. А Феликс скрывается где-то. Ты же сам говорил, тело сновидения не может существовать без физического тела.

– Не может, – подтвердил я.

– Значит, Феникс не должен выжить, когда умер основной носитель информации, личности. И потом любимая песня твоего учителя. «Ищи меня шестью футами ниже», она ведь про захоронение. – Хэл разворошила носком ботинка желтые опавшие листья на земле. – Может быть, это ключ, подсказка.

– Хочешь предложить откопать тело? Проверить? Возьмем пару лопат, вернемся ночью...

– Нет, – поспешила возразить она, передернула плечами и чуть отстранилась, выпуская мой рукав. – Конечно нет.

Богатое воображение ученицы мгновенно нарисовало перед ней чрезвычайно яркую и до отвращения правдоподобную картину.

– Я всего лишь пытаюсь понять.

Я тоже пытался его понять. И результат моих размышлений был весьма удручающим. Феликс заложил в мое подсознание приказ уехать, не выходить в мир снов, объясняя это тем, что хотел защитить. Я не удивлюсь, если на перековку отправил меня тоже он.

Нет ничего хуже, чем неуверенность в своих решениях. Впору погружаться в собственный мир снов, чтобы выискивать крючки многолетней давности. Глубоко запрятанные и замаскированные невинными символами.

– Доброе утро, – прозвучал рядом негромкий, глуховатый голос.

Мы с Хэл одновременно оглянулись. У соседнего памятника стояла немолодая женщина в темно-фиолетовом плаще, ее волосы покрывал платок такого же густого траурного цвета. На бледную щеку падала легкая

седая прядь. На руках тонкие перчатки.

Я узнал ее. Та сама гостя, которая просила помочь смертельно больному мужу. Избавить его от страданий. Убить во сне. Милосердно и быстро. Я не помог ей и запретил вмешиваться Хэл.

Я бы на месте этой женщины не подошел здороваться с теми, кто отказал ее самому близкому человеку в легкой смерти.

– Доброе утро! – воскликнула Хэл радостно. – Как ты, Альба?

Ученица шагнула вперед и, к моему удивлению, обняла недавнюю гостью. Та с теплой улыбкой ответила на объятия девушки, мягко сжав ее плечи ладонями в фиолетовых перчатках.

– Все в порядке. Теперь уже все хорошо.

– А твой сын? Перешел на новую работу?

Они беседовали словно хорошие знакомые. Обсуждая родственников, погоду и бытовые мелочи. Меня всегда радовала коммуникабельность Хэл, но теперь вызывало недоумение, когда она успела узнать столько всего о постороннем в общем-то человеке.

– Сначала я не хотела вас беспокоить. Вы пришли к кому-то. – Женщина мельком взглянула на памятник. Однако имя на нем вряд ли что-то сказало ей. – Но решила все же поздороваться.

– Правильно сделала, – откликнулась Хэл. – Мы рады повидаться с тобой.

Та снова улыбнулась, посмотрела на меня. Доверие в ее глазах было предназначено и мне.

– Я обратилась в центр, как вы и советовали, целер. Для моего мужа создали сон. Очень хороший. Я видела. А в конце он ушел. Счастливый. Спокойный.

– Я рад.

– И это сновидение абсолютно ничего нам не стоило. Мне сказали, Полис дарит последний сон тому, кто в нем нуждается.

– Да, – кивнул я.

Женщина помолчала, скользнула взглядом по моему лицу и произнесла вежливо:

– Ну, не буду вас больше отвлекать.

Попрощалась и ушла.

– Когда ты успела с ней подружиться? – спросил я, глядя, как темный силуэт плывет между памятниками.

Ученица беззаботно пожала плечами.

– Просто позвонила пару раз. Узнала, как у нее дела. Посочувствовала. А что?

Я молча покачал головой, глядя на имя, выбитое в камне. Феликс также учил меня быть открытым, общительным, вежливым и внимательным.

«Любой заглянет в распахнутую дверь, но увидит лишь то, что ты захочешь показать. Запертая – вызывает неумное любопытство. Когда ее вскроют, найдут даже те тайны, которых за ней нет», – говорил он.

Хэл тронула мою руку, возвращая меня к реальности.

– Ну что, домой?

Было видно, ей стало неуютно здесь. И холодно. Кончик носа покраснел, лицо выглядело бледнее обычного. Каштановые завитки волос, придавленные капюшоном, распрямились, жемчужно-серые глаза под цвет осеннего неба задумчивые и тревожные.

– Идем. Нас ждет работа.

Хэл прекрасно знала, о какой работе речь. Задание Тайгера. Вмешательство давнего врага Феликса, а теперь и моего, сбило все планы.

Едва мы вырвались из плена Альбиноса, зазвонил коммуникатор Хэл. Имя абонента – лекарь дэймосов. В первый миг нам обоим показалось, что мы еще не вышли из сна. Или сам кошмар выполз следом за нами в реальность.

Я ответил на звонок. Провел по сенсорной панели, принимая вызов, поднес плоский, прохладный корпус к уху. На той стороне безмолвствовала тишина. Бездонная, бесконечно длящаяся, затягивающая. Она оборвалась короткими, захлебывающимися гудками.

– Что? – тут же спросила Хэл, наблюдающая за мной.

– Ничего. Проверка связи.

Тайгер прав: никогда нельзя быть уверенным в смерти дэймоса. Появление Альбиноса – великолепное подтверждение этому.

Я был убежден, какое-то время звонков больше не будет. Ученица еще полчаса настороженно посматривала на коммуникатор, затем носила с собой по дому. Но, как я и предполагал, нас пока оставили в покое...

Хэл взяла меня под руку, деликатно подталкивая к выходу с кладбища на тот случай, если вдруг я решил задержаться здесь еще.

Я свернул на едва заметную тропинку, тянущуюся между древних памятников, и зашагал быстрее. Пара минут, и мы уже спускались с холма, где среди деревьев и высокой травы скрывались могильные плиты. У его подножия изгибалась дорога, дома на другой стороне – старинные особняки с каменными фасадами – аутентично вписывались в серый осенний пейзаж.

– Слушай, Мэтт, – сказала Хэл, когда мы шли по улице, спускающейся

к реке. – Я пыталась узнать, кто все-таки был учителем Феликса.

– Ну?

– Я подумала, что если дом перешел к твоему наставнику по наследству, должны остаться документы о владении в архивах.

– И что?

– И ничего. Все бумаги сгорели.

– Ничуть не удивлен.

– У них есть данные только за последние двадцать лет. А там указано лишь твое имя, даже Феликс не упомянут.

Мы вышли к реке. Песчаный пляж был пустым и холодным. Моя лодка, вытащенная на песок, напоминала одинокого водного зверя, выбравшегося на берег. Мотор как вскинутый хвостовой плавник, бока – зеленые продольные пластины чешуи. Краска кое-где облупилась. Надо подновить.

– Еще я побродила по местному форуму. – Хэл перешагнула через невысокий борт и опустилась на узкую скамью, пока я вытаскивал из земли длинный штырь, служащий якорем-палом, и собирал гремющую цепь. – Пообщалась с народом. Говорят, во времена юности твоего учителя на этой стороне даже домов не было. Лишь полуразвалившийся остов мельницы на берегу.

– Да. Знаю. – Я столкнул лодку, на ходу запрыгнул в нее. – Феликс рассказывал.

И я мог себе легко представить. Пологий склон, поросший низким кустарником. Одиочные деревья. На поляне, за стройными лиственницами развалины, затянутые паутиной трав. Темно-красный кирпич ярко выделяется среди буйства крапивы. Давным-давно глину для него добывали в карьере неподалеку от того самого кладбища, где мы побывали сегодня.

Дом Феликса возведен на мощном фундаменте, оставшемся от древней мельницы. Идеальное место для жилища дэймоса.

Я поднял весло, сделал несколько гребков, направляя лодку на глубину, затем положил его на дно, завел мотор и сел на корму. «Зефир» заурчал на малых оборотах и послушно повез нас на другую сторону реки, где находилось наше убежище.

– Такое чувство, будто ты занимался этим всю жизнь, – с легкой улыбкой сказала Хэл, наблюдая за мной.

– Нет, только одну четвертую.

Темные леса по берегам напоминали длинную зазубренную корону. Далекие острые зубцы елей отливали темно-синим, редкая рябь сминала их

черные отражения.

Хэл наклонилась, опустила руку за борт и тут же отдернула, подышала на побелевшие пальцы. Вода была ледяной.

Я слегка повернул румпель, заставляя лодку огибать остров. Он всегда был здесь. Одиноким часовым посреди реки. Ветви густого ракитника торчали над полузатопленной полоской земли растрепанной щеткой.

На середине реки Хэл плотнее закуталась в куртку и сунула руки в рукава.

Я невольно вспомнил.

Феликс сидит там же, где сейчас я. Серая бандана низко надвинута на лоб, желтые глаза прищурены. Одна рука лежит на рифленном румпеле, другая на колене.

Я смотрю вперед. Скорость небольшая, но достаточная для того, чтобы холодный речной ветер раздувал волосы, а в лицо летели мелкие брызги. Нос лодки с силой пропахивал глубокую борозду в воде, разрезая ее на два белых пенных крыла.

Время от времени я оглядывался, и учитель усмехался довольно, видя мой детский восторг.

Далекое воспоминание сменилось недавним яростным образом. Гневное, оскаленное лицо, пальцы, сжимающие мое горло. «Зачем ты полез в сон?!!»

– Мэтт, – голос Хэл из настоящего, веселый, живой, теплый, вернул меня в реальность. – А что там? – Она махнула рукой, указывая вверх по реке.

– Несколько поселков. Высокие, песчаные обрывистые берега. Лес. Потом русло разделяется на два – старое и новое. Одно очень глубокое, с сильным течением, на втором много заводей, ивы склоняются над самой водой и нужно проплывать под ними, приподнимая ветви, как занавес, видно песчаное желтое дно... Очень красиво.

– Интересно, увижу ли я это когда-нибудь, – произнесла Хэл задумчиво.

– Увидишь. Если не в реальности, то в моем мире снов. Там есть очень похожий фрагмент.

Дома было прохладно. Старые генераторы едва справлялись с нагрузкой. Хэл натянула мой свитер, обернула ноги пледом, сидя на диване в гостиной, и грела ладони о чашку с чаем. Сейчас моя смелая, дерзкая гурия выглядела маленькой и ранимой. Каштановые растрепанные волосы сливались цветом с темными обоями, тело утопили под собой тяжелые

шерстяные складки, из широких рукавов выглядывали тонкие белые руки, сжимающие мою чашку. Бледное лицо как страница из альбома с черно-белым рисунком, приколотым на стену за ее спиной.

Казалось, она растворяется в этом доме, полностью принимая его правила игры, больше не сопротивляясь, не пытаясь его переделать.

А еще Хэл изо всех сил оттягивала момент выхода в сон, придумывая одну за другой причины побыть еще в реальности. Согреться, выпить горячего, посмотреть новости, обсудить наши действия в мире сновидений и вот теперь впала в глубокую задумчивость.

Я присел на край стола, взял сахар из вазочки, прицелился и бросил его, метя в чашку глубоко ушедшей в себя Хэл. Попал. Она вздрогнула, когда белый пиленый кусочек булькнул, погружаясь в чай, вскинула на меня удивленный взгляд.

– Не засыпай, – сказал я ей. – Еще не время.

Наваждение рассеялось. Ученица больше не выглядела заторможенной, бледной тенью себя самой. В светло-серых глазах блеснул азарт, она огляделась в поисках того, чем бы кинуть в ответ. Не нашла и рассмеялась.

– Ладно, поняла. Я в порядке.

– Мне показалось или ты пыталась избежать неизбежного?

– Нет, но... Я не боюсь... – Хэл постукивала ложкой о края чашки, вылавливая сахар. – То есть я ненавижу чувство страха. Когда я боюсь чего-то, иду и делаю это, чтобы изжить его. Всегда. Но сейчас... Феникс говорил, ты не должен выходить в мир снов.

Она вопросительно приподняла брови.

– Я не могу не делать этого. Я не могу пойти против своей сути. Это моя работа, мое призвание, моя жизнь. Также как и твои.

– А если нас опять попытаются убить, или захватить в плен, или еще что-нибудь...

– Нас всегда будут пытаться убить. Какая разница когда – сегодня или завтра.

Она помолчала, глядя в чашку, затем начала решительно выбираться из-под пледа.

– Ладно, идем, сделаем это.

Открывая нижний ящик шкафа, чтобы забрать трофей, найденный в сейфе, я слышал, как она бормочет, удаляясь: «И что будет на этот раз? Пустыня? Океан? Древние руины? А может, дикий лес?»

Небрежный сверток лежал на листе бумаги, где я зарисовал послание, которое передали через сон. Еще одна загадка.

Когда я вошел в спальню, Хэл уже лежала, вытянувшись на кровати, и смотрела в потолок.

– Если это опять будет Баннгок... – произнесла ученица с вполне понятным ожесточением.

– Было бы неплохо, – отозвался я, укладываясь рядом с ней. – Я хотя бы ориентируюсь в этом городе.

Она усмехнулась невесело, удобнее устраиваясь на покрывале.

Я разорвал серую от времени бумагу, и мне на ладонь лег обрывок человеческой плоти. Мужское ухо, отрезанное давным-давно, было похоже на иссохший комок пергамента.

Я сомкнул пальцы вокруг трофея и откинулся на подушку. Хэл прижалась ко мне, потянула плед, укрывая нас обоих.

Волшебное слово «вокруг» почти одновременно погрузило нас в темноту.

Длинный переход. Падение. Медленное, долгое. Затем краткий миг беспамятства, без чувств, желаний, мыслей. И наконец полное осознание себя. Ошеломительное и оглушающее.

Я лежал на чем-то твердом, холодном... гладком. В один бок упиралась такая же жесткая преграда. К другому прижималось горячее, упругое тело в плотном коконе одежды. Хэл... Ее дыхание звучало тяжело и громко. Рука закинута мне на плечо, колено на бедре.

Я открыл глаза и ничего не увидел. Чернота окружала меня со всех сторон. Плотная, вязкая, без единого проблеска. Я вглядывался в нее, напрягая зрение, но не мог уловить ни далекого холодного сияния звезд, ни теплого подрагивания огоньков человеческого жилья, ни бликов на стекле. Ничего. Меня окружало черное безмолвие.

Хэл пошевелилась. К привычному запаху свежести ее духов примешивалось еще что-то знакомое, тревожащее, тягостное.

– Где мы? – произнесла она слегка невнятно. – Так темно...

Я протянул руку, и ладонь уперлась в прочную преграду над головой. Грубое, плохо обработанное дерево. Мир сузился. Сомкнулся вокруг меня. Острый, холодный, едкий запах, который ни с чем не спутаешь. Тьма, пропитанная им, легла на грудь многотонной глыбой.

«Дыши, – приказал я себе. – Просто дыши».

– Мэтт, – прозвучал над ухом голос Хэл. – Ты меня слышишь?

«Помнишь, ты хотела знать, чего я боюсь?»

Она завопилась рядом, шелестя одеждой, попыталась приподняться. Последовал гулкий удар и недовольный возглас.

– Так тесно...

«Вот этого. Узкое, тесное, замкнутое пространство. Быть похороненным заживо».

– Коробка... Нет, ящик. Закрыто. Но если постараться...

Она повернулась, прижалась ко мне спиной, я почувствовал, как напряглись все ее мышцы – видимо, уперлась обеими руками, надавила.

– Бесплезно. – Мой голос прозвучал глухо и сдавленно.

– Что? – Хэл перевела дыхание, сбившееся после физического усилия. – Почему?

– Ищи меня шестью футами ниже, – прошептал я очень тихо, и, конечно, ученица услышала.

– О чем ты?

– Мы в гробу, Хэл. А над нами шесть футов земли.

Она замерла, застыла, окаменела. Даже перестала дышать. Я ожидал крика, ужаса, смятения. И был готов сжать изо всех сил это тело, когда оно начнет биться о доски в слепой панике, но моя гурия резко выдохнула и произнесла сквозь зубы:

– Почему мы здесь?.. Океан, пустыня, развалины древних храмов... – Она усмехнулась. Или всхлипнула. – Почему нас похоронили?

– Не знаю.

– Может быть, он мертв? Тот, в чей сон мы попали. – Частое дыхание срывалось с ее губ вместе с торопливыми словами, обжигая мою кожу.

– Нет.

Она молчала мгновение, собираясь с силами, затем произнесла решительно:

– Ладно. Не бывает снов без выхода. Нужен свет.

Мне в бок уперся острый локоть. Лоб задела жесткие кружева, скользкая ткань по щеке, прядь волос зацепили грани пуговиц, и в темноте появился тонкий зеленоватый круг с рядом цифр по внешнему краю. Он осветил сосредоточенное лицо Хэл с закушенной губой, пышные волосы, уложенные в странную, сложную прическу, были совсем светлыми, словно присыпанными мукой, тугой воротник сжимал горло. Ее глаза казались черными из-за расширенных зрачков, кожа бледной, и только на скулах лихорадочно алели два пятна.

– Мэтт, но ты ведь вытащишь нас? Ты можешь нас вытащить?

Дышать становилось труднее. Тело покрывалось потом. Тугой обруч сжимал голову. Запах сырой земли забивал ноздри.

– Мы должны что-то сделать. Иначе задохнемся... Мэтт... Ты слышишь меня?!.. Аметист!

Звук моего истинного имени уколол, выводя из удушающей пустоты, а

вместе с ним я уловил еще что-то.

– Тише, Хэл.

Я мог ошибиться, но знал, что не ошибаюсь.

Спустя еще одну невыносимо долгую секунду в густой тишине прозвучал скрежет... шуршание... стук.

– Слышишь?

Она снова застыла, крепко стиснув мое запястье.

– Да. Слышу. Что это?

– Нас откапывают. Лежи тихо. И не шевелись, что бы ни происходило.

Хэл погасила свет. Вновь прильнула ко мне. Что-то жесткое в ее волосах царапало мне подбородок и отдавало пылью при каждом вдохе.

Звук сверху повторился. Теперь стало ясно различимо – две лопаты вгрызались в землю, скребли по камням, ссыпали песок.

Ожидание становилось терпимым, когда появился смысл ждать. Сердце Хэл, прижимающейся ко мне, стучало часто и тревожно.

Наконец железо ударилось о дерево, послышались резкие мужские голоса. Невнятная перебранка.

Я сжал плечо Хэл, и ее вновь напрягшееся было тело расслабилось.

Заскрежетали гвозди, с трудом выходящие из пазов. Повеяло упоительным ночным воздухом, в котором смешивался запах жирной, разрытой земли, перегара и далекой зеленой листвы. В лицо ударил свет.

– Гляди, двое, – прозвучало над нами хрипло, сменяясь надсадным кашлем.

– Ну, видно, зарезал обоих, – отозвался лениво второй гробокопатель. – И уложил вместе.

– У девки браслет. Золото. И камни. Дай фонарь.

Белый свет ударил мне в лицо. Минимальное, едва ощутимое воздействие, и рука выкопавшего нас дернулась. Послышалось ругательство, звон разбитого о камень стекла, потянуло горячим запахом разлитого масла.

– Дуй за запасным! – рявкнул второй голос. – Я здесь в темноте шариться не собираюсь.

– Да как ты потом это место найдешь?

– Тут и других полно. Ну, пошевеливайся!

Тяжелые шаги протопали по краю ямы, тонкой струйкой посыпалась земля, забарабанив по нашей одежде. И через несколько секунд все стихло.

– Вставай. – Я открыл глаза и подтолкнул Хэл.

Она проворно вскочила и тут же пошатнулась, хватаясь за меня. Тусклый свет узкого серпа луны облил ее с головы до ног. Мне хватило

одного беглого взгляда, чтобы понять – более нелепого одеяния я в жизни не видел. Многослойная черная юбка топорщилась кружевными оборками, туго стянутая талия, пышные рукава пузырятся на плечах, а от локтя до кисти плотно обхватывают руки, воротник широким ошейником подпирал подбородок. Но при этом в откровенном вырезе видна полуобнаженная грудь в ореоле мелких кружев – ослепительно-белая кожа в контрасте с темной тканью.

– На себя посмотри, – фыркнула Хэл в ответ на мой насмешливый взгляд, оперлась обеими руками о край ямы и, ловко подпрыгнув, уселась боком. Перед моими глазами мелькнули две стройные ноги в тонких кружевных чулках с тряпичными розами на резинках. Затем ученица выпрямилась во весь рост, оглядываясь.

Я следом за ней выбрался из могилы. Таинственный недоброжелатель не стал утруждаться и закапывать нас глубоко. Сейчас на открытом пространстве все недавние тягостные предчувствия рассеялись, страх ушел, уполз под землю и затаился там. Я снова чувствовал себя свободным.

Вокруг простиралось бесконечное поле, изрытое ямами. Кое-где мелькали тусклые огоньки, слышался приглушенный скрежет лопат. Черными монолитами возвышались памятники. Покосившиеся, относительно новые и совсем древние.

По небу медленно скользили длинные облака, словно невидимый атлант тянул на себя полосы грубой серой ткани, а те никак не заканчивались. Вдали виднелось здание, но разглядеть, что оно собой представляет, пока было невозможно.

– Где мы? – тихо спросила Хэл.

– Мир дэймоса. А это его кладбище.

Я стянул шейный платок, затянутый на горле шелковой удавкой, и бросил его в яму.

– Это были химеры? Те, кто выкопали нас? – Ученица наклонилась и оборвала нижний волан на юбке, затем без жалости избавилась от гротескных рукавов.

– Да. Конечно. – Я сбросил узкое пальто из черной шерстяной ткани, сковывающее движения, за ним пиджак, жилет.

– Когда они вернутся и не найдут нас, то что? – Хэл выдрала из волос тонкую вуаль, встрясла горсть шпилек.

– Решат, ошиблись местом. Или нас забрали другие. – Я расстегнул верхнюю пуговицу темной рубашки, снял запонки, закатал рукава и понял, что наконец могу нормально дышать.

– Другие?

Я указал на огни, плавающие в темноте.

– Они тоже выкапывают тела? – Моя гурия внимательно наблюдала за этими тусклыми светляками, но ни один из них пока не двигался в нашу сторону.

– Похоже на то. – Я подал ей руку и повел за собой, прочь от разрытой ямы.

В своем растерзанном одеянии, с взлохмаченными светлыми волосами Хэл напоминала растрепанную куклу, которую достали из пыльной коробки.

– Зачем?!

– У меня две версии. Первая. Дэймос, которому принадлежит это кладбище, решил исправить ошибки прошлого. Поэтому теперь могилы-метки стираются из его мира.

– У тебя тоже бродили калибаны, убирающие следы былых преступлений? – Она остановилась, крепко держась за мою руку, сняла неудобные туфли, отбросила в сторону и дальше пошла босиком.

– Нет. Летали куреты с лавровыми ветвями.

Ученица покосилась на меня, совершенно справедливо не поверив ни единому слову, но не стала комментировать. Прекрасная особенность, которая мне очень нравилась в ней, – не вытягивать ответы, когда собеседник действительно не хочет отвечать.

– Теперь тише и осторожнее.

Мы приблизились к ряду памятников, возле которых бродили химеры. Те были слишком заняты, чтобы обращать внимание на две тени, скользящие между каменных монолитов, но я предпочитал не рисковать. Приходилось двигаться крадучись, стараясь не попадать в полосы лунного света, укрываясь за надгробиями. Летел песок с лопат, поблескивали остро заточенные заступы, с глухим стуком падали обелиски, вывернутые из земли. Кто бы ни был таинственный дэймос, его кладбище подвергалось основательной уборке.

Совсем рядом, громко сопя и переругиваясь вполголоса, протопали два мужчины, несущие длинный продолговатый сверток.

Хэл содрогнулась невольно и прошептала, глядя в согнутые спины химер:

– Может, разгонишь их всех отсюда?

– Достаточно воздействий для этого сна. Не хочу, чтобы нас почуяли раньше времени.

– Думаешь, он скоро поймет, что мы здесь?

– Не знаю.

– Не удивлюсь, что нас занесло именно в такой мир сна только потому, что мы ходили на кладбище к Феликсу, – произнесла ученица тихо. – Игра подсознания.

– Ну да, – отозвался я глубокомысленно. – А на самом деле нас окружают дивные рощи и танцующие нимфы.

Моя гурия хмыкнула насмешливо и вновь промолчала.

Гробокопатели удалились на достаточное расстояние, и мы двинулись дальше. Ноги Хэл по щиколотку проваливались в мягкую землю, и очень скоро ее белые чулки стали черными.

Здесь стояли относительно новые памятники, и мне совсем не понравилось, как они выглядят. Это были фигуры людей, выточенные из камня. Гранитные, блестящие, как будто облитые маслом, все с одинаковой маской страдания на лице. Разинутые в безмолвном крике рты, выкаченные глаза, натянутые жилы на шеях.

– Вторая версия того, что здесь происходит? – тихий голос Хэл прозвучал немного смазанно. Ее тоже напрягали эти символы страдания и смерти.

– Помнишь разговор с Альбиносом?

– Да уж, не скоро забуду.

– Могилы из мира учителя могут переходить к ученику или наоборот. Похоже, здесь происходит именно это. Он или она переносит кладбище... Перекидывает свои метки другому сновидящему.

– Замечает следы, – предположила Хэл.

– Вполне возможно.

Мы замолчали, пропуская еще одного гробокопателя. Тот брел между надгробиями, бормоча что-то под нос, через каждый шаг плевал себе под ноги и сморкался.

Впереди, за памятниками, сбившимися в кучу, показалось громоздкое здание. В темноте оно выглядело сплюснутым и растянутым одновременно. Как будто кто-то распылил узкие окна вместе с наличниками и стеклами, заточил до бритвенной остроты башни на крыше и раскатал в тонкий каменный пласт два боковых крыла.

К длинному крыльцу вела дорога. Когда-то широкая и нарядная, теперь она тонула в грязи, по обочинам обломанными черными зубами торчали разбитые пьедесталы статуй. Давно иссохшие кусты и деревья с измочаленными сучьями, кривясь, пытались выволочь из земли такие же мертвые корни.

Хэл продолжала в молчании следовать за мной, но по ее дыханию, неровному и шумному, я понимал – ученицу тревожит и в то же время

озадачивает это место.

Неспокойное кладбище осталось позади, теперь мы шли открыто, с каждым шагом приближаясь к странной вилле. А может быть, та сама двигалась нам навстречу, покачиваясь от нетерпения, готовая быстрее проглотить двух путников широко разинутой глоткой двери и перемолоть острейшими зубами битых стекол, торчащих из оконных проемов.

Один шаг – и здание заслоняет собой треть неба, второй – крыша нависает над головой, третий – под ноги бросается первая ступенька лестницы. Повеяло гнилью, сыростью камня, изъеденного лишайником, и трухлявым деревом. Дом выдохнул, прежде чем втянуть в себя наш запах.

– Может, нам не стоит так победно вышагивать здесь? – тихо спросила Хэл, глядя исподлобья на затаившееся здание. – Обошли бы по краю... и... нам обязательно надо заходить?

Я отрицательно покачал головой на первый вопрос, кивнул на второй и начал подниматься по лестнице.

– А если он сейчас там? Сидит и ждет нас? Что будешь делать?

– Поздоровуюсь.

Хэл неопределенно хмыкнула, то ли осуждая мою легкомысленную неосторожность, то ли, напротив, одобряя готовность к решительным действиям.

За монументальной дверью широко распахивался огромный, холодный, мрачный холл. Луна неплохо освещала его. Бросив взгляд наверх, я увидел круглую дыру в далеком потолке, сквозь нее просачивались внутрь рассеянные холодные лучи и падали редкие сухие листья, или дохлые ночные бабочки – издали не разобрать. Эти бледные ошметки устилали колоссальную лестницу, напоминающую величественную реку. Она брала начало с галереи, опоясывающей холл на уровне второго этажа, там два темных потока ступеней изгибались, чтобы слиться в единый каменный водопад перед нами.

Под ногами скрежетали и прогибались доски гниющего пола, под ними хлюпала вода, выплескиваясь сквозь дыры и трещины грязными фонтанчиками. Ступая по ним, Хэл пожалела, похоже, что поспешила избавиться от обуви.

Облупленная штукатурка покрылась плесенью и трещинами, мебель сгнила, напоминая о себе кучами трухлявых досок, истлевших обрывков ткани и черных обломков серебра.

На стенах висели портреты в тяжелых, громоздких рамах. Вернее, портрет. Одного человека. Черноволосый юноша с тонкими чертами. Одет он был точно так же, как я совсем недавно, вычурно и неудобно. Бледный,

хрупкий, с изломанной линией бровей и узкими губами. Было в нем нечто отталкивающее, несмотря на внешнюю привлекательность. Чахлое, искаженное, гротескное, как и весь этот больной мир. То же самое неприятное ощущение пронизывало одежду и украшения, от которых мы с Хэл поспешили избавиться.

На первом портрете молодой человек позировал у столика, заставленного скрученными стеклянными сосудами, в другом любовался розами, в третьем сочинял стихи, четвертом – играл с собакой, на пятом читал книгу...

Мы проходили мимо, и казалось, темные блестящие глаза с десятков полотен внимательно следят за нами.

– Единственное уцелевшее здесь – картины. – Хэл рассматривала изображения, переходя от одного к другому, и, судя по скептическому выражению ее лица, увиденное не слишком вдохновляло мою ученицу.

– Это не картины, – отозвался я.

– Что же тогда?

– Зеркала.

Она стремительно оглянулась, ожидая увидеть прямо у себя за спиной столик на фоне портьеры или фрагмент цветущего сада, но там были прежняя рухлядь и запустение. В недоумении Хэл повернулась ко мне, и тогда я произнес громко:

– Может, пришло наконец время поздороваться с гостями?

– Гости вряд ли нуждаются в моем приветствии, – прозвучал в ответ мягкий, тягучий голос с едва заметным утомленным придыханием.

Хэл уставилась на ближайшее зеркало, откуда прямо на меня смотрел черноволосый юноша с книгой в руках. Не застывший портрет, а вполне живой человек. Он криво улыбался, и его нервные пальцы мяти обложку тонкой книги.

– Так это он?! – спросила моя гурия изумленно. – Дэймос, которого мы ищем?

– Приятно, когда о тебе вспоминают. Пусть даже поздно. – Он рассматривал меня не отрываясь, жадно и в то же время трусливо, пытаясь скрыть страх за высокомерием. – Я тебя не знаю. Ты ученик старого Нестора?

Хэл рядом со мной затаила дыхание, тут же ухватившись за первую ниточку полученной информации.

– Имеет значение, кто мой учитель? – осведомился я небрежно.

– У тебя моя вещь. Часть моего тела, если быть абсолютно точным. – Его пальцы продолжали терзать книгу, надрывая страницы, но он этого

даже не замечал. – Справедливо, если я задам несколько вопросов, не находишь?

– Задавай. Отвечать или нет – мое право.

– Разумно, – процедил дэймос неохотно. – Как я могу к тебе обращаться?

– Мэтт.

– И...?

– И все. Просто Мэтт.

– Скажи мне, Мэтт, ты пришел, чтобы... Зачем ты пришел? – В его голосе звучали жгучая надежда и все тот же страх. Он боялся услышать мой ответ и одновременно страстно желал узнать правду.

Я молчал. Со стороны могло показаться, будто я наслаждаюсь своим положением, намеренно затягивая объяснение.

– Что происходит на твоём кладбище? – вмешалась Хэл, которой надоела роль безмолвной куклы.

Он не удостоил ее даже взглядом, нацелив все свое внимание целиком на меня.

– Зачем химеры выкапывают трупы? – продолжила она невозмутимо, но я видел – ее задает надменное равнодушие пленника. – Планируешь бегство? Или решил исправить ошибки прошлого?

Дэймос дернулся, словно его ужалили, разодрал книгу пополам, отшвырнул прочь, а его голос завибрировал, наполняясь неожиданной силой.

– Я умираю! – кричал он, захлебываясь. – Глупая девка!! Не видишь, что я умираю?! Я размазан по этому гнилому дому, а зеркала бьются!! Когда разбивается следующее, я знаю – прошел еще год. И вместе с ними откололась часть меня – моего разума, жизни, памяти! И у тебя хватает наглости говорить о бегстве?!

Он запнулся, тяжело дыша. В зале повисла звенящая тишина.

– Полегчало? – холодно осведомилась Хэл, отстраненно наблюдая за беспомощной злостью пленника.

Дэймос рывкнул в ответ что-то нечленораздельно-грубое, запустил пальцы в черные волосы, растрепав гладкую, прилизанную прическу с косым пробором. Глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и спросил:

– Ты пришел для того, чтобы вытащить меня, Мэтт?

Прежний наигранно-утомленный тон плохо давался ему.

– Где находится твое физическое тело?

– Александрия, – произнес он с заносчивой небрежностью. – Трехэтажный особняк на берегу Нейлоса. В данный момент сижу в

дорогом инвалидном кресле на мраморном балконе. Дряхлая, трясущаяся, полубезумная развалина с гниющим мозгом, в шелковых одеждах, с лысой головой, покрытой коричневыми старческими пятнами, вялым, перекошенным ртом, из которого постоянно течет слюна, высохшими скрюченными ступнями в роскошных, мягких туфлях. Воняющий разложением, мочой и смертью.

Хэл отвернулась, сделав вид, что ее заинтересовал полет мотыльков, устало шелестящих хрупкими крылышками. Острое, неуместное сострадание к дэймосу – вот что она чувствовала сейчас.

– Освободиться не пробовал? – спросил я.

– Я занимался этим много лет, – ответил он с надменной холодностью. – Но Нестор очень сильный танатос. Этот дом был от крыши до потолка в зеркалах, где отражалась вся моя жизнь. Но даже в те времена я не мог вырваться.

– Я могу помочь тебе, – сказал я, глядя на пленника.

– Как?! – Он рассмеялся, тихо и сдавленно, почти не разжимая губ.

– Разобью зеркала. Все. Сразу. Оборву затянувшуюся пытку.

Хэл повернулась ко мне, я почувствовал на себе ее горящий, недоумевающий взгляд. Она твердо запомнила урок – мастера снов не убивают людей. Никогда. Ни при каких условиях. Единственная наша задача в подобной ситуации – разведать обстановку: поставить диагноз. А затем дожидаться специалистов. Но опасения ученицы были напрасны. Реакция от пленника последовала вполне предсказуемая.

Дэймос поднес ко рту дрожащую руку, прикусил ноготь на большом пальце и уставился на меня с ненавистью и ужасом.

– Нет! Не смей! Ты не можешь!! Я хочу жить!

– Разве это жизнь, то, о чем ты рассказывал. Мучительное, унижительное угасание.

– Пусть! Хоть так. Лучше, чем совсем ничего. Не убивай, умоляю!

Кем бы ни был загадочный Нестор, он создал для своего врага идеальную тюрьму. Освободиться тот не может, а разбить зеркала никогда не решится, потому что боится смерти. Он был готов цепляться за свое полумертвое тело в реальности, лишь бы выцарапать себе еще пару лет существования, относительно напоминающего жизнь.

– Что ты хочешь взамен? – похоже, еще немного, и дэймос упадет передо мной на колени.

Хэл передернуло от отвращения. Никогда раньше она не видела человека, который ставит себя в столь унижительное положение.

– Ответ на мои вопросы.

– Спрашивай, – сказал он с торопливой готовностью.

– Кто ты?

– Я? – Дэймос дернул плечом, приподнял брови, словно не понимая, как я могу не знать, и произнес невозмутимо: – Логос.

Контраст с прежним перепуганным, жалким пленником был разительным. Казалось, передо мной стоит совсем другой человек. Властный, заносчивый, с презрением относящийся к простым сновидящим, оказавшимся в поле его зрения.

«Логос», – повторил я про себя. Это имя в древней философии обозначало неизменную, неумолимую закономерность бытия. Человек, запертый в квадрате резной рамы, считал себя олицетворением закона нашего мира.

– Логос, – произнесла Хэл задумчиво, ее одолевали те же мысли, что и меня. – Это значит «слово», «мысль»?

– Для примитивного сознания. – Дэймос улыбнулся мне тонко и многозначительно. – Я тот, кто дает названия вещам и вызывает их тем самым из небытия.

Моя гурия переступила по мокрым доскам, забыв о грязной ледяной воде, заливающей ее ступни в изодранных чулках, подалась вперед, ближе к фанатично сверкающему глазами пленнику, чтобы не пропустить ничего из сказанного им.

– Я смысл всех вещей. Я провидение. Я высший Промысел. Я – Бог.

– Кто, прости? – переспросила Хэл, ошеломленная таким поворотом.

– Бог, – повторил тот сдержанно. – Один из немногих, кто управляет миром. Избранный. Но мне, к сожалению, не повезло. На моем месте мог оказаться другой. И тогда я насылал бы болезни на тех, кто не желает смириться и признать истинность веры в нас, и лечил того, кто готов склониться...

– Слушай, какой-то бред, – шепнула мне в ухо Хэл, приподнявшись на цыпочки. – Видно, он свихнулся здесь в одиночестве.

– Нет, во всем этом есть смысл. – Я внимательно слушал дэймоса, ловя каждое слово. Любое из них могло стать ответом на вопросы, которые не давали мне покоя уже давно.

– В реальности меня зовут Лонгин Сотер. Мои предки из великого рода Птолемея, диадоха^[1] Александра Великого, завоевателя Египтоса. Я – дэймос, как ты уже понял. Ламнос – вызывающий болезнь. Меня пленил и заковал танатос по имени Нестор. Давно. Очень... – Он прервал горделивую речь и добавил уже совсем другим тоном: – Это все, что я помню.

– Где вы с ним встретились? С Нестором.

Логос скривился, словно от сильной боли, его губы задрожали, он крепко прикусил нижнюю, вдохнул и выдохнул несколько раз, и выговорил наконец:

– Ты пришел слишком поздно. Моя память изъедена червями. Я знаю только себя.

– Заметно, – едва слышно сказала Хэл. – Только себя ты и помнишь.

– Тот, кто пленил тебя, хранил твое отрезанное ухо.

Он непроизвольно потянул руку к голове, но тут же опустил ее, обхватил себя за локти.

– Трофеей победителя.

– Как это произошло?

Логос дернул шеей, черные волосы упали на лицо, скрывая глаза. Тусклые огоньки засветились сквозь разлохмаченные пряди.

– Ты был в Полисе?

Моя надежда на то, что название этого города всколыхнет его память, не оправдалась. Дэймос молчал.

– Ты приезжал в Полис из Александрии?.. Встречался там с кем-нибудь?

Он резким, деревянным движением вскинул ладонь, провел по лицу, открывая его. На лбу вздулись вены от напряжения. Логос честно пытался вспомнить. Я видел – он действительно старался. Изо всех сил, но безрезультатно.

– Тебе говорит о чем-нибудь имя Альбинос?.. Анахарсис?

Я уже понимал, что все это бесполезно, но не оставлял попыток расшевелить дэймоса.

– Ты знаешь танатоса по имени Стикс? Быть может, ламию Спиро?

Логос не отвечал, его взгляд был устремлен куда-то вперед и вниз. Я присмотрелся и понял, что заворачивает пленника. По стеклу медленно ползла трещина....Едва заметная, не толще волоса.

Хэл хотела что-то сказать, видно, ей на ум пришло еще несколько вопросов, но я схватил ее за руку, дернул в сторону, и сейчас же тюрьма дэймоса лопнула. Лавина грязных осколков, перемешанных с обломками деревянной рамы, хлынула на прогнивший пол, расплескалась грязью, стекла под доски, хлюпая и чавкая там.

Из соседнего зеркала послышался оглушительный вопль. Логос, задышавшись, бился в новом осколке пространства, и стебли роз с хрустом ломались под его ногами.

– Я не знаю! – кричал он. – Я ничего не знаю! Не спрашивай! Я не

могу вспоминать!

Боль и отчаяние исказили его лицо до неузнаваемости. Еще один фрагмент личности дэймоса был уничтожен, наши вопросы стали катализатором этой неизбежной реакции, или прошел очередной год отпущенного пленнику времени, уже не понять... Но медлить и надеяться на разумную беседу дальше не имело смысла.

Хэл отступила еще на шаг. И тут по всем портретам сразу потекли темно-бордовые потоки. Они смыли изображение собаки, опрокинули столик, обрывки бумажных листов плыли по ним ослепительно-белыми клочками, потянув за собой ткань, украшавшую задний фон одной из «картин».

– Что происходит?! – воскликнула Хэл, хватая меня за руку.

– Обширное кровоизлияние в мозг.

Липкие струи заливали лицо Логоса. Крича от ужаса, он пытался стереть их обеими руками, слепо метался из стороны в сторону, натываясь на невидимые стены.

Шансов не было. Но я все равно приблизился и осторожно коснулся стекла, направляя в точку, к которой прижимался мой палец, максимум силы. Зеркало было горячим и пульсирующим. По моей руке побежала кровь, обжигающая словно кипяток. Она лилась на пол, уходя под доски пола, и гулко хлопотала там.

Зеркало стало проясняться, появилось бледное лицо Логоса. Бурные потеки исполосовали его кожу, пропитали одежду, в белых от ужаса глазах мелькнула безумная надежда.

– Целитель! – взвыл он и потянул ко мне трясущиеся руки. – Ты целитель! Вылечи! Спаси!

– Стой на месте! – рявкнул я, но дэймос не слушал.

Он схватил меня, прикосновение ледяных пальцев обожгло не хуже кипящей воды.

– Назад!

– Вытащи меня!!

– Осторожно! – воскликнула Хэл и очень вовремя присела, прикрывая голову обеими руками.

Стекла лопнули. Все оставшиеся зеркала почернели и осыпались на пол мелкой пылью.

В лицо мне полетели шматки разодранных книг, раздавленные плети роз, зазубренные стрелы осколков. Свет в зале начал меркнуть. Надвинулась тьма. Не та, предполагающая глубину ночи или лабиринт узнаваемых предметов в замкнутом пространстве комнаты, а

беспросветная, черная глушь. Сознание человека гасло, мозг умирал.

– Все. Уходим! – Я схватил Хэл за предплечье и потащил за собой.

Дом начал трещать по швам, оплывать, словно мокрая глина. Беззвучно развалилась лестница, осели стены, провалилась крыша. В этом разрушении не было величественного пафоса смены декораций одного сновидения на другое. Мир, окружающий нас, исчезал безудержно и безвозвратно.

– Он умер? – спросила ученица.

– Да. У нас осталось несколько минут.

Мы выскочили на крыльцо.

Памятники рассыпались, химеры – порождение рассудка сновидящего – исчезли. Земля выплескивала на поверхность обломки давних преступлений дэймоса. Они напоминали призрачные тени, блуждающие в сумрачном мире Аида. Последние искры гаснущего разума.

Я старался запомнить образы, как можно больше. Молодая женщина с мелкими, бесцветными чертами держит за руку мальчика лет десяти. Он отдаленно похож на нее, но более яркий и выразительный. Пожилой мужчина с извилистым шрамом на щеке, юная девушка, почти девочка, с нездоровым румянцем и бледным, тонким профилем...

– Скорее, Мэтт! – теперь Хэл торопила меня.

Она бежала мимо призраков. Выбеленные волосы растрепанной кометой летели следом, оборванный подол черного платья шелестел и опутывал ноги, ступни проваливались в рыхлую землю. Но моя гурия не замечала ничего этого, спасаясь от тьмы меркнувшего сознания.

Я едва успевал цеплять взглядом – девочка на качелях, два подростка, сидящие рядом на траве. Женщина средних лет с измученным лицом и худым, костлявым телом, завернутая в темную одежду с головы до пят. Девушка в черном струящемся одеянии... все эти люди могли быть рядовыми жертвами, но, вполне возможно, кто-то из них имел важное значение. И лучше я буду помнить...

Призраки рассеялись, мгла повисла над нами каменной плитой, готовой обрушиться в любой миг и придавить обломками.

– Мэтт, куда дальше?!

Яма, из которой мы выбрались недавно, была на прежнем месте, не засыпана, не исчезла вместе с фрагментом сна. Черный, гостеприимно распахнутый провал в земле. Хэл затормозила на самом краю, взмахнула руками, удерживая равновесие, но я крикнул:

– Вниз!

И она без вопросов и сомнений прыгнула. Слетела в темноту, только

мелькнули светлые волосы и белое пятно сосредоточенного лица. Прежде чем шагнуть следом за ней, я оглянулся и увидел последний силуэт на фоне мертвой безмолвной пустыни...

Глава 2

Арахна

Опыт – не пережитые ошибки прошлого, как думают многие. Это знания, которые помогут избежать ошибок.

Феликс постарался донести до меня эту мысль своими словами и действиями.

Не нужно ошибаться самому. Достаточно понаблюдать за другими. Сделать правильные выводы из их неправильных поступков.

Но сейчас я понимал, что готов сорваться с верного направления, чтобы начать разгребать последствия своих опрометчивых действий.

Мне надо в Александрию. Сегодня. Сейчас. Чем быстрее, тем лучше.

Картинка, выхваченная из недавнего сна, стояла перед глазами. Мутная ленивая река, ползущая сквозь заросли папируса. Мошки над водой, запах гнили и цветущих лотосов. Черная туша буйвола в антрацитовый грязи. Белые колонны дома, возвышающегося над Нейлосом. На балконе в кожаном кресле древнее божество из мира снов. Когда-то оно внушало ужас. Теперь мертво...

Я обосновался в гостиной и был занят отчетом для Тайгера. Подробным, четким, со всеми мелкими деталями, отступлениями и краткими зарисовками.

Хэл не сиделось на месте, она кружила вокруг меня и не могла удержаться от комментариев.

– Про химер указал?

– Угу.

– Полное имя Логоса не забудь. Может, у Тайгера есть какая-то информация. Я в Сети ничего не нашла. Ну, кроме общеизвестных фактов. Например, что Птолемей спас тяжело раненного Александра во время боя, за что получил прозвище Сотер^[2]. Отсюда и пошла их знаменитая фамилия.

– Да.

– И напиши про лекаря дэймосов. Это важно.

– Хэл, – не выдержал я наконец, поворачиваясь к ученице, – чрезвычайно высоко ценю твою помощь, но не могла бы ты заняться чем-нибудь другим? Отвлекаешь.

– Вообще-то ты забрал мой планшет, – заметила она, но больше не

вмешивалась.

Достала свой дневник и задумалась над собственным рассказом о недавнем погружении, запустив пальцы в растрепанные волосы.

После бегства из разрушенного, умирающего мира Логоса мы очнулись одновременно. Некоторое время лежали не двигаясь, не думая, не анализируя. Ждали, когда привычная реальность начнет вытеснять фантасмагории сновидения. Шерстяной, щекочущий запах пледа, упругий матрас, не мягкий, не жесткий, такой как надо, душноватый теплый воздух комнаты, уютная тяжесть Хэл, привалившейся к моему левому боку.

Ладонь сжимает обрывок сухой человеческой плоти.

А в другом городе, на другом континенте замер, скрючившись, мертвый сновидящий, возомнивший себя божеством.

Ученица отстранилась, растирая затекшую руку, и произнесла с легким разочарованием:

– Не думала, что у великого человека могут быть такие жалкие потомки.

– Дело не только в людях. – Я приподнялся и положил на комод трофей, в котором больше не было никакого смысла. – Сам город изменился, вместе с живущими в нем.

– Ты был в Александрии? – Тень прежней, жаркой любознательности мелькнула в приглашенной от усталости ученице.

– Был. – Я встал, распахнул форточку.

Ледяной воздух с улицы ворвался в душную комнату ударом копья, разгоняя сонную одурь и видения чуждого мира.

– Нестор. – Хэл уселась на кровати, подтянув к груди колени, и обхватила их руками. – Похоже, это учитель Феликса.

– Может быть, да, а может и нет. Пока у нас ни одного доказательства. Лишь домыслы.

Я с силой сжал виски, чувствуя, как в памяти, переполненной десятками образов из мира Логоса, один за другим мелькают «файлы», которые нужно осмыслить, когда начнет лучше работать голова.

Я не верю, что в увиденном мной сегодня нет совсем ничего ценного.

Поэтому старательно записывал каждую мелочь, вспыхивающую в сознании. Все образы до мельчайших деталей.

Про Феникса мы больше не говорили, но его произнесенное имя продолжало звучать где-то на границе рассудка, и я знал – рано или поздно мы вернемся к нему.

Уже второй час Хэл старательно систематизировала свои впечатления, сидя напротив меня за столом, – и ее юное лицо становилось строгим и

отрешенным.

Когда нашу работу прервал громкий настойчивый стук, ученица огляделась с недоумением.

– Это мой телефон, – сказал я, не отрываясь от файла. – Сообщение.

– Может, поменяешь сигнал на входящие? – осведомилась Хэл, выбираясь, чтобы встать. – А то такое чувство, будто дэймосы уже в стену долбят.

Она принесла коммуникатор и положила передо мной. Я взглянул на экран. Там высвечивалась одна-единственная строчка. «Приезжай. Срочно. Виктор».

Я захлопнул крышку на чехле планшета.

– Хэл, вызывай такси. Мы едем в Полис.

Не задавая лишних вопросов, она схватила телефон, мгновенно отправила запрос, сообщила мне:

– Машина через две минуты.

И бросилась одеваться.

Мы выехали спустя пять минут.

Хэл устроилась на переднем кресле, рядом со мной, посмотрела на адрес, который я забивал в навигатор, и вопрос о пункте назначения отпал у нее сам собой, однако возник другой:

– Как думаешь, что случилось?

У меня были кое-какие предположения, но я не стал их озвучивать.

– Узнаем на месте.

Она кивнула, открыла планшет, несколько мгновений смотрела на экран, потом шумно выдохнула и спросила с досадой:

– Мэтт, ты что, спартанец?!

Это явно не было комплиментом моей мужественности. Спартанцев, как известно, воспитывали воинами – но при этом они были лишены таких навыков цивилизованности, как умение писать или читать, их обучали только воинскому мастерству, искусству стратегии и, конечно, развитию физических навыков: мощных мышц, грубой силы. Поэтому в нашем обществе спартанцем обычно называли плохо образованного человека.

– Сбил все настройки. Как тебе это удается?!

Она потратила довольно много времени, устраняя причиненный мной ущерб, но письмо Тайгеру все же было отправлено еще до того, как мы нырнули в тоннель Гиперпетли.

В центральном Полисе по-прежнему было тепло. Оглушающая жара летних месяцев и начала осени схлынула, оставив свежесть. Прозрачные

тени от ветвей платанов лежали на мостовых.

Мне захотелось спуститься на древнюю набережную Тибра и не спеша пройти по ней, вдыхая аромат быстрой воды, послушать шум перекатов, посидеть на нагретых солнцем каменных плитах, любуясь цаплями, охотящимися на мелкую рыбешку. Можно медитировать часами, путешествуя во времени не сходя с места. Весь Полис от древности до настоящих дней тут можно охватить одним взглядом. Река – самая первая, была здесь с начала времен, по ее берегам скитались еще племена этрусков. Набережная, широкая, укрепленная, в гранитном парапете тяжелые бронзовые кольца – швартовать лодки.

Мост Элия, построенный в сто тридцатых годах, за ним белые храмы. Особенно впечатляет мавзолей Адриана, с бронзовой фигурой императора в образе солнечного бога Аполлона.

Над ним возвышались постройки пятисотых – чуть грубоватые, мощные, напоминающие крепости, стилизованные под античность, с теплым оттенком штукатурки на стенах. Мои любимые цвета – терракота, сливочно-желтый, приглушенно оранжевый.

А выше – сияющие вершины современных зданий, в дымке подвесных садов и тонком кружеве портиков, вознесенных на необозримую высоту...

– Хорошо бы пройти, – сказал я негромко сам себе, глядя в окно на проносящиеся мимо платаны, растущие вдоль реки.

– Что? – Хэл подняла голову, отрываясь от новостей, которые пролистывала на планшете.

– Хочу прогуляться здесь.

– У нас же нет времени.

– Потом, когда-нибудь. Когда это время появится... если вообще появится.

Машина обогнула исторический центр, свернула на переплетение улиц, и спустя несколько минут мы оказались возле дома.

Дверь в квартиру Виктора была приоткрыта. За ней слышался приглушенный гул голосов. Я тихо вошел первым. В нос ударила странная смесь запахов. Дезинфекция, мокрая глина, озон, плесень, и еще что-то...

За углом длинного коридора сверкали белые вспышки и слышались сухие, частые щелчки фотоаппарата. Ни с чем не перепутаю этот звук.

Я направился прямо туда, Хэл не отставала, но не успели мы сделать и нескольких шагов, как мне навстречу вышел высокий мужчина с растрепанными светлыми волосами и хмурым, сосредоточенным лицом. Увидел меня, и в его серых холодных глазах мелькнуло узнавание.

– А ты как сюда попал?

– Виктор прислал сообщение.

Он хотел спросить меня еще о чем-то, вернее, готов был вцепиться и не выпускать до тех пор, пока не получит ответы на все стихийно возникшие сомнения. Но его окликнули:

– Неарк, подойди. Ты здесь нужен.

– Не уходи, – велел мне эринер. – У меня есть к тебе пара вопросов.

И удалился на зов.

– Удивительно, – тихо произнесла Хэл, – он очень похож на Герарда.

– Ничего удивительного, – отозвался я, – это его внук.

Ученица изумленно застыла, сопоставляя образ эринера и сновидящего. Я же снова направился вперед, но опять не смог добраться до цели, столкнувшись со вторым представителем защитников правопорядка.

Марк выглядел точно так же, как и в последнем сне. Широкоплечий гигант, не уступающий комплекцией оракулам, с мрачной, слегка опухшей физиономией. Даже контур римского орла, выбритый на затылке, остался неизменным.

– Ты-то мне и нужен, – заявил охотник, цапнул меня за плечо, взглянул на удивленную Хэл и слегка улыбнулся ей. – А ты посиди пока вон там.

Кивнул на кушетку в прихожей и потянул меня за собой.

В небольшой комнате, скорее напоминающей склад старых неудавшихся скульптур, разместился стол на круглой ноге, с треснувшей деревянной столешницей, и единственный стул. Гипсовые изваяния богинь, героев и мифических чудовищ сдвинули в угол, часть завесили тканью. Пахло пылью и каким-то химическим средством.

Я сел. Марк остался стоять, прислонившись к стене.

– Я говорил с Тайгером, – произнес он, закончив прожигать меня тяжелым, мрачным взглядом. – Он мне рассказал о трех могилах в одном переделанном мире. Из-за которых начался весь этот переполох.

– Вообще-то их было четыре, – заметил я.

Значит, Тайгер счел возможным поделиться со своим ближайшим учеником информацией о некоем перекованном дэймосе.

Марк правильно понял смысл моего молчания.

– Я сам догадался, кто ты такой. Сомнения возникли после того, как я поработал с тобой в первый раз. И укрепились после второго. Тайгер всего лишь ответил на мои вопросы.

– Ни у кого больше подобных подозрений не возникало.

– Ни у кого нет такого опыта работы с дэймосами, как у меня. Кроме учителя, естественно. Как ты оказался здесь?

– Виктор попросил приехать. Марк, что случилось и почему тут

эринеры?

Он помолчал, потом оттолкнулся от стены и кивком велел следовать за собой.

Кушетка оказалась пуста, можно было не рассчитывать, что Хэл станет примерно сидеть, дожидаясь, когда ей позволят встать. Ученица растворилась где-то в глубине квартиры.

Прежде просторное жилище архитектора как будто стало меньше. Продвигаясь следом за Марком, я постоянно натыкался на посторонних людей. Двое в форме эринеров, смутно знакомый парень со значком сновидящего...

В комнате Кору на кресле полулежала незнакомая мне девушка. Вокруг нее хлопотали два медика. Не целители.

Ее шея была густо залита биоклеем, к запястью тянулись трубки капельницы. На бледном до синевы лице сверкали серо-зеленые глаза.

– Это София, – сказал мне Марк, – одна из моих оптимизаторов.

– Что произошло? – спросил я тихо, но сновидящая услышала.

– Ударил в шею спицами. – Ее голос звучал сдавленно и сипло. – Если бы я не почувствовала движение за спиной и не повернулась, она бы проткнула меня насквозь.

– София работала с ламией, – пояснил Марк, – и до сегодняшнего дня все было прекрасно.

– Где Кора? – обернулся я к охотнику.

Он кивнул в сторону узкого коридорчика, где только что прекратили мерцать вспышки. Оттуда вышел мужчина с камерой, висящей на шее. Он был сосредоточен и деловит. Движения скупы и энергичны.

– Я закончил. Она ваша.

Он посторонился, пропуская меня.

Это снова была ванная комната. С крюка люстры спускалась грубая серая корабельная веревка. На ней, с тугим узлом над левым ухом висела Кора. Багровое от прилившей крови лицо едва узнаваемо, выпученные мутные глаза глядят прямо на меня, черный язык вывалился изо рта.

Старая Арахна в своей последней паутине. Древний миф в новой интерпретации. Проиграв Афине^[3], она убежала и повесилась со стыда. Но сначала ударила богиню мудрости своими спицами.

– Снимайте, – прозвучал рядом голос Неарка. – Мы заберем ее, если сновидящие не против.

– Возражений нет, – корректно откликнулся Марк.

«Мы не работаем с мертвыми телами и вещами, снятыми с мертвых тел», – мог бы сказать он, так же как и любой из нас. Но для эринеров труп

ламии мог прояснить некоторые важные вещи.

– Ну, и какие мысли у мастеров сна? – спросил Неарк, отворачиваясь от мертвой ламии, пока его коллеги вынимали ее из петли.

– Самоубийство, – ответил охотник сдержанно. – На первый взгляд. К чему пришли эринеры?

– Рабочая версия – самоубийство, – повторил внук оракула ту же самую гипотезу. – После вскрытия можно будет сказать точнее.

Пока они негромко обменивались репликами, я медленно отступил, стремясь не привлекать к себе внимания. У меня возникла собственная теория, касающаяся всего происходящего, и надо было успеть проверить детали.

Хэл обнаружилась очень быстро. Ученица сидела на кухне, за столом, напротив Виктора. Они беседовали вполголоса, доверительно наклоняясь друг к другу, разделенные двумя объемными чашками, над которыми поднимался легкий пар.

Я зашел, осторожно и тихо, чтобы не прервать разговор. Мельком оценил помещение – оно было стилизовано под старину: гриль, оформленный как очаг, ряды медной посуды на открытых полках, фреска по белой стене, изображающая виноградную лозу, покрыта мелкими трещинками. Тяжелые резные стулья, массивная столешница...

– Они сдружились с Софией, – говорил Виктор, и в его словах звучало неподдельное недоумение. – Я никогда не видел, чтобы Кора так сходилась с людьми. Повеселела, перестала цепляться к мелочам, стала лучше себя чувствовать. И она не притворялась, я видел, ей действительно нравилась эта девушка... а потом вдруг это все... – Он неловко мотнул головой в сторону коридора.

Затем увидел меня. Поднялся. Расстроенное лицо просветлело.

– Мэтт, – он крепко пожал мне руку. – Спасибо, что приехал.

– Как ты?

– Ошеломлен, – ответил архитектор честно, потом криво усмехнулся. – Расстроен, но не до горя. Наши отношения с Корой трудно назвать гладкими.

Он помолчал и поинтересовался сухо:

– Она была дэймосом, ламией?

– Да. Кто сказал тебе?

– София. Обрисовала в общих чертах... – он неопределенно повел рукой и снова опустился на стул. – Теперь многие странности матери стали понятны.

Я сел рядом с Хэл. Во взгляде ученицы читалась многозначительность

и легкое нетерпение. Ей хотелось поделиться со мной новостями и собственными выводами.

– Зачем Кора это сделала? – спросил Виктор. – Почему вдруг?

– Пока есть только предположения. Например, затяжная депрессия, которая закончилась самоубийством.

Он неопределенно покачал головой. Похоже, его не вполне устраивало это объяснение. И я его понимал.

На кухню вошел Неарк, окинул внимательным взглядом нашу компанию и сказал:

– Аметил, мне нужно поговорить с тобой.

Хэл, непривычно молчаливая, посмотрела на меня, в ее серых глазах я прочитал сдержанное предупреждение.

Студия Виктора была темной и пустой. Все голографические проекции выключены. Барельефы утонули в тени. Экраны компьютеров погашены.

Стульев здесь не было, и мы встали друг напротив друга.

– Давно ты знаком с Виктором? – спросил Неарк, открывая крышку электронного блокнота.

Его манера смотреть, наклоняя голову из-за высокого роста, уверенный звучный голос, пронизывающий взгляд были мне очень знакомы. Забавно видеть хорошо известные приемы, которыми всегда пользовался один человек, в исполнении другого.

Эринер, заметив, что мысли собеседника уплыли куда-то, собирался повторить вопрос, но я опередил его:

– Извини. Пытаюсь абстрагироваться.

Неарк улыбнулся понимающе.

– В этом сложность работы с вами. Слишком много ненужных ассоциаций и образов. Ладно, давай ближе к делу.

– С Виктором я познакомился недавно. Когда навещал Кору. Она сновидящая, а точнее дэймос. Ты уже в курсе?

– Да.

Лицо Неарка оставалось бесстрастным.

– С ней мы столкнулись в одном из снов, – продолжил я. – Давно. Лет тридцать... или сорок назад. Не помню точно.

– Что тогда произошло?

– Я лечил пациента после ее нападения. А спустя короткое время она сама подверглась атаке дэймоса. Он оказался сильнее и заблокировал ее дар. Стандартная ситуация.

– Почему ты решил навестить ее, после стольких лет?

Я пожал плечами.

– Сон приснился. Я вспомнил про нее. Решил проверить.

Неарк хлопнул свой блокнот, так и не записав в него ни слова. Я его понимал. С точки зрения нормального человека все это звучало полным бредом.

Но самое главное, я не сказал ни слова неправды. На ламию напал дэймос, которым я больше не являюсь, значит, могу говорить о себе прежнем в третьем лице. Талия действительно явилась ко мне во сне, и с ее помощью я вспомнил про Кору.

– Слушай, Мэтт...

– Неарк, я знаю, что мои ответы должны порядком раздражать. Странные мотивы, невнятные объяснения. Ни одного реального факта.

– Реальный факт есть. Женщина, которая после долгих спокойных лет жизни вдруг полезла в петлю. А перед этим совершила покушение на свою гостью. От которой, по словам сына, была в полном восторге. И произошло это все вскоре после твоего появления.

Он вопросительно приподнял брови, вновь напомнив мне Герарда.

– Не исключаю, что мое появление могло послужить катализатором...

Дверь распахнулась, и в студию стремительно вошел охотник.

– Мы закончили. Софию увозят. Что тут у вас?

– Сплошной туман, – сказал Неарк, постукивая по крышке блокнота. – Сны сорокалетней давности, психические атаки, предчувствия...

– Понимаю, – с тенью участия в голосе произнес сновидящий. – Я предупреждал, что ничем не смогу помочь. Разбираться со снами придется нам. Лучше остановитесь на версии затяжной депрессии. Все равно никаких внятных фактов никто из нас не сможет вам предоставить. Разве только, – он улыбнулся, – взять тебя с собой в сновидение. Но даже если ты найдешь там улики, в реальность их унести не получится.

Предложение Марка не вызвало восторга эринера, но лицо его стало подозрительно задумчивым.

– Я могу быть свободным? – спросил я, делая шаг к двери.

– Позвоню, если понадобится, – сказал Неарк.

– Достану через сон, – пообещал охотник.

Софию уже увезли. Я успел заметить лишь, как за сопровождающими ее медиками закрылась дверь. Но из кухни появилась Хэл. Она подошла, взяла меня за руку, и в ее ладони я ощутил нечто маленькое, круглое. Можно было не смотреть, я и так знал, что это. Пуговица сновидящей.

– Отличная работа, – сказал я ученице уже на улице, садясь за руль машины.

– Подумала, для нас это единственная возможность узнать хоть что-то

полезное, – начала рассказывать Хэл, довольная похвалой. – Кора мертва, но она тесно контактировала с охотницей. Может быть, та что-то узнала. Или ламия пыталась на нее влиять через сон.

– Скорее повлияли на ламию.

– У тебя есть версия?

– Не удивлюсь, если Кору заставили убить себя. – Я завел машину, и та мягко заурчала, готовясь тронуться с места, едва я буду готов задать программу маршрута. – Приказ на уничтожение. Как только она рассказала мне про лекаря дэймосов, ее убрали... Хотя нет, – вынужден был сделать я поправку в своих размышлениях. – Ламию убили после того, как в ее доме появились мастера снов.

– Думаешь, за ней следили все это время?

– Вряд ли. Думаю, в ее подсознании была пара крючков, которые активизировались, едва в сон полезли посторонние.

Хэл глубоко задумалась, рассеянно глядя через лобовое стекло на припаркованный у подъезда мощный, обтекаемый «трифон», несомненно принадлежавший охотнику Тайгера. Ее лицо стало мрачным, холодным, замкнутым. Я знал, о чем она думает и что вспоминает.

– Вообще у нас, конечно, ужасная работа, – произнесла ученица бесцветным голосом. – Постоянная кровь, грязь, смерть.

Она передернула плечами, закинула руки за голову и сцепила пальцы над подголовником. Короткая юбка поползла вверх, сильнее открывая ноги, и я положил ладонь на ее бедро, там, где заканчивалась темная полоска широкой резинки чулка и начиналась белая обнаженная кожа.

Моя гурия очнулась, забыв о тяжелых воспоминаниях, повернула ко мне голову и чуть улыбнулась.

– Ну кроме того, что ты перечислила, есть и что-то хорошее. – Под моей горячей рукой она казалась прохладной и гладкой.

– Да. Пожалуй. – Голос Хэл прозвучал глубже и ниже, чем обычно. – Некоторые вещи я упустила из виду.

– Всегда рад напомнить.

На ее бледных щеках появилась тень румянца, зрачки расширились, и в темной глубине пристального взгляда распахнулась знакомая бездна, наполненная жаждой жизни и свободы.

Я провел кончиками пальцев по линии над краем чулка, едва касаясь, и почувствовал, как напряглись мышцы под моей ладонью.

Хэл расцепила руки над головой, но не прикоснулась ко мне. В стекло с ее стороны постучали.

Мы обернулись одновременно.

Марк наклонился, положив локти на дверцу, и наблюдал за нами с насмешливым интересом. Я опустил стекло.

– Забыл предупредить, – произнес охотник. – Держитесь подальше от всего связанного с Корой и от всех, кто ее окружал. Для вашей же безопасности.

Кинул взгляд на мою руку, которую я не удосужился убрать с бедра Хэл, усмехнулся и отошел.

– А это вообще кто? – спросила ученица, оглядываясь на неспешно удаляющегося колоритного атлета. – Такое чувство, будто мы где-то встречались, но не могу вспомнить где.

– Ты его знаешь. Туан из сна про Баннгок.

– Серьезно?! – Изумленная Хэл даже приподнялась на сиденье, чтобы лучше рассмотреть ученика Тайгера. – Вот это изменение! А он весьма неплох в реальности.

– Да неужели? – Я усмехнулся, активируя навигатор, и машина резво тронулась с места. Инерция толкнула гурию обратно в кресло. Наблюдение за «объектом» было прервано.

Хэл улыбнулась, глядя на меня, и спросила:

– Так ты слушаешь его? Мы не будем вмешиваться?

– Ты помнишь все законы сновидения?

– Да, конечно. – Она вскинула брови, словно удивляясь, как я мог усомниться в ее способностях.

– Тогда сегодня я научу тебя, как скрываться не только от самого спящего, но и от тех, кто следит за его сном.

– У меня такое чувство, что эти знания из практики дэймосов, – произнесла Хэл задумчиво.

– Это просто знания. Мы сами решаем, как пользоваться ими.

Ученица, молча соглашаясь со мной, наклонила голову, опустила руку на колено. И я знал, что в ее кулаке зажата пуговица, позаимствованная у Софии. Ее первый, самостоятельно добытый трофей.

Глава 3

Стрелок

Окно было распахнуто, и порывы ветра, налетающие с завидной периодичностью, с каждым разом усиливаясь, волновали занавески. Ветер тянул за собой грозу – возможно, последнюю в этом году, – опоздавшую к лету.

Тучи казались черными, точно плоть, пораженная гангреной, и мраморные храмы богов, находящиеся на холмах исторической части города, на их фоне сделались ослепительными, словно вылепленные из самого чистого снега, привезенного сюда с горных вершин.

Неарк наблюдал за тем, как стихия наступает на Полис, гасит солнце и заставляет кипарисы и зонтичные сосны раскачиваться из стороны в сторону. Стена дождя приближалась с юга, подминая под себя здания делового центра, кварталы музеев и университетов, ботанические сады и переброшенную через реку жемчужную нитку монорельса. Когда первые тяжелые капли упали на газон, он закрыл створку окна, останавливая рокот грома.

В соседней комнате, сейчас зловещей и мрачной, летали сканеры. Два шара, каждый размером с футбольный мяч, мягко гудя, заканчивали виртуальное моделирование места преступления.

Места смерти, тут же поправил себя Неарк, глядя на труп Кору, все еще висящий в петле. Ему придется опираться на то, что есть, хоть он и знал, что сновидящий Марк Стратор прав. Эринерам не удастся доказать влияние деймоса, и дела не откроют. Эта история так и осядет в базах данных как самоубийство, и надежда лишь на то, что с нею рано или поздно разберутся мастера снов. Однако у Неарка имелись сомнения в том, что даже если те кого-то поймают – сообщат эринерам. Будут действовать своими методами...

Синие лучи сканеров пахли грозой, точно щупы ползли по комнате, касаясь стен, пола, потолка, задевая мебель, предметы на столе и на мгновение скользнув ячеистой сеткой по мертвому лицу с посиневшими губами. Затем свет, льющийся из шаров, погас, и те, сделав последний круг, вылетели в соседнее помещение, гудя деловито, будто шмели.

Место было записано, виртуальная копия навсегда останется в базе, и если у кого-то возникнет желание, то он снова окажется в этой комнате и

сможет изучить любую деталь, потрогать предметы, заглянуть в каждый угол и заметить зацепку, упущенную экспертами, следователями или фотографом.

– Мы закончили, – отчитался заглянувший оператор. – Можем снимать?

– Да.

Два человека деловито, но без суеты срезали петлю, осторожно и немного торжественно уложили тело в белый лакированный контейнер. В Полисе любая жизнь бесценна и любая потеря гражданина – трагедия. Кем бы он ни был. В обществе верят в исправление, и шанс есть у всех.

Пока ты не умер.

Они собрались задвинуть крышку, но Неарк их остановил:

– Ил, до того как я уйду. Мне нужно твоё заключение по крови.

Судмедэксперт не удивился, достал из саквояжа узкий, похожий на ручку предмет, воткнул в предплечье самоубийцы.

– Когда будет готово, я тебе сообщу.

Неарк кивнул помощнику, передавая ему полномочия, вышел в коридор.

Дождь на улице лил не переставая. За окном наступали сумерки.

Неарк вошел в лифт, двери начали бесшумно сдвигаться, но чья-то уверенная рука придержала створку, не дав ей закрыться. В кабину шагнул сновидящий.

Марк, набирая сообщение на коммуникаторе, выглядел сосредоточенным и погруженным в себя. Впрочем, эринер видел на своем лице, отразившемся в зеркальной стене, точно такое же выражение.

Охотник на миг отвлекся от текста на экране, провел по сенсорной панели, выбирая первый этаж.

– Домой или в департамент? – спросил он, не глядя на Неарка.

– В отдел.

Марк помолчал немного, продолжая переписку, и заявил неожиданно:

– Мое предложение остается в силе.

– Какое?

– Погружение в осознанное сновидение. Увидишь, как все это, – он небрежно обвел кабину, – выглядит с той стороны. Может быть, найдешь подтверждение своим догадкам...

– А ты нашел там подтверждение своим?

Лифт остановился. Охотник вышел, посмотрел на эринера, оставшегося в кабине.

– Кое-что обнаружил. Когда поймешь, что реальность не дает тебе

ответы, – обращайся. Вдруг сон поможет.

Развернулся и пошел к выходу из подъезда, на улицу.

– Забавно, что Герард никогда не предлагал мне путешествий в сон, – негромко произнес Неарк, обращаясь скорее сам к себе, но помощник Тайгера услышал.

– И не мог, – отозвался он, перед тем как створки снова сдвинулись. – У оракулов свои пути и методы передвижения в сновидении.

Неарк спустился еще на два уровня, миновал три секции здания по самодвижущейся дорожке – под искусственным, похожим на солнечный, светом, мимо спрятанного за панорамным стеклом влажного тропического леса. Затем начинался комплекс подводного мира с самым большим городским аквариумом и целый детский город с игровыми площадками, сейчас живой и переполненный.

Порой жизнь и смерть существуют слишком близко друг от друга, и веселящиеся дети даже не подозревают, что в двух шагах от них обитают чудовища из кошмаров. Неарк в их возрасте тоже ни о чем таком не думал – дед никогда не рассказывал ему об ужасах, которые могут поджидать в сновидениях.

Пиликнул коммуникатор, и он привычно взглянул на часы, отметив: шесть пятнадцать. Кто полжизни провел рядом со сновидящим, тот поневоле научится ценить время.

Заключение судмедэксперта было именно таким, как и предполагалось. Дотошный Ил не обнаружил следов наркотических веществ, лекарств, алкоголя или нейротекса. Ничего. Чистая кровь.

Просто старая женщина, ведущая затворнический образ жизни, внезапно сошла с ума, едва не убила сиделку, которая за ней присматривала, а затем покончила с собой.

Машина узнала его за пять метров и, дружелюбно мигнув фарами, подняла дверцу. Он завел ее на грузовую платформу, и та двинулась вверх, под дождь и загорающиеся на тротуарах фонари.

До магистрального шоссе Неарк добирался чередой уютных, заросших каштанами улиц. Несмотря на плохую погоду, людей было достаточно – они шли с работы под прозрачными зонтами, на которые ложились блики от светящихся вывесок, заходили в маленькие кафе и рестораны, смотрели афиши грядущего спортивного события: ежегодного марафонского забега лучших атлетов Полиса.

Неарк припарковался на несколько минут и купил пластиковый стаканчик с липовым чаем в ближайшем кафе, у улыбающейся рыжеволосой девушки.

На магистрали он встал на скоростную полосу, разогнав свой автомобиль до максимума.

Лобовое стекло, расчерченное частым мельканием дворников, замерцало вызовом, и Неарк, не снижая скорости, движением зрачков дал сигнал коммуникатору – ответить.

– Мчишься на пожар? – раздался полный иронии баритон Фотиса. Он слышал рев мотора, так что вполне мог представить машину, которая точно комета несется по трассе. – Что там в итоге произошло?

– Разве Ил тебе не переслал предварительный отчет?

– Попытка убийства сновидящей и самоубийство, – произнес Фотис. – Какая-то ерунда. Если только ее не накачали каким-нибудь препаратом.

– У меня пока нет психологической экспертизы, но уверен, та проводилась, раз сновидящие стали работать. Да и сын погибшей отметил глубокую депрессию. А вот насчет препаратов – наш эксперт сказал свое однозначное «чиста».

– То есть дело закрыто?

Закрыто. Он квестор^[4], а квестор может сколько угодно строить в уме предположения и догадки, но в итоге перед ним остаются факты. Нельзя написать: «Отпечатки пальцев не обнаружены, потому что преступник, наверное, был в перчатках». Это домыслы. Максимум что может позволить должностное лицо на его месте: «Отпечатки пальцев не обнаружены». А почему – ошибка невнимательного эксперта, перчатки на руках или вообще отсутствие преступника – покажет время.

Так и со снами. Их нельзя прикрепить к отчету. Аналитический центр, а после и база данных просто не примет подобную информацию, не сможет ее обработать и выдаст ошибку. Поэтому дэймос и его преступление окажутся вне сферы интересов отдела «ЭВР».

Но сказал Неарк совершенно другое:

– Дело? О смерти подозреваемой? Да. Закрыто. Попытка убийства сновидящей? Нет. Надо будет заполнить формы, сдать отчет, прикрепить мнение Ила и отправить начальнику. Только после этого...

– Ну да. Вопрос лишних суток. Подозреваемая мертва, больше наказывать некого, так что твоя работа выполнена.

Неарк сжал губы. Он так не считал. Но когда-то Ида, у которой тоже случилась встреча с дэймосом однажды за карьеру, сказала ему: «Есть вещи, которые я не могу проверить, в отличие от Герарда. С которыми не смогла справиться. И мне пришлось отступить. Надеяться, что он или кто-то другой из центра снов сделает то, что никогда не получится у меня – поймать и наказать преступника, действующего в сферах, недоступных

эринерам. А я... продолжала находить и останавливать тех, кто причинял вред людям в реальном мире. Каждый обязан заниматься тем делом, которое у него хорошо получается».

На панели замерцал новый сигнал.

– Извини, вызов по второй линии, – сказал Неарк и переключил канал.

В машине тут же зазвучал голос Ангела – сотрудника отдела, имя которого было вечным поводом для шуток^[5].

– Слушай, тут у меня новость по твоему делу. Мертвец в Кимере. Помнишь, камеры зафиксировали курьера, доставившего нелицензионный сон в автоматическую ячейку? Для Никоса Прокекса? Ну так вот труп – как раз этот самый курьер.

Неарк присвистнул, уже прикидывая, где ему съехать с высотной полосы шоссе, чтобы добраться до места как можно быстрее.

– Сообщил в центр сновидений?

– Да. Они в курсе.

– Пришли мне точный адрес.

Тема нейротекса не давала эринеру покоя уже давно. Это был реальный факт, не домыслы сновидящих, которые невозможно ни проверить, ни опровергнуть. А с новой информацией, полученной от представителя Пятиглава, дело обросло неожиданными деталями.

Неарк собирался к ней домой, но Клио заверила, что может заехать в «ЭВР» сама.

– У меня конференция неподалеку, – сказала она с легкой улыбкой в голосе. – Мне совсем не трудно заглянуть в ваш департамент. И тебе не придется добираться на другой конец города.

Аонида появилась в середине дня, когда большинство коллег разъехались по делам. В отделе оставались лишь четверо. Сам Неарк. Фотис, его напарник. Острый на язык Кир. И Ангел, занятый отчетами департамента спорта.

Неарк, изучавший опрос сотрудников «Эглы» на предмет утечки информации, поднялся навстречу Клио.

Такой он ее помнил всегда. Лишь вместо золотой тоги сновидящей теперь на ней был легкий светлый костюм. Сетка искусно переплетенных друг с другом кос плотно обхватывала голову, только единственный волнистый локон спускался на обнаженную шею. Рядом, между ключиц лежал большой зеленый камень на тонкой цепочке. «Синтетический изумруд», – машинально отметил эринер.

Клио подошла к Неарку, посмотрела снизу вверх, улыбнулась и не произнесла ни слова из тех, что так любят говорить в подобных случаях

люди, гораздо более старшие по возрасту. «Как ты стал похож на деда!» или «Как ты вырос! Я помню тебя еще забавным пятилетним мальчуганом», и еще вариант: «А помнишь трехмерную модель Галактики, что я тебе подарила на семилетие? Ты сохранил ее?»

– Добрый день, Неарк, – сказала сновидящая.

– Спасибо, что нашла время приехать, – ответил он, пожимая ее теплую ладонь.

Она села на предложенный стул.

Фотис занял свое место, достал блокнот.

– Клио, это Фотис Кебрион, – сказал эринер. – Мы вместе работаем над делом, по которому тебя вызвали.

Аонида улыбнулась и произнесла своим мягким, приятным голосом:

– Арсений Кебрион ваш сын?

– Да, – ответил тот с легким недоумением.

– Я читала его статью по альгологии. Очень перспективно.

– Это было лет пять назад, – усмехнулся Фотис, весьма польщенный. – Теперь он работает на морской станции. Говорит, вал работы, нет времени на теоретические разработки. А у вас отличная память.

– Не такая хорошая, как у оракулов, – улыбнулась девушка, затем перевела взгляд на Неарка, словно почувствовав, что тот стремится поскорее перейти к делу. – О чем ты хотел поговорить?

– О нейротексе.

Она опустила руки на стол, переплела пальцы.

– Понимаю интерес. Я принимала участие в его разработке вместе с представителями «Эглы». Я и эGRID Беант – это мой коллега.

– Что именно ты делала? – спросил Неарк.

Клио помедлила, глядя на него пронзительными серо-зелеными глазами.

– Структурировала знания, придала движению мысли ученых нужное направление. Составила четкий план, по которому им следовало двигаться дальше.

Она заметила и правильно истолковала замешательство на лицах мужчин.

– Это не очень просто объяснить. Представьте, что ваши мысли, ваш мозг – экспресс, несущийся вперед. Он движется и днем и ночью.

– Такое я могу легко себе представить, – проворчал Фотис.

– Но если днем, во время бодрствования, вы перемещаетесь от одной станции до другой сознательно и часто эти станции – миражи... ошибки, которые замедляют действие... то во сне ваш мозг свободен от жестких

рамок и границ. Фантазия беспредельна. А движение продолжается. Ваш поезд сметает ложные послы и создает новые, неожиданные. И чаще всего они могут быть именно теми решениями, которые не придут вам в голову, когда вы не спите. Аониды помогают экспрессам ваших мыслей лететь в нужном направлении, наносят на карты важные остановки, выстраивают четкий маршрут без отклонений и тупиковых веток.

– То есть вы не даете прямых ответов? – уточнил Фотис, строча что-то в бумажном блокноте.

– Нет. Мы ищем их вместе с клиентом.

– Вернемся к нейротексу, – сказал Неарк, примерно представлявший себе стараниями Герарда работу мастеров сна. – Несколько молодых людей погибли при странных обстоятельствах, и в их крови обнаружен препарат, над которым велась работа.

– Знаю. Пятиглав также обеспокоен этим.

– А как насчет вас, тех, кто работал с «Эглой»? – прямо спросил Фотис. – Утечка не могла идти от вас? Поделились с какими-нибудь коллегами? Продали патент на производство иностранным фармацевтическим компаниям? Статью напечатали?

– Нет, – серьезно сказала Клио. – На все ваши вопросы – ответ «нет». Разработка нейротекса не принадлежит нам. Это интеллектуальная собственность корпорации «Эгла». И лишь они вправе распоряжаться ею.

Фотис кивнул, просматривая свои записи.

Неарк поймал сосредоточенно-изучающий взгляд Ангела, брошенный поверх головы Фотиса. Но тот тут же отвернулся, крутанувшись на своем компьютерном кресле, и теперь был виден лишь его коротко стриженный темно-русый затылок.

– Скажи, Клио, – произнес Неарк, снова возвращаясь к теме, которая занимала его. – Никто не мог проникнуть в твой мир снов и забрать нужные сведения?

– Формула не записана на входе в мое подсознание, – аонида с улыбкой провела пальцем по своему лбу, – ее нельзя просто взять и прочитать. Там не стоит компьютер, в который можно ввести пароль и найти файл.

Нечто подобное он ожидал услышать. Мир снов не поддается логическому анализу. Во всяком случае, со стороны обычного человека.

– Взгляни на это, – Неарк повернул к ней свой монитор и настроил трехмерное изображение двух формул. – Может, возникнут какие-нибудь мысли.

Клио придвинулась к столу и несколько долгих минут изучала

сложные соединения. За это время Фотис успел отойти к кофемашине, перекинуться парой слов с Ангелом, вернулся с двумя стаканчиками, над которыми поднимался горячий ароматный пар. Поставил один рядом с Клио, но та даже не заметила этого: сравнивая две модели, медленно вращала их, заставляла увеличиться фрагменты и снова возвращала прежний вид. Затем она откинулась на спинку стула, и Неарку совсем не понравилось отсутствующее выражение ее лица.

– Мне нужно еще немного времени, – сказала Клио наконец.

– Да, конечно, – отозвался Фотис, но вряд ли сновидящая слышала его.

Зеленый кристалл на ее шее оказался не украшением. Клио повернула на внутренней стороне невидимые для посторонних наблюдателей грани, сдвинула внешнюю крышку, и Неарк увидел миниатюрное устройство для запоминания, передачи и считывания информации.

На стол спроецировалась виртуальная клавиатура. Под пальцами сновидящей, касающимися бледно-голубых несуществующих символов, выросли три экрана – и по ним побежали сложные системы: закрученные цепочки ДНК, соединения, формулы.

С той стороны, где сидел Кир, слышалось легкое постукивание. Неарк взглянул на него и увидел, что тот машинально крутит в руке кастет, отобранный у кого-то давным-давно, и задевает по столешнице, вряд ли сам замечая это. Похоже, тоже с азартным нетерпением ждет вердикта аониды.

Клио внезапно погасила два экрана. И долго смотрела на оставшийся.

– Я не могу сказать, как именно аналог нейротекса попал в организм погибших молодых людей, – произнесла она наконец. – Но я знаю, откуда он появился.

Неарк подался вперед. Фотис скрипнул ножками стула по полу, придвигаясь ближе.

– Может быть, вы помните. Лет пятьдесят назад... случился очень неприятный инцидент с нашими гражданами в Александрии. Он имел огромный общественный резонанс. После чего Полис пересмотрел многие свои взгляды на отношения с соседями.

– Я помню, – хмуро сказал Фотис. – Когда еще учился в академии, на одном из занятий разбирали дело. Похищение наших специалистов на территории агломерации. Совместная операция «ЭВР» и сновидящих Александрии. Множество бумаг через дипломатическую миссию. Прочесали все оазисы, но безрезультатно. Их так и не нашли. Тогда же начали активно вводить проект гидов-охранников для граждан Полиса за его пределами.

Клио утвердительно наклонила голову, по ее волосам пробежала голубоватая тень от виртуальной проекции.

– Все верно.

– И какая тут связь с нашим делом? – спросил Неарк.

– Один из похищенных был генно-модифицирован, – произнесла Клио прохладным голосом. – В его крови циркулировал нейропротектор старого поколения. Несовершенный, более короткого действия, с побочными эффектами, которые можно было нейтрализовать другими препаратами. – Аонида указала на экран. – Вот этот.

– То есть ты хочешь сказать, – прозвучал рядом с Неарком резкий голос до предела раздраженного Кира, – что кто-то выпотрошил гражданина Полиса, сделал смертельно опасный препарат из его крови и теперь травит им наших детей?

– Жестко по форме, но верно по сути, – отозвалась Клио, погасив экран своего мощного переносного виртуала.

– И мы до сих пор не поймали эту тварь, – зло резюмировал Кир.

Сновидящая повернулась, посмотрела внимательно и заинтересованно на невысокого худощавого эринера с острыми, как будто ножницами вырезанными, чертами лица.

– Вы хотите принять участие в физическом задержании преступника, ответственного за происходящее? Если мастера снов обнаружат его...

– Не если, а когда, – перебил ее эринер, – когда вы обнаружите его.

Клио слабо улыбнулась.

– Хорошо, когда мы обнаружим его, я сообщу вам.

– Отлично. – Он отвернулся и ушел на свое место, где снова принялся выстукивать легкую дробь по столу кастетом.

– Ждать столько лет и начать действовать только сейчас? – задумчиво произнес Фотис.

– Мы продолжаем проверять потенциальные жертвы. – Клио еще раз повернула изображение, проецируемое с ноутбука Неарка. – Молодые люди, занимающиеся спортом, дети граждан Полиса, имеющих значимый вес в нашем обществе.

– То же самое, – хмуро откликнулся Ангел из-за своего монитора, – перелопатили кучу анкет, лаборатория загружена до сатурналий. Пока никаких результатов.

Судя по тону, он был не слишком доволен тем, что молодые люди и подростки оказались здоровы и пока избавлены от воздействия опасного препарата. Реальных материалов, с которыми можно работать, по-прежнему не имелось.

Клио повернулась к Неарку.

– Ты родственник оракула, представителя Пятиглава. Вероятная жертва. Тебя проверяли?

Тот не успел ни удивиться, ни задуматься, ни ответить, как вдруг почувствовал укол в плечо. Дернулся, оглядываясь, но Ангел уже вытаскивал из его руки острое шприца-карандаша для забора крови. Закрыв колпачком иглу, довольно усмехнулся и заявил:

– Отдам в лабораторию прямо сейчас.

– Приятно, когда коллеги так заботятся о тебе, – проворчал Неарк, распрямляя спину. – Ну и когда, по-вашему, мне могли подсунуть нейропротектор?

Он уже сам прекрасно знал ответ. Эта тема обсуждалась.

– Прежний препарат вводился в виде инъекций, – сказала Клио. – Современный аналог – мелкокристаллический порошок без вкуса и запаха, фасуется в водорастворимые капсулы.

– Подсыпать можно куда угодно и где угодно. – Кир вытащил из чехла на поясе коммуникатор и принялся с огромной скоростью листать загруженные в него карты города.

– И сделать это может кто угодно, – добавил Фотис, глядя в свой блокнот. – У нас по-прежнему ничего нет. Как я уже говорил, надо искать поставщика.

– Мы работаем над этим. – Клио коснулась кулона, легко проведя по его граням.

– Ладно, ребятки, действуем по прежней схеме. – Фотис поднялся, отодвигая стул. – Связи, контакты, еще раз допросить родственников.

Из лаборатории выглянул Ил, указал на Неарка, объявил:

– Чист.

И снова скрылся за плотной матовой дверью.

– Кто-нибудь еще испытывает сожаление, услышав эту новость? – пробормотал Кир, обращаясь к экрану своего компьютера.

Внук оракула понимал его. Насколько бы им облегчило работу, если бы в его крови нашли нейротекс. Сузился поиск, упростились задачи. Провели бы доскональный анализ, он вспомнил, с кем встречался, где что ел, подключили бы сновидящих, которые покопались в его подсознании...

Ида называла это профессиональной деформацией. Сожалеешь, что сам не отравлен, потому что тебе и коллегам яд в твоей крови помог бы найти преступника.

Неарк усмехнулся невольно, обрывая воспоминания. Свернул со

скоростного шоссе на полупустую эстакаду.

В этом районе, рассеянном множеством каналов и застроенном пяти-семиэтажными домами, где каждая квартира была чьим-то социальным жильем, с работы возвращались поздно или вовсе ее не имели, предпочитая существовать на пособие. У селившихся здесь собственного транспорта не было, они выбирали рейсовые автобусы, или монорельс, или подземку.

На улицах молодежь собиралась рядом с маленькими кафе и барами, украшенными бледной неоновой рекламой, либо просто на набережных.

Неарку пришлось прижаться к обочине, чтобы пропустить автобус, заполненный людьми в рабочих спецовках. Его борта были размазаны свежим граффити, которое еще не успели отмыть. Сразу за ним медленно двигалась машина эринеров – черная и низкая, похожая на крокодила. С погашенными проблесковыми маячками. Система на лобовом стекле сообщила Неарку, что его транспорт сканируют.

Компьютер патрульных получил ответ, и, когда они поравнялись, эринер, что сидел за рулем, приветливо кивнул квестору.

Возле канала Посейдона горел смонтированный и выставленный свет – так, чтобы экспертам легче было работать. Машины департамента перекрывали дорогу, от немногочисленных зевак тротуары оградили силовой лентой. На воде покачивался катер с взбирающимися по нему водолазами. Четыре сканера, расцвечивая место преступления голубыми огнями, носились по округе, запоминая каждую деталь. Фрагмент ограды оказался выломан, вокруг валялись пластиковые искореженные детали.

Тело уже нашли, из воды поднимали разбитый мотоцикл, когда Неарк вышел из машины.

Фотис – высокий, крепкий, чуть грузноватый к своим шестидесяти, сидел на каменном парапете, попивая дешевый кофе, купленный в ближайшей забегаловке. Узел на его галстук был ослаблен, ворот бледно-голубой рубашки расстегнут, широкое лицо выглядело уставшим.

– Приветствую, – напарник вяло отсалютовал стаканчиком.

– Давно это случилось?

– Меньше часа назад.

– Свидетели убийства есть?

– Убийства? – Фотис вздернул брови. – Понимаю, что район не самый благополучный, но на этот раз злодеев нет. Банальная авария. У парня не было мозга, летел на мотоцикле, не справился с управлением и рухнул в воду.

Они вдвоем подошли к труп молодого человека, и Неарк внимательно изучил лицо, которое осталось совершенно не повреждено благодаря

шлему, затем кивнул коллеге:

– Да, его мы видели на записи. Сканирование подтвердило совпадение?

Тот утвердительно наклонил голову.

– Из центра сновидений есть кто-нибудь?

Фотис указал в сторону канала. Вдоль парапета, говоря по коммуникатору, расхаживала высокая блондинка. Ее плащ из темной кожи блестел в свете фонарей, черные узкие джинсы заправлены в высокие шнурованные ботинки. Она наклонилась, подняла обломок зеркала мотоцикла, убрала в карман. Заметив эринера, кивнула издали, продолжая беседу по телефону.

– Что-то о нем известно?

– Имя, возраст. Зона регистрации – на которой он нежил. Запись на пособие. Которое не получал с момента наших событий. В поле зрения департамента раньше никогда не попадал. Приводов не имел и не привлекался. Совершенно чистая биография.

– Отлично для того, кто занимается перевозкой столь сомнительных посылок. Ни один патрульный его не остановит. Есть записи с камер?

– Сколько угодно, – Фотис достал из кармана коммуникатор, протянул Неарку, и тот внимательно изучил видео, снятое из трех разных точек.

Мотоцикл, летящий на полной скорости, вдруг виляет, слетает с дороги, врезается в ограждение, сносит его и вместе с водителем падает в канал.

– Только что дождь прошел. Дорога мокрая, вот и результат. Анализ крови еще не делали, но не удивлюсь, если найдем алкоголь.

Неарк на мгновение сжал двумя пальцами переносицу, сказал:

– Проверьте место, где он жил. Быть может, если не перепрошит навигатор, в мотоцикле осталась карта маршрутов. Сбрось мне. Как и телефонные звонки. Шанс, что мы найдем продавца, ничтожный, но вдруг нам повезет.

Напарник, кивнув, пошел договариваться с техниками, а Неарк вернулся в машину. Через бортовой компьютер и доступ для эринеров подключился к серверу, на который шли записи всех камер этого района, надеясь узнать о событиях, предшествующих аварии. Он «листал» видео, «прыгая» от одной камеры к другой. Наконец один из отрывков его заинтересовал, и эринер прокрутил запись несколько раз, переключая камеры.

– Нашел что-нибудь необычное? – прозвучал рядом женский голос.

Неарк поднял голову. В салон через опущенное стекло заглянула

девушка-сновидящая. Ему было знакомо ее лицо с резковатыми чертами, обрамленное прямыми светлыми прядями. Элефенора всегда работала с Марком.

– За две минуты до смерти курьеру позвонили. – Он повернул коммуникатор так, чтобы она видела экран. – И вряд ли, услышав горестное известие, тот решил покончить жизнь самоубийством.

Девушка внимательно изучила запись, достала коммуникатор. На ее вызов тут же ответили.

– Словесный приказ... – сказала Элефенора в трубку. – Он не искал курьера. Всегда был на связи. И когда тот стал не нужен – устранил.

«Дэймос, создавший сон для Никоса Прокесса, замечает следы и обрывает все нити, которые могли привести к нему», – подумал Неарк.

Сновидящая взглянула на него и спросила, не убирая телефон от уха:

– Эринеры смогут узнать, с какого номера и откуда звонили курьеру?

– Уже занимаемся этим, – ответил тот.

Память выдала невольную аналогию – в деле, которое вела Ида много лет назад, подозреваемая тоже утонула. Правда, у себя в ванной, а не свалилась вместе с мотоциклом в канал...

Девушка отошла, продолжая беседовать.

– Ты сейчас в департамент? – Фотис сел в машину, с довольным вздохом откинулся на спинку кресла.

Час был поздний, и Неарк знал, что лучше отложить дела до утра. Следовало хорошенько выспаться после дня, бесконечного на события.

– Домой. Но могу подбросить тебя до работы. Все равно по пути.

Вокруг знаменитого перекрестка Эола, образованного сразу двенадцатью автомобильными дорогами, точно корона снежного короля высились небоскребы, сотканые из ярко-голубого стекла. Здания вырастали прямо из сердца парка с тропической листвой, в котором благодаря силовым полям поддерживался климат, присущий Баннгоку, а не Полису. По границе дождливого леса, подсвеченные огнями, похожими на гигантских, призывно мерцающих светлячков, тянулись открытые павильоны с кафе и ресторанами, обзорные площадки, фуникулерная дорога, связывающая эту часть города с речными островами, ярко освещенные прожекторами теннисные корты и баскетбольные площадки.

После прошедшего несколько часов назад дождя на улице сохранялась прохлада, но район бурлил ночной жизнью. Здесь никто и никогда не спал, и толпы людей можно было встретить и ранним утром и поздним вечером.

Машина остановилась на светофоре, ожидая, когда сотни пешеходов,

двигавшихся в разных направлениях, освободят путь. Фотис, всю дорогу молчавший, оторвался от коммуникатора и попросил:

– Сможешь остановиться? У меня смена до утра, возьму поесть себе и ребятам. Им тоже сидеть до рассвета над отчетами.

– Хорошо. Чуть дальше, за «Галактикой», отличная кофейня.

Он припарковался, и Фотис, подняв дверцу, спросил:

– Тебе что-то нужно?

– Нет, спасибо.

Напарник легко хлопнул ладонью по крыше:

– Я быстро.

В клубе напротив гремела музыка, у входа собралась большая очередь, терпеливо ожидая, когда охрана «спишет» с коммуникаторов штрихкоды на вход. Мимо на электрических велосипедах проехали два десятка стариков в ярко-желтых жилетах со светоотражающими полосками.

Мужчина на мотороллере, стилизованном под прошлый век, припарковался перед машиной Неарка, опустил подножку, достал из багажника несколько коробок... и упал на влажный асфальт, отражающий неоновые огни.

Эринер бросился к человеку, собираясь помочь, склонился над ним, хмурясь и недоумевая, почему мотоциклетный шлем расколот, словно по нему ударили кувалдой, а под головой растекается темное, масляное пятно крови. Мужчина был мертв.

Неарк понял это в то же мгновение, как и что грохот музыки из клуба напротив заглушил звук выстрела. Он не успел никого предупредить – длинная очередь с крыши здания ударила по толпе, собравшейся у входа.

Она скосила с десятков человек, захлебнулась, когда над ухом Неарка глухо залязгал пистолет Фотиса. Детектив стоял во весь рост, стреляя туда, где, по его мнению, скрывался стрелок. Неарк бросился к багажнику, достал из него универсальный дробовик.

Из-за небоскребов, ревя двигателями и включив осветительные прожектора, прилетел полицейский беспилотник. Система слежения Полиса мгновенно среагировала на стрельбу, прислав ближайшие имеющиеся силы и отправив сигнал тревоги в департамент, всем патрулям и службе спасения.

Лучи света взяли крышу «в прицел», и беспилотник, зависнув, включил динамики, оглушив весь район грохотом стального голоса:

– Немедленно положите оружие! Немедленно положите оружие, или мы будем вынуждены...

Над головой застучал стальной молот, оставив в ночном небе алые

росчерки – и беспилотник превратился в огненный шар. Неарк толкнул Фотиса плечом, подальше от падающих обломков. Один из двигателей упал рядом с машиной, едва не раздавив ее.

– Да там целая армия! – потрясенно произнес напарник.

– Стрелок один, – возразил Неарк. – Но у него роботизированная артиллерийская система. Как раз против беспилотников. Прикрой меня... А то он расстреляет половину города!

Эринер бросился из укрытия, стараясь как можно быстрее преодолеть простреливаемый отрезок. Пистолет Фотиса с равными паузами ухал у него за спиной. Времени как раз хватило для того, чтобы заскочить через стеклянные раздвижные двери в здание, когда вновь начался прицельный огонь по улице.

Сознание Неарка словно раздвоилось. Одна его часть заставляла эринера оставаться холодным расчетливым профессионалом и делать то, что следовало. А вторая – кричала ему, что подобное может происходить где угодно: в Баннгоке, Александрии, Тенчитолане, но не в стабильном Полисе, где жизнь каждого жителя – ценность. И сейчас он оказался словно в вязком кошмаре.

Лифт был на верхнем этаже и не реагировал на команды, так что Неарк, выругавшись, побежал к лестнице. Перепрыгивая через несколько ступенек, добрался на двадцать пятый этаж, к выходу на крышу. Дверь, разумеется, была заперта, электронный замок заблокирован, но, по счастью, преступнику не хватило квалификации отключить его от городской системы – и коммуникатор эринера, отдав сканирующему устройству приказ департамента, снял код блокировки.

Раскрытую на треноге допотопную роботизированную систему он увидел сразу, как только выбрался на крышу. Сфера с вращающимся на триста шестьдесят градусов стволом, датчиками движения и коробкой, забитой крупнокалиберными патронами. Стрелок, не мудрствуя, подключил ее к распределительному щитку здания, и Неарк разнес его первым же выстрелом, обесточив опасную помеху.

Двинув пальцем по сенсорному датчику оружия, он двинулся к краю крыши, уже понимая, что из-за выстрела остаться незамеченным у него не получилось.

Неарк увидел брошенную винтовку, быстро отпрянул в сторону, и только поэтому пуля, выпущенная из пистолета, не попала ему в спину. Он укрылся за коробом вентиляции, сквозь рубашку ощущая холод стали. Когда еще две пули врезались в преграду, эринер упал на бок, и дробовик в его руке рывкнул, выплюнув травматическую картечь.

Неарк целился по ногам и попал. Преступник, чье лицо было закрыто платком, с криком боли рухнул, но тут же приподнялся на локте, вскидывая оружие.

Появившийся в дверях запыхавшийся Фотис выстрелил первым. Пневматический пистолет щелкнул, и дротик со снотворным угодил стрелку в шею.

– Уф, – сказал пожилой коллега. – Что бы ты без меня делал?

Неарк встал, все еще держа потерявшего сознание на прицеле, ногой отбросил пистолет подальше, слыша над головой шум прилетевших беспилотников, а на улице вой сирен. Склонившись над человеком, он прощупал пульс, нахмурился и сказал с удивлением:

– Он мертв.

– Что? – не поверил Фотис. – Это снотворное. Он всего лишь уснул.

– В том-то и дело, – устало произнес Неарк. – Он уснул.

Глава 4

Агломерация Александрия

Двигатель заглох. В этот раз на выезде из города.

Бодрое низкое гудение внезапно сменилось натужным взреыванием, автобус начал дергаться рывками, так что пассажиров бросало на спинки впереди стоящих сидений.

Почти сразу же мотор захлебнулся чахоточным кашлем и вырубился.

Проклятая пыль опять забила старые фильтры. И хорошо, что не посреди пустыни. Руф потянул рычаг, открывающий дверь, и рывкнул погромче, чтобы слышали на заднем ряду:

– Остановка! Полчаса!

В салоне прокатился недовольный ропот. Хотя возмущались только для вида. От Эсна до оазиса Абу-Симбел было полдня пути, если не считать краткую стоянку у гробниц Эль-Минья. Час больше – час меньше. Разница небольшая.

Водитель распахнул свою дверь, выбрался из-за руля и спрыгнул на дорогу. Раскаленный сухой воздух прошелся по лицу горячим наждаком.

Задворки города были засыпаны песком. Полуразрушенные здания таранились оплывшими выбитыми окнами. Кое-где те были завешены драными грязными тряпками. В пыли у дверей возились тощие дети. Убогая бакалейная лавка, приткнувшаяся между двумя оседающими домами, оказалась закрыта. На двери висел амбарный замок, стальная решетка закрывала стекло, ни разу не мытое со дня постройки. За ним виднелись банки с лимонадом, выцветшие на солнце упаковки шоколада и табака для кальянов. Руф машинально похлопал себя по нагрудному карману. Сигареты почти кончились.

У ветхой кофейни сидели на корточках два мужчины и молча рассматривали остановившийся вездеход.

А в центре, вдоль Александрийской гавани, стоят дома из стекла высотой в сто этажей, вокруг них растут пальмы и журчат фонтаны – вспомнил Руф невольно. Он никогда не был там. И сомневался, что когда-нибудь попадет.

Из автобуса начали вылезать пассажиры. Тучные женщины в длинных платьях-абаях с покрытыми головами тащили за собой ноющих от жары детей и перекрикивались резкими, недовольными голосами. Девчонки

помоложе пугливо оглядывались на сопровождающих родственников и поспешно опускали глаза, чтобы случайно не столкнуться взглядом с посторонним.

Смуглые черноволосые мужчины в дешевой замызганной одежде столпились возле нагретой за день огромной машины, оживленно переговариваясь. Один достал потертый телефон с треснувшим экраном и принялся показывать остальным ролики, скачанные из Сети. Окружавшие с восторгом смотрели, смеялись и обсуждали увиденное, отвечивая периодически детям, лезущим под руки, щелбаны и оплеухи, чтобы не мешали.

Это были обычные работяги с семьями, перебирающиеся из одного оазиса в другой на поиски сезонных заработков. Нынешней осенью они ломились в Абу-Симбел, где концерн «Джеббель-Нарр» запускал новые шахты, и теперь там разбили целый поселок для тех, кто готов трудиться не только на своем огороде.

Все знали, что полчаса растянутся на час, а то и на два. Никто никуда не спешил. Позже приедешь – позже начнешь работу. Хорошо.

Руф поднял защелки замков и открыл капот, морщась от прикосновения к горячему металлу. Подождал минуту, жар от двигателя шел точно из раскрытой духовки, по привычке проверил охладитель в сменных капсулах и только после этого полез в фильтры, стараясь не касаться раскаленных поверхностей.

Обычный рутинный процесс, который, к сожалению, порой приходилось выполнять по три раза в день.

– Помощь нужна?

Доброжелательный уверенный голос с едва уловимым акцентом прозвучал рядом неожиданно.

Водитель поднял голову, изумленный внезапным предложением. Нет, бывало, возле машины, заглохшей в самый неподходящий момент, крутились зеваки, заглядывая с умным видом в двигатель, и давали глупейшие советы, на которые Руф давно не реагировал. Но реально помочь никто не рвался.

Подле него стоял молодой мужчина. Высокий, крепкий, излучающий здоровье и бодрость. Прямая спина не согнута тяжелой работой с детства, в движениях уверенность и сила, ровный открытый спокойный взгляд. С ним девушка – такая же стройная, с гордо поднятой головой. Волосы светлые, точно льняная пряжа, не прикрыты от пыли. Одета в белые брюки и рубашку с коротким рукавом.

У обоих были голубые глаза словно весеннее небо. Почти такого же

цвета, как рисуют на амулетах от порчи.

На фоне низкорослых, коротконогих мужчин в дишдашах с засаленными воротниками и располневших женщин в черных абаях они выглядели как два сокола в стае галок.

Да и сам Руф рядом с ними почувствовал себя подержанным, разбитым «Кхануфасаи» перед новеньким, мощным, только что сошедшим с конвейера «Сакром».

На них смотрели. Мужчины кидали острые оценивающие взгляды, молодые девчонки перешептывались, жадно разглядывая чужестранку, женщины неодобрительно косились, хмыкали и бормотали.

– Ну, так нужна помощь? – повторил иностранец.

– Делать нечего? – осведомился Руф, снова ныряя под капот.

– Вот именно, нечего, – улыбнулся тот и склонился рядом. – Вместе будет быстрее. Ключ есть? Эрис, поддержи, я раскручу.

Руф покосился на нее, но девушка охотно включилась в работу, ее не смущали ни прокручивающиеся гайки, ни машинное масло. Пальцы у нее были сильные и ловкие, и возней с техникой ее, похоже, не удивишь. Они сняли защитные крышки, Руф за рукоятку вытащил тяжелый фильтр, прочистил его, наблюдая, как Эрис делает то же самое со вторым. Поставил свой на место, забрал у девчонки, нехотя отметив, что справилась она аккуратно и решетки теперь чистые.

Теперь надо было все проделать в обратном порядке.

– Севр, с твоей стороны зазор, подтяни сильнее.

Водитель испытал нечто вроде досады, что эти двое привязались к нему и занимаются не своим делом. Он привык в одиночку решать все проблемы. Но в то же время было приятно видеть их рядом. Девушка стояла совсем близко, иногда он касался ее локтя, чувствовал теплый запах, исходящий от нее.

– Полис? – спросил он, уже зная ответ.

– Он самый, – отозвался мужчина.

Руф еще раз взглянул на него и понял, что тот старше, чем показалось на первый взгляд.

– А ты? – Эрис быстро поставила на место очищенную сетку. – Местный?

– Да. Не похож?

– Нет. – Она убрала со лба тыльной стороной ладони легкий локон. – Встретила бы у нас, не отличила. Русые волосы, светло-серые глаза, аттический профиль.

– Потомок древних завоевателей Эгиптоса, – сказал Севр с улыбкой.

– Да, осталось несколько родов, – нехотя отозвался Руф, завинчивая снятые гайки. – Одни совсем обеднели. Другие более-менее ничего. Кто-то, я слышал, сохранил богатство до сих пор. Но они живут в Тахире или далеко отсюда. На восточном побережье. Помойки, песок и зной их не особо привлекают.

Он заметил, что гости из Полиса переглянулись, и спросил сам:

– А вы здесь зачем?

– Слышал про шахты Абу-Симбела? Их должны были запустить месяц назад. Но не успели. Теперь «Джебель-Нарр» пригласил специалистов из Полиса, чтобы те помогли наладить производство. Мы в их числе.

– А что ж вы тогда, специалисты, своим ходом добираетесь?

– Руководство посчитало ненужным гонять из-за двух инженеров машину компании, – усмехнулась Эрис, вытирая руки тряпкой, которую подал ей Руф.

– Нам несложно добраться самим, – сказал Севр добродушно.

– Посчитало ненужным? Взятку, значит, сунуть кому надо не догадались.

– А без взяток здесь вообще ничего не движется? – спросила девушка.

– Ну почему, движется. Только очень медленно.

– И часто совсем не в ту сторону, куда надо. – Севр улыбнулся понимающе, но Руф видел – он все равно не до конца улавливает суть системы Александрии.

– Наши состоятельные люди считают так: они стражи – привратники элитного клуба, для избранных. В котором можно ездить на роскошных лимузинах, открывать свои фирмы, платя минимальные налоги, получать огромные проценты с чужой прибыли... – Руф закрутил последнюю гайку. – И быть членом этого клуба очень достойно. А вступить туда можно, заплатив взнос. Так принято во всех клубах. Взнос – взятка. Это понятно? Все честно.

– Оригинальный взгляд, – заметила Эрис, щурясь от палящего солнца. – А ты сам согласен с ним?

– Мне дело надо делать, а не систему ломать, – хмуро ответил Руф, подозревая, что она не одобряет стиль его жизни. – А вот вы ерундой занимаетесь.

Водитель захлопнул капот и сунул в потрепанный кофр разводные ключи.

– Какой именно? – весело спросила девушка, убирая непослушную прядь волос за ухо.

– Шахты строите. Дороги прокладываете. Лучше бы не лезли сюда.

– Почему ты так думаешь? – Севр пристально посмотрел на Руфа, словно ему действительно было дело до мнения водителя старого автобуса, ползающего от одного нищего города до другого. И только сейчас Руф заметил, что у него очень запоминающиеся глаза – вокруг черной точки зрачка серо-голубая радужка, а ее обводит четкая темная полоса. Похоже на мишень.

Руф не спеша вынул из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну, протянул инженеру. Тот отрицательно покачал головой. И тогда водитель закурил сам, щурясь на собеседника сквозь сизый дымок.

– До того как вы пришли на эту землю, они, – он кивнул на пассажиров, бродящих вокруг автобуса, – жили в палатках из овечьих шкур, гоняли верблюдов. Одно племя воровало у другого женщин и еду. А вы появились и пересадили их с ослов на бизнес-джеты, переселили из-под пальм в небоскребы... Ну не этих, – уточнил он, заметив скептическое выражение на лице Эрис. – Тех, кто теперь владеет шахтами и нефтяными вышками. Но и они остались такими же дикими, только с деньгами. И они вас ненавидят.

– За что, по-твоему? – спросил Севр.

– Она, – Руф указал тлеющим концом сигареты на девушку, – белая, в брюках, смотрит в глаза, улыбается, руки открыты, красивая. Ты – белый, здоровый, сильный, богатый.

Инженер улыбнулся невесело:

– Особенно смешно звучит последнее.

– А еще вы приехали из города, где нет закона, но много денег. И все они были бы не против забрать эти деньги себе, желательно вместе с вашими женщинами. А мужчин заставить работать на себя. Или убить.

– Мрачная картина, – сказал Севр с прежней улыбкой.

Эрис нахмурилась, окидывая взглядом нищую улицу. У порога кофейни сидели уже пятеро и не отрываясь глазели на ноги девушки. В дверях маячил еще кто-то.

К Руфу неспешно приблизился бородатый мужчина в некогда белой галабее, спросил задиристо, но с нервной ноткой:

– Ну что?! Едем, нет?

– Докурю, и поедем, – надменно отозвался Руф, и тот торопливо отошел, сообразив, что побеспокоил важного человека и он, недовольный, если захочет, может простоять еще лишний час, показывая свою власть.

– Забирайтесь, – водитель кивнул собеседникам на открытую дверь. – И мой вам совет – больше со мной не ездите. Пусть возит компания.

Отвернувшись, щелчком отправил окурок в песок и залез в кабину, сел за

руль, посигналил. Завел двигатель, прислушался к его тихому рокоту, удовлетворенно кивнул. Если повезет и не поднимется песчаная буря, до оазиса доберется без поломок. Пассажиры, разбредшиеся по округе, начали усаживаться в автобус.

Руф повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть салон. Инженеры из Полиса были на предпоследнем ряду. Девушка у окна.

Автобус дернулся и медленно тронулся с места. За пыльными стеклами поплыла грязная улица. Разбитые дома, жалкие кофейни, нищие лавки, ослы, козы, высохшие колодцы. Бензоколонка и разбитые грузовики без колес, кузова которых превратили в мусорные свалки.

А потом город остался позади, вокруг раскинулась пустыня. Сперва каменистая, с горами на горизонте, а затем – песчаная. Она дышала жаром. Куда ни посмотри теперь, вздымались мягкие красновато-серые барханы. Горячий воздух дрожал над ними, искажая расстояния.

Вдали виднелись вышки. Стальной лес, днем и ночью сосущий из земли деньги. Факелы, пылающие над ними, в темноте пустыни иногда напоминали Руфу сотканные из огня шары.

Становилось все более душно. Кондиционер в автобусе сдох давным-давно. Окна тоже не открывались. Несколько кустарно установленных вентиляторов не справлялись со своей работой, грозя в любой момент отправиться следом за кондиционером.

Движение создавало хоть какую-то видимость дуновения ветра. Он пробивался сквозь щели и слегка обдувал потные лица. Руф подумал рассеянно, каково девушкам в чарфахах, закрывающих не только голову, но и нижнюю половину лица, да еще плотная ткань – от горла до пят. Так придется париться почти весь день. Впрочем, их дело.

Вдоль дороги, если можно было так назвать полосу разбитого бетона, засыпанного песком, показались развалины. Обломки зданий могли появиться там, где их раньше не было, а могли исчезнуть. Пустыня глотала их, погребая под барханами, и выплевывала в новом месте. Из дыр окон и дверей длинными языками вытекал песок.

Один раз, проезжая здесь, Руф заметил среди камней человеческий скелет, обмотанный тряпками. Голый череп щерился на путников, иссохшие пальцы бессильно тянулись к дороге. Попал в пылевую бурю или умер от жажды. Теперь не узнаешь. На обратной дороге его уже не было.

В мутном небе висел размытый диск солнца. Полдень.

Водитель нехотя включил радио. После негромкого треска помех салон наполнил мощный, монотонный голос. Пассажиры благодарно заерзали, а потом забормотали, совершая все положенные поклоны и

мановения руками.

Руф знал, что некоторые останавливают автобусы, чтобы провести молитвы в благостной обстановке спокойствия, у него же не было на это ни времени, ни желания. Кто не хочет ехать с ним, пусть ждет трое суток следующего вездехода. И обычно желающих задержаться не находилось.

К тому же в путешествии дозволялось сократить количество читаемых сур и телодвижений. Грехом это не считалось.

Он взглянул в зеркало, увидел слегка озадаченные лица гостей из Полиса. Похоже, им еще не доводилось наблюдать подобных действий. Руф поймал взгляд девушки. Она вопросительно приподняла брови, а он не нашел ничего лучшего, как подмигнуть ей. Эрис не сдержала улыбку, тронула за плечо спутника, сказала ему что-то на ухо. И Руфу захотелось вдруг, чтобы фильтры засорились снова. Вездеход остановился бы, и он смог еще поговорить с этими людьми. Или просто постоять рядом.

«Притяжение крови» – как сказал бы дед. Ему повезло – он встретил белую женщину, такую же как сам. Отцу тоже удалось жениться на своей. Руф же все чаще понимал, что останется один. Местные девчонки вызывали лишь единственное желание – держаться подальше. Капризные и одновременно агрессивные, они требовали заботы, денег, вкусной еды, как избалованные дети, но в то же время нуждались в жесткой руке. Впрочем, и сам Руф оставался для них белым чужаком, хоть родился в Александрии и провел здесь всю жизнь.

И он не жалел о своем решении, до сегодняшнего дня.

...Радио давно замолчало, трансляция сменилась привычным треском.

Справа от дороги вынырнули очередные развалины. Они были похожи на стариков с лысыми головами, провалившимися беззубыми ртами и полуослепшими глазами. Бессмысленно таращились на проезжавших мимо и уныло свистели им вслед сухим ветром.

Руф протянул руку, чтобы попытаться поймать волну, сквозь шум наткнулся на невнятную, едва слышную слащавую музыку, на миг отвлёкся от дороги... А когда снова поднял взгляд, спокойствие пустыни разбилось. Два небольших, но мощных вездехода вылетели навстречу, выбрасывая из-под широких рифленых колес струи песка, встали боком, перекрывая путь. На гребень бархана справа взобрался ревущий двигателем багги^[6].

Руф крутанул руль, уходя от столкновения с препятствием, слетая с дороги. И багги на полной скорости саданул в борт. Тяжелый автобус повело, потащило к камням. Ремень впился в грудь. Мужчину, сидящего на откидном сиденье у входа, швырнуло вперед. Он с кратким воплем

врезался в перегородку и свалился в проход.

В салоне заголосили. Испуганно зарыдали дети. Слева грохотнуло сухо и коротко. Руф утопил в пол педаль тормоза, успел заметить, как быстро пригнулись Севр и Эрис, закрывая головы руками. На их согнутые спины хлынула лавина осколков из лопнувших окон. Сидящие перед ними не успели – мелкие жалящие обломки ударили в лицо мужчине, высекая из кожи красные брызги. А женщина, ехавшая с ним, завалилась набок, белый платок на ее виске залился красным.

Самая мирная и спокойная из всех трасс превращалась в зону боевых действий.

Автобус ткнулся носом в песок и наконец остановился. Руф сунул руку под сиденье, вытащил тяжелый разводной ключ, смехотворное оружие рядом с автоматом, нодохнуть как баран он не собирался.

Загремели разрозненные выстрелы, однако теперь стреляли не по вездеходу, а в воздух, желая припугнуть.

Вопли, крики, стоны, плач в салоне после этого только усилились. Вооруженные люди из перекрывших дорогу вездеходов уже бежали к автобусу.

Руф кинул взгляд назад. Эрис, прижимая к уху коммуникатор, что-то быстро говорила в него. Наверняка сообщала на свою базу о нападении.

Умница.

Значит, шанс есть.

Дверь кабины распахнулась. Человек в черно-красном платке-шемаге, повязанном на лицо, вскочил на подножку. Глаза у него были бешеные, налитые кровью. Дуло автомата уставилось Руфу в грудь.

– Вылезай! Приехал!

Руф сжал зубы, ключ сам дернулся в опущенной руке. Но он не ударил. Заставил себя разжать пальцы. Жизнь в Александрии научила – не сопротивляться, сделать вид, что подчиняешься. А потом действовать по обстоятельствам.

Ждать, когда он пошевелится, не стали.

Железные лапищи вцепились в плечи, потащили, выдирая из-за руля, удар прикладом в живот принудил согнуться, ловя ускользающий воздух. Следующий пинок бросил на колени. К затылку прижалась горячая сталь, но выстрела не последовало. Резкий гортанный окрик приказал убрать оружие.

Руф поднял голову.

Рева мотором, из укрытия выехал транспортер с закрытым кузовом, тяжело ухнув, остановился рядом с багги.

Шестеро нападавших сгоняли пассажиров, словно покорных овец, в сторону от автобуса. Женщин отдельно, мужчин отдельно. Двое споро поливали многострадальный вездеход бензином из канистр.

Захватчики работали спокойно, деловито, быстро. Нападение не ради легкой наживы. Никого не интересовала ни старая машина, ни жалкий скарб наемных работников.

Руф едва не вывернул шею, пытаясь увидеть иностранцев.

Севра выволокли из автобуса. Левая рука висит плетью, на рубашке кровь, лицо разбито.

«Он не должен сопротивляться», – подумал водитель с отчаянием.

«Их не должны учить сопротивляться. У них мирный город. Не с кем драться».

Инженера бросили на землю, где ему лучше было оставаться неподвижным. Но тот начал вставать, явно не зная этих простых и понятных местным правил.

«Лежи!» – мысленно приказал ему водитель.

«Не вставай!»

Один из нападавших – с лицом, заросшим до глаз бородой, оскалившись, размахнулся, целясь коленом ему в лицо, но Севр удивительно легко для раненого уклонился. И ударил в ответ. Снизу вверх, распрямляясь. Попал в подбородок, и довольно сильно, потому что боевик отшатнулся назад, тряся головой под смех остальных.

Но все равно сопротивление было бессмысленным. Иностранец не смог увернуться от кулака, врезавшегося в лицо, красные брызги разлетелись веером в раскаленном воздухе пустыни, сверкая на солнце, словно рубины из порванного ожерелья. Севр наклонился вперед, как показалось Руфу, теряя сознание, а затем вдруг с силой ткнул головой схватившего его сзади боевика. Впечатал затылок в его нос, водитель услышал смачный хруст. Черный завопил, выпуская белого. Игры кончились, и больше с ним не церемонились, сбили на землю прикладом и уже не давали подняться.

– Это инженеры! Из Полиса! – крикнул Руф, отвлекая на себя внимание. – Большие люди! Много денег!

Тычок в спину заставил его замолчать, но избиение прекратили.

Севр больше не двигался. Когда его потащили к автобусу по камням, за ним тянулась кровавая полоса.

Эрис вытащили из стайки воющих женщин, с похабными шуточками швырнули на землю. Один из боевиков вздернул ее за волосы, ставя на колени, запрокинул ей голову. Другой, стоя перед ней, начал расстегивать

штаны, пересмеиваясь с приятелями. Руф, сжав зубы от бешенства и унижительной беспомощности, дернулся вперед, но очередной тычок толкнул его обратно. Эрис вдруг резко мотнула головой, и тут же по ушам ударил вопль, наполненный звериной болью. Мужчина с расстегнутыми штанами орал не переставая, зажимая пах обеими руками, и между его пальцев текли красные струйки. Девушка выплюнула комок откушенной плоти и что-то сказала насмешливо и четко. По ее губам и подбородку стекала кровь.

Дальнейшего Руф не видел, ему накинули мешок на голову, подняли и поволокли, перед тем как засунуть в транспорт ударили по голове, и темнота стала осязаемой и всеобъемлющей.

Он очнулся в тряском кузове транспортера, в крошечной полутемной клетке, провонявшей мочой и кровью. Справа за прутьями виднелись скрюченные фигуры, сбившиеся в кучу. Оттуда доносилось непрерывное всхлипывание, бормотание и стоны. Слева белело нечто, напоминающее полосу света. Руф проморгался, не обращая внимания на ломоту в теле, подполз ближе.

Эрис лежала на спине, неловко закинув руку за голову, рубашка на ее груди была разорвана, на белой коже – синяки и царапины. Брюки заляпаны кровью. Половина лица – сплошной синяк, глаз заплыл.

Показалось, что она не дышит, Руф просунул руку сквозь решетку, схватил ее за плечо, потряс, потянул к себе.

– Эрис... Эрис!

Девушка медленно, с трудом повернула голову, скользнула по нему тусклым, плывущим взглядом.

– Ты жива... – выдохнул водитель, – главное, ты жива.

– Севр, – шепнула она беззвучно, одними губами. Гул двигателя заглушил звук чужого имени.

– Убили... – ответил он. – Наверное, убили.

– За что? – произнесла Эрис чуть громче. – Зачем?

– Рабы. Им нужны рабы. Бесплатная, забитая рабочая сила.

– Свободного человека нельзя сделать рабом, – прошептала она, как будто бредя.

Попыталась приподняться, застонала сквозь зубы. Руф придвинулся ближе, обхватил ее обеими руками, так, словно между ними не было решетки, чувствуя под ладонями лихорадочно горячее тело, которое колотила мелкая дрожь, и заговорил тихо:

– Послушай, мы выберемся. Я уверен. Вы же из Полиса. Вас не бросят.

Как только узнают, что вы пропали, тут же начнут поиски.

Она запрокинула голову, глядя на него, в удивительных глазах не зажигалась ни радость, ни надежда. Эрис просто смотрела и слушала.

– Все будет хорошо. Я попытаюсь договориться. Нас выпустят. Мы нужны им для работы, и я уверен, у меня будет возможность переговорить с кем-нибудь. Они все любят деньги.

– Я даже не знаю, как тебя называть.

– Руф.

– Руф?^[7]

Намек на улыбку скользнул по ее разбитым губам.

Грузовик начал ехать медленнее, затем сбросил скорость до минимума, и теперь его раскачивало как на волнах. Остальные пленники заголосили громче, а Руф сказал тихо, так чтобы его слышала только девушка:

– Я знаю, где мы сейчас. Старая дорога. Огибает оазис Таруд с востока.

– Ты уверен?

– Я ездил здесь пару раз. Поперек дороги лежат колонны. Выломали из какого-то древнего храма и бросили. Поэтому нас так мотает. А сейчас будет грохот – здесь работают камнедробилки.

И он не ошибся, через несколько секунд машина утонула в скрежете, звонком стуке, равномерных ударах.

Руф следил за дорогой, разговаривая с девушкой, и продолжал держать ее в руках, но чувствовал, временами она уплывала, почти соскальзывая в беспмятство. Тогда он снова шептал ей о том, что все будет хорошо, почти против воли запоминая повороты, тень, падающую на крышу, хруст гравия под колесами. Пару раз он сам начинал выпадать из реальности, но усилием воли заставлял себя держаться в сознании, хоть голова и раскалывалась от боли.

Наконец транспортер, дернувшись всем запыленным, громыхающим телом, остановился.

Крыша, скрежеща, поехала в сторону кабины водителя, собираясь гармошкой. Дневной палящий свет ударил по глазам. Послышались узнаваемые голоса. В кузов запрыгнул кто-то из боевиков. Болезненно жмурясь, Руф взглянул наверх, пытаясь понять, что происходит, и тут же девушку рванули из его рук.

Она глухо вскрикнула, а он только крепче сжал ее, хотя понимал, что все равно не удержит. Тогда он схватил за рукав боевика и заговорил быстро, глядя в его равнодушное лицо, заросшее черной бородой:

– Слушай, она из Полиса. За нее заплатят хороший выкуп. Но за

живую.

Его не услышали, или не захотели услышать. В лицо ударила струя белого газа, забив глотку, парализуя дыхание.

Сквозь душащую боль Руф успел поймать взгляд девушки, перед тем как ее выдернули из кузова, крыша задвинулась.

Больше он не чувствовал ничего, кроме ватного равнодушия, но мозг, получивший жесткий приказ отслеживать направление, через тошноту и мысленное оупение продолжал фиксировать – поворот, сброс скорости, тряска на камнях, еще один поворот, грохот машин рядом, прямая дорога...

Он всегда запоминал любой путь с закрытыми глазами, и теперь это умение могло спасти жизнь не только ему. Поэтому он упорно повторял ленивыми, пересохшими губами «... поворот... сброс скорости... спуск вниз... поворот...»

Когда транспортер наконец остановился, он чувствовал, что его память переполнена до краев. В кузов полезли люди, вытаскивая пленников, на голову Руфа снова натянули мешок, связали руки.

Сначала ноги увязли в песке, затем под подошвами ботинок захрустели мелкие камни, потом дорога пошла под уклон. Палящий жар сменился вязким холодом. Вокруг бормотали, всхлипывали, монотонно завывали. Руф напряженно прислушивался, надеясь уловить голос Эрис или Севра. Но в унылых стенаниях не было даже их отзвука.

Заскрипела дверь, мешок сдернули с головы. Руф успел разглядеть длинный коридор, ряды дверей. Его втокнули в тесную камеру, но, прежде чем заперли, он успел спросить тюремщика:

– Эй, сеид, куда нас?

И тот снизошел до ответа:

– Хорошее место тебе найдут. Работать будешь.

Дверь захлопнулась.

Здесь до него уже был кто-то. В углу валялся рваный матрас, поверх какие-то гнилые тряпки, покрытые плесенью.

Руф сел на пол, опустив на колени связанные руки. Одурь, вызванная газом, еще не до конца выветрилась из головы, потому что он не мог оценить до конца опасность, грозящую ему. Ни отчаяния, ни страха, ни тревоги.

Водитель прислонился затылком к холодной стене и закрыл глаза. Всего лишь на минуту, а когда открыл, понял, что уже не один в камере. Рядом сидел незнакомец. Худой, в черной футболке с размытым абстрактным рисунком и в потертых джинсах.

Руф был уверен, что никогда не видел его, но это лицо с острым

подбородком и запавшими щеками удивительным образом казалось знакомым. Вызывало полное доверие.

Темно-серые глаза смотрели на пленника с участием и дружеским теплом.

– Ну как ты? – спросил он. – Держишься?

– Они сожгли мой автобус, – сказал Руф со злостью. И это было первое сильное чувство, которое вымыло труху сонных мыслей из головы.

Теперь он ощущал все – тревогу, за себя и белых из Полиса, бешенство от своей беспомощности, жаркое желание освободиться...

– Главное, сам цел, – философски отозвался парень. – Где находишься, знаешь?

– Похоже, старая крепость на территории оазиса Таруд.

– Уверен?

– Я могу ориентироваться здесь с закрытыми глазами. С шестнадцати лет езжу.

Парень прищурился, как будто пытался разглядеть что-то доступное лишь ему, затем устало потер лоб над бровями.

– Двое из Полиса, которые ехали в твоём автобусе. Что с ними?

– Севр, скорее всего, мертв. Эрис была со мной. Потом ее забрали.

– И тоже мертва, – задумчиво произнес странный гость, словно разговаривая сам с собой. – Во всяком случае, ее мира снов нет.

Потом, вспомнив о Руфе, задал новый вопрос:

– Ты в курсе, почему на вас напали?

– Я слышал разговор. Им нужны рабы.

– Тогда почему убили Севра и Эрис?

– Слишком строптивые. Не запугать.

Собеседник кивнул, внимательно разглядывая пленника.

– А может, она все-таки жива? – спросил тот с отчаянной надеждой. – Я не видел ее мертвой.

– Нет, приятель. Никаких шансов.

Он скрестил ноги, усаживаясь удобнее, и Руф увидел, что парень босиком. Но ступни его чистые, хотя пол был покрыт толстым слоем грязи. И мысли водителя устремились в другом направлении.

– А ты кто такой? Как вообще попал сюда?

Тот поднялся, наклонился, крепко взял Руфа за плечо:

– Мы вытащим тебя. Совсем скоро. Наберись терпения.

Он сильнее сжал пальцы, и... водитель проснулся. Он сидел в той же камере. На холодном полу, также прислонившись к стене, но рука все еще помнила теплое, дружеское прикосновение.

Ночной гость оказался прав. Руфа действительно вытащили. Через три дня. Нереально быстро по меркам неспешной, а временами откровенно ленивой, Александрии. Сквозь мутный сон он слышал выстрелы, вопли, резкие отрывистые команды, грохот. Потом шаги. Дверь его камеры распахнулась. На пороге появился военный в камуфляже, окинул пленника цепким взглядом, посторонился и пропустил внутрь парня в гражданской одежде. Одежда того – потертые джинсы и футболка с яркими пятнами на груди – показалась Руфу знакомой, а худое, бледное лицо с утомленными тенями под светлыми глазами вызвало яркое воспоминание.

– Я видел тебя во сне, – пробормотал Руф, приподнимаясь.

– Я тебя тоже, – улыбнулся парень, помог пленнику встать на ноги, разрезал ножом веревки на руках. – И там ты выглядел гораздо лучше.

– Такты... сновидящий? – Водитель машинально растирал затекшие запястья, рассматривая неожиданного спасителя.

– Да.

Его слова заставили Руфа спросить:

– Вы нашли инженеров?

– Нет, – отозвался тот нехотя. – И уже не найдем.

Он оказался прав.

Банду, торгующую людьми, уничтожили. Пленников спасли. Но среди них не было ни девушки, ни мужчины из Полиса.

...Руф открыл глаза, вновь осознавая себя здесь и сейчас. Через несколько десятков лет после этих событий.

Снял старый игровой шлем, цепочка от флэшки, вставленной в него, лежала на груди, пальцы крепко сжимали ее. Сон, записанный на съемный носитель много лет назад, оставался по-прежнему ярким, болезненно-острым, как свежая рана. Руф пересматривал его время от времени, раньше чаще, теперь реже. Пытался найти какие-нибудь зацепки, не замеченные прежде, лучше разобрать короткие реплики бандитов, напавших на автобус, различить детали... и вновь почувствовать себя молодым, полным сил. Как пятьдесят... пятьдесят шесть лет назад.

Но ничего нового он так и не узнал.

Мужчина снял с шеи цепочку и поднялся с кровати. Первые секунды после сна тело было одеревеневшим, но движение, как всегда, вернуло мобильность, хотя до прежней бодрости было далеко. Два окна его маленькой квартиры выходили на шумную, пыльную площадь. Чахлые пальмы, растущие у пятиэтажного старого здания, не давали даже иллюзии тени, хотя домовладелец, предлагая в аренду жилье, особо напирал на

красоту ландшафтного дизайна и уют, пытаясь поднять цену.

На противоположной стороне несколько щитов. Фотографии людей, под ними красные строки. В отличие от портретов они не менялись никогда: **«Помогая этим людям, вы рискуете своей жизнью и жизнями близких, имуществом и здоровьем».**

По площади нескончаемым потоком ехали машины, велосипеды, мотоциклы, шли люди. Толстый стеклопакет – самое дорогое в этой квартире – практически отсекал звуки с улицы. Непрерывные гудки, рев двигателей, грохот, человеческую речь, заунывные выкрики торговцев, добирающихся сюда из соседних районов Александрии.

Белые жалюзи нагрелись от солнца и пахли пылью и пластиком. Одинокая муха билась о стекло. На кухне бормотала вода в трубах.

Руф отвернулся от окна, окинул равнодушным взглядом спартанскую обстановку своей комнаты, сел за низкий стол, открыл свой старый ноутбук и полез смотреть новости.

Можно было заняться садоводством, благо климат Александрии позволял выращивать хоть розы, хоть ананасы. Или перезнакомиться со всеми белыми соседями. Их здесь было большинство – тех, кто не эмигрировал в Полис и отселился в один район ради безопасности и поддержки друг друга. Можно было начать вести курсы самообороны для соседских детей, если уж своими не обзавелся.

Но Руф просматривал все новостные каналы, любительские, официальные и тематические, как вчера, позавчера, неделю, месяц, год назад. Пусть его физическая форма с прожитыми десятилетиями не улучшалась, профессиональное чутье становилось все острее.

В ОБСТ его считали одержимым. Он мог сутками не есть, не спать, загоняя себя и своих сотрудников. Но и результаты у его группы были весьма впечатляющими. Несколько обезвреженных террористических группировок, освобожденные люди, предотвращенные взрывы зданий. Ну и плюс к этому спица в ноге, два титановых позвонка и хроническая бессонница.

Его вторая, настоящая, работа заменила собой всю жизнь. Иногда Руф вспоминал о том молодом беззаботном парне, водителе автобуса, мотающемся месяцами по одному и тому же маршруту, и понимал, как мало общего стало у них в итоге. Тот Руф из прошлого плыл по течению, смиряясь с обстоятельствами, этот, нынешний, занимался тем, что упорно ломал систему. Ту самую, выстроенную на взятках, крови, лени и жадности. Иногда это даже получалось.

Руф листал новостные ленты, просматривая сообщения наметанным

глазом, отсекая чернуху, выразительную, но безобидную, нацеленную исключительно для привлечения внимания любопытной всеядной публики, умело и неумело поданную рекламу и порноролики, косящие под популярные музыкальные клипы.

Он был готов к любому повороту событий, как всегда. Но репортаж из центрального Полиса застал его врасплох.

Вечерний город залит электрическим светом. Видно недавно прошел дождь, и мостовая блестела, отражая свет огней. Кафе и рестораны, расположенные на разноуровневых площадках-парках, заполнены посетителями. Возле клубов шумные яркие очереди, по шоссе мчались автомобили непривычных обтекаемых конструкций...

А затем обычная жизнь города внезапно разрушилась. Люди, стоящие у дверей заведения, расцвеченного ослепительными огнями, начали падать, как срезанные невидимым серпом.

Огонь вели сверху. С одного из зеркальных строений.

Ракурс камеры резко сместился. Видимо, съемка шла полицейским дроном. На плоской крыше в пересечении ярких прожекторов стала видна тренога, на которой была укреплена хорошо знакомая Руфу установка «Нур», она исправно лупила длинными очередями по всему живому и неживому, но движущемуся, попавшему в прицел. За выступом мелькнул силуэт, луч света поймал человека с винтовкой в руках.

Кликнув на значок стоп-кадра, Руф всматривался в изображение стрелка. Его лицо было закрыто серой тканью, видна лишь тонкая переносица и глаза. Светлые. Серо-голубая радужка обведена темным ободком по краю.

Необычные глаза. Запоминающиеся.

Редкие.

Те самые.

Такие Руф видел лишь раз в жизни. В своей прошлой жизни.

С черной точкой зрачка. Похожие на мишень.

Он вновь запустил изображение, картинка ожила.

Террорист вскинул винтовку и выстрелил в очередную жертву, выбрав ее среди десятка других людей, тут же, передернув затвор, убил еще одного человека, потом слегка сместил дуло оружия и уложил третьего. Казалось, его вообще не волновала неизбежная расплата, он планомерно выполнял задуманное. Убивал так легко, словно его цель всего лишь виртуальная модель в компьютерной игре или мишень в тире. Для него все были врагами, заслуживающими смерти...

Затем полыхнула огненная вспышка, и Руф понял, что беспилотник,

зависший над крышей, уничтожен. Самонаводящаяся система за спиной террориста разнесла прибор слежения на пластиковые осколки.

Текст бывший оперативник тоже прочитал. О том, сколько человек погибло... Мирных, не готовых к этой войне граждан Полиса.

Руф взял коммуникатор, лежащий под рукой, набрал номер. Отклика пришлось подождать, и Мурат не ответил, а рывкнул в трубку:

– Да?!

– Ты видел репортаж из центрального Полиса? Стрелка на крыше бизнес-центра?

– Нет.

– А ты посмотри.

– Слушай, Руфус, не до того сейчас. У нас беспорядки в районе Эр-Рияр. Захват заложников. А ты уже сколько лет на пенсии? Отдохни. Без тебя разберутся.

И молодой коллега отключился.

Руф часто говорил своим подчиненным, что на их работе не бывает ни отпусков, ни пенсий, и продолжал придерживаться своей теории.

Несколько секунд он смотрел в погасший экран коммуникатора, затем перевел взгляд на видеоролик, где чужой парень со знакомыми глазами расстреливает людей, и принялся искать в телефоне еще один номер.

На этот раз ответили мгновенно. Голос, звучащий неизменно в реальности, во сне, в прошлом и настоящем, был вежлив и наполнен спокойствием.

– Слушаю тебя, Руф.

– Сегодня я видел белого мужчину с глазами Севра. Он совершил вооруженное нападение на людей в центральном Полисе.

Левк помолчал, затем сказал невозмутимо:

– Я понимаю, о чем ты. Но Севр мертв, так же как и Эрис. Уже несколько десятилетий. И у нее и у него не было детей. А также братьев, сестер и прочих родственников. Мы все это узнавали уже очень давно, Руф.

Теперь взял паузу Руф. За входной дверью послышались торопливые шаги, веселые голоса, звяканье велосипедного звонка. Залаяла собака.

– А если вы ошиблись?

– Я говорил тебе. Много раз. Но мне не сложно повторить еще. – В голосе сновидящего прорвались нотки тщательно скрываемого сочувствия. – Когда мы пытались найти эту девушку через личную вещь, ее мир снов был пуст. Его уже поглотила тьма.

– Я не сновидящий. Я привык доверять реальным фактам. Может быть, стоит обратиться в Полис? К их мастерам? Севр оттуда родом. Они

должны быть заинтересованы. Проверить еще раз.

– Руф, – произнес Левк успокаивающим тоном врача, говорящего с неуравновешенным пациентом. – Ты помнишь, сколько лет прошло? Севр был родом из Полиса. Был, понимаешь?

– Я видел его сына.

– Это не его сын.

– Ты можешь проверить еще раз? Или кто-нибудь из твоих коллег? Или попробовать отправить запрос в Полис?

– Руф, мастера снов Александрии не хуже мастеров сна Полиса.

– Хуже, если вы посчитали человека мертвым, а он жив.

– Этот спор не имеет смысла, – сдержанно произнес сновидящий. – Но прошу заметить, Пятиглав Полиса согласился с нашими выводами. И тебя мы спасли.

– Да. Спасли.

Тогда он и узнал, как работают сновидящие.

Когда выяснилось, что пропавшие инженеры ехали на рейсовом автобусе Руфа, местный мастер сна добыл личную вещь водителя и через нее смог проникнуть в его сон. Узнать подробности похищения.

Вот только Эрис и Севру это не помогло.

Руф много раз пытался продолжить с ними мысленно разговор, который не состоялся в жизни. Не мог простить себе, что не вмешался, что позволил убить их, а сам остался жив. Он знал, что ему могут сказать эти люди: «Ты не обязан был умирать за нас». Они никогда не просили умереть за себя кого-то другого.

Силы были не равны, и это понятно...

В такой ситуации всегда лучше – смириться или сделать вид, что смирился... Здесь, в Александрии, все поступали так.

И потом, при удобной возможности, надеяться, что будет шанс: бежать, обмануть, подкупить, скрыться, убить, наконец, – но это из разряда горячих, однако несбыточных мечтаний, в реальности выходящих боком и оборачивающихся откровенным проявлением глупости. Потому что тогда – надо опасаться мести разъяренных преследователей.

Каждый сам. Только для себя и о себе.

В Полисе все было не так.

Иная психология.

Они были вместе. И Севр не мог просто смотреть. Не мог сделать вид, что не он участник событий.

Они не бросали друг друга.

И понимать это – было... уважение, восторг, недоверие...

Но когда Руф все же сумел поверить в это – в то, что в мире есть, живут, существуют, дышат и счастливы рядом совсем другие люди, без страха, без подлости, без дрожи только за свою шкуру... Он сумел изменить и собственную жизнь.

– Ладно. Извини, что отнял у тебя время.

– Все в порядке. Я всегда рад тебе.

Руф выключил телефон, еще раз посмотрел в глаза незнакомого парня, свернул ролик и полез смотреть расписание экспресса до Полиса.

Глава 5

Полис

Все зеркала лгут. Они показывают человека лучше, чем он есть на самом деле, или хуже, или... гораздо хуже. А может, все дело не в отражающей поверхности слоя амальгамы, а в самом отраженном? Каждый видит только то, что хочет видеть. Красоту там, где ее уже нет, уродство на месте легкой дисгармонии.

Талия лежала на полу, раскинув руки, смотрела в зеркальный потолок, разглядывая свой кабинет и себя саму.

Фигура в просторных шелковых брюках и длинной рубашке с широкими рукавами, застегнутой на скрученные из тонких лент узелки-пуговицы, напоминала ей морскую звезду, выброшенную на пустой пляж ясеневое паркета. Из узких трещин жалюзи, закрывающих окна, вырывались лезвия света и безжалостно резали тень кабинета на сотни желто-серых полос.

Талия ощущала теплый деревянный пол затылком, лопатками, локтями, ладонями, ягодицами, голеньями и пятками, испытывая неудобство от жесткого ложа и удовольствие от неподвижности одновременно.

Стол на невысоких ножках завален тяжелыми книгами, пыльными документами, гладкими свертками рисунков. Слабо светились два экрана уснувших ноутбуков, готовые продолжить работу. Низкий, едва уловимый гул приборов вибрировал, касаясь кончиков пальцев. Дружелюбно мерцал коммуникатор, вставленный в гнездо колонок, и бормотал успокаивающим баритоном Ореста, читающего сводки с фронта стопятидесятилетней давности.

Уже две недели харита работала над сложным сном. Симулятор реальных действий, историческая отсылка. Клиент хотел погрузиться во времена последней войны с Бэйцзином. Стена еще не построена. Внутренних конфликтов в Полисе не было очень давно, мастера снов успешно предотвращали все столкновения. Но противоречия с ближайшим соседом становятся непреодолимы и приводят к военному противостоянию. Краткому, по счастью...

– Танк «Mars-5», – произнесла Талия, – вышли мне изображение и технические характеристики.

Орест прервался и сказал через несколько секунд:

– Сделано.

Тут же один из экранов мигнул и засветился ярче.

Харита поднялась, села перед столом, скрестив ноги. И стала смотреть на железную махину, выплывающую из монитора, пытаюсь создать правдоподобный образ. Гладкая сталь, местами шершавая, вполне возможно, горячая... грохот, лязг, надсадный рев, облако гари, гусеницы с хрустом давят тонкие деревца...

– Ну и...? – осведомился помощник, разрушая в ее воображении яркую картинку своим почти осязаемым теплым голосом.

– Запах, – сказала Талия задумчиво.

– Что?

– Горячее железо, машинное масло... дизельное топливо. Чем пахнет дизельное топливо?

– Едкая, удушающая вонь, – предположил вдохновитель.

– Я могу назвать тебе десяток вещей, издающих удушающую вонь. Твой одеколон, например.

Коммуникатор донес приглушенный смешок Ореста.

– Ясно, пойду трясти историков и механиков. Пусть добудут мне ведро солярки и подожгут. Перекину тебе через сон свои ощущения.

– Жду с нетерпением, – откликнулась она и завершила разговор.

Извечная проблема создания сна. Ради нескольких минут действия надо перелопатить гору информации, просеивая ее сквозь сито логики, затем взвесить ценные находки на весах достоверности, рассортировать по степени важности, разложить на яркие фрагменты эпизодов, собрать в захватывающее действие и раскрасить поверх безудержными красками воображения.

– А диалоги между тем не готовы, – сообщила Талия сама себе и снова откинулась навзничь.

Пол охотно принял ее в свои твердые объятия. Даже когда со стороны казалось, будто она ничего не делает, – харита продолжала работать. Анализировала, впитывала впечатления, мысленно проговаривала реплики героев и вертела воображаемую камеру, выстраивая сюжет сна.

Талия повернула голову, глядя на шкаф, занимающий целую стену напротив стола.

За стеклом блестел ряд кристаллов. В основном белые, среди них два густо-синих. Похоже на выставку драгоценных камней. Гостям казалось, что это всего лишь украшения. Когда они узнавали, что это сны, – интерес к «безделушкам» резко возрастал.

Один кулон лежал отдельно. По сколотому краю пробегает искорка. В

темно-серой глубине раухтопаза бледная звездочка. Талия создала его для себя.

Она мельком заметила в зеркале потолка свою улыбку. Не мягкую, не женственную, не придающую очарования. О близких полагается хранить самые теплые, светлые воспоминания. Первая влюбленность, первое путешествие, первый успех... Харита могла долго перечислять, что именно хотят видеть люди в своих волшебных грезах. Ливень успехов, нереальная победа, особенно удачный секс, дорогой человек рядом...

...Феликс бесцеремонно взял кулон, протянул цепочку между пальцев. Талия наблюдала, как тонкие звенья прочерчивают едва заметные полосы на его смуглой коже.

– Что здесь? – спросил он с легким вызовом, вновь опускаясь на кровать рядом с ней. Подбросил камень на ладони. – Какие тайны ты прячешь в этом камешке?

– Тебе не нужно смотреть, – сказала харита, зная, что ее совет будет проигнорирован.

– Интимные воспоминания? – Феликс накинуд цепь на шею, усмехнулся многозначительно. – Про меня?

Талия улыбнулась в ответ на его самоуверенность.

– Ты там тоже есть.

Он откинулся на подушку. Сжал в кулаке камень, лежащий на груди. Харита не расслышала слово-приказ, произнесенное едва разборчиво, и спустя мгновение сновидящий уже погрузился во тьму, где жили воспоминания, разбуженные ее даром.

Она прикрыла глаза. В тонкой щели между ресницами тускло светились грани серого камня. Протянула руку, касаясь кончиками пальцев его плеча. Физический контакт не обязателен, но ощущение живого и теплого рядом было приятно, успокаивающе. А затем нырнула следом за ним.

Сон был мощным, но непродолжительным. Кратким по меркам хариты, создающей видения длиною в целую жизнь. Полное погружение. Переключение с одного персонажа на другого. Картинка с разных ракурсов. То, чего она не видела и не знала – дополнила по чужим рассказам и воспоминаниям. Получилось вполне достоверно.

Сейчас Феликс видел последний обрывок. И она знала, что именно он чувствует и переживает.

В плечи и поясницу впивались изогнутые шпангоуты старой лодки. Ступни потеряли чувствительность. Под ребрами тлеет сгусток боли. Перед

глазами на необозримой высоте плыли звезды. Погружаясь в них, можно потеряться. Река лениво облизывала борта. Весла плюхали о воду. Влажная жара, пролившаяся дождем недавно, давила на тело, выжимала едкий пот из кожи, заползала в ноздри и гортань липкой вонью гнили и разложения.

Еще немного. Надо потерпеть совсем немного...

Слепящий свет располосовал черную ночь, хлестнул по глазам. Десяток белых фонарей осветил реку. Голос, рывкнувший в рупор с металлическим равнодушием, оглушил.

– Вы приближаетесь к государственной границе Бэйцзина. Немедленно остановитесь. Иначе по вам будет открыт огонь.

Лодка качнулась. Перед глазами Талии мелькнула черная тень. Высокая фигура выпрямилась во весь рост, закрывая собой от пуль.

– Не стреляйте! – молодой, отчаянный голос пытался перекрыть металлические фразы из динамика. – Не стреляйте! Здесь раненые!

– Вы приближаетесь к государственной границе Бэйцзина...

В борт ударила пуля. Во все стороны полетели щепки.

– Не стреляйте!

...сон оборвался. Феликс сел на постели, сорвал с себя кулон, швырнул его на столик у кровати. Повернулся к Талии. Спросил хрипло и ошеломленно:

– Зачем?

– Я предупреждала. Тебе не надо это видеть.

– Почему из сотен прекрасных моментов жизни ты выбрала именно этот? Помнишь, как мы вымокли до нитки в парке Киприды, а потом голыми танцевали на крыше грота Эрота?

Харита улыбнулась.

– Помню, конечно.

– А как я добыл ключ от центральных терм и привел тебя туда в день, когда они были закрыты. Мы были там одни всю ночь.

– И это помню.

– Пикник на скале Александра? Весь город как на ладони. И шум водопада.

– Я все помню, Феликс.

Он начал заводитьсь. Побелели скулы, светло-светло-карие глаза стали желтыми, как у волка, хищно раздувались ноздри.

– Тогда почему ты раз за разом вспоминаешь эту... это... – Он фыркнул, не в силах в полной мере передать свое отношение к увиденному. – Ты – харита, милосердное, светлое, одухотворенное существо, создательница волшебных иллюзий. Ты не гурия, и даже не

морок.

– Напоминай мне об этом почаще, хорошо?

– Уничтожь этот сон, – заявил он категорично и кивнул в сторону кристалла, валяющегося на столике. – Или давай я уничтожу.

– Нет, – ответила она резко. – Я должна помнить. Мне нужно помнить, как все было.

Феликс притушил желтый огонь в глазах. Понял, что переходит допустимую грань в своем влиянии на нее.

– Ладно. Не смею настаивать.

Больше он не вспоминал про это видение. И она не напоминала...

Талии захотелось взять кристалл, крепко сжать в ладони. Острые грани врезались в кожу. Больше не нужно погружаться в сон, чтобы пережить его. Достаточно просто перебирать в памяти фрагменты воспоминаний. Своих и чужих.

Но вместо этого она протянула руку, взяла стопку листов с распечаткой пророчества Герарда и начала перелистывать. Харита уже просматривала их, но не нашла ничего цепляющего взгляд. Абстракции, формы, вставленные одна в другую, цветовые пятна, наложенные на конкретные образы. Одни картины похожи на бред сумасшедшего, другие напоминали психологические тесты, третьи – тончайшие, изысканные гравюры. Изгибы странных улиц, башни, затопленные площади, хоровод звезд, маски зверей... Талия глубоко вдохнула, до предела наполняя легкие воздухом, задержала дыхание – пока сердце не начало колотиться о ребра – и медленно выдохнула. Контроль над собственным телом давал ощущение уверенности и покоя, так необходимые в работе.

Харита выпрямилась, закрыла глаза, на ощупь перебрала гладкие листы, шуршащие под пальцами как осенние листья, разложила вокруг себя и только после этого посмотрела, но снова ничто не зацепило ее внимание.

Резкая трель коммуникатора ворвалась в тишину комнаты.

– Ответить, – велела Талия, и, реагируя на ее команду, вызов был принят.

Голос Тайгера – суровый, металлический, мощный, вызывающий ассоциации с далеким лязгом стали, грохотом щитов и колонн марширующих легионеров, – зазвучал совсем рядом.

– Ты видела новости?

– Нет. Я работаю.

– В Полисе теракт.

Талия рывком села, подалась вперед, к источнику звука. Экран

охотника был выключен, и она видела лишь серое поле с расплывающимися вязкими пятнами заставки. А он, вполне возможно, видел ее сосредоточенное лицо, настороженные глаза.

Слово «теракт» вызвало у нее однозначные ассоциации. Перед глазами тут же замелькали картинки. Желтое солнце, плавающее в мутном небе, черные силуэты пирамид на каменном плато, широкая дуга залива, белые здания с мощными колоннами. Но не ее город. Не Полис. Черная, ленивая река, лодка, медленно скользящая по воде. Лодка... Талия зажмурилась, провела пальцами по векам, так что перед закрытыми глазами появились красные круги.

– Что произошло?

– Стрелок на крыше в центре города. На перекрестке Эола. Убил несколько человек, ранил почти три десятка до того, как эринеры его остановили. Вот только арестовать не удалось. Получив дротик с дозой снотворного, он умер. Во сне.

Из бесформенных пятен сложился новый образ. Здание, охваченное огнем, черные надломленные стены, окна, выплунувшие на мостовую мелкое крошево разбитых стекол, фигура окровавленного человека, он идет шатаясь, подволакивая ногу, затем падает и больше не шевелится...

Умер во сне... Как знакомо и объяснимо. Человек получил приказ пойти убивать, а когда план реализовался – уничтожили его.

Тайгер молчал, прекрасно зная, как работает ее голова, не торопил, давая собраться с мыслями.

Нечто такое она видела совсем недавно. Другой ракурс, другой сюжет, но одна тема. Боль, кровь, мертвые тела, раскуроченные машины...Талия разворошила листы и выхватила один.

Узкая улица с невысокими домами. Разбитые автомобили на проезжей части. Ливень стекол. Толпа людей, жадно разглядывающая место трагедии. На переднем плане девушка в позе сломанной куклы. Юбка задралась, по обнаженному бедру ползут струйки крови, обтекая синяк причудливой формы. Улитка... или какой-то водный моллюск с закрученной раковиной...

– Талия, – произнес негромко Тайгер, обрывая ассоциацию, только начавшую вырисовываться в воображении хариты.

Она отсекала ненужные зрительные эффекты, сосредотачиваясь на его голосе.

– Стрелка опознали?

– Нет. Но в центр сновидений Полиса обратился человек по имени Руфус Калхас, – ответил охотник. – Он работал в группе ОБСТ в

Александрии. Связался с ЭВРом Полиса через свой бывший отдел, эринеры в свою очередь передали информацию нам. Так вот, Руф считает, что знает убийцу.

Талия не задавала лишних вопросов, ожидая продолжения.

– В молодости он работал водителем автобуса, перевозящего пассажиров между оазисами. – Тайгер говорил сдержанно, передавая основную суть, не отвлекаясь на ненужные подробности, однако для Талии каждая его фраза звучала сурово, веско, образно. – Однажды к нему сели двое инженеров из Полиса. Но до места назначения автобус не доехал. На него напали, одна из местных банд. Транспорт сожгли, людей похитили. Водителю удалось спастись. Сновидящие Александрии, разыскивая пропавших, вытащили его и всех, кто оказался с ним рядом.

– Но не этих двоих из Полиса. – Взгляд Талии снова притянуло изображение аварии в иллюзорном городе и уже не отпускало.

– Да. Они исчезли.

– И какая связь у этого давнего случая с сегодняшним терактом?

– Руф отслеживал новости из Полиса. Он не видел полностью лица преступника, но очень хорошо разглядел глаза. По его словам, точно такие же были у пропавшего инженера.

Воображение хариты вновь заработало на полную мощность. Она видела по меньшей мере три варианта развития сюжета. И все они были вполне логичны.

– У него с собой предмет, на который записан сон-воспоминание, – говорил между тем Тайгер. – Бывший оперативник считает, что сновидящие Александрии упустили какую-то деталь, расследуя это похищение, а мы можем внести больше ясности.

– Он заблуждается, – почти машинально ответила Талия, рассматривая синяк на ноге девушки – не улитка и не моллюск... нечто другое. – Я контактировала с мастерами снов Александрии. Они вполне профессиональны.

– Два человека. Из Полиса. Похищены. И теперь предположительно сын одного из них расстреливает наших сограждан.

– Почему именно сын? – тут же спросила харита.

– Талия, это его предположение, – терпеливо пояснил Тайгер.

– Хорошо, пока могу взять за основу эту версию. Но ты же понимаешь, насколько она абсурдна.

– Всегда сложно представить, что уроженец Полиса станет убивать мирных, беззащитных людей, – произнес он.

Харита усмехнулась:

– А я могу. Причем очень легко.

Тайгер ничего не ответил на это, и она продолжила свои размышления:

– Ребенок, воспитанный в ненависти, всегда склонен к агрессии...

Файлы сложились. Теракт, авария, убитые, кровь, уроженец Полиса...

Талия приподнялась, вставая на колени, взяла рисунок обеими руками и поднесла к лицу, ощупывая взглядом каждую линию.

– Это не улика, – прошептала она почти беззвучно, однако охотник услышал.

– О чем ты?

– Тайгер, ты не представляешь, как помог мне сейчас с этой работой.

Он молчал, ожидая более внятного объяснения.

– Видения Герарда! Я только что разгадала один из знаков.

– Где? – спросил он отрывисто.

– Бэйцзин.

Талия сменила позу. Тело само приняло положение, которое, как ей казалось, оно давно забыло. Колени плотно сомкнуты, пятки вминаются в ягодицы, руки опущены и лежат ладонями на бедрах.

– Бэйцзин? – повторил Тайгер, и в его металлическом голосе прозвучало изумление. – Ты уверена?

Харита поняла, что ее слова сбили какие-то важные настройки в его собственном предположении. Опровергали выводы, сделанные охотником еще до этого разговора.

– Уверена. Абсолютно. Мне нужно поехать туда.

– Именно тебе? Ты знаешь, что нужна мне здесь, и кроме того...

Она перебила его, чего прежде никогда себе не позволяла.

– В одном из файлов Герарда маленькая деталь. Рисунок – схематическое изображение... слабо различимое, смутное, но узнаваемое. И он мне очень знаком.

– Где ты его видела?

Талия невесело усмехнулась, с силой переплетая пальцы.

– На своем бедре. Очень давно у меня была точно такая татуировка.

Охотник больше ни о чем не спрашивал. Его молчание становилось грозным, тяжеловесным, невыносимым, а затем обрушилось одной жесткой фразой:

– Именно поэтому ты не поедешь в Бэйцзин.

– Тайгер!

– Я знаю, кто набивал такие татуировки, когда и зачем.

– Но ты же понимаешь, я должна быть там. Я делаю это не ради себя, а для Полиса.

– Однажды мы уже едва не потеряли тебя, – произнес он мягко, но непреклонно, и харита знала, что бесполезно пытаться повлиять на его решение. – Я не хочу повторения. Единственное, чего нельзя изменить – это прошлое. А мы исправляем будущее, Талия. Ты не поедешь. Ты нужна мне здесь.

Теперь молчала она. Можно было потребовать сбора Пятиглава и вынесения ее просьбы на голосование. Но они оба знали, что харита не сделает этого.

– Хорошо, – произнесла она невозмутимо, показывая, что больше не станет настаивать. Если Тайгер сейчас видел ее лицо, то прочел бы на нем лишь выдержанное принятие его решения. – Понимаю, что тебе важна тема Александрии. Я могу встретиться с Руфом.

– Ты специалист по снам-воспоминаниям. Если ты не найдешь ничего ценного в его сне – значит, больше никто не найдет.

– Где я могу побеседовать с нашим гостем?

– Когда он доедет, остановится в отеле центра сновидений. Как только изучишь всю информацию, сообщи мне выводы.

– Конечно.

Она хотела прервать контакт, но Тайгер остановил ее:

– Талия, не думай, что я не понимаю тебя.

– Не думаю, – ответила она сухо.

Он усмехнулся.

– Но тем не менее ты досадуешь и упрекаешь меня. Давай договоримся так. Ты посмотришь сон Руфа, а я подумаю над твоим предложением поехать в Бэйцзин.

Талия улыбнулась, глядя в пустой экран.

«Ты знаешь, что я могу взбунтоваться, а ты великолепно умеешь пресекать любое неповиновение. Запретом, честным договором, советом...»

– Тебе так важен этот сон?

– Да. Я получил отчет Аметила. Он выполнял мое задание и отлично с ним справился. Во сне, куда он погружался, промелькнула Александрия. Теперь мне важно узнать, что увидишь ты. Хочу сопоставить сведения.

Он не стал посвящать ее в подробности. Но Талия понимала, эти факты – теракт, появление уроженца агломерации с неожиданными сведениями, сон перекованного дэймоса – связывались в интересную цепь.

– Хорошо. Я встречу с визитером из земли Птолемея. И обещаю, что не сорвусь в Бэйцзин без твоего одобрения.

– Рад слышать, – отозвался он с неожиданным легким теплом в голосе

и отключил связь.

Талия сидела некоторое время не двигаясь, окруженная мягким шелестом техники, работающей в режиме сна. Скоро голени затекли от пребывания в неудобной позе, и харита почувствовала мелкие иголки, покалывающие кожу изнутри. А также внутреннее беспокойство, чем-то напоминающее эти хаотичные уколы.

Она поднялась, несколькими сильными, скользящими движениями растерла ноги и пошла собираться.

Сегодня в центре было на редкость много народа. В саду играли дети, компании подростков заняли все спортивные площадки. Несколько пар в возрасте прогуливались по мелким рукотворным ручьям с минеральной водой и неровным дном для массажа ступней. Слышались негромкие разговоры, беспечный смех, плеск воды...

Талия шла, глядя на веселые, беззаботные лица, и ощущала странное чувство раздвоенности. Реальность, которая может разрушиться еще быстрее, чем сон. Вспомнилась одна из ярких ассоциаций Феликса. Полис – здоровое, цветущее дерево, корни которого со всех сторон подтачивают черви. И чтобы избавиться от них, не следует бояться испачкаться в грязи. Весьма образно и правдиво...

Человек, с кем она должна встретиться, сидел на скамье в одном из внутренних двориков.

Не приближаясь, Талия некоторое время внимательно рассматривала его. Руф напомнил ей изображение постаревшего императора Светония. Худое лицо, испещренное глубокими продольными морщинами. Резкий, волевой рот. Запавшие глаза, светящиеся упрямыми, злыми огоньками. Густые седые брови. Крупный нос с прямой выразительной античной переносицей. Коротко постриженные волосы, когда-то светлые, теперь как будто присыпаны пеплом. Еще он был похож на хищную птицу, потрепанную жизнью, – потерявшую часть перьев, но все еще опасную.

Первое впечатление сложилось. Харита глубоко вдохнула, настраиваясь на общение. Симпатия, участие, искренний интерес... Вот то немного, что ей сейчас надо показать этому человеку.

– Руф? Я – Талия. Приятно познакомиться.

Он вскинул голову, посмотрел на нее светлыми, настороженными глазами. Поднялся, пожал ладонь, протянутую для приветствия. В его движениях была некая скованность, словно он преодолевал напряженность в мышцах или приглушенную боль.

Опустился обратно на скамью, с видимым удовольствием вытянул

ногу, положил руку на правое колено, и Талия заметила, как напряглись его жилистые пальцы, машинально зажимая источник дискомфорта. Девушка села рядом.

– Я буду работать с вашим сном.

Руф все еще изучал ее, делал какие-то свои выводы. И судя по его нахмуренным бровям, не самые воодушевляющие.

– Вы специалист по поиску людей? – спросил он наконец.

Талии понравился его голос. Не уставший от жизни, не слабый, не глухой. Наполненный сдержанной внутренней силой.

– Я харита. Создаю сны наподобие того, что вы привезли с собой.

– Я знаю, чем занимаются вдохновители, – ответил он, продолжая рассматривать ее. – Красивые картинки и недоступные в реальности удовольствия. Это не то, что мне нужно.

– Вы не совсем верно оцениваете мою работу. – Талия слегка улыбнулась в ответ на его сомнения. – Кроме создания сна я могу проанализировать чужое видение. И не важно, что оно показывает – похищение людей или прогулку по лесу. Я вижу, как сделан сон. Структура, наполнение, могу определить его целостность и... подлинность.

Харита намеренно произнесла последнее слово. Сон никогда не был для нее истинным или ложным. Но привычное определение зацепило бывшего работника отдела борьбы с терроризмом.

– Начнете работу сегодня? – спросил Руф.

– Да.

– Когда я получу результаты вашей экспертизы? – Взгляд мужчины попытался придавить ее холодной, властной тяжестью, но Талия отразила его приветливой улыбкой.

– Это зависит от длительности сна и его наполненности.

– Я смотрю его за час.

– Значит, мне понадобится не меньше трех. Плюс время на дорогу до дома.

– Почему не хотите сделать это здесь? – Руф указал на отель, в котором остановился. – Номера очень приличные и кровати удобные.

Можно было объяснить ему специфику работы мастеров сна, привязанных к своим домам, но Талия произнесла понимающе:

– Не хотите надолго расставаться с носителем сна? Обещаю, он не пострадает после моего воздействия. И я его не потеряю.

Руф нахмурился, но оценил ее проницательность.

– Это единственная зацепка.

– У меня большой опыт обращения с подобными вещами.

– Я поеду с вами, – решил он внезапно и пробормотал, глядя на свои тяжелые руки, переплетенные нитями вен: – Сидеть здесь и ждать сутки...

– Не думаю, что это хорошая идея, – заметила Талия сдержанно.

– Сомневаетесь в своей безопасности рядом со мной? Я ведь из Александрии, мало ли кто и что мог внедрить в мое подсознание, – он прищурился, думая, что разгадал ее тайные опасения. – Меня уже проверили ваши мастера сна, и с эринерами я тоже говорил.

– Нет, я не против вашего присутствия. И не опасюсь за себя. Просто вам будет некомфортно.

– Ничего. Справлюсь. – Руф наклонился, взял трость, прислоненную к скамье, поднялся, опираясь на нее. Заметил взгляд хариты, коротко бросил: – Я готов идти.

– Ну хорошо, – Талия встала следом, – идемте.

Она наблюдала за ним. Видела, что он замечает это, и примерно представляла, о чем думает. Сначала решил, это внимание вызвано осторожностью. Чужак из Александрии – не самого спокойного и благополучного города, кто знает, что у него на уме? Затем у него возникло подозрение, что ее забавляет недоумение, которое он пытается сдержать, глядя по сторонам. И ему нужно было время для того, чтобы осознать – он интересен ей как человек.

– Почему не спрашиваешь, понравился ли мне Полис? – наконец задал вопрос Руф, когда они садились в скоростной поезд, который также называли Ледяным экспрессом.

– Это было бы неуместно, – сказала Талия, занимая место у панорамного окна. – Вежливый человек будет вынужден ответить «нравится», но испытает неудовольствие, оттого что из него вытянули хвалебный отзыв.

– А невежливый человек? – Руф сел напротив, удобнее устраивая плохо сгибающуюся ногу.

– Считая себя находящимся в зависимом от меня положении, потому что я должна выполнить для него важную работу, произнесет то, что я хочу услышать. Но станет копить раздражение из-за своей вынужденной деликатности, и в итоге это выльется в неизбежный конфликт.

– Ну а если ему действительно понравится?

– Тогда он сам скажет это. Мне не потребуется спрашивать.

Собеседник пристально смотрел на нее какое-то время, потом усмехнулся.

– Ты всегда знаешь ответы на вопросы, даже незаданные?

– Это профессиональное, – улыбнулась Талия. – Я создаю сновидения,

и диалоги, которые звучат в них. Поэтому могу предположить, какая реакция последует на определенную реплику.

Руф хмыкнул что-то неопределенное, посмотрел в окно. Экспресс несся сквозь районы зеркальных небоскребов и подвесных садов.

– Не так много людей на улицах, как я думал.

– Большинство горожан в это время дня заняты работой, кто-то проводит время на спортивных площадках или в центрах досуга...

В его взгляде не было прямого недоверия, но легкое сомнение отразилось. Он пытался представить общество, в котором у людей не возникает желания убить ненужное время.

– Руф, какой, по-твоему, самый опасный человеческий порок? – спросила Талия.

– Страх, – ответил он мгновенно.

– Лень, – возразила она. – Ложь от лени. Проще солгать, чем совершить какое-либо усилие над собой или своей жизнью. Зависть от бездеятельности. Когда ты не можешь добиться ничего в жизни из-за лени, возникает раздражение на более успешных окружающих.

Поезд нырнул в тоннель и увеличил скорость. В салоне зажегся свет, и тени легли на лицо Руфа жесткими складками.

– Страх от безынициативности тоже, – продолжала свои размышления Талия. – Это и боязнь наказания за нежелание работать или несделанную работу, опасение совершить ошибку из-за отсутствия профессиональных навыков, не полученных опять же от лени...

Руф слушал ее очень внимательно, с интересом, хотя и не скрывал чуть насмешливую улыбку.

– Убивают, по-твоему, тоже от лени? И воруют?

– Да. Если человек не желает утруждаться и совершать каждый день скучные, как ему кажется, действия на работе – ему проще украсть. А убивать легко, когда ненавидишь всех, кто достиг в жизни того, чего нету тебя. Потому что ты не получил образования все из-за той же лени и не имеешь достойную профессию, или не хочешь напрягаться вообще.

– А если он хочет и учиться и работать, но ему не дают? – хмуро спросил Руф. – Нужно раздать столько взяток, чтобы пробиться в приличное учебное заведение. Не говоря уже о доходном месте.

«Ну да, – подумала Талия, – он же из Александрии. Честным трудом там сложно добиться чего бы то ни было».

– Но вы, Руф, добились чего хотели?

Он усмехнулся невесело.

– Также не получил бы ничего без посторонней помощи. В академию

точно не поступил.

– И кто вам помог?

– Один сновидящий. Это было давно, – промолвил он нехотя, а затем продолжил с куда большим воодушевлением: – Но вообще интересная теория. То есть, ты хочешь сказать, в Полисе низкий уровень преступности только потому, что ваши люди успешно борются с ленью?

– Не только...

Тема преступлений и борьбы с ними конечно же больше всего интересовала оперативника из ОБСТ, пусть и бывшего. Он хотел спросить еще что-то, но в этот миг экспресс вырвался на поверхность.

...Вокруг были горы.

Все многочисленные пассажиры замолчали, глядя в панорамные окна. Снежные вершины на фоне ослепительного синего неба надвигались, закрывали горизонт, сами становились единственным ориентиром в этом величественном, холодном мире...

Когда поезд прибыл на конечную станцию, Руф вышел из вагона – и замер ошеломленный, видя теперь всю панораму.

Все, кто оказывался здесь, останавливались и безмолвно смотрели по сторонам несколько минут, не в силах сдвинуться с места. Даже Тайгер, который немало повидал на своем веку.

Величественный Мон Сильванус^[8] с острой вершиной, лишенной снега из-за сильнейших ветров на высоте, выделялся из всей Пеннинской гряды самым узнаваемым, зазубренным профилем.

Внизу, у подножия гор тянулись узкие пешеходные тропы, ведущие к озерам – круглым каменным чашам, наполненным ледяной водой, кажущейся сверху зеленой. Длинные ледники, покрытые глубокими трещинами, сползали с гор. Их ровное дыхание касалось путешественников, стоящих на обзорной площадке, зимним холодом и тут же откатывало, сменяясь теплым ароматом трав с альпийских лугов.

– Значит, здесь ты живешь. – Руф рядом с Талией прищурился, поднял руку, заслоняясь от яркого солнца.

– Вон там. – Харита показала на каменный купол чуть выше обзорной площадки.

– Похоже на обсерваторию.

– Когда-то давно ею и был. Мой учитель перестроил его...

Руф удобнее перехватил трость, коснулся покрасневшего лба. Талия, увидев этот жест, ненавязчиво взяла гостя под руку.

– Здесь высота больше трех тысяч. Без адаптации тяжело находиться на открытом воздухе. Идем, у меня в доме давление выравнивается.

Узкие ступени, вырубленные в скале, вели к крыльцу. Между булыжников вилась алая сныть, прижатая к земле ветром. Растение – неизменный спутник сновидящих.

На соседнем холме стояло трехэтажное здание из темного камня, построенное в том же стиле, что и древняя обсерватория. Внушительное и грозное на фоне белых склонов гор.

– Это отель, – сказала Талия, заметив взгляд Руфа. – Сюда приезжают кататься на горных лыжах, альпинисты взбираются на Лесной перевал.

Она поднялась по широким ступеням. Двери, реагирующие на движение, открылись, приглашая внутрь, в полутемный круглый холл. Изогнутая лестница из серого гранита вела на второй этаж, и оттуда лился поток яркого горного солнца.

– Присаживайся, – харита указала на ряд кресел. – Здесь, за стойкой, чай, кофе... Если станет скучно, можешь спуститься к отелю. У них очень хороший ресторан.

– Я подожду здесь. – Руф сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил флэш-карту устаревшей модели и подал харите.

– Я сделаю все, что от меня зависит, – сказала она именно то, что гость хотел услышать.

Он кивнул, подошел к одному из кресел и устало опустил в него, рассеянно поглядывая по сторонам.

Талия сняла плащ, не глядя положила на спинку стула, сбросила ботинки.

Поднялась в свою жилую комнату. Постояла у окна, глядя на панораму гор и настраиваясь на работу. Опустила жалюзи.

В кровати она вытянулась, сжимая в ладони трофей, закрыла глаза, вспоминая. Мэтт спрашивал, что помогает ей выйти в сон. Она не ответила тогда.

Сначала темнота.

Затем оглушительная тишина, какая бывает лишь после раската грома и выстрелов.

Мягкое покачивание, словно дно лодки поднимают и опускают невысокие волны.

А затем глубокий, уверенный голос, шепчущий на ухо:

«Все хорошо. Слышишь? Ты в безопасности. Теперь ты можешь уснуть».

«Теперь я могу спать», – повторила Талия про себя и погрузилась в реальность, созданную другим вдохновителем.

Путешествие по миру сна было не долгим, впрочем, как и сам этот сон. Харита то скользила по событиям, просматривая несложную прямую ветку сюжета, то заглядывала в глубину подсознания, где скрывались истинные мотивации и зацепки. Сложная работа, отнимающая ничуть не меньше сил, чем создание сновидения...

Когда Талия спустилась вниз, Руф сидел на прежнем месте, напряженно ожидая ее возвращения.

– Все нормально? – спросил он сухо, и харита поняла, что он пытается скрыть под суровой сдержанностью тревогу.

– Да.

– Заметила что-нибудь?

– Этот сон записан по твоим воспоминаниям?

– Да.

– Ты часто пересматривал его?

– Пару раз в месяц.

– Кто его делал?

– Один из специалистов Александрии. Его зовут Левк.

Талия села в кресло напротив, положила руки на шею сзади, запрокинула голову, разминая уставшие мышцы.

– Что-то не так? Талия, в чем дело?

– Этот сон слегка подправлен. Я видела три слоя. Первый – основная канва сюжета... происшествия. Затем поверх еще один – работа вдохновителя, который восстанавливал твои слегка размытые воспоминания, и это нормально, ведь человек не может помнить все, досконально. А вот последний срез – несколько фрагментов, виртуозно внедренные в текстуру. Очень тонко, незаметно.

– Мне подсунули фальшивку? – спросил он глухо. – Все было по-другому?

Талия крепко взяла его за руку. Ощутила под пальцами сухую, горячую кожу.

– Все было так. Но с нюансами. Из года в год ты пересматривал этот сон и сам загружал себе в память подправленные воспоминания.

– Кто это сделал?

– Тот, кто записывал для тебя сон. Или тот, кто имел доступ к этому носителю сна.

– Зачем? Если я видел то, чего не должен был видеть, почему меня просто не убили? – Он машинально освободился от ее ладони, все еще сжимающей его руку.

– А может быть, сновидящий всего лишь хотел оградить тебя от

жестоких картин реальности. Сгладить впечатления. Дать тебе жить нормальной жизнью без боли и сожалений.

– Когда ты смотрела – видела то, что было на самом деле?

Харита отрицательно покачала головой. Она не видела. Она догадалась. Слишком большой опыт и знание психологии людей Полиса, для которых – и про которых – она создавала свои сны. Впрочем, Талия так же хорошо представляла жизнь в агломерации и ее законы.

Но Руфу не были нужны ее догадки.

Он нуждался в реальных фактах.

– Какие места исправлены?

Талии очень не хотелось говорить об этом, но он буквально вцепился в нее, требуя ответа.

– Несколько мгновений во время нападения. Буквально секунды. Эпизод в кузове грузовика. Разговор со сновидящим в камере.

– Кто-нибудь может вытащить из меня подлинные воспоминания?

– Оракул.

– Где я могу с ним встретиться?

– Руф, – она положила флэшку на кресло рядом, – тебе не нужно...

– Что я сделал?! – Он схватил ее за плечи, жестко встряхнул, а потом отпустил так же внезапно. – Или... не сделал? Я мог спасти ее? Я мог спасти их обоих?

– Ты спас многих людей после, когда работал в ОБСТ. Если бы не этот эпизод, ты бы всю оставшуюся жизнь послушно следовал системе, в которой был выращен....

Но он ее уже не слушал.

В кресле сидел немолодой измученный человек, вновь переживая утрату, которая свалилась на него больше пятидесяти лет назад...

– Я хочу найти его. Этого парня. Террориста.

– Понимаю.

– Вы можете помочь?

Талия пристально смотрела на его лицо, выстраивая цепочку. Через сон стрелка можно проникнуть в сон Эрис... или Севра, если они живы, что, конечно, представляется сомнительным. Вот только...

– Этот человек мертв.

– Мертв? – повторил Руф.

Он поднялся, прошелся по комнате, подошел к окну, за которым стояли горы, погружающиеся в облачную дымку.

– Я хочу увидеть его.

– Он в морге.

– Значит, увижу его в морге, – сказал он твердо.
– Хорошо. Я могу договориться о посещении на завтра. И у тебя будет время отдохнуть...

– Сегодня, Талия, – улыбнулся Руф невесело. – У меня остался только сегодняшний день. Плохие новости из дома. Похоже, у нас начинается гражданская война. Оазис Эр-Рияр подвергся бомбежке и соседний с ним Дор... Боевики расстреливают мирных жителей, сгоняют их с земель. Скоро агломерация потребует, чтобы Полис открыл Стену и пустил беженцев на свою территорию. Предоставил им убежище, еду и пособия. А вместе с ними сюда хлынут и все остальные желающие легкой жизни, которую им должен обеспечить процветающий город.

Руф говорил с горьким ожесточением, не глядя на девушку, и она примерно понимала, что он чувствует. Злость на безумие, творящееся в его мире, досада от невозможности повлиять на происходящие события...

– Подозреваю, скоро границу закроют. Я вообще не выберусь отсюда.
– Ты можешь остаться, – сказала Талия и еще до того, как закончила говорить, уже знала, что он ответит.

– Нет. Мое место там, – произнес он сухо. – Остались незаконченные дела.

– Хорошо. Едем сейчас.
– Я могу сделать это один, – возразил Руф, но харита видела, ему приятно ее желание сопровождать его.
– Ты мой гость, во-первых, – сказала девушка. – И во-вторых, я тоже хочу закончить дело, которое начала.

Здание морга, стоящее среди тысячелетних кипарисов, было выстроено в тяжелом классическом стиле позапрошлого века. Монументальные колонны поддерживали двухскатную кровлю. Барельефы на фронтонах рассказывали о быстротечности жизни и величии Хроноса^[9].

– Не знал бы, что тут, подумал – музей, – заметил Руф.
Вдали, за деревьями, скрывались корпуса Центрального медицинского университета. Там обычно было шумно илюдно. Здесь же, в полной тишине, лишь негромко посвистывал ветер в кронах.

– Сообщение с госпиталем и лабораторией эринеров под землей, – пояснила Талия, вдыхая аромат свежей зелени. – Чтобы на поверхности ничто не нарушало покой этого места.

В холодном мраморном вестибюле их встретил служащий в серой форме с приметным серебряным значком, стилизованным под факел. Опрокинутый, с тонкой струйкой дыма вместо пламени. Символ погасшей

жизни.

– Добрый день, Плутон, – сказала Талия, показывая жетон сновидящего. – Нам нужно спуститься вниз.

Суровое лицо служителя Танатоса не изменило выражения. Глаза, прозрачные как первый озерный лед, окинули внимательным взглядом девушку и ее пожилого спутника. Взгляд зацепился за медный мак в руке Талии. Затем смотритель сделал приглашающий жест и направился в глубину вестибюля, к тускло мерцающим кабинам скоростных лифтов.

Спуск на нижние уровни занял не больше нескольких секунд.

Они оказались в холодном зале, освещенном белым стерильным светом. Воздух, наполненный запахом хвои, напоминал о кипарисах – деревьях печали, растущих наверху. В серых полированных стенах – квадратные металлические люки с номерами.

– Нас интересует стрелок из центрального Полиса.

Смотритель кивнул и подошел к одной из ячеек в нижнем ряду. Выдвинул узкий ящик.

Талия посмотрела на Руфа. Тот приблизился. Его неровные шаги сопровождались громким стуком трости по каменным плитам пола. Остановился, глядя на бледное тело, лежащее на ледяном металлическом поддоне.

Молодой мужчина – машинально отметила Талия. Физически развит, правильные черты лица, светлые волосы. Из особых примет – шрам на внешней стороне правого бедра. И едва заметные отметины на левой голени. Похоже на укусы змей.

Харита взглянула на Плутона.

– Отчет эринеров есть?

Он утвердительно наклонил голову, вынул из отделения в ячейке планшет и подал ей.

Талия перелистнула виртуальные страницы.

Предположительно тридцать пять лет. В базах данных не значится. Местожительства неизвестно. Дальше следовал полный генетический код. Если бы сохранились биоматериалы Севра, можно было провести сравнительный анализ и выяснить точно, является ли этот человек сыном пропавшего инженера.

Человек-призрак. Появился из ниоткуда, убил, и ушел в ничто.

– Это он, – прозвучал хриплый голос Руфа. – Одно лицо с Севером.

– Уверен? – спросила Талия, копируя информацию в свою базу данных.

– Абсолютно.

Впрочем, возник он не из пустоты. Порождение Александрии. Совершенная оболочка с искаженной, изломанной внутренней сутью.

Ее размышления прервал звонок коммуникатора.

– Прошу прощения, – сказала она Руфу и отошла к служебной лестнице, притаившейся в тени за колонной.

– Закончила? – в голосе Тайгера звучал плохо скрытый азарт.

– Такое чувство, что ты следишь за мной, – улыбнулась харита.

– Присматриваю, – деликатно уточнил он, – и, пока ты не приняла никаких серьезных решений, хочу сказать еще кое-что. Во время своего последнего погружения Аметил столкнулся с дэймосом, старым и больным, по счастью. Его имя Лонгин Сотер.

– Сотер?

– Да, один из потомков правителей Александрии. Он умер на глазах Мэтта, и тот успел разглядеть тени его жертв. Это – одна из последних. Никого не напоминает?

Талия посмотрела на экран своего многофункционального коммуникатора. Там открылось изображение. Искусно выполненный рисунок передавал не только основные черты, но и настроение. Боль и несломленная воля. Мужчина в изодранной одежде, покрытой кровью, рука перебита, вместо глаз – две мишени.

– Это Севр, – услышала Талия за спиной голос Руфа, но не обернулась.

– Дэймос жил в Александрии и там же умер? – спросила Талия.

– Да.

– И теперь Аметил стремится в земли Птолемея?

– Не говорит об этом прямо, но он одержим идеей найти ответы на свои вопросы. Я планирую удовлетворить это стремление.

– Надеюсь, ты не позволишь ехать с ним ученице. Ей там совершенно нечего делать.

– Безусловно.

– А что насчет моей просьбы? Ты обещал подумать над ней.

– Я подумал.

Его голос умолк. Вызов прервался.

Харита подняла взгляд. Плутон задвигал обратно ящик с мертвым телом. Руф стоял рядом.

– Кто хочет ехать в Александрию? – спросил он, и недоверчивый прищур вернулся на его лицо.

– Его зовут Аметил. – Талия помедлила и добавила: – Он поможет тебе в твоих поисках. И, думаю, гораздо лучше, чем я.

Глава 6

Вес воды

Он поднимался из сна, точно ныряльщик-фридайвер с глубины. Колоссальная масса воды давила на каждую клетку тела, растворяла проникающий сквозь толщу тусклый солнечный свет, жгла холодом бездны через гидрокостюм.

Кислород в легких заканчивался, и Трои уже перестал их чувствовать. В груди нарастало онемение, границы зрения заливало мраком – так, что виднелась лишь узкая щель, замочная скважина, да и то ненадежная, подрагивающая и вот-вот грозящая исчезнуть вместе с последними крупными фрагментами сознания, которое пытался удержать агонизирующий от недостатка кислорода мозг.

Время, чтобы подняться до начала «самбы» – потери моторного контроля над телом из-за гипоксии мозга, – все еще оставалось, но сокращалось с каждой четвертью секунды. Трои знал, что тьма – означает смерть. Он «погаснет», и глубинное течение унесет его далеко-далеко, в сердце океана, где человеческое тело не найдут и за целую вечность. Стараясь сохранять спокойствие, ныряльщик продолжал мерно работать ластами, держась правой рукой за путеводный трос, уносящийся высоко вверх, туда, где серебрился и дрожал потолок водной поверхности.

Здесь был еще кто-то. Этот некто не давал обнаружить себя, перемещался слишком быстро, под ним, скрываясь в толще воды, наблюдая, но Трои чувствовал вибрации моря, когда незнакомец подплывал достаточно близко. Иногда, словно играя, он дергал трос, отчего тот дрожал, точно переохладившийся пловец, и в эти мгновения ныряльщику казалось, что единственная ниточка, связывающая его с миром, полным воздуха и тепла, оборвется в любую секунду.

А быть может, и не казалось. Он слышал это от другого ныряльщика. Шепотом сквозь гул, забивающий уши, злорадной насмешкой и угрозой. Агонизирующему мозгу представлялись мрачные картины и слова, которых не было. Сознание Троя постепенно угасало среди хоровода океанид, nereid и гиппокампусов, поднявшихся со дна, не желающих отпускать человека наверх.

Он разобрал слова второго пловца, тот приказывал ему сделать нечто неправильное, и Трои, удивленный этим, не сдержался и сделал вдох.

Глубокий и сильный, так, что вода заполнила его бронхи и легкие, точно жидкое золото.

Последнее, что услышал ныряльщик – тихий смех.

В следующее мгновение он проснулся. Воздух насыщал горящие легкие, словно он и вправду тонул на глубине, а не спал. Сердце стучало как бешеное. Сквозь этот стук и шум крови в ушах Трои не сразу расслышал мелодичное гудение ручного терминала.

Будильник трезвонил уже несколько минут, и он отключил его, с трудом перебарывая апатию.

– Свет.

Собственный голос показался чужим и дребезжащим, но система управления домом узнала его – и большие скошенные панорамные окна начали светлеть, набирать прозрачность, впуская утро в квартиру, находящуюся на сорок втором уровне небоскреба.

– «Пробуждение».

Из скрытых динамиков зазвучали мелодии летнего леса. Щебет птиц, жужжание пролетевшего шмеля, отдаленный звон ручья и шум ветвей деревьев. Трои предпочитал «Грозу», но сегодня ему требовалось нечто иное, чем шелест дождя.

Еще одно усилие, и он встал с постели, ощущая себя столетним стариком. Или же человеком, кутившим всю ночь и опустошившим все алкогольные запасы в баре.

– Приготовь кофе, – сказал он. – Сегодня двойной эспresso. И... что-нибудь на завтрак. Все равно что.

Трои отправился в ванную, все еще слыша в ушах неприятный смех из ночного кошмара.

Очередного ночного кошмара.

Они снились ему уже довольно давно, отчего по утрам Трои ощущал себя словно после марафонской дистанции, причем во время бега ему приходилось нести на себе доспех гоплита, включая щит. Это изматывало, он чувствовал нарастающую усталость, раздражительность и потерю внимательности.

В душевой кабине система сама определила его состояние, и программа включила контрастный душ, меняя направление водяных струй и их температуру, «оживляя» и тело и разум. Трои оперся обеими руками о стену, чувствуя, как просыпаются мышцы, и пытался ухватиться за фрагменты кошмара, ускользающие из его памяти вместе с каплями, стекающими по коже.

Каждый раз сон был новым, и неизменным оставался лишь вкрадчивый шепот незнакомца. Трои не помнил его слов, они скрывались где-то глубоко внутри и оживали лишь глубокой ночью.

Вода сменилась потоками горячего воздуха, высушившими тело. Кровать уже была убрана, а из гостиной доносился аромат кофе. Быстро одевшись и сунув терминал в карман рабочего комбинезона, Трои позавтракал, не сядя за стол и наблюдая за тем, как утреннее солнце поднимается все выше и выше, зажигая зеркальные поверхности небоскребов, а домашняя система управления чуть затемняет стекла, подстраивая их так, чтобы человеческий глаз мог легко адаптироваться к прямым лучам, в которых купался Полис.

Погода обещала быть хорошей, без ветра, а значит, в кабине не станет трясти. Не то что вчера.

Терминал негромко пискнул, напоминая, что хозяин опаздывает. Пока Трои затягивал шнурки на высоких рабочих ботинках, панель входной двери высветила информацию о погоде и пробках. Он так и не смог выбрать голос для своей домашней системы, хотя фирма предложила ему множество вариантов. В какой-то момент у него возникла мысль взять за образец Иву, но Трои отбросил эту идею как кощунственную. Ему не хотелось такого вот «раздвоения» в своей жизни. В итоге умный дом остался без речи, и когда человек уходил, квартира проводила его тишиной.

Дверные замки закрылись совершенно беззвучно, и он, пройдя коридор, вышел в просторный холл, ожидая лифт. Тот прибыл через минуту, распахнув двери, встречая его улыбкой соседки с верхних этажей. Трои уже дважды с ней сталкивался. Она была новенькой в их комплексе, совсем молодой, со светлыми волосами, собранными в высокую, но вместе с тем деловую прическу.

Сегодня он ответил на ее улыбку через силу, лишь потому, что не хотел, чтобы девушка думала, что ее сосед груб.

Лифт устремился вниз с возрастающей скоростью, без остановок, до подземных этажей. Трои пропустил девушку вперед, и та ответила ему еще одной улыбкой. Он проследил, как тонкая фигура скрывается за дверцей машины, думая о том, что надо все-таки познакомиться и не быть неотесанным молчуном. Но проклятые кошмары лишали его всякого желания утром делать хоть что-то, кроме необходимых в данный момент вещей.

А необходимым сейчас было одно – успеть на работу.

Он проигнорировал автомобиль, помня о затруднении движения на центральном шоссе, и встал на эскалатор, опустивший его еще глубже,

мимо уровней с торговыми комплексами и ресторанами, на станцию подземки. Низкий серебристый поезд на магнитной подушке подошел едва слышно, точно кот на мягких лапах, поднял двери из темного стекла, а уже через минуту, разогнавшись, рухнул в тоннель, еще ниже, под город, проносясь под районами огромного Полиса.

Внутри скорость почти не ощущалась, на стеклах транслировались последние новости. Кроме Троя в вагоне было от силы человек двадцать – эта линия никогда не считалась загруженной и вела на периферию, к конечной станции, откуда ходили маленькие региональные электрички и автобусы. В том числе к Стене.

Трои вышел на следующей остановке, предназначенной для технического персонала, и поднялся наверх, на закрытую площадку, где его ждал конвертоплан.

Вил торчал возле стеклянного купола, обозревая окрестности. Он был выше и чуть старше, грузноватый, улыбчивый и веселый. Сейчас он слушал музыку, стоя рядом с одним из четырех двигателей, окрашенных в ярко-красный цвет, и, заметив коллегу, махнул рукой, ничего не говоря. Вил никогда и никуда не торопился, так что опоздание Троя на несколько минут воспринял спокойно. Страт же – выглянувший из кабины худой парень, работавший оператором их команды, не преминул сказать:

– Где тебя гарпии носят? Упустили вылет, теперь надо заново связываться с диспетчерами и просить разрешение.

– Все погрузили? – Трои пропустил недовольство мимо ушей.

– Да. Десять минут назад отдел логистики закончил. Я проконтролировал.

Не полагаясь на слова, Трои обошел приземистый летательный аппарат, так похожий на черепаху, и, нажав несколько кнопок, заставил грузовой люк опуститься. Осмотрел тяжелые ящики с оборудованием для погружения батискафов, проверил, надежно ли они закреплены, игнорируя хмурые взгляды Страта.

– Я же говорю, все нормально, – сказал тот. – Полный комплект по тому списку, что вчера дала мне Ива.

– Ты разговаривал с ней сегодня?

– Да. Она считает, что это не поломка. Батареи сгорели не просто так.

– И?..

Уверенность Страта в первый раздала трещину, и он помялся:

– Лучше ты сам от нее услышишь.

Трои не стал настаивать, хлопнул по плечу Вила, привлекая его внимание, показал на кабину. Тот, не снимая наушников, забрался первым,

сел на заднее кресло, пристегнулся и достал из кармана в спинке переднего порядком зачитанную графическую новеллу «Воины Ареса».

Страт, забыв о ремнях безопасности, уже спорил с диспетчером, прося продвинуть их в очереди на вылет и упирая на то, что они выполняют срочный заказ правительства.

Трои чувствовал неуверенность. Проклятый кошмар не шел из головы, и сегодня у него не было никакого желания управлять конвертопланом. Так что он нажал несколько кнопок, отчего штурвал ушел от него в открывшуюся на приборной доске панель, предоставляя автоматике возможность самой доставить их на место.

– С тобой все нормально? – нахмурился Страт.

Он был не тем человеком, с кем Трои хотел бы делиться своими проблемами, так что просто пожал плечами, не собираясь ничего объяснять.

Оживший автопилот запустил проверку систем, зажег дисплеи кабины, начал прогрев двигателей и, получив разрешение на взлет, отправил приказ, заставляя раскрыться стеклянный купол над взлетной площадкой.

Конвертоплан задрожал, медленно поднимаясь на четырех реактивных струях, завис над небоскребом, повернул двигатели, меняя вертикальную тягу на горизонтальную, и со все возрастающей скоростью направился на юг, к морю.

Берег здесь был высокий, изрезанный бухтами. Охряный, поросший сосновыми борами, среди которых затерялись множество маленьких домиков с белоснежными стенами и крышами цвета голубиной крови. Они каскадами спускались к лазоревому морю, теснились на обрывах, вырастали перед извилистыми серпантинами автомобильных дорог, которые спустя пять десятков поворотов выводили к гаваням, пирсам и диким пляжам. В незапамятные времена море жадно бросалось здесь на сушу, вырывая из нее пенными лапами длинные ленты песка и камней, а затем бушевало в узких протоках. Но теперь огромные волнорезы охраняли покой этих мест. И усмиренная стихия благодушно покачивалась, урчала негромко и улыбалась солнцу.

С высоты благодаря падающим солнечным лучам вода была прозрачной, и дно казалось близко-близко, хотя Трои знал, насколько обманчиво это впечатление. Некоторые бухты оставались безмятежны, однако чем дальше на юг, тем более бурным становилось море.

Берег «сполз» вниз, показав темный квадрат железнодорожного тоннеля и ветку, серебряной стрелой переброшенную между горами.

Впереди начинался район старых храмов.

Когда-то они стояли на суше, но случившееся почти тысячу лет назад землетрясение сбросило часть их в море, оставив на поверхности лишь разбитые фрагменты колонн, куполов и лестниц. Белый мрамор в ярко-голубой воде, местами окруженный бурлящей сахарной пеной, казался ослепительным, и всякий раз, когда Трои пролетал над ними, эти величественные руины напоминали ему разрушенные подводные дворцы Посейдона.

Площадку построили прямо на воде. Конвертоплан завис над ней, опустил так мягко, что никто из пассажиров не почувствовал касания посадочных полозьев о поверхность. Рев двигателей затихал, и Трои, выбравшись из кабины, сказал Вилу, наконец снявшему наушники:

– Разгрузка на тебе.

Тот кивнул, достал из сумки терминал, подключенный к желтым роботам-погрузчикам, дремлющим на краю платформы.

– Страт, свяжись с Полисом, узнай сводки на ближайшие два дня.

– Ладно, – раздался краткий ответ.

По мосту, соединяющему платформу с берегом, Трои поспешил к череде зданий, смонтированных прямо среди наполовину погруженных в воду построек так ловко, что иногда можно было ошибиться и не угадать, какие сделаны всего лишь неделю назад, а каким почти две тысячи лет.

Работать его группе приходилось на исторической территории, и, чтобы не портить древние здания современными комплексами, монтажники Полиса использовали синтетические материалы, внешне ничем не отличающиеся от мрамора. Своим присутствием люди старались причинить этому месту как можно меньше вреда, до тех пор пока в море не будет отстроена платформа. Работа кипела и днем и ночью, но команде Троя не суждено туда перебраться до начала следующей недели. Так что они вынужденно торчали во временном лагере.

В командном пункте окна были закрыты щитами, и свет шел лишь от многочисленных мониторов, занимавших всю стену помещения. Но стоило захлопнуть за собой дверь, как тепло вспыхнули лампы, прогоняя тени, и девушка в массивном темно-синем кресле повернулась к нему.

– Ты опоздал.

В отличие от Страта, в ее голосе не было ни осуждения, ни обвинения. Лишь вопрос – все ли в порядке?

– Проспал.

Ее светлые глаза на треугольном бледном лице были слишком внимательны. Казалось, Иве хватало лишь одного взгляда, чтобы узнать его

пульс, давление и увидеть ту усталость, что притаилась глубоко в сердце. Состояние других людей девушка считывала без проблем, точно медицинский сканер.

– Скорее не выспался, – безапелляционно заявила она, говоря этим, что ей-то он мог бы и не врать, и тут же добавила с участием, которое было такой же гранью ее личности, как и умение вести сложные математические расчеты, и мгновенная реакция: – С тобой все хорошо?

Трои не стал лгать:

– Плохие сны.

Ива встала с кресла. Она была невысокой и хрупкой. Стройную фигуру обтягивал серо-серебристый комбинезон с красными полосами, тянущимися по горлу, рукам и бедрам, похожий на кожу ящерицы. Трои всегда откровенно любовался ею. И она знала это...

Последние несколько лет Ива говорила, что волосы мешают ее работе, и поэтому стригла их так коротко, что на голове оставался лишь темный ежик. Трою новая стрижка не нравилась, хотя и совсем не портила ее. Но он молчал об этом. Все имеют право на свои странности и капризы. В конце концов, именно это делает человека человеком. Ива работала еще с его отцом, когда тот был молод, однако на ее гладкой коже совсем не отражались прошедшие десятилетия.

– Ты ведь собирался сходить в центр сновидений.

– И я схожу. Как только мы выполним контракт и ликвидируем аварию. Сама же видишь – нет времени на ерунду.

– Сны не ерунда, – укорила его Ива. – Что тебя мучает?

– Я не знаю, – честно ответил Трои, падая в кресло, которое все еще сохраняло тепло девушки. – Точнее, не помню. Наверное, просто тороплюсь закончить дело, а оттого сам не свой. Мы ползаем по дну уже больше недели, но не можем расчистить завалы и найти, где перебит поток. А теперь еще и эти странные поломки. Шесть роботов за два дня точно с ума сошли. И батареи батискафа тоже подлежат замене.

– Уже заменила, – улыбнулась она. – И готова к работе.

– Страт сказал, это не простая поломка.

– Да. Я проверила. В прежние времена такое называлось саботажем.

– Что? – Трою показалось, он ослышался. – Ты уверена?

– Ты же знаешь. – Улыбка у Ивы была грустной.

Конечно уверена. Иначе бы не говорила. Сколько он ее помнил, она ни разу не ошиблась.

– Здесь я, ты, Вил и Страт. Больше никто не имеет доступа к машинам. Очень тяжело поверить, что им вздумалось ни с того ни с сего портить

технику в такой момент.

– Я и не верю. Но кто-то основательно покопался в программах и сбросил мои настройки. Я всю ночь потратила, чтобы восстановить контроль над машинами, переписав меню управления с чистого листа.

– Получилось?

– Отчасти. Но отсюда я не смогу ими управлять. Работы слишком далеко от берега. И глубоко. Сигнал на шести километрах будет слабым, и если я потеряю над машинами контроль...

Ива не стала продолжать. Все и так было ясно. Потеря дорогостоящего и сложного оборудования потребует замены, а на это нужно время, которого у них не оставалось.

– Что ты предлагаешь?

Девушка пожала плечами.

– Я перенесла терминал на батискаф. Если буду рядом, то роботы справятся. Сегодня сможем расчистить и проверить пять или шесть квадратов.

– Ну, значит, будем работать на глубине. – Он не спорил, понимая, что она права. – Я управляю батискафом, ты оператор.

– Нет. Ты слишком устал за эти дни. Будешь командовать отсюда и корректировать меня. Возьму с собой Вила. Он давно хотел. Пожалуйста. Останься на этот раз наверху.

Разумеется, он хотел быть поближе к ней. Но, как всегда, не смог отказать ей в просьбе. Лишь напомнил:

– Батареи сгорели.

– Вы привезли новые, поторопи Страта, и мы успеем погрузиться до середины дня. Послушай, – окликнула его Ива, когда он уже выходил. – Мне позвонить эринерам? Ну... насчет всего происходящего.

Трои хотел согласиться, но когда слова уже были готовы сорваться с его языка, он внезапно изменил свое решение:

– Не сейчас.

Девушка внимательно посмотрела на него и кивнула.

– Не сейчас...

Батискаф «Немерстия» был готов к погружению. Страт и Вил проводили заключительную проверку после установки новых батарей – ползали по гладкому, нагретому солнцем лимонному корпусу, тестируя клапаны и эвакуационную капсулу.

Внутри было просторно и светло. Системы фильтрации делали воздух сухим и немного холодным, и у Троя, как часто бывало, запершило в горле.

– Поможешь мне? – попросила Ива, спускаясь по трапу в отсек оператора, отгороженный от кабины пилота переборкой. Она жевала жевательную резинку, которая пахла клубникой.

– Как всегда, – сказал Трои.

Закрепив гарнитуру связи в левом ухе, девушка надела удлиненный металлический корсет и легкий шлем, села в узкое кресло с высокой спинкой, где были проделаны четыре круглых отверстия. Трои открыл дверцу щитка на правом борту, вытащил один из четырех ребристых кабелей, заключенных в хромированную оболочку. Каждый из этих «шлангов» заканчивался страшной паучьей лапой-штекером.

Ива склонила голову, открывая доступ к разъему на затылочной части шлема, и Трои, пропустив кабель через дыру в кресле, защелкнул его у девушки на голове. Затем сделал то же самое с тремя оставшимися шнурами, сцепив их с грудными и поясничными контактами.

– Готова? – спросил он, активируя терминал синхронизации.

Вместо ответа на губах девушки надулся большой розовый клубничный пузырь, который в следующее мгновение громко «чпокнул». Ива всегда брала с собой жвачку на глубину.

Он нажал «ввод», и несколько секунд в ее светлых глазах бушевала настоящая цифровая буря. Затем экраны перед ней начали загораться один за другим.

– Ух! – сказала девушка. – Готова к сражению.

Теперь ее мозг был связан с компьютером, и она могла управлять не одним, а сразу шестью сложнейшими многотонными роботами, ожидавшими ее команд на глубине.

Вернувшись на базу, Трои устроился в своем кресле. Он, в отличие от Ивы, не любил читать информацию с мониторов – чтобы воспринять ее одновременно, как это делала она, требовался целый вычислительный центр, а не голова, поэтому он нацепил очки виртуальной реальности, создающие объемную картинку прямо перед глазами. Малейшим движением зрачков можно было получить столбцы цифр или «прыгать» между глубоководными камерами.

Сейчас он следил за действием «глазами» одного из роботов, плывущих за «Немерстеей», возглавлявшей клин. Ива вела за собой сложные многотонные механизмы, превышающие размером батискаф, легко и непринужденно. Они отвечали на каждую ее команду, двигаясь за своим лидером, точно стая стальных косаток, рассекая глубоководный мрак. И Трои, находясь далеко, плыл вместе с ними, следуя за батискафом,

казавшимся сейчас таким хрупким и ненадежным.

Мощные прожекторы высвечивали лежащий на дне трубопровод, скрытый защитными кожухами. «Немерстия» проходила участок за участком, но из-за уничтоженной недавно землетрясением станции телеметрии датчики молчали, и место аварии, которое в другое время можно было найти, просто ткнув пальцем в экран, теперь нужно было отыскивать на ощупь.

Страт рядом напомнил:

– Два часа. Пора возвращаться.
– Да, – голос Ивы прозвучал с задержкой. – Заканчиваем обследование дна на этом квадрате.

– У вас половина заряда батарей.
– Да. – Вновь задержка из-за глубины. – Хватит, чтобы всплыть.
– Ты в трех часах от нас. – Трои проверил местонахождение батискафа. – Отправляю тебе платформу для швар...

Он не закончил, так как узкие копыта лучей застыли на разорванном кожухе кабеля. Провода были выдраны и торчали жалкими, перекрученными, сплавленными обрывками. В некоторых местах проводка была вдавлена в морской грунт, словно ударом огромной кувалды. Один из трех аккумуляторов оказался просто расплюснут, детали двух других разбросаны по дну и поблескивали в свете прожектора вспоротым металлом.

Страт потрясенно присвистнул, скрипнуло кресло, когда он подался вперед.

– Что-то не похоже это на разрушения из-за катаклизма. Вил, что думаешь?

– Да, – согласился пилот батискафа. – Здесь словно Арес бил мечами.
– Ива, у тебя есть предположения? – Трои был потрясен точно так же, как все остальные.

– Девяносто пять процентов, что повреждения механические и их появление не случайно.

Страт негромко фыркнул, не соглашаясь с ее теорией, но Трои слишком хорошо знал Иву и понимал, что она не ошибается. Тут же он вспомнил о диверсии, уничтожившей программы роботов, из-за чего девушка теперь оказалась на глубине.

– Кто такое мог сделать? И зачем?!
– Разве сейчас это важно? – резонно спросила она. – Хочу начать работу сегодня. Присылай платформу.

– Уже. Разбирай завалы, попробуй обозначить каждый обрыв и внеси в

память необходимые фрагменты материалов. Нам нужны поставки из Полиса, чтобы залатать все прорехи.

Ива отдала неслышную команду, и огромные рабочие модули, до этого напоминавшие серебристые торпеды, разломались, опуская на дно опорные площадки и раскладывая мощные руки-манипуляторы. Одни были приспособлены поднимать и перемещать тонны груза, другие разбивать породу; третьи, вооруженные плазмотронами, отвечали за мокрую сварку.

Четыре робота, точно невероятные глубоководные пауки, подчиняясь приказам девушки, начали работу.

В наушниках прозвучал слабый щелчок, и Трои понял, что Ива перешла на его канал.

– В нашем секторе моря больше ни у кого нет модулей. – Голос у нее был сосредоточенный, становилось понятно, что она следит за своими подопечными, деловито и неспешно поднимающими куски искореженного материала. – Только они могли причинить такие повреждения.

– И я так подумал, – сказал он ей нейтрально, чтобы сидевший рядом с ним Страт не узнал ничего раньше времени.

– Значит, некто не только переписал программы, но и использовал мои машины. – В ее голосе послышалось негодование на то, что вредитель касался огромных механических чудовищ. – Дело серьезное, Трои. Неизвестно, какие еще сюрпризы он мог устроить. Звони эринерам. Ждать больше не имеет смысла.

Он склонен был с ней согласиться, но в голове появилось какое-то неприятное ощущение, словно некто шепчет на ухо, пытается подсказать ту очевидную вещь, что ускользает от него вот уже несколько часов. Разгадку.

– Ты слышишь меня? – поинтересовалась Ива. – Если модули брали, то должны остаться записи.

– Если только их не стерли.

– Это возможно. Но я проверяла с утра заряды, и они полные, а значит, если машинами пользовались, то батареи должны были менять. Под личную запись. Такое из архива не уберешь, это центральная система Полиса.

Ее слова словно бы встревожили одну из машин. И та, дернувшись, будто попавшее в паутину насекомое, развернулась, заноса одну из своих рук над батискафом.

– Берегись! – крикнул Трои в тот момент, когда клешня рухнула на беззащитную скорлупку. И в следующее мгновение его очки виртуальной реальности погасли.

– «Немерстея», ответьте. Ива. Вил. Прием. – Бледный Страт не оставлял попыток связаться.

Но камеры на роботах были выключены, и оставшиеся на платформе оказались лишены зрения. «Глаза» батискафа показывали картинку каменистого дна, фрагмент развороченного трубопровода и опоры взбунтовавшегося механизма.

– «Немерстея». Отзовитесь. Ива. Слышите меня?! Бесполезно! – Он бросил гарнитуру связи на пульт и посмотрел на Троя. – Мы даже не знаем, живы ли они!

– Живы, – с уверенностью ответил тот, чувствуя, что словно бы проваливается в пропасть.

– С чего ты взял?

– Камеры в модулях погасли. Ива успела их отключить.

– Или же мы просто потеряли сигнал.

– Вот что... – Трои потер переносицу, стараясь рассуждать здраво. – Свяжись с Полисом, обрисуй ситуацию и...

– Говорит «Немерстея», – голос Ивы был странным и надломленным, дрожащим от искажений. – Говорит «Немерстея»! Слышите меня?!

– Это я. – Трои опередил Страта, сдерживаясь, чтобы фразы звучали спокойно и профессионально. – Мы уже начали волноваться. Как обстановка?

– Корпус цел. Пока цел. Я смогла заблокировать их до того, как они нанесли нам серьезные повреждения, но резак задел питание, и мне пришлось повозиться, чтобы подключить резервные батареи.

– На сколько их хватит?

– Если расходовать экономно, часов на восемь.

– Всплыть сможете?

– Нет. Правый манипулятор прижал «Немерстею» к грунту. А если я снова включу терминал, чтобы убрать модуль, то он, скорее всего, опять решит напасть.

– Хорошо. Можете с Вилом перейти в спасательную капсулу?

– Нет. Сильный дифферент на нос и крен вправо. Если отстрелим капсулу, то влетим в опору робота, он навис над нами.

Замкнутый круг.

– Хорошо, – выдохнул Трои, не видя в этой ситуации ничего хорошего. – Сейчас Страт свяжется с Полисом. Второй батискаф корпорации находится на западе. Потребуется около суток, чтобы доставить его сюда.

Он не сказал то, что и так всем им было понятно. Когда сядут батареи,

находящиеся в батискафе окажутся в темноте, без связи, тепла и с минимальным количеством кислорода.

– Боюсь, у Вила нет этого времени. Когда мы врезались в грунт, он ударился головой. Я остановила кровь, но портативный медицинский сканер показывает трещину в черепе. Семьдесят два процента, что он не проживет сутки без помощи врачей.

– И ты говоришь об этом только сейчас?! – возмутился Страт.

– Это ничего не меняет, – голос у нее был ровный, даже равнодушный. – Мы слишком далеко друг от друга, чтобы вы могли ему хоть чем-то помочь.

– Будь на связи. Мы что-нибудь придумаем, – сказал ей Трои.

Он ждал, пока Страт переговорит с концерном и затребует помощь, затем сообщил руководству о том, что авария на трассе кабеля не будет ликвидирована еще как минимум двое суток, а значит, следует перебросить силовые мощности на обесточенный участок Стены.

Еще трижды разговаривал с Ивой, и, судя по тем данным, что показывал медицинский модуль, – дела у Вила были плохи. Поэтому план, который он озвучил Страту, тому не понравился.

– Это глупо! И рискованно. Ты не спасешь их, а себя погубишь. Слишком глубоко для «Поликсо». Если ее не раздавит давлением, тебе просто не хватит заряда и мощности, чтобы всплыть.

– Хватит, если действовать экономно. Риск не так уж и велик. Вила надо вытаскивать.

– Вила или ее? Послушай, я уважаю Иву, но ценность ее жизни не может лежать на весах рядом с твоей, моей или любого другого гражданина Полиса.

Трою захотелось его ударить, но он лишь сказал:

– Никто из нас не может измерить ценность чужой жизни. Так что я сделаю все, чтобы помочь им вернуться.

Мрак был всеобъемлющ и бесконечен. Он жил сам по себе, обволакивая маленькое теплое зернышко, падающее в бездну.

«Поликсо» – одноместный батискаф, чем-то похожий на ракету из прошлых десятилетий, медленно спускался к месту аварии. Страт был прав, глубина, на которой лежала «Немерстия», являлась для «Поликсо» пограничной.

Предельной.

Конструкторы не планировали, что найдется идиот, который рискнет пойти столь далеко и начать игру со смертью. Но Трои доверял

оборудованию, он знал, на что способна техника Полиса, и сейчас, полулежа в узком кресле, следил за показаниями цифрового глубиномера, проверял гидролокатор, корректировал скорость вертикального погружения и периодически включал гребные винты, едва подводные течения начинали сносить его в сторону от места аварии.

Он не использовал прожектор, и приборная панель рассекла его лицо голубыми и зелеными бликами.

Когда вес воды стал опасным для «Поликсо», раздался звуковой сигнал и загорелись красные лампочки, но Трои отключил тревогу. Знал, что делал, и не собирался отступать, преодолев значительную часть пути.

Теперь лишь мрак за бортом порой тяжело постанывал, резонансно гудел, внезапно стучал по корпусу. Глубина жила по своим законам, и Трои начала чудиться тень из кошмара, что преследовала его.

Очень не вовремя.

Прошло уже больше восьми часов, и ему потребовалось попросту заставлять себя не торопиться и делать все размеренно, спокойно, чтобы оставить себе шанс на всплытие. Им со Стратом пришлось подготавливать «Поликсо» к незапланированному погружению, а затем дождаться, пока платформа доплывет и встанет над местом аварии. Да и спуск занял слишком много времени.

Когда компьютер сказал, что он достиг «Немерстеи», Трои провел рукой над сенсорной панелью, включая все прожектора.

Огромные паукообразные фигуры модулей застыли в невообразимых позах, словно шагающий лес, молниеносно затопленный водой. Их угловатые силуэты казались зловещими хищниками, притаившимися в засаде и ждущими, когда ничего не подозревающая «Поликсо» подойдет ближе.

Попавший в ловушку батискаф походил на мертвую рыбу – ни света, ни движения. Трои включил ручное управление, дал винтам самый малый ход и стал осторожно приближаться, обходя уснувших роботов.

Батискаф завис напротив старшего товарища, давая возможность человеку оценить повреждения. В иллюминаторе появилось бледное лицо Ивы. Они несколько секунд смотрели друг на друга, прежде чем девушка вернулась с гарнитурой рации, вновь включив ее.

– Это безумие – спускаться сюда.

– Так-то ты приветствуешь своего спасителя. Как Вил?

Девушка на мгновение прикрыла глаза.

– Его больше нет.

Трои выдержал удар, хотя у него перехватило дыхание от осознания

того, что случилось.

– Держись. Я тебя вытащу.

– Ты не обязан. Ценность жизни...

– Что вы сегодня все заладили о ценности?! Моя ничуть не ценнее твоей, что бы ты там об этом ни думала! Если я оставлю тебя здесь, ты умрешь. А смерть всегда одинакова для всех. Даже для тебя. Прежде чем погружаться, я запросил в Полисе отчет по заменам батарей в модулях. Их менял я. – Он увидел, что Ива печально улыбнулась. – Ты знала.

– Догадалась, когда они перестали меня слушаться. Расчет вариаций и твой график отсутствия давал шанс восемьдесят три процента, что именно ты уничтожил программы управления и кабель, который мы вынуждены восстанавливать. Но я так и не поняла – зачем?

Трои с сожалением покачал головой:

– Если бы я только знал. Ничего не помню. Ни как отдавал приказ, ни как разрушал. В документах стоит мое имя, но в памяти полный провал. Словно это кто-то другой делал. Давай я вытащу тебя, а потом уже будем разбираться, как и почему.

– Их нельзя включать. Я не знаю, какие команды ты им вписал. Нужна комплексная диагностика, обновление всей системы. Но здесь мы этого не сделаем.

– И не надо. У каждого модуля есть мануальная система управления. – Трои нажал несколько кнопок, и из открывшихся лючков батискафа выдвинулась механическая суставчатая рука. – Мне просто надо убрать этого парня с пути твоей спасательной капсулы.

– Трои. – Она положила ладошку на стекло и сказала с печальным сожалением: – Ничего не выйдет. Энергии осталось лишь на пару минут разговора с тобой.

– У спасательной капсулы собственный, ни с чем не связанный источник питания.

– Вот только... кажется, ты его вытащил. – Грустная улыбка была полна сожаления. – Я проверила.

Он выругался, а затем сказал:

– Будем решать проблемы по очереди. Сперва модуль. Отключи пока рацию. Вернусь, обсудим.

Пришлось отводить «Поликсо» назад и подниматься вверх почти на десять метров, чтобы добраться до панели управления на спине робота. Шесть минут понадобилось, чтобы автоматическая отвертка сняла крепежи, и рука батискафа, преодолевая сопротивление воды, убрала защитную крышку, за которой скрывался пульт ручного управления. Ногу-

опору он отодвигал от «Немерстеи» медленно, чтобы не повредить подводный аппарат. Наконец, когда путь оказался открыт, он подплыл обратно и просигналил прожекторами, чтобы Ива вышла на связь.

– Получилось. Иди в капсулу и приготовься.

– Что ты придумал?

– Просто поверь мне. – Он знал, что если расскажет ей, то она ни за что не согласится. И, видя, что она колеблется, произнес как можно суровее: – Мы теряем время. «Поликсо» едва держится, и, если я не вытащу тебя в ближайшее время, оба здесь останемся.

Больше она не спорила.

Пришлось открыть доступ к резервным и не поврежденным батареям «Немерстеи». Когда все было готово, из маленького батискафа выдвинулся щуп, подключившийся к обесточенной системе питания. Компьютер сделал за него все остальное – взял на себя управление обеими системами и перекинул большую часть энергии «Поликсо» на судно Ивы. Она не могла не заметить такого скачка и обо всем догадалась, закричав:

– Что ты делаешь?! Тебе не хватит сил подняться!!

– Поздно отступать, Ива. Я виноват во всем случившемся, мне и отвечать.

Прежде чем она успела хоть что-то предпринять, он активировал аварийную эвакуацию. Рубка «Немерстеи» дрогнула и в облаке пузырей, точно космический корабль, устремилась вверх, тут же исчезнув из лучей прожекторов.

Системы отключились, и стрелка датчика кислорода давно показывала ноль. Но Троя это не заботило.

Он плыл в мире грез, и ему снилось сердце моря. Его мрачный бархатный стук. Мерные усыпляющие удары среди успокаивающего холода и бесконечного мрака. Под тяжелой пеленой воды, ставшей его последним сном.

Глава 7

Земля Птолемея...

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ложь. Запутываться в паутине вранья, забивать память выдуманными подробностями реальности, не существующей на самом деле. Но главное – самому, погрузившись в тягостную пучину мутного искажения, перестать доверять окружающим. Ложь порождает ложь.

Оставалось надеяться, что мне удалось избежать этого глобального обмана. Или почти удалось...

На этот раз я рассказал Тайгеру все, что знал. Почти все... кроме внезапного появления Феникса.

После посещения кладбища мы с Хэл перестали говорить о нем. Словно выжидали чего-то или просто опасались – нарушить лишним словом обманчивое состояние хрупкого покоя.

Передав всю информацию охотнику, я словно отпустил вожжи, и теперь повозка событий неслась без меня. Оставалось лишь наблюдать со стороны, куда она вывезет...

Пребывание на крыше всегда помогало в философских размышлениях. Я поднялся сюда для того, чтобы прочистить водостоки, забитые опавшими иглами, но вместо этого прислонился к замшелому шиферу и смотрел сверху на двор, окруженный высоким забором.

Дровяной сарай напротив дома, рядом мастерская Феликса, она же лодочный ангар, одичавший яблонево́й сад, сбросивший все листья.

Пространство раздвинулось, как бывало каждую осень. Сквозь обнажившиеся ветви лиственниц стала видна река, дальний берег, небо. Звуки сделались пронзительнее, а воздух глубже.

Хэл несколько раз выходила из дома, кутаясь в теплую куртку, смотрела на меня снизу. И наконец не выдержала:

– Мэтт, есть прекрасные роботы для чистки водостоков. Я видела недавно в Сети новые модели. Хочешь, купим?

– Нет, спасибо. Привык делать это сам. – Я поддел узким совком на длинной ручке спрессованный комок игл и сбросил вниз.

– Попусту тратишь время, – прокомментировала ученица, наблюдая за падением мусора.

– Залезай сюда, – велел я ей. – Давай. Лезь.

Хэл поразмыслила пару секунд, запрокинула голову, глядя на небо, потом проверила устойчивость старой деревянной лестницы, прислоненной к краю крыши, и, осененная какой-то идеей, сказав мне весело: «Сейчас», – поспешила в дом.

Вернулась она очень быстро – с термосом, зажатым под мышкой. И начала подниматься, ловко перехватывая темные от времени перекладины.

Наверху прислонилась к ребристому шиферу рядом со мной, глубоко вдохнула и произнесла задумчиво:

– Так тихо... – Не глядя, подала мне крышку термоса, наполненную чаем, и запах горячих трав поплыл в воздухе.

– Здесь бывает время, когда на деревьях, вон там... – я указал пластиковой «чашкой» на две лиственницы за домом, – собираются птицы перед отлетом. Кричат, галдят, перелетают с ветки на ветку, и так каждый вечер, а потом вдруг однажды вся стая срывается, взмывает в небо, уносится прочь. И наступает тишина. Долгая, звенящая, на весь конец осени и зиму. Остаются лишь вороны.

– Вороны и мы, – сказала Хэл задумчиво.

– Не самая плохая компания.

– Мы как будто чего-то ждем, – продолжила она, стягивая на горле ворот темно-серого свитера. – Заметил? Затаились. Высматриваем.

– Нет, просто живем. Наслаждаемся каждым мгновением. – Я передал ей чашку, и она с улыбкой взяла ее. Отпила, посмотрела на небо, где плыл в мутной пелене туч бледный, размытый круг, усмехнулась:

– Если бы Икар поднялся к этому солнцу, он вряд ли бы опалил свои крылья.

– Скажешь это зимой, когда оно будет всего лишь слегка подниматься над горизонтом, там за рекой, и опускаться уже через несколько часов.

– Дожидаюсь с нетерпением. – Хэл накинула капюшон на голову и повела плечами.

В последнее время моя гурия была подозрительно задумчива. Я научил ее незаметно выходить в сон, используя пуговицу Софии. Ничего примечательного мы там не нашли, но для практики Хэл это оказалось полезно. Однако ее радость от новых знаний и умений была очень быстро омрачена. Пришли шокирующие новости из Полиса.

Для моей ученицы это было невероятным, разрушающим нормальную реальность, диким и невозможным. Выразив первое бурное негодование, она бродила по дому отрешенная и мрачная. Листала новостные форумы, набрасывала какие-то мысли в дневнике и наконец спросила неизбежное:

– Мэтт, а если бы ты оказался там? На улице во время стрельбы. Что

бы ты сделал?

Я посмотрел в ее беспокойные, пытливые глаза цвета тревожащего осеннего неба и сказал:

– Стрелял бы в ответ.

– А если нет оружия? – продолжила спрашивать ученица.

– Ну тогда подставил бы кого-нибудь под пулю.

– В смысле? – переспросила она в своей обычной удивленно-недоверчивой манере, которая пробивалась в ее тоне, когда я заявлял нечто противоречащее здравому смыслу.

– Сделал бы так, чтобы, к примеру, в меня попали. Не в голову, конечно. Тогда рыпаться дальше бессмысленно. Но если выстрел не смертелен – через выпущенную пулю я могу дотянуться до стрелка. – Я поразмыслил и добавил: – Но вообще, когда речь идет о перестрелке, лучше просто найти раненого...

– Только не говори, что уже проделывал подобное...

– Как пожелаешь, – отозвался я уклончиво.

– Это ты сам придумал? Или Феликс?

Она еще некоторое время рассматривала меня, явно сожалея, что никто не мог прекратить мои безумства в прошлом. Но, судя по ее решительному виду, была готова сдерживать меня в настоящем.

И сейчас, стоя на крыше, Хэл вместе со мной наслаждалась кратким периодом затишья, которое могло быть разрушено в любой миг. Мы оба знали это...

– На самом деле, не обязательно попадать в человека, – решил успокоить ее я. – Достаточно просто гильзы. Или любой другой вещи того, у кого в руках оружие...

Издали послышался мягкий рокот мотора. Я посмотрел на дорогу, виднеющуюся между ветвей, и увидел темно-серую крышу приближающейся машины. Ожидал, что она проедет мимо, но автомобиль остановился напротив моего дома. Хэл подалась вперед, чтобы лучше разглядеть пассажира.

Хлопнула дверца, звякнул металлический засов открывающейся калитки. И вот, ступая по мусору, нападавшему на тропинку, гостя идет прямо к крыльцу. Светло-рыжие короткие завитки на макушке, разлетающиеся полы плаща, конец алого вязаного шарфа на плече...

Совсем недавно я уже переживал нечто подобное. Во сне. Непредвиденный визит непредсказуемой посетительницы. Вполне возможно, что и сейчас я не в реальности. Ощущение раздвоенности нахлынуло с неожиданной силой, но удивленный голос Хэл вернул ясность

восприятия.

– Талия?!

Харита вскинула голову. Насмешливо прищурила янтарные глаза, разглядев наше высотное чаепитие. Я хотел предложить ей подождать, пока мы спустимся, и заходить в дом, но она уже поставила ногу на первую ступеньку лестницы. Легко поднялась, прислонилась к скату крыши рядом с Хэл и посмотрела на меня. Ветер, гуляющий тут, наверху, растрепал ее волосы, румянец на скулах стал ярче.

– Чаю? – спросила моя гурия с непринужденной вежливостью, словно мы сидели за столом в гостиной.

– Не откажусь, – так же любезно отозвалась харита.

Взяла чашку, которую Хэл наполнила из термоса, с видимым удовольствием сделала несколько глотков. Потом огляделась и произнесла задумчиво:

– Здесь нет роз, только терн. Здесь нет певчих птиц, только вороны. Здесь нет неба... – ее голос становился все глуше от строчки к строчке, а затем оборвался на полуслове.

Хэл выразительно взглянула на меня – слова хариты звучали отголоском нашего с ученицей разговора. Словно мир Гипноса протянул тонкую нить от нас к создательнице сновидений, и та прочитала мои мысли.

– Сколько времени вам нужно для того, чтобы собраться в поездку? – спросила Талия совсем другим тоном, сосредоточенным и серьезным.

– Смотря куда, – сдержанно ответила Хэл.

– Днем – жара, ослепительное солнце, ночью прохладно. Климат пустыни.

– Александрия, – понял я мгновенно.

– Мы едем в Александрию?! – с изумлением и азартом воскликнула ученица.

– Ты – нет, – сказала Талия и посмотрела на меня. – Он едет.

Хэл в немом изумлении повернулась к ней, а когда наконец нашла нужные слова, спросила, глядя на меня:

– Это что, распоряжение Тайгера? Но нас даже не спросили, хотим ли мы...

– А ты не хочешь?

Ученица резко выдохнула и начала спускаться. Спрыгнула на землю с последней ступеньки, хлопнула дверью в дом.

Между мной и Талией осталось пустое пространство, которое только что занимала моя гурия, но никто из нас не спешил придвинуться, чтобы

сократить расстояние.

– Ты знаешь, зачем нам нужна твоя ученица.

– Знаю.

– Хорошо, тогда вернемся к теме Александрии, – тут же откликнулась харита. – Сон Лонгина Сотера. Его странная жизнь и смерть.

– Звучит как название романа.

Талия улыбнулась мимолетно.

– Тайгер высоко оценил твою работу. И хочет, чтобы ты продолжил ее, теперь на территории агломерации.

– Я сам хочу ее продолжить, – не преминул расставить акценты я.

– Ты встретишься в порту с человеком по имени Руф Калхас. Он работал в отделе борьбы с терроризмом там. У него при себе любопытный сон, воспоминание о его прошлом.

Талия в нескольких словах рассказала мне о похищении двух инженеров из Полиса, причастности Руфа к этим событиям, а также о личности террориста, устроившего стрельбу на перекрестке Эола в Полисе.

– Но это еще не все. Последний образ из гибнущего сна Сотера. Помнишь?

Я кивнул. Яркие видения несложно было вызвать из темноты разрушающегося мира Лонгина. Значит, мое стремление как можно лучше запомнить лица его жертв было не напрасно.

– Это Севр – один из пропавших инженеров, – продолжила Талия. – Руф узнал его. И хочет попытаться найти тех, кто причастен к их исчезновению, и наказать виновных. Еще он надеется, что кто-то из похищенных жив. – Судя по тону, сама харита не верила в это. – Ты можешь помочь ему, Мэтт.

Я смотрел в ее янтарные глаза и размышлял. Как могут быть связаны пропажа мужчины и женщины из моего города, смерть старого дэймоса, посаженного в клетку учителем Феликса, теракт и еще десяток мелких и крупных деталей, штрихов, намеков, нападений, шокирующих знакомств, а также невозможное воскрешение напоследок. Бесконечно запутанный клубок, в котором мне придется искать начало нити.

– Присмотришь за Хэл?

– Обещаю, – ответила Талия серьезно.

С крыши она спустилась первой и направилась к машине. И только сейчас я понял, что шарф на ее плече оказался точно такого же цвета, как алая сныть. Совпадение или один из знаков, которыми было наполнено не только пространство сновидений, но и наш мир.

Я подождал, пока за Талией закроется калитка, и вошел в дом, который

собирался покинуть через несколько минут, по привычке прислушиваясь к нему. Шорох, потрескивание старых обоев, бормотание воды в кране, гул ветра, скрип двери...

– Он не хочет, чтобы мы уезжали. – Хэл подошла ко мне неслышно. Ее горячие пальцы смяли плотную ткань куртки, сжали мое запястье. – Ворчит и жалуется.

Я притянул ее к себе, поцеловал в лоб, пригладил растрепанные волосы на затылке.

– Мы вернемся.

– Я бы хотела поехать с тобой. Но понимаю, что это работа. И недостойно выбирать поездку поинтереснее.

Она отстранилась, подняла свой рюкзак, закинула на плечо, попросила хмуро:

– Постарайся рисковать... не смертельно.

Я усмехнулся невольно. Хэл успела узнать меня достаточно хорошо, чтобы понять мой стиль погружения в сновидение.

– Ладно, не буду отвлекать, собирайся. Подожду тебя на улице.

Она вышла из гостиной, задержалась в коридоре, прошептала что-то, провела ладонью по стене и негромко хлопнула входной дверью. Да, она права, мне нужно было немного времени побыть в одиночестве. Но не для того чтобы выбрать необходимые вещи, скорее у меня возникла необходимость отсортировать мысли.

Я поднялся на второй этаж. Последняя ступенька скрипнула под ногой, словно кто-то выходил из-за потемневшей от времени двери и долго стоял здесь, переминаясь, прислушиваясь к голосам жильцов, принюхиваясь к запахам дома. Я прошел сквозь арку-зеркало и остановился посреди потайной комнаты.

Она была залита солнечным светом, хотя небо на улице с самого раннего утра затягивали тучи. Тревожащее место, в котором мне всегда спокойно. Пыльная мебель, старинные навигационные приборы, которыми никто никогда не пользовался, древние карты снов.

Я сел на диван, где когда-то проводил очень много времени. Клетчатый плед издавал прежний запах сухой лаванды и шерсти. На подушке лежала горстка мертвых пчел, похожих на почерневшие, скрученные, опаленные жаром листья. Еще одно напоминание или предостережение. Не так давно я уже видел этих насекомых, только живых, истекающих ядом, жалящих. Я стряхнул невесомые трупы, и они попадали на пол, провалились сквозь трещины между досок.

– Я еду в Александрию. Уверен, ты знаешь об этом.

Ответа не было. Солнечные лучи беззаботно лились в комнату, сверкали грани ваз, загадочно молчали пуговицы, набитые в пыльные банки.

– Я знаю, ты не любишь этот город. Но мне нужны ответы.

Из-под моих ног послышалось тихое гудение. Настойчивый шорох цепких лапок.

– В прошлый раз ты отказался отвечать. Теперь я хочу знать правду. Или хотя бы часть ее.

Из широкой щели в полу медленно выбралась живая пчела. Расправила крылья, загудела недовольно. За ней уже лезла вторая, третья... и скоро тишина комнаты наполнилась грозным жужжанием.

Насекомые взвились в воздух и закружили по комнате. Древние предсказатели Дельфийского оракула считали, что души умерших или крепко спящих путешествуют, сбившись в рой, как пчелы. Как далеко улетели те две тени, которые мне нужно найти, никто не знает. И вряд ли разыскать их так просто, без посторонней помощи, у меня получится.

А еще пчелы – древний символ трудолюбия. И можно было не сомневаться – поработать мне придется.

Я поднялся и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. За моей спиной продолжали гудеть пчелы, и угрозы в их голосах больше не было, монотонный звук навевал воспоминания лишь о мирном, теплом солнечном дне.

Спустя десять минут я, заперев дом, уже садился на заднее сиденье рядом с Хэл.

– Где твои вещи? – спросила она, внимательно наблюдая за мной.

– Все, что нужно, при мне.

– Наследие прошлого. – Талия, сидящая впереди, не обернулась. – Он никогда не возьмет с собой лишнего. А если что-то вдруг понадобится, купит на месте. И уничтожит после использования.

Она была права. Именно так я и поступал обычно. Ненужная, сомнительная вещь – дополнительный риск.

– Надо мне тоже так научиться, – пробормотала ученица, глядя на рюкзак, лежащий на ее коленях.

Весь путь до Гиперпетли-Зеро Хэл закачивала в коммуникатор схемы оазисов Александрии, словно планируя хотя бы виртуально быть со мной в этом городе. А я смотрел на улицы Полиса, проносящиеся за стеклом.

Шел дождь. Легкий, прохладный, быстрый. В небе висела дымка, стирающая верхние этажи высотных зданий. Краски стали сочнее.

Особенно зеленый. Кроны пиний на Палантире приобрели свежую яркость. Мокрые дороги блестели.

Над тротуарами неторопливо плыли разноцветные зонты.

Я открыл окно со своей стороны, вдыхая влажную пыль, пахнущую травой и мокрым деревом. Талия сделала то же самое.

...Наконец машина приблизилась к стеклянным куполам порта. Днем и ночью здесь кипела жизнь. По нижним уровням эстакад проносились грузовые транспортеры со знакомыми логотипами компаний на бортах. Полис поставлял по всему миру биологические материалы и технику на их основе, оборудование для станций, работающих на холодном синтезе, и мусороперерабатывающих предприятий, пшеницу и сою, медикаменты и текстиль. А также специалистов высокого уровня.

Из выходов одна за другой следовали колонны с импортируемой продукцией. Я узнал иероглифы Нарасикэ, везущей в Полис высокотехнологичное оборудование – детали компьютеров, автомобилей, промышленных и медицинских роботов. У терминала Бэйцзина разгружали контейнеры с изделиями из пластика и химическими соединениями. Бойко сновали погрузчики, цепляющие механическими клешнями запечатанные кубы и перевозящие их на платформы. Изредка мелькали желтые куртки инженеров, следящих за машинами.

Серебрились белые понтоны Гиперпетли, выстреливающей через равные промежутки времени составами, несущимися в разные концы континента. Часть путей была погружена под землю и, выйдя из такси, мне показалось, что она гудит под моими ногами, перемещая полые капсулы составов.

Людей, желающих выехать в Александрию, было немного. Светлые просторные залы оказались практически пусты.

– Хэл, – я сжал запястье девушки, привлекая ее внимание, – не пиши мне. Никаких сообщений.

Она обреченно вздохнула и улыбнулась.

– Понимаю. А то вдруг твой телефон запищит именно в тот момент, когда ты будешь сидеть в засаде, охотясь на маньяка. Хотя он у тебя стучит – еще хуже.

Я рассмеялся и на миг привлек ее к себе.

– Через сон тоже встречаться нельзя? – пробормотала она, утыкаясь лбом мне в плечо.

– Нет. Нельзя.

– Я так и думала.

Хэл отстранилась, ее взгляд стал пристальным и напряженным,

казалось, если поднести свечу – фитиль тут же вспыхнет. Но больше она ничего не произнесла, ни о чем не попросила.

– Как сказала бы Клио, да хранит тебя Эргия, Аметил. – Талия протянула мне руку, и я сжал ее.

– Будьте осторожны. Обе.

Харита кивнула и направилась к выходу. Хэл закинула на плечо лямку рюкзака, оглянулась, махнула мне на прощание рукой и пошла следом за спутницей. Скоро их скрыли спины других пассажиров, и я, стараясь заглушить неприятное предчувствие и несвойственную мне тревогу за другого человека, последовал в сторону своего терминала.

В официальных командировках было преимущество перед нашими с Феликсом нелегальными путешествиями. Последний раз Александрию мы посещали с заездом в Тенчитолан. Немаленький такой крюк ради конспирации.

Сегодня меня пропустили без лишних вопросов. Лишь девушка на паспортном контроле посмотрела с участием и сказала:

– Это направление небезопасно. Особенно в последнее время.

– Знаю, – ответил я.

– Но вы отказываетесь от гида. – Она взглянула на экран своего монитора и нахмурилась.

– Рабочая необходимость. – Я показал ей значок сновидящего, хотя в этом не было нужды, сотрудница погранслужбы видела мою специальность в анкете.

Девушка молча поставила штамп в мой паспорт и протянула его мне.

Несмотря на ее слова об опасности, экспресс, идущий в Александрию, был готов к отбытию. Правда, большая часть вагонов оказалась закрыта и опечатана. Заинтригованный, я направился к открытым кабинам, вошел в салон и окинул быстрым взглядом пассажиров. Занято было всего пять кресел. Четверо мужчин и женщина, в одинаковых форменных рубашках с нашивками в виде коршуна, раскинувшего крылья и держащего в лапах горящий факел. Мне предстояло ехать в обществе инженеров – операторов боевых охранных систем.

Усаживаясь на свое место, я спросил одного из них, сидящего напротив:

– Все настолько серьезно?

– Пока не особенно, – охотно отозвался он, дружелюбно рассматривая меня, – но мы не будем ждать критической ситуации. Усиливаем охрану посольства Полиса и нескольких предприятий, где работают наши

специалисты.

– И что, действительно есть от чего охранять?

– Ты новости вообще смотришь? – вмешался молодой парень с бокового ряда. Форменная рубашка с поднятым воротником сидела на нем с небрежной элегантностью. Правда, впечатление смазывала зеленая бандана с принтом в виде разноцветных перьев, низко надвинутая на лоб.

– Ты про теракт в центре Полиса?

– Нет, я про волнения на севере агломерации. Перестрелки в жилых районах Нуб-ра-дира, взрывы в Эр-Рияре, отравление воды в Сибе. Про попытки нападения на туристов. Выступления против Полиса. Забрасывания камнями посольства.

– И чем вызвано недовольство?

– Ну мы живем хорошо, а они плохо, – хмуро сказал его сосед. Широкоплечий атлет с суровым профилем, больше всех из этой компании похожий на истинного служителя Ареса. – Значит, должны отдать им то, что заработали.

– Изложено грубовато, но в целом верно, – подтвердил инженер в зеленой бандане. – Требование немереных дотаций... а потом все эти миллионы разворовываются и на них строятся дворцы с золотыми полами. Недовольство миграционной политикой Полиса. Позиционирование, ведущее к выводу, что мы должны не просто соблюдать права близкого соседа, а приравнять его права к правам своих граждан.

– Количество рейсов в Александрию сократили, – сказала симпатичная девушка с короткой стрижкой, сидящая наискосок от меня. Она смотрела в планшет, лежащий на коленях, и тонкие пальцы с недоступной мне скоростью порхали над виртуальной клавиатурой. Запястье ее левой руки плотно обхватывал широкий металлический браслет массивных часов. – Мы сворачиваем большинство работ в агломерации. Специалисты уезжают. Про туризм я вообще не говорю... Кто бы мог подумать, – произнесла она с неожиданной горечью. – Полис столько вложил в поддержание этой культуры и экономики. И все, пути разошлись.

– Что, никаких возможностей сближения?

– Никаких в ближайшие годы. – Она посмотрела на меня в упор сероголубыми глазами и спросила с легким неодобрением: – Ты без сопровождения?

– Можешь одолжить мне одного Ареса, – я улыбнулся ей.

Девушка усмехнулась в ответ, подалась вперед, и я разглядел крошечные веснушки на ее высоких скулах.

– Боюсь, он поджарит тебя до того, как ты успеешь с ним

поздороваться.

– А ты представь меня сама. Я – Мэтт.

Оператор боевой системы рассмеялась, пожимая мою руку:

– Афина.

Ее сосед, переговаривавшийся с одним из коллег через ряд, отвлекся от беседы и поинтересовался:

– Надеюсь, ты не в туристическую поездку? Для этого сейчас не лучшее время.

Я отогнул отворот куртки, второй раз за полчаса демонстрируя знак сновидящего. Мои спутники посмотрели на бронзовый мак с одинаковым выражением уважительного понимания.

– Все настолько серьезно? – вернула мне девушка мой же вопрос и улыбнулась невесело.

– Разберусь на месте.

– Тебе нужно сопровождение? – спросил ее сосед, тот самый, с кем я начал разговор. – Можем довести до гостиницы при посольстве...

– Нет, спасибо. Меня встречают.

Двери вагона закрылись с легким шипением. Состав тронулся с места, затем последовал мягкий толчок, и шаттл понесся вперед, наращивая скорость. На стенах засветились экраны, заменяющие окна.

Я откинулся на спинку кресла, размышляя.

– Афина, можно вопрос? Не слишком корректный.

Она подняла заинтересованный взгляд от планшета.

– Давай.

– Вот представь. Вы управляете мощнейшими, опасными машинами. Вдруг что-то случится с тобой, и управление над ними перехватит кто-то другой. Или заставит тебя повернуть оружие против своих же...

Я не произнес слова «дэймос». Однако она поняла, о чем я.

– Мы проходим специальную подготовку, – ответила девушка. – С участием сновидящих в том числе. В моем подсознании мощные блоки. И если что-то или кто-то попытается воздействовать на мой разум, ему вряд ли удастся это сделать. Но если вдруг моя защита все же будет повреждена, я сделаю одно-единственное действие. Уничтожу доверенные мне машины.

И вполне возможно, погибнет при этом сама. Потому что отряд штурмовиков, которым командует человек, захваченный дэймосом, чудовищная разрушительная сила.

Афина вновь погрузилась в свои расчеты. Ее сосед прислонился затылком к подголовнику, закрыл глаза. Его лицо с чертами скульптур микенского периода было абсолютно непроницаемо.

Постепенно разговоры стихли. Остальные операторы также выглядели расслабленными, но я знал, они готовятся к серьезной работе, которая будет занимать все их внимание...

Торможение началось ровно через два часа пятьдесят пять минут. Как всегда, шаттл из Полиса пришел без опоздания.

Мои спутники зашевелились, почти идентичными движениями касаясь одинаковых массивных часов на запястьях, оказавшихся мощными сенсорными коммуникаторами. Средством управления их механическими подопечными. Разворачивали миниатюрные виртуальные экраны, отдавая быстрые приказы, прикрепляли к ушным раковинам клипсы гарнитур.

Я понял, что должен задержаться, чтобы понаблюдать за их работой.

Шаттл остановился. Помедлил и открыл двери. Кондиционированный воздух, напоминающий по вкусу дистиллированную воду, хлынул в салон.

Багажа у инженеров не было, точно так же как и у меня. Они открывали вагоны, замки которых реагировали на отпечатки пальцев и сканы сетчатки глаз. Двери бесшумно раздвигались, из темных недр вагонов выезжали платформы, где стояли «Аресы». Они были похожи на металлические статуи, вылитые по одной форме. Вооружены штурмовыми винтовками «немезис», гранатометами модели «таурис», комплектами противопехотных и противотанковых мин, плазменными резаками, а также еще многим не менее смертоносным, сокрушающим одинаково легко живую плоть, боевую технику противника, металл и бетон.

Афина, следящая за выгрузкой своих «солдат», отвлеклась на миг и окликнула меня:

– Мэтт, на минуту.

Я подошел к ней – невысокой, сосредоточенной, с короткими светлыми волосами, плотно прилегающими к вискам и лбу.

– Я скину тебе мой номер. На всякий случай.

Она коснулась пальцами своих часов, настраивая беспроводную связь, и поднесла к моему коммуникатору, передавая короткую информацию. На экране вместе с привычным сигналом входящего сообщения появился ряд цифр.

– Спасибо. Надеюсь, не понадобится.

Афина кивнула, поворачиваясь к своим машинам.

Руф встречал меня в зале прибытия. Одиноким пожилым человеком сидел на скамье, рассматривая выходящих из ворот. Суровое лицо в морщинах, неестественно прямая спина, недорогая добротная одежда. Пожалуй, я мог представить, каким он был в молодости. Сколько ему лет?.. События, о

которых рассказала Талия, произошли не меньше чем полвека назад. Самому Руфу тогда было около двадцати или чуть больше. Значит, сейчас этому человеку за семьдесят. Но выглядел он значительно моложе. Конечно, не генетическая модификация, но кровь Полиса давала долголетие и бодрость.

Я подошел.

– Добрый день, Руф.

Он окинул меня быстрым, оценивающим взглядом. Явно сверялся с описанием в мысленной картотеке и, как только сходство было установлено на сто процентов, встал, опираясь на трость.

– Аметил?

– Просто Мэтт.

Я подал ему руку, и он сжал мою ладонь. Когда люди дотрагиваются до меня, я могу очень многое узнать о них. Их уверенность, зажатость, радость, холодность, энергичность, симпатия или антипатия переставали быть секретом практически мгновенно.

Руф устал, но боролся с этой физической усталостью. Воля, стремление к цели держали его. А также привычка быть в форме.

– Ты без багажа? – спросил он, еще раз осмотрев меня.

– Лишние вещи – лишняя забота, – ответил я с улыбкой.

Мы направились к выходу. Просторные залы ожидания с рядами стульев были залиты ярким электрическим светом. И как везде на востоке, сверкали зазывными огнями прилавки.

Золото – массивное и вычурное, дорогая техника, шеренги тяжелых флаконов с парфюмом, на отдельных стендах медленно поворачивались, сверкая полировкой, автомобили последних моделей.

Похоже, с тех пор как я был здесь в последний раз, порт перестроили. Расширили уж точно. Появился закрытый для простых людей лодж под названием «Золотой орикс», добавилось бутиков, ресторанов и стоек для зарядки новейших коммуникаторов...

– Впервые в Александрии? – Руф заметил, с каким интересом я поглядываю по сторонам.

Он говорил на койне очень чисто, но я улавливал в его речи легкий акцент. Намек на примесь другой культуры, в которой он вырос.

– Нет. Уже бывал здесь.

– Когда?

– Давно.

Мои ответы можно было посчитать небрежными, если бы не мой веселый, дружелюбный тон, который скрашивал первое впечатление

невнимательности к спутнику.

Вокруг было многолюдно. Черными тенями проплывали женщины, облаченные в абайи и никабы, полностью закрывающие тела и лица. Из-под подолов верхней одежды иногда выглядывали зеленые, желтые, красные шелка нижних платьев. На сгибах рук, затянутых в такие же черные перчатки, висели брендовые сумочки. Их мужчины в белых куфиях с черными кольцами агалями, неторопливые, с громкими голосами, перстнями на мясистых пальцах и дорогими коммуникаторами.

Густые запахи мускуса и амбры окутывали их – и окатывали всех, попадающих на пути.

Я заметил, что Руф крепче сжимает трость, проходя мимо них, и держится неестественно прямо.

– План такой, – произнес он отрывисто. – Придется спуститься в Массар. – Спутник сделал паузу и пояснил: – Это подземная ветка дороги. Сейчас в городе пробки, такси лучше не брать. Простоим часа три, пока доберемся. В моем районе есть приличные недорогие отели, но лучше остановиться у меня.

– Разумно, – откликнулся я.

– Долго планируешь здесь пробыть?

– Не знаю. Как пойдет.

В залах ожидания почти все места были заняты. Толпы людей сидели на полу у стен – в основном мужчины в потрепанной одежде, смуглые до черноты, с быстрыми, скользящими взглядами блестящих оливковых глаз. Дешевая рабочая сила переправлялась из одного района Александрии в другой за счет нанимателя.

Нам обоим хотелось поговорить о деле, но каждый из нас знал, что этот разговор не для посторонних ушей. Поэтому, обмениваясь ничего не значащими комментариями, мы неторопливо продвигались к выходу, следуя указателям.

– Кофейня на углу Кусхуба сохранилась? – спросил я.

– Не помню такой, – ответил он, нахмурясь. – ...Доехал нормально?

– Вполне.

За столиками кафе сидела группа говорливых чернокожих женщин. Их яркие до рези в глазах наряды переливались словно неоновая реклама, скрывая под многочисленными складками обилие плоти. Огромные тюрбаны с бантами и цветами, скрученными из ткани, потрясали воображение. Я уставился на жительниц южных районов Александрии, они – на меня. Настороженно, хотя и не без любопытства. Я чувствовал на себе их взгляды до тех пор, пока мы не спустились на нижний уровень

порта.

Вагоны первого класса уже были заперты. Выходы к ним открывались только из залов ожидания бизнес-класса. Остальная публика торопливо занимала места попроще, заходя с платформы, выложенной плиткой с одинаковым пестрым рисунком – закрученные линии: синие и зеленые. Сложнейшие куфические надписи, заключенные в медальоны, выглядели дополнительным декором. Присмотревшись, я понял, что забыл еще не все уроки Феликса и даже могу прочесть некоторые слова.

Вязь более простого и распространенного стиля насха на указателях сама казалась повторением одного и того же узора.

Мы с Руфом вошли в вагон, и дверь за нами захлопнулась. Плотная толпа дышала сладковатым душком семян дурмана, прогорклым жиром, приторными духами...

Я легко почувствовал настроение людей. На нас смотрели неодобрительно, однако пока еще не враждебно.

Свободных сидячих мест больше не было, и мы со спутником остались стоять, держась за поручни. Состав тронулся – и устремился вперед.

– Ехать недолго, – сказал Руф. – Полчаса, не больше.

Ну еще бы. Эти подземные пути построены по технологиям Полиса. Иначе всем пришлось бы трястись сутками по пустыне от одного оазиса до другого.

Вагон качнуло. Я по инерции слегка подался назад и тут же услышал за спиной гневное восклицание. Оглянулся и понял причину недовольства. Прямо за мной стояли три женщины, с ног до головы закутанные в черное, и я случайно оказался к ним ближе чем на шаг. Возмутительное неуважение.

Ко мне уже пробивался мужчина, сопровождающий их, глаза налиты кровью, на лбу набухла жила. Ну как же, белый чужак покусился на достоинство его спутниц. Ему очень хотелось выкинуть меня из вагона на полной скорости.

Руф попытался оттеснить меня в сторону, чтобы принести извинения или отойти подальше.

– Подожди, – бросил я ему, глубоко вдохнул, будя в глубине души негодование, граничащее с гневом, и повернулся.

Впился взглядом в расширенные зрачки оскорбленного мужчины и произнес с величайшим презрением:

– Не хочешь, чтобы к тебе и твоим женщинам приближались, ездил на личной машине.

Он увидел в моих глазах ярость и уверенность сильного хищника.

Выражение его лица тут же изменилось, став приниженно устранным. Он отшатнулся, забормotal извинения и поспешил отвести спутниц подальше от бешеного белого.

Руф посмотрел на меня с непонятным выражением. Похоже, мне удалось озадачить его.

– Ты говоришь на фусху?

– Иногда, – улыбнулся я.

– Где учил?

Я наклонился к нему и шепнул тихо:

– Во сне.

Он понимающе усмехнулся.

– И все же будь осторожнее. Не цепляйся с местными.

– Непременно. Если они не будут цеплять меня.

Очень светлые глаза Руфа стали подозрительно задумчивыми. Похоже, он понял, что со мной ему будет нелегко.

Экспресс остановился. Двери разошлись в стороны. Кроме нас, из вагона никто не вышел.

На платформе, выложенной неизменной разноцветной плиткой с пестрым узором, было совсем немного пассажиров. Я с интересом разглядывал людей, собиравшихся в тот же район агломерации, что и мы. На первый взгляд они напоминали жителей Полиса. Но я видел, что они другие. И дело было даже не в смуглых по-южному лицах, темных глазах и волосах у многих или более коренастом телосложении. Они по-иному смотрели. Настороженно. Опасливо или, наоборот, вызывающе – готовые отразить нападение в любой момент, подозревающие угрозу на каждом шагу. Голоса намеренно приглушенные, бубнящие, иногда прорывающиеся раздраженным женским окриком на детей или гневным мужским бурканьем.

– Оазис Навкратис, – сказал Руф, наблюдавший за мной. – Бывшее древнегреческое поселение, возникло еще до Александрии. Здесь живет большинство белых агломерации.

– Резервация?

Он неодобрительно хмыкнул, видно собираясь возразить, но, поразмыслив, согласился:

– Можно и так сказать.

Единственный работающий эскалатор поднял нас наверх.

Сухая, оглушающая жара шелестела острыми листьями пальм. Растекалась в воздухе белой мглой, в которой тонуло солнце – таяло и размокало, словно кусок сахара. Над асфальтом плавился зной.

Разноуровневые коробки домов, возведенные без всякой системы, поднимали в небо столбы недостроенных этажей. Стрела минарета грозила серым бетонным пальцем с высоты. Под ногами хрустело битое стекло и растекались ржавые пятна.

Руф заметил мой взгляд, устремленный на торчащие из верхних этажей арматуру и бетонные столбы.

– Строительные компании экономят, – сказал он, направляясь к стоянке, где жарились под солнцем ряды запыленных машин.

– Знаю.

Чтобы не платить налог на готовую недвижимость, строители банально не доводили дома до конечной стадии. Оставляли верхние этажи без стен и окон, с одними лишь пучками арматуры и частично вылитыми каркасами несущих конструкций, продавая при этом квартиры на нижних.

Старая машина Руфа стояла в ряду таких же подержанных «тайрат» и «корвусов». Салон внутри раскалился и наполнился душным запахом нагретой пластмассы, дешевого кожанамениителя и табака. Натужно загудел кондиционер, пытаясь охладить воздух, и через несколько минут стало возможно дышать.

Руф попытался включить навигатор, но тот лишь померцал экраном и не загрузился. Тогда мой новый знакомый переключил управление на ручное и уверенно вывел автомобиль со стоянки.

В городе было тревожно.

По улицам ходили патрули с собаками. Почти не было видно прохожих. Женщины в черном напоминали тени самих себя. Мужчины в белом, выходя из стеклянных дверей офисов, спешили сесть в личные авто и поскорее покинуть открытое пространство. По дороге тек бесконечный поток транспорта. В раскаленном воздухе висела гарь. Прогрохотали военные грузовики.

– Недавно были беспорядки, – сказал Руф, хотя я ни о чем не спрашивал. – Усилили меры безопасности.

Когда мы проезжали мимо дорогого отеля, выстроенного в специфическом александрийском стиле, окруженного пальмами, фонтанами и цветниками, я видел, как перед черным «альтаиром», свернувшим к нему, из асфальта поднялись мощные металлические шипы, останавливая движение. К автомобилю поспешила охрана с металлоискателями.

– На прошлой неделе прямо в фойе одной из гостиниц въехал «сиад», начиненный взрывчаткой, – сказал Руф, вырывая ни тихую боковую

улицу. – Разворотил холл и часть ресторана. Половина гостей, которые были там, тяжело ранены, половина убиты.

Отличная атмосфера для дэймоса. Я просто чуял проплывающие рядом возможности. Протягивай руку и бери, пользуйся.

– Кто с кем воюет?

– Официальная версия – ихаггареги добиваются независимости. Ну, и выступления против «представителей Полиса».

– А неофициальная?

Он притормозил на светофоре, пропуская еще одну колонну грузовиков.

– Цепная реакция, – сказал Руф и пояснил нехотя: – То, что происходит в Александрии. Когда Полис еще только развивался и на эти земли приплыли наши первые корабли – здесь были дикие необжитые территории. Наши соотечественники прокладывали дороги, рыли каналы, боролись с малярией и лихорадкой, строили дома, используя уже неплохо развитые у нас знания по инженерии. И вот земля стала пригодна для жизни – и тогда сюда потянулись местные племена. Стали активно заселиться, рассчитывая на помощь более сильных соседей. И получали ее. – Он усмехнулся совсем не весело. – Но знаешь, если постоянно черпать из полной бочки и не доливать, рано или поздно она опустеет. И теперь нуждающиеся уже начали скрести по дну, пытаюсь добывать воду по-прежнему. Но ее почти не осталось. А они злятся, требуют. Хотят, чтобы все было как раньше... Под эту тему, конечно, и бандитские группировки стали вести свои разборки, и вооруженная оппозиция поднимает голову. Может произойти что угодно. Вплоть до смены правительства. Или войны.

Он замолчал, потом оценивающе взглянул на меня, словно решая, можно ли доверить мне дальнейшую информацию. Видимо – заключил, что я достоин доверия, и продолжил:

– Но это еще не все. Служба безопасности работает так плохо, что некоторое время назад, на соколиной охоте в оазисе Сах-дхара, часть семьи шейха была захвачена террористами. Чтобы не раздувать скандал, информацию скрыли. Но шейх отбашлил за выкуп столько, что теперь на эти деньги можно совершить пару революций и несколько смен правящих режимов.

– Значит, ваши военные группировки хорошо вооружены?

– Да, неплохо, – согласился Руф. – Прямые поставки из Баннгока.

Я задумчиво смотрел на руки бывшего сотрудника ОБСТ, лежащие на руле. Они были тяжелыми, мускулистыми, несмотря на возраст, перевитыми выступающими венами. И думал о том, сколько нелегкой

работы сделано ими. И как много сил потратил этот человек на поддержание порядка в своем городе.

Навкратис огораживала от пустыни высокая каменная стена. А может, и не только от пустыни. Поверх каменной кладки была натянута колючая проволока в три ряда. По периметру стояли наблюдательные вышки. Въезд в оазис перекрывали стальные ворота с блокпостом.

Вернее, так было раньше. Теперь я видел, что проволока оборвана местами, створки ворот раздвинуты и частично занесены песком, а единственный охранник даже не удосужился заглянуть в проезжающую мимо него машину.

Я посмотрел на Руфа. Тот нахмурился.

– Раньше агломерация выделяла средства из бюджета для обеспечения порядка на этой территории. Работать здесь было очень престижно. Но с некоторых пор платить практически перестали и, естественно, желающих резко убавилось.

Я молча кивнул, принимая эту информацию. Если бы в Полисе не давали возможности всем гражданам выражать свою позицию и выдвигать требования, нашей Стены тоже бы не существовало. Да и сам мегаполис развалился на десятки отдельных частей, конкурирующих друг с другом.

Навкратис выглядел почти так же, как и его жители, которых я уже наблюдал на платформе подземной железной дороги. Какое-то сходство с Полисом есть, и в то же время ничего общего. Вроде бы он напоминал один из районов Полиса – похожая застройка, попытка оставить парки и скверы между кварталами, белые храмы, вырастающие посреди пустырей. Но в итоге все закончилось точно как со стеной, опоясывающей оазис. Старые здания, давно нуждающиеся в ремонте, улицы, заваленные мусором...

Руф остановил машину возле блочной трехэтажки. Ничем не выделяющейся из ряда такого же дешевого, серого жилья, стоящего вокруг пыльной шумной площади.

Окна первых и вторых уровней домов были забраны решетками, на витрины магазинов опускались тяжелые щиты, разрисованные кривыми граффити. Разбитый асфальт засыпан осколками, мусором, высохшими объедками. Несколько чахлах пальм, словно по ошибке забредших в этот район, уныло свесили растопыренные листья.

У подъезда с провалившимся козырьком и растрескавшимися ступенями компания мальчишек лениво гоняла доску для скейта, ее колеса тархтели по асфальту. Из приоткрытой двери кальянной по соседству доносились негромкие голоса и мерный бубнеж телевизора. Торопливо

прошла женщина в полном никабе, и, если бы не светлые глаза, ее можно было принять за коренную жительницу агломерации.

В подъезде стоял полумрак. Свет едва просачивался сквозь окна, забитые фанерой. Густая вонь застарелого сигаретного дыма, высохшей плесени и гнили сползала со стен, покрытых крошащейся штукатуркой и частично отколотой разноцветной плиткой.

Поднимаясь по лестнице на последний этаж, Руф останавливался время от времени, а на одном из пролетов украдкой закинул в рот таблетку.

Возле своей квартиры он вытащил из кармана связку ключей: два сейфовых, один кодовый, перепрограммируемый. И начал открывать замки один за другим.

– Так и хочется спросить, что там у тебя хранится внутри такое ценное.

Руф усмехнулся и распахнул дверь – тяжелую, металлическую, с дополнительными ребрами защиты.

Я вошел, с любопытством оглядываясь. Квартирка оказалась совсем небольшой – минималистская кухня, отгороженная от столовой тонкой перегородкой, спальня с узкой, идеально застеленной кроватью. Два окна с дешевыми жалюзи, пахнущие нагретым на солнце пластиком. Через них с улицы долетал приглушенный гул машин.

Чистота, доходящая до стерильности – все горизонтальные поверхности пустые. Ни чашек, ни обрывков бумаги, ни пыли. Оштукатуренные стены сияют белизной, на полах с дешевым покрытием – ни соринки. Хэл, любительница порядка, оценила бы.

Жилье одинокого человека. В нем не было бы ничего особенного, если бы не металлические несгораемые шкафы, занимающие почти все свободное пространство стен.

– Что здесь? – Я постучал по светло-серой стенке ближайшего, он отозвался гулким железным звуком.

– Списанные архивы. – Руф нажал кнопку на пульте, и комната наполнилась тихим шелестом кондиционера, гонящего прохладный воздух. – Есть хочешь?

– Нет. Спасибо. – Я подергал дверцу ближайшего, но та оказалась заперта.

– Чай? Кофе?

– Кофе.

Окна не открывались. Половина фрамуг глухие, а с распахивающихся сняты ручки. Хотя смысла в этой предосторожности не было – решетки снаружи перекрывали все пути к отступлению. Впрочем, и к

проникновению извне – тоже.

Я одобрительно посмотрел на Руфа, сосредоточенно варившего кофе в кованой чезве на маленькой плитке. Пряный, горьковатый аромат плыл по комнатам, кондиционер, очищая воздух до стерильной чистоты, пытался втянуть его, но крепкий, бодрящий запах невозможно было победить.

Определенно мне был близок налет легкого безумия этой квартирki.

Ванная оказалась крошечной. Унитаз, угловая раковина и душевая кабина. Все также идеально чистое. Два белых полотенца висят ровно, как по линейке. Одна-единственная зубная щетка, в шкафу над зеркалом рядом с запасом мыла и зубной пасты – шеренга флаконов, заполненных россыпью мелких черно-фиолетовых кристаллов. Очень знакомых. За ними виднелись ампулы с еще чем-то многообещающим из верхнего списка веществ, не предназначенных для хранения дома. Сбоку приткнулась пачка стимуляторов. Я позаимствовал одну упаковку, сунув ее в глубокий карман штанов.

Затем поднял сиденье унитаза, встал на край и отодвинул решетку вентиляционного люка. Черный пластиковый пакет лежал в углублении, на ощупь в нем легко угадывался пистолет и запасная обойма.

«Приятно не ошибаться в людях», – подумал я, возвращая все на место, как было.

Интересно бы проверить кухню, наверняка там в безобидных шкафчиках за кастрюлями и сковородками тоже найдется пара тайников с занятным содержимым.

– Кофе готов, – послышалось из-за двери.

– Иду. – Я вымыл руки и вернулся в комнату.

Микроскопическая расписная чашка была наполнена крепчайшим ароматным напитком, рядом на подносе стоял кофейник. Руф, сидя на диване за журнальным столиком, пил чай.

Я сел в кресло напротив.

– Ну, теперь можем поговорить.

Он достал из нагрудного кармана своей рубашки флэш-карту на тонкой, потемневшей от времени цепочке, положил на стеклянную столешницу и подтолкнул ко мне.

– Из-за этого я приезжал в Полис.

Я не взял устаревший носитель информации – кубик красного цвета со снимающейся крышкой.

– Не будешь смотреть? – удивился Руф.

– Нет смысла. Твой сон уже изучила Талия. Лучше, чем она, я в нем не разберусь.

– У тебя есть какой-нибудь план действий?

Феликс рассказывал, что прежде, давно, дэймос, победивший соперника, приходил в семью проигравшего и мог потребовать любую ценную вещь, или несколько вещей на свой выбор. И никто не смел ему отказать.

Но это в прошлом. Я не могу заявиться в дом Сотеров с приказом срезать пуговицы у всех представителей древнего рода. Неразумно. Опасно. И я не дэймос.

Тайгер, пожалуй, смог бы. Но вряд ли бы стал ворошить гнездо гидр. Могут затаиться или, наоборот, полезть во все стороны, а могут броситься душить всех без разбора.

Мне нужны нити воздействия. Невидимые, но крепкие.

– Тебе знакома фамилия Сотер? – Я взял чашку и отхлебнул обжигающий кофе. Глубокий яркий вкус растекся по языку, аромат ударил в голову, на миг погружая в состояние полной эйфории.

– Конечно, – сказал Руф, облачиваясь на потертый валик дивана. – Кому здесь она не знакома. Раньше этому роду принадлежал весь город. Но со временем их влияние сильно уменьшилось. Теперь живут закрыто. Скрытно, я бы даже сказал. Почему интересуешься ими?

Я не ответил, погруженный в свои мысли. Если бы я был дэймосом, пленил бы кого-нибудь из работников дома, записал приказ в подсознание и отправил в резиденцию Сотеров, велел прихватить личную вещь родственника Лонгина, а затем принести мне. Раньше я поступал именно так. Еще можно залезть самому. Но это уже глупый риск.

Руф поднял кофейник и вновь наполнил мою опустевшую чашку.

Ладно, время на размышления еще есть. Пора заняться более выполнимыми делами.

– Я хочу встретиться со сновидящим, который работал с тобой.

– Можно устроить, – ответил Руф, поразмыслив. – Я позвоню ему.

Он достал свой старый телефон, вошел на кухню, прикрыл за собой тонкую створку. Но из-за хлипкой преграды я все равно слышал его голос.

– Да, Левк, это я... По делу. У меня здесь сидит сновидящий. Хочет с тобой побеседовать. Из Полиса... Нет, я предупреждал. И ты... Нет. Никто не собирается вас контролировать. Нет, сам ты погоди!

Разговор пошел на повышенных тонах. Я поднялся с кресла, открыл кухонную створку, привлек внимание Руфа щелчком пальцев, демонстрируя ему флэш-карту, и многозначительно ткнул в телефон. Хозяин дома кивнул, показывая, что понял мой намек, и прикрыл микрофон ладонью.

– Скажи, что у меня его вещь, и, если он отказывает мне во встрече в реальности, я приду к нему в сон.

Руф не без удовольствия повторил мои слова. Его собеседник помолчал, затем бросил что-то кратко и отключился.

– Встреча сегодня. Через три часа. Он будет ждать.

– Отлично.

– Оазис Таманассет. Если выедем сейчас, как раз успеваем. – Он достал из-за дивана свою трость.

– Руф, ты можешь меня не сопровождать. Я доберусь сам.

– Исключено. Я еду с тобой.

– Слушай, это далеко и муторно...

– Не надо считать меня старой развалиной. По городу лучше не перемещаться без содействия местного.

Я хотел сказать, что вряд ли могу рассчитывать на его помощь, даже если кто-то решится напасть на меня... Но не сказал.

– Руф, еще раз, ты – остаешься. Я поеду один.

– Не указывай мне, что делать, – резко ответил он. – Я тебе в отцы гожусь.

Я открыл было рот, чтобы озвучить свой настоящий возраст, если уж он приводит его в качестве главного аргумента.... Однако не стал ничего говорить и по этому поводу.

– Ладно. Хочешь тащиться по жаре на другой край пустыни – твое дело.

До оазиса Таманассет мы добирались на машине Руфа. Территория была отделена от резервации белых пыльным, жарким отрезком серо-желтых барханов.

Казалось, пустыня хотела слизнуть старые полуразрушенные дома окраин обоих районов, но так и прилипла серым, песчаным языком к грязной, запутанной паутине улиц, напоминающих термитник. Глиняные заборы выше человеческого роста сменялись стенами зданий с крошечными окошками под самой крышей и неизменными бетонными столбами недостроенных этажей. Лестницы со сбитыми ступенями вели с одного уровня дороги на другой. На каждой более-менее широкой улице возникали стихийные рынки. Под драными навесами лежали груды медной посуды, дешевые украшения, фрукты, ткани, рыба, над которой роились мухи, клетки с курами.

И, как насмешка, в ряду глиняных коробок зданий – античный храм, превращенный в свалку. Колонны, до половины заваленные гниющим

мусором, в нем обломки статуй с разбитыми, изуродованными лицами, мраморные стены со следами от пуль исписаны ругательствами. Крыша провалена.

По улицам, несмотря на жару, слонялись горожане. Торговались, просто сидели на земле, провожая бессмысленными взглядами ползущие среди заваленных отбросами обочин машины, шумно играли в сенет^[10].

Я не увидел ни одного белого лица.

Руфу пришлось покрутиться по городу, чтобы найти место для парковки. Он загнал машину в тенистый переулок, провонявший мочой и помойкой, приткнулся рядом с двумя помятыми «таирами» и выбрался наружу, захватив свою трость.

– Здесь недалеко, – сказал он мне, запирая дверцу со стороны водителя. – Пройдем пешком.

Остервенело трещали цикады, казалось, их тоже сводила с ума жара. Мусор на тротуарах был спрессован до плотности глины. Посреди мостовой грызлись собаки из-за окровавленной требухи. Жирные зеленые мухи взлетали над протухшими отбросами.

Руф покосился на меня, пытаясь понять, какое впечатление производит на его гостя пейзаж. Но я видел райончики и похуже.

Возле одного из старых домов с провалившимися окнами сидели дети. По очереди бросали об стену кости от бараньего позвоночника и в зависимости от того, как те падали, боком или на четыре ножки костяных отростков, начинали радостно вопить или, наоборот, разочарованно подвывать.

Когда мы проходили мимо, мальчишки прекратили игру и угрюмо уставились на нас. Черные глаза из-под косматых волос, падающих на чумазные лица, следили за каждым нашим движением. Но сами они молчали и не двигались.

Тишина была полной, лишь где-то вдалеке слышался рокот машин.

А потом я услышал за спиной невнятное бормотание. И что-то ударило меня по лопатке. Очень твердое. Под ноги покатился камень, как раз такой, каким хорошо кидаться в людей – удобно ложится в руку.

Я наклонился, поднял его и развернулся стремительно. Они не успели метнуть в двух белых чем-то еще. Мальчишка, выбежавший на середину улицы, чтобы лучше прицелиться, замер, когда я встретился с ним взглядом. Видимо, что-то в моих глазах лишило его былой лихости и уверенности. Искушение запустить в ответ его же снарядом было велико. Чтобы почувствовал на себе, каково это, когда в тебя бросают камнями. Но вместо этого я показал ему осколок булыжника, зажатый в кулаке, и

произнес:

– Целился в собаку, а попал в волка.

Но не на обычном разговорном ходу муни, а на его сложном литературном аналоге. Языке имамов и шейхов, очень отдаленно напоминающем наш койне.

Еще секунду подержал обломок на виду у маленького агрессора, а затем неторопливо убрал в карман.

Мальчишка разинул рот, шагнул назад, едва не упал, зацепившись за неровность на дороге, и с воплями бросился бежать прочь. Его приятели припустили следом.

– Что это было? – нахмурился Руф, настороженно наблюдающий за устроенным мной спектаклем.

– Напомнил, что нельзя давать незнакомцам свои вещи или вещи, которые подержал в руках. Они все рассказывают друг другу страшные истории о людях, которые умирали во сне, оскорбив самого обычного на первый взгляд человека.

– Да, здесь в ходу такие притчи, – задумчиво произнес мой спутник.

Мы свернули за угол, и я выбросил камень. Феликс на моем месте доставил бы мальчишке несколько весьма неприятных ночей, наполненных кошмарами. Чтобы в следующий раз рука не поднялась бросаться в людей... Иногда перековка страшно мешала. Впрочем, если рассматривать воздействие в качестве воспитательной меры... Я кинул прощальный взгляд на брошенный булыжник. Ладно, на такие пустяки все равно нет времени.

Через минуту мы уже подходили к цели нашего пути, и мой интерес переключился на более важные вещи.

Дом сновидящего ничем не отличался от остальных в этом термитнике. Калитка в стене распахнулась, когда мой спутник толкнул ее. За ней обнаружился маленький, раскаленный каменный дворик без единого дерева или куста и одноэтажное здание, недостроенное, как и все остальные. Либо мастер сна работает не здесь, либо залил сныть бетоном.

Металлическая дверь, чем-то напоминающая сейфовую створку в квартире Руфа, была приоткрыта.

Узкий темный коридор вывел в круглую комнату с низким сводом. Свет пробивался сквозь дыру под потолком, окрашивая все вокруг пыльной желтизной. На глиняных стенах набиты деревянные полки, единственный стол завален бумагами и пластиковыми тарелками с присохшими объедками недельной давности. На крошечном свободном его участке

стоял мощнейший лэптоп.

Из вечной духоты, застарелого запаха пота, плесени и очень знакомой мне сладковатой дурноты гашиша здесь давно сформировалась собственная атмосфера, разрушить которую не смог даже поток относительно свежего воздуха, который мы принесли с собой.

Занавеска отдернулась, пропуская еще немного желтого света, и в комнату выбрался сновидящий. По всей видимости, тот самый Левк.

Тощая полуголая фигура, нечесанные космы, лицо одновременно худое и отекшее от долгого сна. Пошатываясь, он побрел в комнату, наощупь нашел на столе бутылку с мутноватой водой и жадно присосался к ней.

Первая мысль, которая пришла мне в голову при виде него, была – слишком много времени проводит во сне, пренебрегая физической активностью.

Мы сами зачастую работали на износ, но каждый мастер сна знал: не будешь заботиться о реальной оболочке, тело сновидения не вытянет, не заменит реальность. И никакая генетическая модификация не спасет.

– Садитесь. – Левк махнул рукой на два раскладных стула, добрался до низкого дивана, заваленного лоснящимися от грязи подушками, и повалился на него. – Подождем. Сейчас придет мой ученик... он хотел присутствовать... А, вот и Тахир!

Из коридора послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел второй сновидящий. Он выглядел гораздо внушительнее Левка. Но при взгляде на него я почувствовал короткое сожаление от того, что кровь Полиса растворилась в чужой крови. Римский профиль еще угадывался в его оплывшем книзу смуглом лице, но черные брови, сросшиеся над темными глазами, и черные волосы уже указывали на принадлежность к другому народу. Так же как и приземистое, коротконогое тело с выпирающим животом, мощные руки, кисти с толстыми пальцами, в которых ощущалась огромная, звериная сила.

Это были мои коллеги, занятые спасением жизней, исцеляющие, находящие пропавших людей, но я понимал, что не доверяю им. Ни истощенному, сутками погруженному в сон Левку, ни высокомерно-сытому Тахиру.

Так же как и они были не обязаны доверять мне.

– Чем тебя заинтересовал наш город? – спросил Левк, сфокусировав на мне взгляд бледно-зеленых глаз.

– Руф обратился за помощью.

– Ты действительно рассчитываешь найти двух людей, погибших более пяти десятков лет назад? – фыркнул он. – И наш, и ваш оракулы

определили их смерти.

Тахир подвинул стул, сел у меня за спиной. Мне это не понравилось, но я не подал вида, отвечая спокойно:

– Оракулы иногда ошибаются. Или неверно трактуют знаки. Или им могут подсунуть ложный предмет. Я могу встретиться с предсказателем, работавшим с материалами по делу о пропавших.

– Хочешь сказать, мы небрежно работаем? – недовольно проворчал Тахир.

– Предиктор Ларгий мертв, – сказал Руф.

– Давно?

– Лет десять, – отозвался Левк и потер покрасневшие веки. – Слушай, гость из Полиса...

– Меня зовут Мэтт.

– Так вот, Мэтт, если быть до конца откровенным, у нас тут начали происходить такие события, что стало не до серьезных поисков двух человек. Погибали сотни.

– Вы про землетрясение? Хотите сказать, исчезновение произошло незадолго до катастрофы?

– За какое-то время, – уклончиво произнес Левк, посмотрел мне за спину, и его ученик, громко сопя, поднялся. – У нас случилось стихийное бедствие, а к вам хлынула толпа беженцев. Стены ведь тогда еще не было?

– На этом участке – нет.

Пока он говорил, Тахир пошарил в корзине под столом, вытащил бутылку из темного стекла, откупорил. Я почувствовал резкий запах кислого винограда. Сновидящий разлил бледно-красное вино по граненым стаканам. Взял один себе, второй придвинул Левку, третий подал Руфу, а четвертый протянул мне.

– Нет, спасибо.

– Почему не берешь? – недовольно спросил тот, впиваясь в меня колким взглядом.

– Не пью на работе.

– Ты не на работе, а в гостях. – Он попытался сунуть мне стакан в руку, едва не облив вином.

Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Если хочешь получить от меня личную вещь – попроси.

– Извини, – вмешался Левк и небрежным жестом велел Тахиру оставить меня в покое. – У нас здесь не так спокойно, как у вас в Полисе. Приходится соблюдать осторожность.

– Если хотите соблюдать осторожность, – я взял стакан, – не давайте

постороннему вещи, которые держали в руках. Это можно унести с собой. – Я постучал ногтем по стеклу в своей руке. – Или поменять на один из ваших и тоже забрать.

Тахир побагровел, сжал кулаки, нависая надо мной.

– Смотри, как бы тебя отсюда не забрали.

Одна из пуговиц на его белой рубашке, обтягивающей обширный живот, готова была оборвать тонкую нитку, не выдерживая давления мощной плоти. Ее легко можно снять, почти не прилагая усилий. «Следил бы ты лучше за своей одеждой, – подумал я, невозмутимо глядя на сновидящего, – и стаканы у гостей отнимать не придется». Но вместо этого сказал успокаивающе:

– Понимаю, у вас нет причин доверять мне. Но мы делаем одно дело. Или я ошибаюсь, и мы собрались здесь меряться длинами наших снов?

Негромкий смех Руфа, неожиданно прозвучавший в звенящей тишине, разрядил обстановку.

– А я говорил, – произнес он насмешливо. – Он не даст собой манипулировать. И не отступит...

«...Как отступили вы...» – недвусмысленно прочиталось в его недосказанной фразе.

– Отступил бы, если б его, как нас тут, стали убивать, – буркнул Тахир.

– Надеюсь, до смертоубийства мы с вами не дойдем. – Я залпом выпил вино и поставил на стол пустой стакан.

Левк, до этого неподвижно-напряженный, пошевелился на своем диване. Тахир еще несколько секунд сверлил меня грозным взглядом, затем мрачно отвернулся, устало сел на стул и обмяк на нем, словно из него выпустили весь воздух.

– Серьезные проблемы? – спросил я с невольным участием.

– Да какие у нас проблемы, – проворчал он. – Нищета, работоторговля, людей взрывают, военный переворот намечается, в северных районах гражданская война... Нет никаких проблем. Это у вас все... сложно. Отгородились Стеной и забот не знаете.

– А ты сновидящий или кто? Исправляй ситуацию. Работай. Побуждай работать других.

– У вас другое население, – холодно сказал Левк. – Иные ценности, идеалы, стремления.

– Ну конечно, за стеной всегда трава зеленее, небо синее и люди лучше. – Я начинал злиться уже всерьез. Хоть и сдерживался. – Переселить сюда к вам весь Пятиглав Полиса с остальными сновидящими? Или отряд охотников, чтобы они навели порядок на вашей же земле?

Тахир хотел возразить, но я посмотрел на него с ледяной яростью, и сновидящий сдержал очередное обвинение.

– У тебя уникальный дар, которого лишена большая часть населения. Ты можешь спасать жизни, исцелять, менять судьбу, обезвреживать дэймосов, а ты сидишь и жалуешься мне на нехороших людей, которые плохо себя ведут?!

– Это не мое дело, – буркнул он недовольно. – Дэймосов ловить. Я вдохновитель.

Я едва не рассмеялся ему в лицо. Вспомнилась Талия. Тонкая и негибкая как стальной клинок. Харита, идущая вместе со мной по миру создателя кошмаров, чтобы вырвать из его объятий плененного человека.

– Ну так вдохновляй, – сказал я сдержанно.

– Нас не так много, – примиряюще вмешался Левк, – мастеров сна. На всю Александрию не больше полутора десятков, насколько я знаю. А может быть, и меньше. Тебе неизвестно о нашей реальной ситуации. С некоторых пор стало очень опасно заявлять о своем даре сновидящего. Официально нас, конечно, пока не убивают. Но с недавних времен начали происходить загадочные исчезновения и разные несчастные случаи с мастерами. На центры сновидений было совершено несколько нападений террористическими группировками, здания разгромили, сожгли, специалистов убили. Власти извинялись за причиненный ущерб, однако найти злоумышленников не смогли. Единственное, на что хватило их «полномочий» – порекомендовать временно прикрыть все центры, где практиковали сновидящие, до стабилизации ситуации в стране и получения финансовых средств для возможности обеспечить должную охрану мастерам сновидений. И государственную программу они под этой темой недавно также закрыли.

– Поэтому сейчас позиция такая, – поддержал коллегу Тахир, – хочешь уцелеть – не отсвечивай.

– Я оборвал все контакты с ОБСТ, уже давно. И общаюсь только с ним, очень редко. – Левк посмотрел на Руфа, и тот наклонил голову, подтверждая его слова. – Но мы все прекрасно понимаем, что каждый из нас постоянно балансирует на тонком канате, подвешенном над пропастью. Один неверный шаг, и полетишь вниз.

– Если бы Полис прислал своих специалистов... – вновь вставил в его монолог свое веское слово вдохновитель.

– Мы уже присылали вам своих специалистов, – ответил я не без горечи и кивнул на молчаливого Руфа. – И он видел, что с ними стало.

– Это были простые инженеры, – хмуро сказал Тахир, рассматривая

дно своего стакана. – Они не смогли защититься, а если бы это были охотники или...

– У нас нет «простых» инженеров, – перебил я его. – У нас вообще нет «простых» людей. Каждый ценен по-своему. И вы должны были защищать этих двоих. Так же как должны защищать свой народ от произвола и насилия.

Я не всегда и не во всем одобрял работу Пятиглава. Но в одном был с ними абсолютно согласен – нельзя прийти в чужую землю, устроить там элизиум^[11], по ходу вычистив всех дэймосов, и с почестями переселить туда ленивое, жадное, агрессивное население. Они должны сами работать над своим миром, совершенствуя и оздоравливая его. Тайгер вместе со своими охотниками не может пройти по всей земле, огнем и мечом истребляя темных сновидящих.

– Но вы же знаете, что дэймосы из нашей земли стремятся к вам, – осторожно заметил Левк.

– Да, вы расплодили их. И теперь они лезут во все щели, как дождевые черви после грозы.

– Разве не будет разумно Полису разобраться с ними в Александрии?

«А вы будете пролеживать задницы, курить гашиш и жаловаться на жизнь?»

Конечно, я не произнес этого вслух. Я знал, что не справедлив. Не совсем справедлив. Конечно, они работали – достаточно было посмотреть на опухшую физиономию Левка и нездоровую отечность Тахира.

Вспомнился невольно двор этого дома, который отлично показывал положение сновидящих Александрии – они сами вынуждены сдерживать, убивать свой дар, так же как душат алую сныть, заливая ее бетоном.

– Поэтому я здесь, как представитель Полиса.

Это заявление не внушило им оптимизма. Оба сновидящих смерили меня одинаково скептическими взглядами, в отличие от Руфа, который смотрел скорее задумчиво.

– Ну, если у вас нет «простых», как ты говоришь... – сказал Левк, запуская пальцы в грязные волосы. – Еще какие-то вопросы?

– Что вам известно про семью Сотер?

Он пожал тощими плечами.

– Очень богаты. Раньше владели всем городом. Затем начали вырождаться. Кровосмесительные браки не улучшают генетику. Глава семейства много лет был парализован. Умер недавно. Осталась дочь Амина. Замужем. Детей нет. – Левк сделал паузу и спросил с любопытством: – А зачем тебе информация про них?

– Интересно, что стало с потомками Птолемея. И насколько они могут быть заинтересованы в благополучии Александрии.

– Они заинтересованы только в собственном благополучии. – Тахир прикончил вино в своем стакане и сразу потянулся за бутылкой.

– Мы всегда сотрудничали, – снова вернулся Левк к занимающей его проблеме. – Наши авгуры предупредили вашего великого Александра о том, что его поход на восток затянулся. И грозит обернуться катастрофой не только для него, но и для всей цивилизации Полиса.

– А наши целители явили видение, в котором дракон указал целебную траву для лечения *вашего* Птолемея. – Я сделал упор на предпоследнем слове. – И как только растение нашли в реальности, будущий правитель агломерации был спасен от раны, причиненной ядовитой стрелой.

Мы с александрийскими коллегами еще долго могли бы перечислять примеры взаимопомощи, оказанной друг другу, но Руф, считая, что разговор ушел в сторону от важной для него темы, выпрямился на стуле, крепче сжал трость, едва ли осознанно демонстрируя, что хотел бы встать и покинуть душную, тесную комнату.

– Нам пора, – сказал я, поднимаясь, – спасибо за помощь.

– Будем на связи, – бодро отозвался Левк.

– Плохая идея. – Я забрал со стола стакан, из которого пил, и под недовольными взглядами обоих сновидящих опустил его в карман. – Извините, ребята. Я привык работать один, без присмотра. Так что большая просьба, не надо за мной следить.

Дом Левка мы покидали в гробовом молчании. Нас не провожали, не желали счастливого пути и не выражали надежды встретиться вновь.

– Умеешь ты заводить друзей, как я погляжу, – заметил Руф, когда за нами закрылась дверь. – Сложно было просто уйти? Оставить все как есть?

– Если кто-нибудь из них сунется за мной в сон, когда я буду работать, и наследит там, у меня не будет времени исправлять его ошибки. А они обязательно сунутся. Из любопытства. Так что придется пожертвовать вежливостью ради безопасности. Твоей в том числе.

– Поэтому ты снял с Тахира пуговицу? – усмехнулся Руф, шагая рядом со мной. Его хромота усилилась, и я старался не спешить, подлаживаясь под его неровную походку.

– Заметил?

– В начале моей карьеры я ловил карманников на рынке Амаля.

– Сложно было удержаться.

По большому счету мне был не нужен этот трофей. Взял по привычке.

– Чем тебе не понравились эти мастера снов?

– Они боятся, Руф. Ты работал с людьми, должен это видеть.

Он кивнул, внимательно меня слушая.

– Сновидящий не имеет права бояться. Осторожность – да, разумный риск, но не страх.

– Я могу их понять. Наши мастера снов разобщены. Это у вас в Полисе можно прийти в центр сновидений к любому специалисту. У нас контакты передаются по знакомым. Никто толком не знает, где они живут, как работают. Посторонний человек просто так не найдет. В поисковике, может, вопрос и забьешь, но ответа не будет.

– А что с дэймосами?

– А дэймосы тоже не развешивают рекламные плакаты на центральных улицах. Они как бы есть, но их нет.

Он остановился одновременно со мной. Там, откуда мы шли, раздался громкий сухой частый треск. Мне показалось, он прозвучал практически у дома Левка.

– Живее, – велел Руф и быстрее захромал к переулку, где осталась машина. Его трость выстукивала по камням частую, тревожную дробь. Он не хуже меня знал, что означает этот отрывистый, надрывный звук.

Сонное оцепенение улицы мгновенно сменилось враждебной настороженностью. Город затаился, готовясь выплеснуть из своих недр кипящее варево агрессии.

Послышался приближающийся нервный гул. Он шел с двух концов – догонял и катил навстречу. Иногда распадался на отдельные выкрики, перемежающиеся грохотом, звоном, скрежетом рвущегося металла.

Нас обогнали несколько торговцев, катящих перед собой гремящие тележки с товаром.

– Что случилось? – спросил я на фарси одного, с тачкой, наполненной медными кувшинами и чашами.

Он только махнул рукой и ввинтился в узкий проход между потрескавшимися стенами двух домов, сопровождаемый бряканьем посуды.

– Давай-давай, – торопил меня Руф, оглядываясь.

Одно из окон на верхнем этаже хлопнуло ставней. Скрипнул запор на калитке, мимо которой мы проходили.

– Здесь есть где укрыться? – Я достал из кармана нож, перехватил рукоятку так, чтобы лезвие было как можно незаметнее.

– В паре кварталов отсюда, если успеем, – откликнулся Руф и кивнул на мое скромное оружие. – Собираешься защищаться этим?

– Нет. Не этим.

Руф вытащил из кармана своего жилета-разгрузки темный платок, хотел отдать мне, но я уже доставал собственную маскировку. Полоса ткани, намотанная на голову и закрывающая половину лица, давала возможность не выделяться среди местных хотя бы некоторое время. Но долго мне и не было нужно.

Глава 8

Белый гуль

По боковому проулку между домов пробежали еще несколько человек. И теперь это были не торговцы. Я увидел троих в синих тагельмустах – платках, намотанных на голову и закрывающих почти все лицо, кроме глаз.

Один мужчина с ружьем, два других с прутьями арматуры в руках.

Нас они не заметили.

Еще одна очередь из автомата. Уже ближе.

Шум, складывающийся из грохота, агрессивных выкриков, звона разбитого стекла и редких выстрелов, приближался.

– Идут по центральной улице, – задыхаясь от быстрого шага, сказал мой спутник. – Собираются громить рынок Алзухур.

– Руф, если я вдруг потеряю сознание. Или тебе покажется, что я отключился. Не паникуй. Так и задумано.

Он криво усмехнулся.

– Ясно. Но лучше тебе этого не делать. Хотя бы сейчас.

Мы свернули еще в один переулок – вонючую дыру в ряду покосившихся глиняных домов. Затем нырнули в узкий проход, тянувшийся между высокими стенами. Все двери на улицу здесь были заперты, решетки лавок опущены, горы мусора забивали боковые лазы. Неба над головой не видно – его закрывали низкие балконы или просто доски, перекинутые из одного окна в другое, а также тряпье, развешенное на веревках. Под ногами хрустел мусор – высохшие бараньи и куриные мослы, перемешанные со стеклом. Дорога спускалась вниз, резко виляла в сторону или начинала подниматься вверх, превращая очередной отрезок пути в стертые плиты лестницы. Настоящий лабиринт, в котором Руф отлично ориентировался.

Вопли толпы то приближались, то удалялись. Она катила вперед с неудержимой свирепостью потока, пробившего стену водохранилища, сносила все на своем пути, разделялась на отдельные ручьи и волокла с собой камни, металлические прутья, выломанные из оград, и просто тяжелые палки.

С одним таким «ручьем» мы столкнулись внезапно. Нам навстречу выбежали из-за поворота молчаливо-деловитые, громко сопящие люди, перепрыгивая сразу через три ступени, стремясь быстрее слиться с

остальной толпой. Как я успел разглядеть, это были маххарибы – одна из народностей, населяющих теперь Александрию: одеты в одинаковые галабеи, когда-то бордовые, теперь порядком вылинявшие, головы замотаны черными тюрбанами-имамехами, у каждого на широком серебряном поясе болталось по кобуре, в руках они держали деревянные дубинки.

Впрочем, я мог и ошибаться. Феликс разбирался в этносах земель Птолемея гораздо лучше. И с первого взгляда отличал пиратов Эр-Рифа от скотоводов Ореса.

Руфа, поспешно опустившего голову и отпрянувшего к стене, обругали старым навозным ишаком, дали несильного пинка, выбив трость. Она покатила вниз по лестнице, брякая на каждой ступени металлическим наконечником. Меня толкнули, отбросив к решетке очередной лавки, чтобы не путался под ногами у уважаемых граждан, стремящихся исполнить свой гражданский долг. Затем толкнули снова, и еще раз. Это облегчало работу. Я не поднимал взгляд, чтобы раньше времени не выдать себя светлыми глазами, но движения моего хорошо заточенного ножа были очень быстрыми, скользящими, незаметными.

А потом меня схватили за плечо и со всего маху приложили к стене.

– На меня смотри! – рявкнул над ухом низкий гортанный голос.

Я вскинул голову, увидел совсем близко черные, бешеные глаза с красной сеткой сосудов на белках, пучки волос в раздувающихся ноздрях широкого приплюснутого носа, ощеренные желтые зубы, жирные потеки в густой бороде.

– Белый гуль! – сказал он, как выплюнул, и вытащил свой нож.

– Это мой сын! – послышался возглас Руфа, и тревога в нем была не наигранной. – Мы уже двадцать лет здесь живем. Оазис Навкратис.

Договорить ему не дали. Один из маххарибов сбил его с ног легким толчком, другой вытащил пистолет и со смехом ткнул дулом в затылок, заставляя повернуться в мою сторону.

Тот, кто держал меня, сдернул с моей головы повязку, медленно вытянул из-за пояса нож и так же медленно начал подносить его к моему лицу, наслаждаясь своей властью и беспомощностью жертвы.

– Сначала отрежу тебе нос, потом уши. Потом вырежу твои глаза...

Блестящее острие коснулось переносицы, и тогда я опустил веки, крепче сжимая в ладони срезанные трофеи – пряжки, лоскуты одежды, обрывки шнурков. Услышал гогот и предположение о том, что белый уже обделался от страха. А потом накатила темнота, приглушившая на миг голоса, выкрики, легкую царапающую боль.

Через свой мир снов я увидел желания этих людей. Они оказались примитивны, узнаваемы и одинаковы. Преимущество искуителя – мгновенно узнавать чужие мечты и страсти. А затем манипулировать их обладателями по собственной воле. Я перебрал эти фантазии одну за другой, как бараньи позвонки, нанизанные на струну. Теплые луга, столы с едой, возникающие из пустоты, и толпы голых девиц, валяющихся тут и там в расслабленных позах. Сами герои возлежали среди них, подгребая под себя мягкие тела, зарываясь в белых грудях и закидывая на себя длинные стройные ноги.

Воздействие было мгновенным, неуловимым и разрушительным. Еще никогда я не действовал так быстро. Даже в лучшие годы работы с Феликсом.

Семь человек, семь приказов.

Они поднимались, сбрасывая с себя женские тела, и оставались стоять, тупо глядя перед собой. Я отступил, выныривая в реальность, успел услышать отдаленный грохот. Он напомнил раскат грома, повеяло запахом пороха, зазвенели по каменным плитам стреляные гильзы.

Я открыл глаза.

Маххариб, державший меня, поспешно убирал нож и участливо заглядывал в мое лицо, которое только что собирался резать.

– Как ты, уважаемый? Кровь, вот, вытри.

Двое других поднимали с земли Руфа, вежливо бормоча:

– Вставай, почтенный. Обопрись на нас.

Еще один – самый молодой, с едва пробившейся бородой на щеках и подбородке, убирал пистолет, из которого только что застрелил приятеля, кого я не успел захватить своим воздействием. Тот, видно, пытался вразумить остальных, ни с того ни с сего бросившихся помогать тем самым белым «шпионам» Полиса вместо того, чтобы убить их, как собирались.

Стрелок пнул мертвое тело и поспешил за тростью, откатившейся вниз по лестнице.

– Проводим вас, – угодливо шептал маххариб мне на ухо. – Беспокойно сейчас. Не надо в одиночку ходить. Ни тебе, ни твоему достопочтенному отцу. Слышишь, стреляют?

Руф посмотрел на меня пронзительно и тревожно. Молча взял палку из рук мужчины и пошел было вверх по лестнице, но его мягко придержали за локоть.

– Не туда, уважаемый. Идем здесь. Гассир покажет дорогу.

– У меня машина недалеко, – сухо сказал Руф.

В ответ тот же самый вежливый участливо зацокал, замотал головой.

– Не надо на машине. Верблюды сейчас побегут, передавят. Дороги перекрыты.

Я видел, как корежит моего спутника от заботливых прикосновений и учтивых фраз убийц, которые только что пытались вволю поглумиться над двумя безоружными людьми. Меня же в отличие от него обуревали совсем другие чувства. И вряд ли Тайгер одобрил бы их.

– Мой дом – ваш дом, – поклонился сухой, нервный, похожий на голодную гарпию, Гассир. – Отдохнете. Покушаете.

– Отличная идея, – сказал я довольно. – Так и сделаем.

Руф шагнул ко мне и спросил очень тихо и зло:

– Ты можешь это прекратить?

– Могу. Но не хочу, – ответил я ему доверительно. – Не люблю, когда мне в глаза ножом тычут.

– Ну так пусть дадут нам возможность пройти и проваливают! Я не собираюсь ходить по гостям к этим ублюдкам.

– А если мы вмажемся прямо в центр озверевшей толпы? – прошептал я, взяв его за край жилета. – Думаешь, у меня хватит сил и времени усмирить сразу сотню человек?

Наши новые друзья стояли рядом, послушно дожидаясь, когда беседа «отца» с «сыном» закончится. Лишь самый молодой переминался нетерпеливо и нервно прислушивался к очередям, разрывающим воздух все ближе и ближе.

Руф хотел сказать что-то, но, взглянув на мою ладонь, все еще сжимающую снятые трофеи, промолчал и мотнул головой. Давая понять, что готов согласиться с моими доводами.

– Веди, – велел я главарю.

Он тут же метнулся вперед и, поминутно оглядываясь на меня, показывал дорогу. Был бы у него ковер – расстелил бы на лестнице, чтобы мне было мягче спускаться.

– Считаешь, я заставил их пресмыкаться перед нами?

Руф не ответил, но я видел по его суровому лицу, что именно так он и думает.

– Каждый по-своему понимает уважение. Для кого-то оно выражается в вилянии хвостом и лизании ботинка, а для кого-то в стремлении быть равным среди равных.

Мой спутник собирался возразить, но снова заставил себя промолчать. Я хотел бы сказать ему, что с гораздо большим удовольствием убил их всех. До изобретения вакцины зараженных бешенством отстреливали. А эти люди были заражены ненавистью и жаждой убийства. Но я убивать не мог.

К сожалению.

Интересно, как бы поступила на моем месте Талия? Харита, создательница прекрасных и сложных иллюзий. Заставила бы их заблудиться в собственных фантазиях?..

Мы вышли в проулок, где Руф оставил машину. Правда, с другой стороны. И я тут же понял, что посиделки с нашими новыми знакомыми откладываются, если не отменяются вовсе.

Автомобили, прежде мирно стоявшие рядом с нашим, оказались раскурочены. Один «таир» был завален набок и лежал среди битого стекла, второй – с высаженными стеклами и помятыми дверцами – устало опустился на проколотых шинах. За «фалькон» Руфа мародеры только принялись. Их было пятеро. Молодые парни из той категории, когда силы уже много, а дурь еще не выбита. Ближайший к нам деловито откручивал боковое зеркало, двое бродили вокруг, заглядывая в окна, четвертый лениво попинывал переднюю левую шину, а пятый, самый старший из них, осматривал улицу, кого-то поджидая.

Увидел нас, радостно завопил, решив, что его соплеменники поймали двух белых, и, схватив металлический прут, бросился навстречу. Но не пробежал и нескольких шагов, поймав лбом пулю. Опрокинулся на землю, из-под головы потекла темная кровь. Его приятели замерли на секунду, а затем с криками бросились на обидчиков, забыв про машину.

Схватка обещала быть короткой, но интересной. Однако Руф не дал мне насладиться зрелищем в полной мере.

– Едем! Быстро! – крикнул он и кинулся к своему автомобилю.

Я занял место рядом с ним, оглянулся и сквозь заднее стекло, покрытое трещинами, успел увидеть, как столкнулись две озверевшие силы.

Руф рванул с места так, что шины завизжали по асфальту, вырулил на соседнюю улицу, с трудом вписался в поворот, задел багажником ободранную стену и погнал прочь из беспокойного района.

За спиной продолжали звучать выстрелы.

Мимо проносились убогие домишки, лавки, рыночки. Из-под колес с истошным кудахтаньем бросались куры. Бродячие собаки, захлебываясь от лая, пытались преследовать машину, но быстро отставали. Руф сшиб несколько неубранных лотков, выставленных под хлипким навесом. Хурма оранжевой шрапнелью разлетелась во все стороны.

– Ты реально надеешься выбраться? – спросил я, пристегиваясь, чтобы в случае чего не вылететь головой вперед через лобовое стекло.

– Теперь – да.

Над домами поплыло облако черного дыма. Машину мотало на неровной дороге, подбрасывало на камнях, наваленных в колеях.

– Рынок жгут, – процедил Руф сквозь зубы и ударил по тормозам, едва не въехав в бок потрепанного грузовика, выползающего из переулка.

Ремень безопасности врезался мне в грудь. Из открытого окна в нашу сторону высыпался поток брани, но Руф лишь прибавил газу, вновь бросая «фалькон» вперед.

– У ихаггарегов сегодня праздник. Был, – произнес он как ни в чем не бывало спустя секунду.

– День, когда великая правительница Тин Хинан пересекла пустыню и пришла в эти земли? – отозвался я, вспомнив историю.

– Да. Неподалеку от рынка Алзухур устраивают гонки на верблюдах, баранов режут... Отличный повод, чтобы перебить противников, собравшихся вместе. Но у них всегда так: сначала два племени бросаются друг на друга, затем они объединяются против белых.

Улица стала шире, запах дыма ощутимее. На веревке, натянутой между двух крыш, словно сушащееся белье висели два трупа с распоротыми животами. Их синие платки – тагельмусты были размотаны, чтобы открыть изуродованные лица с отрезанными носами и выколотыми глазами. Посмертное оскорбление. А может, и не посмертное.

– А ведь мы могли висеть на их месте. – Руф прибавил газу, пролетая этот участок разбитой дороги на предельной скорости, и снова свернул в паутину улочек.

– Могли. Но не висим.

Попетляв немного, машина выбралась на относительно широкую трассу. Здесь все оказалось спокойно. Словно не было стрельбы, повешенных, дыма... Бойко шла торговля, спешили по своим делам жители, носились дети, ездили автомобили. Из их открытых окон грохотала музыка.

– Ты ведь можешь убить их? – Руф неопределенно мотнул головой, показывая в ту сторону, откуда мы приехали. – У тебя же остались эти пряжки, обрывки, то, что ты забрал.

– Трофеи, – ответил я. – Мы называем это трофеи.

– Ну да. Так ты можешь? – Его руки уже не стискивали напряженно руль, плечи расслабились.

– Нет, Руф. Хотел бы, но не могу. Мы не убиваем людей.

– Это не люди.

– Тем более я не собираюсь уничтожать себя из-за выроdkов. Сами перестреляют друг друга.

– Если бы, – проронил он с горечью. – Одни исчезнут. Другие подрастут.

Я вспомнил мальчишку, швырнувшего в меня камнем, и подумал, что Руф прав. Во многом, если не во всем.

Нам навстречу неторопливо ползла колонна бронетранспортеров. Направились усмирять беспорядки. И машины поспешно шарахались к обочинам, пропуская эту неукротимую силу.

– Ты второй раз спрашиваешь про Сотеров, – неожиданно сказал Руф, сосредоточенно следя за дорогой.

Похоже, решил поставить точку в разговоре о сегодняшнем происшествии. А мне осталось лишь оценить его наблюдательность. Значит, заметил мой интерес к этому роду.

– Мне нужно встретиться с дочерью Лонгина. Или хотя бы получить ее вещь.

– Это сложно. Они практически ни с кем не контактируют. Ты слышал, что говорил Левк. Зачем тебе Амина?

Я задумался на несколько секунд, стоит ли сказать ему, что отец ее – дэймос?

И решил, что, пожалуй, стоит. Он уже имел дело с мастерами снов. И про темных сновидящих, конечно, тоже был в курсе.

– Потому что в мире сна ее умирающего отца-дэймоса я видел тень его последней жертвы. И это был Севр.

– Мне показали рисунок, – произнес Руф спустя короткую паузу, глядя прямо перед собой. – Талия... Очень яркий образ, узнаваемый, хоть и схематичный.

– Да, это был мой набросок. Я сделал его по памяти.

– Значит, Сотеры замешаны в том похищении? – Он требовательно посмотрел на меня, на миг отвлекаясь от дороги.

– Я смогу ответить на все твои вопросы только после того, как побываю в сне Амины.

Руф помолчал, принимая мой довод, но не смог сдержать нетерпения.

– По-твоему, Севр мертв?

– А как ты сам думаешь, реально выжить пятьдесят лет в рабстве? Даже если ты генно-модифицирован.

Бывший сотрудник ОБСТ промолчал. Он знал ответ на этот вопрос.

– Но вообще, «жертва дэймоса» абстрактное понятие. Человек не обязательно мертв, он может быть в коме, или болен, или одурманен. Хотя опять же пока это всего лишь мои домыслы.

Я не хотел давать ему ложную надежду. И в то же время не желал

отнимать его собственные иллюзии. В которых Севр и Эрис были живы.

– А что можешь сказать вообще о генной модификации? – спросил Руф. – Ваши специалисты замораживают клетки, чтобы они не разрушались?

– Помнишь легенду о Прометее? Орел прилетал к пленному титану по приказу Зевса и клевал его печень. А та вырастала каждый раз.

– Ну да, помню такой миф, – кивнул он.

– Реальность в том, что печень человека единственный орган, способный восстанавливаться сам. Отрастает заново, даже если сохранилась лишь на пятнадцать процентов. Вот в этом и есть суть генной модификации – постоянное, активное обновление выращенных клеток: не только в печени, во всех органах. Как ты сам понимаешь, от механических повреждений это не защищает.

Он снова кивнул.

Дорога стала чуть лучше, больше не напоминая въезд в преддверие царства Аида. Правда, дома по обочинам по-прежнему поражали масштабом всеобщего недо строя. Людей, болтающихся на улицах без дела, убавилось. Какая-никакая работа у них тут, похоже, была. Или желание работать возникало.

– Слушай, Мэтт, – произнес Руф, выныривая из глубокой задумчивости, – у меня есть знакомый журналист. Он мог бы отправить дочери Сотера письмо с адреса редакции. Попросить о встрече. Предложить написать статью про знаменитого отца...

«А что, у вас тут есть газеты?» – едва не ляпнул я. Сложно было поверить, обозревая окрестности, что кто-то здесь интересуется новостями.

Но вместо этого спросил:

– Ему можно доверять?

– Вполне. Он не раз выручал меня. Могу ему позвонить.

– Ну попробуй.

На вызов Руфа не отвечали. Он рулил, прижимая телефон плечом к уху, и, хмурясь, вслушивался в длинные гудки.

– Интересно, а не распродают ли они свои частные коллекции? – спросил я, наблюдая за его попытками выйти на связь с прессой. – Картины, предметы старины...

– Можно узнать, – тут же отозвался он.

– И заодно неплохо выяснить, что там с похоронами Сотера. Вдруг намечается прием по этому случаю.

Он кивнул, принимая к сведению мою просьбу, и убрал коммуникатор:

– Ладно. Перезвонит позже.

– Долго нам ехать?

– Часа полтора, – Руф взглянул на спидометр, – если двигаться с такой же скоростью. Придется сделать круг по новой трассе между оазисами. Но ее стали охранять в последнее время – так что там безопасно.

– Значит, время есть. Не будем его терять. Дай мне твою личную вещь. Да вот хоть это... – Я перегнулся через сиденье, вытащил его трость и пристроил рядом с собой, положив ладонь на гладкую рукоятку, отполированную тысячами прикосновений. – Поброжу в твоём подсознании, пороюсь в глубинных воспоминаниях.

Он скептически нахмурился:

– Что ты надеешься увидеть?

– Надеюсь Пандора, заглядывая в шкатулку. Удовлетворить свое любопытство. И ты помнишь, что из этого вышло. Я буду работать.

Впервые с момента нашего знакомства Руф улыбнулся. Похоже, его вполне устраивал подобный тон общения.

– И ты сможешь работать в движущейся машине?

– Место не важно. И большая просьба – не буди меня. Я должен проснуться сам.

– Понял.

– Много времени это не займет.

Моя задача узнать, живы ли инженеры из Полиса, как замешан в их исчезновении Лонгин Сотер. И хорошо бы выяснить личность террориста. Но, если честно, больше всего меня интересует, как попал трофей дэймоса по имени Логос в дом Феликса. Как мой учитель был связан с этой историей, в которую оказались втянуты неизвестные мне Севр, Эрис и мой новый знакомый, бывший сотрудник ОБСТ, Руфус Калхас.

Я откинулся на жестком сиденье, пахнущем пылью, закрыл глаза, произнес мысленно свой пароль на выход в другой мир и, уже проваливаясь, почувствовал, как Руф усиливает затемнение на окне с моей стороны, стараясь защитить меня от палящего солнца.

Переход был очень мягким. Я словно погрузился в теплую воду после долгого, утомительного дня. И сон начал открываться так же плавно.

...Я стоял на краю пустыни, по щиколотку в песке. Прямо передо мной пышно зеленел оазис. Оттуда веяло ароматом цветов и прохладой воды. Но и здесь, за пределами островка жизни, было вполне неплохо. Солнце находилось в зените, но не палило голову, не слепило глаза. Разноцветные барханы – перламутровые, розовые, терракотовые – вздымались один за другим, словно океанические валы.

На горизонте беззвучно вырастали и рушились величественные миражи. Каменные пирамиды, зажатые между лап гигантского сфинкса, дворцы, окруженные взлетающими к небу струями фонтанов, арки, в которых висели широко открытые глаза с пылающим солнцем вместо зрачка...

– Интересная вещь человеческое подсознание, – сказал я сам себе и направился к оазису, вытаскивая ноги из сыпучего песка.

Чужое присутствие я ощутил не сразу.

Сначала заметил в тени высоких колючих акаций уродливую, приземистую конструкцию, и трудно было узнать в ней старый вездеход....

Над открытым капотом склонилась человеческая фигура.

Подходя ближе, я внимательно рассматривал ее. Девушка в светлых брюках и вылинявшей рубашке с закатанными рукавами. Золотистые волосы завязаны в хвост, лицо с грязной полосой на щеке милое и сосредоточенное.

Когда я приблизился, она подняла голову, рассеянно скользнула по мне взглядом и произнесла тихим голосом, звучащим как будто из другой реальности:

– Мотор начал работать с перебоями.

– Это я заметил, – сказал я, прикасаясь к проржавевшему металлу старой машины. – Дай посмотрю.

Ответа на мое предложение не прозвучало. Девушка исчезла. Растворилась среди миражей.

Я наклонился над двигателем. Странно было видеть среди ржавчины и обломков бьющееся неровными толчками живое сердце, оплетенное сетью кровеносных сосудов. Оно пульсировало, натываясь на острый осколок железного ребра, и роняло алые капли крови в песок сквозь проеденные коррозией дыры корпуса. Неизменные знаки болезни, увядания, боли...

Не зря Руф то и дело глотал таблетки. Его «мотор» нуждался в профилактическом ремонте. Я протянул руку, не без труда вырвал из недр машины деформировавшуюся металлическую деталь. Она тут же рассыпалась рыжей пылью в моих пальцах.

Сердце забилось свободнее, кровь, насыщенная кислородом, побежала быстрее, и красные капли перестали сочиться на землю.

Я вытер пальцы, испачканные ржавчиной, о штаны и пошел дальше. Вездеход за моей спиной скрипел, скрежетал и медленно погружался в песок.

Следующий якорь, за который прочно держался недуг, вырос посреди тропы, ведущей в глубь оазиса.

Та же самая девушка сидела на камне, прислонясь спиной к нагретому солнцем металлическому боку, и подставляла лицо рассеянными лучам, пробивающимся сквозь листву.

– Беспощадная, неумолимая память, – сказал я ей, глядя сверху вниз на светлое, задумчивое лицо.

Она посмотрела мимо меня, поднялась и скрылась за машиной. Я пошел следом. Стройная фигура исчезла, а я увидел лопнувшую переднюю ось внедорожника. На выправление этого дефекта пришлось потратить еще некоторые усилия.

Все это были временные меры, их действие непродолжительно, а затем в мире сна Руфа снова выберется на поверхность искореженный призрак его боли, рядом с которым будет стоять одинокая девушка. Незримый страж, воспоминание, средоточие воли.

Выйдя сюда через мир снов, я шагнул по подсознанию Руфа и одновременно вплетал в его ткань невидимые, неосязаемые заслоны. Те, что смогут защитить сознание оперативника от постороннего проникновения и не дадут записать приказ на уничтожение или убийство. Если его захотят сломать – наткнутся на жесткий барьер, разбить который под силу не каждому.

Камни и земля все еще шевелились, заглатывая старый вездеход, но я уже шагнул вперед по неустойчивой поверхности, заметив за деревьями изглоданную временем и ветром арку.

Я прошел под ней и оказался в полутемном зале.

Это была картинка с другой стороны. Старая, нищая кофейня, заполненная безработными.

Сквозь распахнутую дверь видна улица, автобус у обочины, пассажиры бесцельно слоняются неподалеку. Крепкий молодой человек в клетчатой рубашке и защитного цвета брюках выбирается из кабины водителя. Я ловлю его тяжелый взгляд исподлобья, но меня он не видит. Не может увидеть. Потому что меня нет в той реальности.

Мозг фиксирует гораздо больше информации, чем мы привыкли считать. Он предоставляет нам все возможные факты, но не в состоянии все их сразу оценить, запомнить, сделать правильные выводы. Руф замечал огромное количество деталей, но отсеивал половину, занятый ремонтом машины и беседой с интересными людьми. Однако каждая из этих бесполезных на первый взгляд мелочей осталась в его подсознании. Мне нужно выудить их и сделать правильные выводы.

Что есть интуиция? Способность запоминать и анализировать.

...Один из мужчин вытащил телефон, набрал номер, дождался ответа

и невнятно забормотал в трубку, поглядывая на автобус. Простой разговор или попытка предупредить кого-то о задержке рейса?

Я листанул сон вперед. И оказался возле сожженного вездехода. От него несло гарью, как будто он перестал гореть минуту назад.

Присел, потрогал кровавые пятна на земле, посмотрел на свои испачканные пальцы с налипшими песчинками. Поднял стреляную гильзу, от которой ощутимо пахло порохом.

Как если бы все это было в реальности.

Сон не имеет срока давности. Мне нужно искать выход в подсознание Эрис. Руф тесно связан с ней, следы этой связи до сих пор попадают мне по пути.

Это было похоже на медленное сканирование пространства. По миллиметру, по нейрону. Я растворялся в дым, в пар. Невидимый, неосязаемый. Я плыл, летел, обтекал, просачивался... Бросал себя вперед, как электрический импульс по проводам сна. Далеко как только возможно. Мое сознание летело от одного человека к другому. Все те, с кем соприкасался Руф. Как остановки в пути следования «Нота». Я сам был экспрессом, летящим сквозь мир сновидений. То, чему учил меня Феликс и от чего предостерегал...

И ни одного следа тех, кого я ищу. Ни тени, ни вздоха, ни отголоска.

Когда удерживать все эти связи и нащупывать новые стало невозможно, я рванул сеть на себя, собирая ее. Позже можно будет перебрать улов, выбросить водоросли и ракушки, бережно выбрать ценную рыбу. Если она будет...

Я снова стоял возле автобуса. Отголоски событий прошлого были похоронены глубоко в подсознании Руфа, но они продолжали звучать из глубин сновидения. Я подошел к внедорожнику, с трудом открыл перекошенную дверь, залез внутрь, наклонив голову, чтобы не зацепиться за рваное железо, свисающее с потолка. Воняло гарью, палеными волосами и обугленной плотью. Под ногами хрустели выбитые стекла. Черные потеки жирной сажи пятнали борта и пол. Я опустился на то самое место, где когда-то сидел молодой водитель – Руф. Заскрипел проржавевший остов, в воздух поднялось облако едкой пыли. Через разбитое переднее окно стала видна серая пустыня.

Марево раскаленного воздуха дрожало над барханами, создавая причудливые миражи. Я смотрел на них, готовясь к новому погружению.

Обычная разведка местности ничего не дала, значит, придется нырять на другой уровень.

Я положил обе руки на руль, сосредоточился, нащупывая тончайшую

нить, ведущую в закрытые области подсознания. Не взлом границ, который выпустит на поверхность всех запертых чудовищ, всего лишь быстрый взгляд в замочную скважину. Дернул ручник, снимая машину с тормоза, нога сама нашла педаль сцепления.

Сиденье подо мной затряслось, словно автобус действительно пытался вырваться из песка забвения и снова отправиться в путь. В лицо ударил горячий воздух. По лбу чиркнул осколок стекла, но тень боли тут же растаяла.

Сквозь дыры в крыше и разбитые окна полился песок. Тонкие струйки шелестели, падая на пол, сиденья, на мои колени, плечи и голову. Я задержал дыхание, закрыл глаза. Раскаленные потоки становились все тяжелее, пригибая меня, вырывая из рук колесо руля, прожгли пол – и я рухнул вниз.

Это был полет и падение одновременно.

Послышался грохот, одиночные выстрелы, рев двигателя, крики... Акустический мусор обрушился на меня безудержным потоком и просыпался сквозь дыры в полу. Автобус дернулся, вновь замирая в мертвой неподвижности. Салон потемнел, а я наконец увидел. Крошечный фрагмент, искусно затертый подправленными воспоминаниями. Закрытый кузов транспортера. Бледное пятно света. Стальная решетка кажется колышущейся, как вода в неровном освещении.

Руф обнимал израненную девушку. В его молодом лице я угадывал черты постаревшего Руфа, теперь оно стало более суровым, решительным... умным. А тот прежний парень, водитель автобуса, был растерянным, сомневающимся, уязвимым.

Девушка, та самая Эрис, оказалась скрыта от меня колеблющимися прутьями. Я мог различить лишь белое пятно рубашки, руку с черными пятнами синяков, светлую прядь волос.

До меня долетел их тихий, прерывистый разговор, почти заглушённый гулом мотора. Но сквозь фразы, умело записанные для Руфа сновидящим, как эхо прорывался подлинный диалог, тот, что действительно произошел в кузове...

Теперь я знал все, что хотел.

Сновидящий Александрии поступил правильно. Невольно я испытал уважение к Левку. Я бы сделал то же самое.

Я рванул на поверхность, выныривая в реальность.

Открыл глаза.

Машина была припаркована на стоянке у дома Руфа.

– Давно стоим? – спросил я хриплым после сна голосом.

– Минут тридцать, – ответил Руф. – Я переговорил со своим журналистом. Он прямо сейчас отправляет письмо.

– Отлично. Посмотрим, что на него ответят.

Я отстегнул ремень и выбрался на улицу. Спина затекла, в позвоночник как будто загнали штырь, голова гудела, словно в нее набился десяток посторонних голосов и все они звучат одновременно.

Дневная жара сменилась вечерней, в ней растворялся слоистый дымок из кафе и кальянных.

Руф захлопнул дверцу со своей стороны. Трость осталась лежать на переднем сиденье машины.

Ему были нужны ответы, но он был готов не торопить меня.

Мой спутник пошел к дому, мельком поздоровался с соседями: пожилыми мужчинами, сидящими на скамье у входа.

Я шел следом, с интересом наблюдая.

– Ну, как? – спросил меня бывший оперативник, войдя в подъезд.

– Пока ничего конкретного.

Я видел по его лицу, что он не расстроен, предполагая такой исход. Может быть, действительно не тревожить его лишними подробностями. Жил же он все эти годы в полном незнании.

– Буду пробовать снова.

– Поешь сначала и отдохни. – Он стал легко подниматься по лестнице, больше не припадая на больную ногу и не останавливаясь.

Я сдержанно ожидал, когда он заметит.

На втором этаже Руф остановился и медленно повернулся ко мне.

– Что ты сделал?.. Это ведь ты сделал?

– Подлечил тебя немного.

– За полчаса?! – Он смотрел на меня так, словно только сейчас оценил, кто я такой, в полной мере. – Нога не болит, я не задыхаюсь при каждом шаге, голова ясная...

– Это временное облегчение. Тебе придется проходить терапию у целителя каждые два месяца.

– Где бы еще их найти. – Он отвернулся, быстро преодолел оставшиеся пролеты, открыл дверь и сразу направился на кухню. Я услышал там бодрое звяканье посуды. Гул микроволновки. Шипение чайника.

Я устало опустился на диван и прикрыл глаза. В отличие от хозяина дома, я чувствовал себя так, словно меня пропустили сквозь стиральный автомат и выкрутили как следует.

Надо продолжать поиск. Раскинуть сеть как можно шире. Отсеять уже изученные миры снов. Попробовать зайти со стороны сновидящих, с которыми познакомился сегодня. Может быть, я наткнулся на информацию о Лонгине там? Если я видел Севра в разрушающемся мире дэймоса, значит, ламнос был каким-то образом причастен к его гибели. Левк принимал участие в освобождении Руфа, пытался найти пропавших инженеров, может быть, он видел, слышал, заметил что-то и сам не понял, что именно. Отмел как неважное, а для моих поисков любая мелочь могла иметь огромное значение. Кстати, Левк должен был пройти генную модификацию. Значит, был в Полисе. Интересно, когда...

...Руф вернулся и поставил передо мной тарелку с хорошей порцией бирьяни – риса, курицы и специй. В отдельной миске закуска из сыра фета, укропа и мяты. Забавное смешение кухни Полиса и местной. Как и многое в Александрии. Застройка районов, язык: отголоски койне, принесенные античными основателями агломерации, до сих пор звучащие в местной речи, кухня...

– Слушай, а у тебя нет такого салата... не помню, как называется, там, кажется, тоже есть мята, потом какие-то зеленые ростки, оливковое масло...

– Весьма исчерпывающее описание, – усмехнулся Руф. – Даже не представляю, о чем ты говоришь.

Он сел напротив, став серьезным. Достал из кармана коммуникатор.

– По поводу Сотеров. Ответ уже пришел.

Он сделал паузу, я перестал жевать, внимательно глядя на него.

– Ни в каких публикациях семья не заинтересована и просит не беспокоить больше подобными вопросами. Отвечал секретарь госпожи Амины.

– Так я и думал.

– Дальше. Коллекции не распродают. Аукционы не посещают. Про похороны официальной информации нет и не было. Из неофициальной известно, что на территории поместья стоит семейный склеп. Если и будет кто-то приглашен на погребение, то об этом ничего не известно. А может, они его туда уже и засунули, – произнес Руф, поразмыслив, и добавил: – Мэтт, я понимаю, что результата может и не быть.

– Да, – ответил я, погруженный в свои размышления. – Отсутствие информации тоже информация.

Я ел, почти не чувствуя вкуса.

Руф заблуждался, результат уже был. Человек может не идти на контакт по нескольким причинам. Безразличие к окружающему миру,

болезнь, и если он темный сновидящий. Пока я не знал точно, дэймос ли дочь Лонгина, а также связана ли госпожа Амина с делами отца.

Пока я думал, из кухни послышался приглушенный голос Руфа, говорящего по телефону.

– Да, Марон, приветствую... Слышал... Сейчас посмотрю... Дай мне минуту.

Он быстрым, решительным шагом вошел в комнату и, звеня связкой тонких ключей, отпер один из своих засекреченных шкафов. Выдвинул ящик и, прижимая коммуникатор плечом к уху, принялся перебирать тонкие пластиковые папки.

– Под описание подходят двое, – сказал Руф, листая содержимое файла. – Калуф Амаль, но он мертв, убит при задержании. А вот второй...

Что там произошло со вторым, я не успел узнать – в дверь позвонили. Три коротких трели, одна длинная. Руф оглянулся и жестом попросил меня открыть. А сам запер сейф, но не спешил прервать разговор – значит, посетитель был ему хорошо знаком и не опасен.

Я поднялся, прошел по коридору. Посмотрел в телескопический глазок, вставленный в дверное полотно. Да, похоже, действительно ничего угрожающего.

Три сейфовых замка, две внутренние задвижки. Наконец тяжелая створка распахнулась с металлическим позвякиванием. На пороге стоял мальчишка-подросток. Невысокий, худой. Половина лица завешена темно-русой челкой, поперек растянутой зеленой футболки надписи на фарси, пожелание успеха и счастья, насколько я сумел разобрать. Коричневые штаны обрезаны ниже колен, нитки висят бахромой, на голени зажившая царапина. В правой руке, чуть на отлете, он держал потрепанный, вылинявший рюкзак защитного цвета, в левой – руль гоночного велосипеда. Одна из последних моделей – детали Бэйцзина и сборка там же.

Мальчишка изумленно уставился на меня.

– А где господин Руф?

– Занят.

– А вы кто?

– Его гость.

– Откуда?

– Оазис Сива.

– А там разве живут белые?

Его лицо было старательно завешено волосами, но я отлично разглядел распухший нос, красные пятна на щеках, отеки веки.

– Может, зайдешь? – Я отступил в сторону, открывая проход в квартиру. – Продолжим беседу в более удобной обстановке.

Мальчишка опустил голову, уставившись на носки своих разбитых кроссовок.

– Я вообще-то хотел рюкзак оставить. Он разрешает иногда. Потом забираю.

– Школу прогуливаешь?

Он хмуро покосился на меня, крепче сжал руль велосипеда, а я шагнул вперед и неожиданно для него запустил пальцы в его челку и поднял вверх, открывая опухшее от недавних слез лицо.

– Случилось что-то?

Подросток попятился, мотнул головой и огрызнулся:

– А вам что за дело?

– Могу помочь.

– Да ладно. – Он вытер нос о плечо и буркнул: – Вы кто такой? Решатель проблем?

– Именно.

Особенность дэймоса-искусителя, пусть и бывшего, умение вызывать симпатию. Внушать доверие, желание поделиться бедами. Даже когда обсуждать, а зачастую и думать об этом нет никакого желания. Мальчишка посмотрел на меня, словно оценивая, могу ли я действительно говорить правду или просто из любопытства лезу не в свое дело.

– Вы мне не поможете, – произнес он с внезапной тоской. – Никто не поможет.

Я взялся за руль и потянул на себя дорогую машину. Она бесшумно покатила вперед, слушаясь моей руки.

– Давай заходи. Обсудим.

Мальчишка еще потоптался на пороге, потом нерешительно шагнул в квартиру. Установил у стены велосипед, мимоходом провел ладонью по эргономичному кожаному сиденью и, по-прежнему держа рюкзак на весу, понес его в комнату.

Руф все еще говорил по телефону. Увидел гостя, вопросительно приподнял брови, прикрыв микрофон, спросил тихо:

– Опять дома проблемы?

Тот помотал головой:

– Нет, нормально пока.

Хозяин кивнул и вышел на кухню, плотно задвинув перегородку.

– Рассказывай, что случилось.

Мальчишка аккуратно поставил рюкзак на пол, возле дивана, сел и

снова уткнулся взглядом в свои кроссовки.

– Зачем вам помогать мне?

– Затем, что такие, как мы, должны поддерживать друг друга.

– Какие «такие»?

– Потомки Полиса.

Он медленно поднял голову. Посмотрел на меня широко распахнутыми глазами. Радужка их была густо-серой с редкими синеватыми вкраплениями и крошечной точкой зрачка. Казалось, что она не больше макового зерна... И это мне совсем не понравилось.

– Вы все равно не поверите, – прошептал он.

Я взял стул, поставил напротив него и сел.

– Я могу поверить в самые невозможные вещи.

– Мне мать звонит, – произнес он очень тихо, машинально выдергивая нитки из брючины, задравшейся на загорелой ноге. – Два раза...

В комнату вошел Руф, хотел сказать что-то, но я резким движением руки велел ему молчать и не вмешиваться. Мальчишка даже не заметил этого.

– Первый раз неделю назад. Ночью. И сегодня вот, только что. – Он посмотрел на меня, криво улыбнулся и произнес почти с вызовом: – А фишка в том, что она мертва.

– Мертва, – повторил я.

– Уже три месяца. – Он снова шмыгнул носом.

– Она работала в банке «Солис», – тихо сказал мне Руф, – застрелили во время ограбления. – Он повысил голос, обращаясь к мальчишке: – Слушай, Кир, а тебе не показалось? Или, может, пошутил кто-то?

– Что я, голос ее не узнаю, – устало произнес тот и вздохнул. – Я же говорил, не поверите.

– Дай свой телефон. – Я протянул руку, он торопливо вытащил из кармана штанов старый поцарапанный коммуникатор и положил в мою ладонь.

– Только звонок не отмечается.

Я полистал его книгу вызовов, ни во входящих, ни в непринятых полчаса назад никаких звонков не было.

– Вы тоже думаете, мне показалось? – спросил он с отчаянием. Теперь ему очень хотелось, чтобы я верил ему.

– Что она тебе сказала?

Он обхватил себя за локти, ссутулился.

– В первый раз позвала по имени, попросила, чтобы я пришел к ней.

– И ты сходил?

– Да. На кладбище. – Он неопределенно мотнул головой в сторону. – Тут недалеко.

Поверх склоненной макушки Кира я поймал взгляд Руфа. В нем было и беспокойство за мальчишку, и неверие в его рассказ, и желание заниматься своим собственным расследованием, и непонимание, зачем я донимаю его расспросами.

– И что?

– Ничего. Просто сходил. Цветы отнес. А сегодня... – Он поморщился и принялся расчесывать болячку на ноге. – Не помню. Да какая разница. Вы же все равно мне не верите.

– А сегодня она велела тебе зайти в гости к соседу и оставить у него свой рюкзак.

Кир вскинулся и застыл, испуганно глядя на меня.

– Нет, просто... я часто оставляю... Забираю потом, когда домой иду. Как будто в школе был.

Он говорил что-то еще, но я подался вперед, положил руку ему на плечо и велел:

– Смотри на меня.

Мальчишка дернулся было, но я быстро прижал большим пальцем тонкую жилку на его шее, подержал пару секунд и отпустил. Кир закрыл глаза и мягко повалился на диван.

Руф шагнул к отключившемуся подростку, но я остановил его.

– Открой рюкзак. Очень осторожно.

Он не стал возражать, возмущаться, недоумевать. Быстро наклонился, аккуратно потянул молнию, взглянул на меня, и я понял, что мои соображения верны.

– Сиди тихо, – сказал Руф, запуская внутрь рюкзака обе руки.

– Сам справишься?

– У меня большой опыт по части таких штук. Современное устройство, детонирует от телефонного звонка.

Медленно текли секунды. Сопел на диване малолетний террорист. Сосредоточенно работал бывший сотрудник отдела борьбы с терроризмом Александрии. На его лбу, изборожденном морщинами, выступила испарина. Я знал, что будет, если он не справится и сюрприз в рюкзаке взорвется. Ослепительная вспышка и темнота. Непроглядная, как самое глубокое сновидение.

– Все. – Руф выпрямился.

В его руках была плоская пластиковая коробка. Ничем не примечательная, не вызывающая подозрений. Сам бы я, пожалуй, не смог

догадаться, что это взрывное устройство.

– Где он это взял?

– Ему это дали. – Я поменял позу, сообразив, что все это время сидел на стуле, не шевелясь и почти не дыша. – Велели принести сюда, оставить, отъехать недалеко на своем велосипеде и позвонить.

– Кто?

– Кто-то, кто умеет записывать приказы в подсознание. Вытаскивать глубинные страхи и желания. Пугать и манить.

Слово «дэймос» не было произнесено, но мы оба знали, о чем я говорю.

Руф продолжал смотреть на взрывное устройство, безобидно лежащее на столе между моей тарелкой с остывшим бирьяни, покрывшимся пленкой жира, и двумя папками из сейфа.

– Хочешь сказать, Кира отправили ко мне, потому что ты проник в мое подсознание? Тебя обнаружили?

– Нет. Меня нельзя обнаружить, если я этого не хочу... Ну ладно. Хорошо, – вынужден был сделать я поправку на невозможное. – Допустим. Я не заметил паутинку-ловушку в твоём сне и сорвал ее. Это одно предположение. Второе – следом за мной мог сунуться кто-то из наших знакомых мастеров сна. Если следили за ними – могли обнаружить меня и мой интерес в твоём деле.

– И что теперь с ним делать? – Руф перевел взгляд на мальчишку.

– Посмотрю, каких химер запустили в его разум... А это кто? – Я открыл верхнюю папку. С фото на первой странице угрюмо смотрел мужчина, заросший черной бородой до самых глаз, тоже непроницаемо черных.

– Один из группировки «Эр-Рияд».

Хорошее название для террористической организации. Весьма говорящее. «Сады», видимо, те, в которые должна превратиться Александрия с их помощью. Или, наоборот, небесные кущи, куда должны отправиться боевики после смерти.

– Ясно. – Пока мне совсем не была нужна эта информация, и я закрыл файл. – Пойду вытаскивать мальчишку. А ты проверь его велосипед. На всякий случай. Да, ты не против, если я займу твою кровать?

Руф широким жестом великодушно позволил мне распоряжаться всем имуществом в доме без стеснения.

Я вытащил из кармана брюк телефон Кира и отправился в спальню.

Мир снов подростков всегда непредсказуем и по-своему забавен.

Неустойчивый. Нестабильный. Запутанный.

Было в нем некое легкое безумие. Привлекательное и отталкивающее одновременно. Завораживающее.

Я пробирался по душным влажным джунглям, благоухающим ванилью. Гигантские белые цветы свешивались с лиан, но на самом деле были человеческими лицами. Красивыми, уродливыми, злыми, улыбающимися... Они следили за мной разноцветными глазами и беззвучно шевелили губами. Вокруг светящихся стеклянных шаров, разбросанных под ногами, вились крошечные крылатые существа.

Из густого подлеска вырастали тонкие основания каменных домов, крыши которых терялись за густыми кронами.

Мимо, сминая траву колесами, пронесся грузовик, изрыгающий выхлопы гари. За ним пробежал взвод вооруженных солдат – когда последний в шеренге повернул голову в мою сторону, я увидел под каской черный обугленный череп. Из воздуха соткалась гигантская замочная скважина, в которой виднелся силуэт обнаженной девушки. Та двигалась под музыку, слышимую только ей, и развеялась, едва только я подошел ближе.

Под ногами скользили змеи. Шевелили траву, ползали по стволам, свивались на сучьях в кольца. У меня над головой грозно шипели живые символы уробороса. Знак бесконечности и вечности. Персонификация движения без начала и конца. Олицетворение бессмертия. Так же как и феникс.

Я с трудом отвел взгляд от переливающегося серо-зеленого кольца.

И тут же дождливый лес оборвался. Секвойи, акации и папоротники отступили, съежились, сбросили листья.

Я стоял на краю выжженной прогалины. Повеяло гарью, на зубах закрипел пепел. Впереди чернел расщепленный опаленный ствол, а под ним было то, чего здесь быть не могло.

В несколько шагов я преодолел расстояние до сожженного дерева. У его подножия оплывал прибитый дождем небольшой земляной холмик. Рядом воткнута палка, на ней, небрежно приколотая к деревяшке ржавой кнопкой, колышется на ветру фотография. Улыбающаяся молодая женщина с темными волосами.

Могила. Знак дэймоса в мире тринадцатилетнего мальчишки. Обычного подростка, не темного сновидящего, вообще не сновидящего.

Я погрузил пальцы в землю. Настоящая. Не декорация. Не часть фона.

Злость всколыхнулась было во мне, но я успешно подавил ее и огляделся. А вот и приказ – красная стрела в теле мертвого дерева.

Жирный, мощный, нагло вбитый в подсознание мальчишки якорь. Казалось, ткань мира сна вокруг него истекает кровью.

Умно, ничего не скажешь. Он был великолепно замаскирован под посттравматический синдром. На месте незнакомого дэймоса я бы сделал также. Если бы сюда заглянул целитель, он увидел лишь психологическую травму мальчика, потерявшего мать. А вот и ее могила под деревом – постоянное, болезненное воспоминание тяжело переживающего утрату, неуравновешенного подростка. И только такой, как я, мог бы опознать в этом могильном холме настоящую метку, каким-то образом перетащенную сюда с кладбища темного сновидящего.

Мне стало очень интересно взглянуть на того, кто сумел сделать такое.

Я пошел по следу. Тонкая, едва уловимая паутинка тянулась от искореженного ствола куда-то вдаль. Она привела меня к такому же дереву. И под ним тоже притаилась могила. Но лицо на фото было другим – мужчина в возрасте, с ярко-голубыми глазами и поредевшими светлыми волосами.

Я метнулся дальше. Деревья, неровные насыпи земли, фотографии мелькали передо мной. Я насчитал пятнадцать жертв неизвестного дэймоса. И все они были подростками, потерявшими родителей, братьев, сестер, друзей.

Знакомая схема. Когда-то во времена моей юности я увяз в чем-то подобном. Но в мой мир снов хотя бы не помещали могилы чужих жертв. И взрывать людей нас не заставляли.

Определенно мне очень хотелось встретиться с этим неизвестным мастером.

Он должен был прийти сюда. Узнать, почему не выполнен приказ, или проконтролировать исполнение.

Я вернулся в мир сна Кира и стал ждать. Слился с окружающей реальностью, растворился...

Не знаю, сколько прошло времени. Я был терпелив и незаметен. Не думал, не считал проходящие минуты, не анализировал. Ткань подсознания поглотила меня, превращая в траву, землю, деревья. Это было похоже на сон. Я существовал и одновременно не был. Долго... или один миг.

И он появился. Я увидел человеческую фигуру, бредущую по выжженной земле. Очень знакомую, надо сказать. Он был одет в черную футболку и такие же джинсы. Босые ноги оставляли четкие следы в сухом пепле.

«Мом тебя побери, Левк!» – подумал я, вырываясь из своего оцепенения.

Было не важно – следил он за мной, прокравшись из сна Руфа, или вышел на дэймоса, контролирующего детей, своими методами. Теперь это не имело никакого значения.

На кривой сук сел ворон. Растрепанный, воняющий мокрыми перьями. Встряхнулся, каркнул, разинув мощный глянцевый клюв.

Левк вскинул голову, и тут же черная тень упала на него, приобретая человеческие черты. Изогнутый клинок врубился в тело мастера сна, рассек ключицу, увяз в грудной клетке. Левк захрипел, падая на колени. Дэймос наклонился к нему, заглянул в глаза, наслаждаясь ужасом и болью, затем оттолкнул равнодушно. Ятаган в его руке превратился в воронье перо, которое убийца небрежно воткнул в свои черные волосы, и оно растаяло там. Морок. Силу ему заменяла изворотливость и ловкость. И в то же время он был достаточно мощным для того, чтобы держать на коротком поводке полтора десятка человек и манипулировать ими без труда. Везет мне на мороков.

Он выпрямился, перешагнул через мертвое тело, огляделся и произнес хриплым, низким голосом:

– Давай, выходи. Выходи, сказал!

Я напрягся невольно. Дэймос не мог чувствовать меня, но на миг показалось, что обращается он именно ко мне. Впрочем, заблуждение было недолгим. Из-за дерева появился Кир, в той же потрепанной растянутой одежде, маленький и жалкий. Он с ужасом смотрел на труп у могильного холмика, на черную лужу крови.

Морок крепко взял его за плечо и толкнул к Левку.

– Смотри. Это ты сделал.

Мальчишка всхлипнул, затряс головой, попытался попятиться, но убийца держал крепко. Теперь я хорошо видел его лицо. Хищный нос, тонкие губы, прерывистый шрам пересекал нижнюю, густые брови, сросшиеся на переносице, лоб с продольными морщинами, черные глаза.

– Я не виноват, – прошептал Кир, – я не хотел... я не знаю, кто это...

– Теперь у тебя будет две могилы, – с наслаждением произнес дэймос.

– Не надо. Пожалуйста! – вскрикнул мальчишка пронзительно.

Но тело Левка уже погружалось в разрытый грунт медленно и неотвратно, как тонущая лодка. Морок рассмеялся, взял подростка за шею и пригнул к земле, чтобы тот лучше рассмотрел подробности своего мнимого преступления.

И сдерживаться, продолжая наблюдать со стороны, стало невозможно.

Я появился за спиной дэймоса, разрывая ткань сновидения, размахнулся и погрузил пальцы в его затылок, точно также, как совсем

недавно в могильный холм. Мой пленник замер. Не шевелился, не дышал... Этот паралич длился всего лишь мгновение, и когда я выпустил морока, он медленно повернулся, скользнул по растерянному Киру ничего не выражающим взглядом, обогнул тело Левка, наполовину погруженное в землю, и скрылся в джунглях.

Мальчишка изумленно посмотрел на меня.

– А вы что здесь..?

– Помогаю тебе выбраться из ямы, в которую ты угодил.

Он нахмурился, потер лоб.

– Что вы с ним сделали?

«Заставил забыть о тебе», – подумал я, но вслух произнес:

– Тебе пора просыпаться.

Кир хотел возразить, спросить что-то еще, но мое прикосновение к его лбу заставило мальчишку замолчать, закрыть глаза. И тело его сновидения рассеялось в тот момент, когда он вышел из сна, чтобы очнуться в реальности.

Могилу и дерево со стрелой в стволе я не стал трогать. Пусть остаются. Морок, находящийся в моем плену, пока не мог воздействовать на Кира.

Выход из реальности сна был стремительным и довольно болезненным.

Я лежал на кровати, чувствуя, как наливается тяжестью затылок и начинает ломить виски. Рубашка была мокрой от пота. Ткань прилипла к коже на груди и шее, прижавшейся к подушке. По спине тоже текло. Казалось, я лежу в луже.

Три погружения за день. Подчинение нескольких человек, исцеление, захват дэймоса, попытки найти оборванные ходы в чужое подсознание.

Сквозь плотно закрытые окна доносилось заунывное пение. Тягучие суры плыли в горячем воздухе и ввинчивались в голову длинными шурупами.

За стеной слышались приглушенные женские вскрики, плач, причитание, гневное мужское бормотание и звуки глухих ударов. Где-то на нижнем этаже визжал ребенок.

Добро пожаловать в реальность Александрии.

Я выбрался в гостиную.

Кир сидел на диване. Руф скорчился за ноутбуком.

Я посмотрел на мальчишку и велел:

– Иди домой.

Он послушно встал, удивленный и слегка расстроенный моим резким

тоном. Посмотрел на хозяина квартиры, и тот кивнул ему, смягчая улыбкой мою грубость.

Я рухнул на освободившийся диван, нашарил обезболивающее в кармане. В коридоре звучали негромкие голоса, громыхнул велосипед, хлопнула закрывающаяся дверь.

– Ну? – спросил Руф, возвращаясь, и тут же произнес совсем другим тоном: – С тобой все нормально?

– У тебя ведь нет ванны?

– Только душ. Ты же видел.

Я кинул в рот таблетку и лишь через несколько секунд почувствовал ее горечь.

– Может, поспишь? Нормально.

Я взял чью-то чашку с остывшим чаем, выпил залпом, смывая вкус полыни.

– Я не сплю. Если я не дома, то не сплю.

Руф помолчал. Затем бредовый разговор продолжился. Бредовый с моей стороны, разумеется. Он-то спрашивал логичные вещи.

– Как дела у парня? Он в безопасности?

– Пока да. Я сделал так, чтобы он забыл о нем.

– Кто забыл?

– Морок... деймос о Кире. У него пятнадцать человек, Руф. Он управляет пятнадцатью детьми. Заставляет их убивать. А я не могу подчинить его в полной мере.

– Но ты подчинил тех людей сегодня? – осторожно спросил Руф, пытаясь выловить из клубка моих бессвязных мыслей хоть одну стоящую.

– Я пробудил в них уважение к нам, желание защитить. Но не ломал волю. Так же как я не могу полностью связать этого дэймоса.

Перековка!.. Впрочем, на самом деле моих способностей должно хватить в полной мере для того, что я задумал.

– Он убил Левка. Или покалечил. Не знаю.

– Ты уверен? – Руф сел на край журнального столика, качнулся вперед, опираясь обеими руками о колени. – Как это вышло?

Я опустил веки, пригасив мельтешение красных пятен перед глазами.

– Можешь позвонить ему? Проверить. Я говорил, не надо следить за мной.

– Я позвоню. – Он взял свой старый мобильник и начал листать адресную книгу.

– И вот еще что, Руф... Эрис... Она мертва. Тебе говорили правду.

Его взгляд исподлобья стал тяжелым и давящим. Наверное, так он

смотрел на преступников, которых обезвреживал в молодости.

– Откуда ты знаешь? Как можешь быть уверен?

– Ее мир снов пуст, разрушен. Там темнота. Эрис существует только в твоей голове. – Я указал на его лоб, заметив мельком, что моя рука подрагивает. – В памяти. Под слегка подправленными воспоминаниями.

Руф поднялся, не глядя сунул телефон в карман, подошел к окну.

– Ты знаешь, кто ее убил?

Все тот же вопрос. Правда? Полуправда? Или ложь? Какой выбор сделать? Я помолчал и сказал:

– Ты ее убил, Руф.

Он медленно повернулся в мою сторону. Я ожидал вспышки гнева, обвинения меня в обмане, или хотя бы недоумения.

– Как это произошло?

– В машине, в кузове, когда вас везли вместе.

Он посмотрел на свои ладони. Внимательно рассматривал каждую линию, каждую мозоль под пальцами. Слово не верил, что мог лишить жизни единственного дорогого ему человека вот этими руками. Мне казалось, я слышу, как медленно ворочаются в его голове мысли. Тяжелые, как гранитные плиты, неподъемные.

– Что ты видел?

– Она попросила тебя.

– Просто попросила? И я послушал ее?...Нас могли спасти обоих. Она осталась бы жива.

– Нет, Руф. Ты успел вовремя. Ее собирались вытащить из клетки и увезти в другое место, так же как и Севра. Тебя бы спасли одного. Но ты бы знал, что из-за своей нерешительности обрек ее на пытки.

– Почему мне не сказали? – спросил он глухо. – Зачем скрывали?

Я смотрел на его фигуру, исполосованную тенями и красными лентами света.

– Что бы ты сделал, если бы помнил?

– Не знаю... тогда – уехал бы, наверное, вместе с сотнями остальных эмигрантов. В Полис. Или спился.

– А так ты остался. Работал на Александрию. Обезвреживал террористов. Спасал людей из рабства...

– Мэтт, я пятьдесят лет разговаривал с призраком. – Он посмотрел на меня. Уставший, вновь постаревший.

– Все мы говорим с призраками, Руф. Каждый со своим.

– Ненавижу этот город. – Он сунул в карманы сжатые кулаки. – Неделю назад убили девушку – модель. Ну как модель, фотографировала

себя сама и выкладывала в свой блог. С открытым лицом, в современной одежде. Говорила о том, что мир меняется и надо меняться вместе с миром, быть дружелюбнее и больше доверять друг другу. Отринуть ограниченность, которую навязывает религия. Отказаться от жестокости, от наказаний. Ее убил собственный брат по причине того, что она позорит семью. Сначала зашил ей рот, а потом задушил. Получил два года условно... Тут это называют «убийства чести», и люди в обществе не считают их за убийства... Двадцать тысяч смертей каждый год. По официальной статистике. Мать Кира, – он ткнул пальцем в пол, показывая на нижнюю квартиру, где жил мальчишка, с которым я познакомился сегодня, – муж избивал почти каждый день за то, что она работает в банке и общается с посторонними мужчинами, хотя сам жил на деньги, которые та зарабатывала. Ни хрена не делал, лежал на диване и покуривал кальян с приятелями по вечерам... И таких историй мне известно бесконечное количество. Девчонка пятнадцати лет оглянулась вслед мотоциклисту, и дома родители облили ее кислотой, посчитали, что она станет шлюхой, если такая наглая, что может посмотреть вслед незнакомцу. Брат забил до смерти сестру за то, что собралась выйти замуж за человека, который ему не нравился... Муж убил жену, потому что вышла из дома без спроса. Женщин закидывают камнями, обливают кислотой, закапывают в землю, душат, режут, жгут... – Он запнулся, тяжело дыша, словно больше не мог тащить на себе эту неподъемную тяжесть, и сказал едва слышно: – Это хорошо, что Эрис... погибла сразу. Я не хочу... не хотел для нее такой жизни.

Свободный человек не должен жить в рабах. Для каждого из нас это было законом жизни. Лучше умереть, чем каждый день унижаться перед тюремщиками. Я помнил историю Полиса. Во время войн с чуждыми народами целые семьи принимали яд, если погибало войско, в котором сражались их отцы, мужья и сыновья. Неспособность сражаться равнялась смерти. Отвергая саму идею рабства и существования в новом мире, где устанавливали свой порядок враги.

Руф всю жизнь прожил в Александрии, принимая правила и порядки агломерации. Но в момент опасности поступил как истинный житель Полиса.

– Севр сделал бы для нее то же самое, – сказал я. – А она – для него. Я убил бы своего близкого человека, чтобы спасти его от пыток. И любой из уроженцев Полиса поступил бы так же. Палач получит лишь мертвое тело, которое ничего не чувствует, которому уже все равно, что с ним будет. А жертва обретет свободу.

– Притяжение крови, – пробормотал Руф, устало потер глаза. И мне показалось, что он повторяет чью-то мысль, которая давно крутилась в его памяти.

– Когда мы закончим с этим делом, хочешь уехать в Полис? Жить спокойно?

Он покачал головой.

– Мне там нет места. Он выпил меня без остатка, этот город. Уже давно. И продолжает каждый день отжирать по кусочку.

Руф провел обеими руками по лицу, яростно потер щеки, рассмеялся хрипло:

– Вот почему они не хотели, чтобы я обращался к вам. Знали, что произошло на самом деле и что эту правду можно вытащить из меня.

– Мы все время балансируем на тонкой грани, Руф. Мой друг – оракул, и его основное правило: не сказать человеку лишнего, чтобы не сломать ему жизнь.

– Ладно. – Он отмахнулся от этих сведений, не желая слушать оправдания местным сновидящим, опустил на стул. – Какие у тебя планы дальше?

– Мне нужно встретиться с Аминой. Лично. Хорошо бы побеседовать с ней о деяниях ее отца. Если ей что-нибудь известно об этом.

– Смотрю, пока она не особо стремится разговаривать с тобой.

– Сделаем еще одну попытку.

Не расстегивая, я стянул через голову мокрую от пота рубашку, кинул, не глядя, на стул.

– Позвони своему другу из газеты еще раз. Пусть напишет новое письмо. О том, что журналист... нет, лучше историк из Полиса приехал в Александрию специально для того, чтобы встретиться с госпожой Аминой. И хочет сделать ей важное, конфиденциальное предложение.

Руф в задумчивости почесал спинку носа, выпрямился на скрипнувшем стуле.

– Ладно. Сделаю.

Он договаривался со своим приятелем, пока я был в ванной, где пытался смыть усталость этого долгого дня.

Получалось плохо. Струи воды лупили по голове и плечам, стекали по спине, омывали ступни и уносились в сливное отверстие с грохотом водопада. Утерянное спокойствие и силы не возвращались.

Рассадник дэймосов, вот что такое Александрия.

Левк мертв. Скорее всего. Или провалился в глубокую кому. А я собираюсь еще сильнее разворошить это гнездо. Если до этого я всего

лишь наблюдал на краю ямы за копошением ядовитых гадин, то теперь придется залезть в нее с головой.

Не знаю, сколько я простоял под душем, но когда за дверью прозвучал голос Руфа, понял, что замерз основательно.

– Мэтт, ответ получен.

Я выключил воду, поспешно вытерся, натянул джинсы, вышел из ванной.

– Встречи не будет.

Лицо Руфа, освещенное белым светом от экрана ноутбука, было озадаченным и одновременно усталым. Веки покраснели, глубокие тени изрезали лоб.

– Я ожидал этого. Приманка «гость из Полиса» не сработала. Значит, завтра... – я взглянул на часы, – уже сегодня поеду поброжу у ее дома.

Он нахмурился еще сильнее. Потер подбородок, заросший седой щетиной.

– Слушай, Мэтт. Я не хотел втравить тебя в такую опасную игру. Один раз нас уже попытались взорвать. Чего ожидать теперь?

Я понимал его. Руф всего лишь желал узнать, что произошло с теми двумя из его прошлого. И наказать виновных в их смерти, но не вступать в разборки дэймосов.

Я плюхнулся на диван и вытянул ноги. За окнами отдаленно шумела ночная Александрия. Горели разноцветные огни, с ревом проносились машины и мотоциклы, ароматный запах благовоний и кальянов просачивался в квартиру вместе с неумолкающим гомоном. За стеной снова начали вопить и плакать. Сквозь узкие щели в жалюзи врывались дымные полосы кипящего света.

– У тебя есть близкие, Руф? – спросил я, следя за желтым пятном, ползущим по потолку.

– Нет. Родители очень давно умерли. Больше никаких родственников. Я один.

– Когда я говорю «близкие», имею в виду друзей тоже.

– Был. Но погиб. Лет пятнадцать назад. Почему ты спрашиваешь?

Потому что вряд ли я смогу защитить тебя. Дэймосы с легкостью «исчезают» в своих играх, что уж говорить о простых людях.

– Никто не будет жалеть о моей смерти, – произнес он, словно прочитав мои мысли. – Мне почти восемьдесят, Мэтт. Сколько, думаешь, я еще проживу? Хорошо если свалюсь сразу с остановившимся сердцем. А если придется умирать в местной больнице? Медленно гнить, прикованным

к постели, превратиться в беспомощный кусок мяса... Когда любая собака может пнуть, унижить... Не хочу.

Он с силой потер ладонями виски, словно отгоняя близкое видение будущего.

– Если ты считаешь, что меня убьют... могут убить в этой войне, пусть так и будет. Я готов. Это станет достойным завершением.

Я помолчал. Луч света медленно переполз со стены на стену, померцал и погас, а затем снова начал путь от окна.

– Значит, сегодня в десять, – сказал я, и Руф принял мои слова как согласие на его дальнейшее участие в моих авантюрах.

– Пойду посплю, – сказал он, поднимаясь. Захлопнул крышку компьютера.

– Спи. А у меня есть еще одно дело.

Он ушел в спальню, а я остался сидеть на диване, глядя на буйство света, мечущегося за окном. Если мой план сработает, уже очень скоро я получу ответы на некоторые вопросы.

Я погрузился в очередной сон, лежа на диване в гостиной. Медленно, осторожно нащупывая перед собой путь, словно ступал по трясине.

Забавное подсознание оказалось у этого дэймоса. Дом с бесконечным количеством комнат. Каморки с гнилыми полами и разбитыми окнами, смотрящими в никуда, огромные каменные залы, засыпанные гниющими листьями, узкие клетушки, павильоны с провалившимися потолками. И в каждой был свой покойник под могильной плитой...

Я дуновением ветра, дорожкой сквозняка прошелся по миру морока, выискивая незаметные тропинки, которые могли привести меня к цели...

И нашел. Ее не очень-то усердно маскировали. За неровным проломом в очередной стене стояла черная, непроглядная, ледяная мгла.

Я нырнул в открывшийся лаз.

С той стороны меня ожидала долина, залитая светом. Цветы излишне ярких, кислотных оттенков, невыносимо зеленая трава – мечта наркомана. И озерца, наполненные ядовито-синей водой... Зато горы, обрамляющие эту психоделику, были настоящими: мрачными, неприступными, затянутыми в сизые облака.

Очень хотелось снять фальшивую маскировку, чтобы обнажить истинную суть пейзажа. Но я не стал трогать чужой мир. Лишь слегка приподнял грубую ткань этого пространства. Трава тут же превратилась в колючую проволоку, скрученную клубками. Озера – в лужи кипящей грязи. Цветы стали тем, чем являлись на самом деле – человеческими руками,

торчащими из дыр, пробитых в каменных плитах. Одни уже иссохли, напоминая ломкие ветви, на других еще оставалась плоть, а вот эти две совсем живые. Последние жертвы.

Я прикоснулся к тонкому женскому предплечью. Тут же перед глазами промелькнул образ молодой девушки. Не сновидящая, не дэймос... Вторая рука принадлежала немолодому мужчине. То же самое... обычный человек. А вот эта с широким браслетом на запястье – дэймос... мертв... Так. Уже занятнее. Рядом рука, напоминающая обезвоженный побег и тоже окольцованная – еще один мертвый дэймос. Две перекрученных конечности, словно стебли вьюна, лишившиеся опоры, снова принадлежали погибшим создателям кошмаров...

Я огляделся с интересом. Неизвестный мне палач темных сновидящих собрал богатый урожай...

А вот крючок, который держит морока, через чье подсознание я проник сюда. И приказ ему от этого незнакомого мне танатоса – очень четкий и прямой – убрать старика и его гостя из Полиса... Руфа и меня.

Но зачем?

Что именно насторожило дэймоса, с которым я даже не встречался? Или встречался, но не знаю об этом?..

Я еще раз внимательно осмотрел кладбище, перемещаясь над ним, но в то же время оставаясь на месте. И заметил. На самом краю в тени скалы. Рука, зажата между булыжников, пальцы вцепились в камень, словно тот, кто был погребен под волей создателя кошмаров, изо всех сил старался выбраться наружу. Я едва прикоснулся к запястью и почувствовал мрачное удовлетворение, которое сменилось злостью.

Ответ на свой вопрос я получил, однако он мне совсем не понравился.

Тахир.

Когда его взяли под контроль? Вряд ли прошло много времени, иначе вдохновитель уже давно открыл бы убийцам путь в подсознание Левка. А может, и открыл, но дэймосам пока еще был нужен сновидящий, и его не убивали, а устроили слежку за ним?

Значит, именно Тахир сообщил, что беспокойный сотрудник ОБСТ, несмотря на все предупреждения, отправился в Полис и вернулся не один. Привез мастера сна, который задает ненужные вопросы, высматривает что-то... мешает.

И танатос – убийца – принимает единственное приемлемое для себя решение: уничтожить неудобного гостя. Правда, руками другого подвластного ему дэймоса. Значит, не намерен рисковать и показываться раньше времени.

А Левк, который не испытал ко мне доверия при встрече, надумал проверить меня. И был искусен настолько, что прошел через мое подсознание по меткам – в тот миг, когда я находился в мире сна мальчишки. Столь возмутительного вмешательства в свои дела морок не потерпел – и убил сновидящего...

Интересно, как скоро танатос решит повторить попытку воздействия на гостя из Полиса? Меня.

Я вытянул одну из тонких «нитей», прошивающих примитивный гобелен маскировки, развеял в воздухе и запустил вместо нее другую. Не отличимую от остальных. Слабое воздействие, но весьма эффективное. Теперь, едва лишь мысли палача дэймосов направятся на меня или Руфа, его тут же отвлечет что-нибудь постороннее. Желание выпить кофе, включить кондиционер, проверить почту, жара или, наоборот, холод – и воспоминание обо мне сотрется, вытесненное более важной потребностью...

Я беззвучно и бесшумно вынырнул из сна, возвращаясь в свое реальное тело.

Ночь за окном стала особенно непроглядной. Как всегда бывает перед рассветом. Час тигра... время кошмаров, пробуждения древних страхов и неудержимой, дикой фантазии.

Вполне возможно, именно ее внезапный всплеск помог мне разработать новый план. Рискованный и блестящий.

Глава 9

Вкус меди

«Сотер...» – Он произнес это имя про себя, а затем повторил вслух:

– Сотер.

Оно отдавало едким и острым металлом.

Антэй машинально поднес руку ко рту и лизнул дешевое медное кольцо, которое носил на указательном пальце. Тот самый вкус, не дающий забыть...

Обычно представители знатных родов передают своим потомкам по наследству тяжелые драгоценные камни в оправе из редких металлов. Ему подошла сложенная в несколько раз и перекрученная проволока.

– Чего ты там бормочешь? – Откуда то из-за спины, распахивая подушки, провонявшие гашишем, и сонных девок, выбрался помятый Триф. Здоровый волосатый бугай с непробиваемой бычьей башкой, поросшей черной курчавой шерстью, упертый и бешеный. Непревзойденный мастер вейксерфинга.

Прямо перед носом появился экран коммуникатора, на котором отразилась опухшая физиономия райдера рядом с сосредоточенным лицом Антэя, наполовину завешенным кудрявыми волосами, выгоревшими на солнце почти до белого цвета.

– Давай, селфи для твоего блога. – Трифон поднял телефон так, чтобы стали видны следы вчерашнего буйного веселья. Полуголые смуглые тела среди разноцветных тряпок, струи дыма, висающие в воздухе, колоритная облезлая стена. – Утро после забористой пирушки.

Антэй поспешил придать лицу привычное добродушное выражение безграничной радости и удовольствия от жизни и себя самого. Помотал головой, так чтобы пряди упали на лоб в еще большем беспорядке, широко улыбнулся. Приятель, прижимаясь потным виском к его голове, чтобы поместиться в кадре, скорчил зверскую гримасу и сделал кадр, потом еще один. А затем сунул в руку Антэя небрежно скрученный пакетик.

Тот развернул бумагу, ссыпал на язык мутноватые кристаллы кислоты. Пока они таяли, мир приобретал привычные яркие краски и четкие звуки. Шум улицы за стенами дешевой квартиры Трифона приблизился и заплескался вокруг солнечными веселыми бликами. Запахи пота и табака, пропитав собой духоту комнаты, зазвучали мощно и бодряще.

Изображать безудержное дуракаваляние стало проще, и вкус меди, сопровождающий имя Сотер, затерся среди других ослепительных ощущений.

Из одеял выбрался Бера и повис на плече Антэя горячим обмякшим телом, обмотав его длинными черными волосами.

– Какие планы на сегодня? – спросил он неожиданно трезвым голосом.

– Сейчас узнаю, – ответил тот, заливая сегодняшнее особо удачное изображение своей физиономии в Сеть.

Мельком отметил, что вчерашнее фото – его загорелые ноги в растоптанных кроссовках, висящие над пропастью Ас-Хаду, – уже собрало более четырехсот тысяч лайков. Неплохо. А вот и очередное предложение в личной переписке.

– Что там? – спросил Бера, шумно сопя за плечом.

– Яхта. Сегодня вечер.

– Кто приглашает?

– Виргин Азам.

Антэй поднял голову и посмотрел на Трифа. Тот беспечно пожал мощными плечами и довольно ухмыльнулся.

– Я слышал, он всегда щедро платит.

– Возьмешь с собой? – спросил Бер со вполне ожидаемым азартом.

– Думаешь, там своих не хватает? – Трифон встал и со смехом отбросил его на подушки в дальний угол. – Уважаемый Виргин и его гости желают смотреть на белого парня, который будет крутить сальто, прыгая в бассейн или, еще лучше, прямо с верхней палубы в море.

Он был прав, по большей части богатые александрийцы приглашали Антэя для того, чтобы понаблюдать за его опасными трюками, придать тусовке свободу и раскованность, почувствовать себя вершителями судьбы белого, так похожего на жителя Полиса.

Его друзья, такие же экстремальщики, тоже вызывали некоторый интерес. Они всегда оживляли вечеринку своей молодостью, лихостью и безграничным весельем.

Но в этот раз все было не так просто. Антэй снова машинально поднес кольцо ко рту. Медь перебила свежий поток наркотика, выдувающий из головы все опасения и тревоги, так же как и критическое мышление.

– Отлично! – Антэй улыбнулся, изображая нетерпеливое предвкушение. – Сегодня повеселимся!

Воды в доме не было. Уже последние лет пять. А может, не было и никогда. Кран на кухне оставался сухим и ржавым. Иногда из него выбирались ленивые тараканы и так же не спеша поползли в сливное

отверстие раковины. Ванную комнату Трифон забил коробками со снаряжением и вещами, которыми приторговывал по случаю.

Умывались во дворе у колонки, предварительно шуганув оттуда мокрую стайку детей. Солнце, заглядывающее в колодец, зажатый между трехэтажных домов, играло в холодных брызгах, летящих от крана. Потоки текли по растрескавшемуся бетону, пузырилась в сточных канавах.

Антэй, качавший рычаг одной рукой, машинально слизнул с тыльной стороны другой ладони прохладные капли. В них смешивалась свежесть недавнего утра и привкус старого железа.

Трифон фыркал, отдувался, тряс головой, словно бык, забравшийся в воду, и норовил окатить любого оказавшегося рядом. Из окна второго этажа высунулась пожилая женщина и завопила на молодых бездельников, к ней присоединилась вторая, опасаящаяся за судьбу своего белья, вывешенного на веревке в опасной близости от колонки.

Антэй не обращал внимания на громогласный дуэт, который усиливался эхом узкого двора и обрушивал на его голову все возможные проклятия и кары. А вот Трифон выпрямился во весь свой немаленький рост, потянулся и рывкнул так, что обе женщины замолчали, ошеломленные грозным рыком. Затем сдернул первую попавшуюся тряпку, не торопясь вытерся ею, смачно высморкался и запустил мокрый комок ткани в окно. Не попал. Ставни захлопнулись. Стало оглушающе тихо. Лишь негромко журчала вода.

– Выселят тебя отсюда, – Бер опасливо покосился на второй этаж. – Мужу нажалуется, и тот тебя еще зарежет ночью...

– Не дотянется, – отозвался Трифон, натягивая безрукавку с логотипом известной турфирмы. – Я ему пару дней назад руку сломал. Пусть радуется, что не обе.

– За что? – равнодушно поинтересовался Антэй.

– Не помню. Да какая разница.

Действительно, никакой. Или ты, или тебя. Известный закон Александрии. Кто сильнее, тот имеет право на жизненное пространство. Более или менее комфортное.

На пыльной улице, как всегда утром, было не протолкнуться. Кто-то шел на работу, кто-то с работы, беспрерывно гудя, проезжали мопеды, покачиваясь на неровностях разбитой дороги, проползали раздолбанные дешевые машины. На каждом углу торговали фруктами и курами, не успевшими еще протухнуть на жаре. Впрочем, от некоторых лотков уже потягивало сладковатым душком, тщательно замаскированным жгучим перцем и карри. Рядом висели ковры, позвякивали инструменты

лудильщиков.

Но обычного ленивого покоя не ощущалось. Глядя по сторонам, Антэй замечал, что узкие улочки, по которым они шагали, переполняют нервное возбуждение. Люди то и дело останавливались, сбиваясь в группки по трое-четверо, переговаривались тревожно, снова расходились. Женщины возле прилавков громко возмущались выросшими буквально за одну ночь ценами. Торговцы многозначительно намекали на грядущие перемены и советовали прикупить больше соли и круп.

Трифон, не отличавшийся особой наблюдательностью, как всегда, маялся дурью. Висел на хлипких рыночных навесах, а в перерывах подбрасывал старую кепку, сорванную с чьей-то головы. Бера незаметно пинал прохожих, заглядевшихся на товары, потом стянул у зазевавшегося торговца апельсин и, отойдя на безопасное расстояние, бросил Антэю. Тот поймал тяжелый солнечный шар и перебросил Трифу. Так, беззаботно валяя дурака, они добрались до кофейни, где обычно ели.

Маленькое тесное заведение без окон было забито до отказа. В густом мареве дыма тускло светился телевизор, из кухни отчетливо воняло подгоревшим прогорклым маслом и бараньим жиром.

Компания экстремалов заняла освободившийся столик у дальней стены. Трифон тут же вытащил телефон, переписываясь с кем-то из знакомых. Бера пошел к барной стойке в поисках еды. Антэй смотрел телевизор.

Передавали очередной репортаж о беспорядках в Александрии. Важного диктора в дорогом костюме сменило изображение карты. Все приграничные территории с Полисом пульсировали красным. Такое же зарево охватывало и несколько центральных районов.

Потом замелькали картинки прямых репортажей. Обугленные дома, взрывы, следы от пуль на стенах, мертвые тела, засыпанные источники... Поклонники культа луны оружием насаждали свои порядки, уничтожая всех несогласных. Им сопротивлялись приверженцы других религий. Параллельно давно враждующие мелкие народности пытались выжить друг друга с территорий получше, а под шумок разборки вели бандитские группировки, всеми силами стремясь отобрать у конкурентов рынки сбыта наркотиков и оружия. Но все это подавалось под красивой упаковкой борьбы – священной войны за независимость и свободу.

– Скоро докатит и до нас, – сказал Антэй задумчиво.

– Что? – рассеянно спросил Трифон, набирая текст в коммуникаторе.

– Вот это все.

– Не докатит, – приятель мельком взглянул на экран. – Далеко еще. Да

и в первый раз, что ли.

Антэю захотелось хлопнуть его по твердолобой башке, чтобы встряхнуть простые и прямые как шпалы мысли, лежащие там. Но он сдержался.

– Такой масштаб в первый.

Между столиков протиснулся Бера с тремя стаканами.

– Вы о чем это?

– Гражданская война.

Колонны беженцев на экране тянулись к границе с Полисом. Среди лиц испуганных женщин и стариков, несущих на себе детей и домашний скарб, мелькали сосредоточенные, сытые мужские физиономии. Эти не были похожи на несчастных крестьян, пострадавших от налетов на их дома.

Бера жадно уставился в телевизор, его темно-карие чуть навывкате глаза вспыхнули знакомым Антэю фанатичным огнем.

– Вот люди правильное дело делают! – заявил он с непривычной жесткостью. – Давно пора выкинуть отсюда всех этих диадохских выроdkов и прочих!

– Меня тоже выкинешь? – тихо спросил Антэй, и Бера тут же пришел в себя, поспешил сесть и подвинул ему стакан.

– Я не про тебя, ты же наш.

Трифон оторвался от телефона и шлепнул серфера по плечу.

– Забей. Тебя это вообще не касается.

Но Антэй не обольщался. Касается. Еще как. Многим любопытно поглазеть на белого парня, который живет среди местных. Но едва головы близких и дальних знакомых заполнит фанатичный угар, можно не сомневаться – его прирежут одним из первых. Потом, может, и пожалеют, но будет уже поздно.

Посетители горячо обсуждали последние новости. Большая часть их выражала те же мысли, что и Бера.

И как всегда в теме борьбы с мнимыми и настоящими врагами, зазвучало неизменным рефреном упоминание Полиса. Постоянно торчащей рыбьей кости в горле. Глотать не мешает, но раздражает неимоверно.

Разрозненные выкрики несли один и тот же смысл. Снять Стену, пустить внутрь всех желающих.

– Нечего лезть в Полис, – неожиданно послышалось сбоку, и Антэй обернулся, чтобы посмотреть на источник голоса разума. Но мужчина в потертой спортивной куртке заявил: – Пусть лучше свое оружие нам пришлют. Мы сами разберемся.

Антэй усмехнулся, представив, как Полис торопится поставлять луннитам свои боевые системы. И поспешил спрятать ухмылку, сунув нос в пышную шапку пены над стаканом. Но, видимо, сделал это недостаточно быстро.

Стакан вылетел из его руки, выбитый точным ударом. Половина содержимого выплеснулась на стол, половина на одежду. Над их столиком навис побагровевший от бешенства посетитель, которого оскорбило скептически-насмешливое выражение лица парня. Прошипев какую-то угрозу, он схватил того за майку на груди.

– Э-э-э... – сердито протянул Трифон, начиная подниматься из-за стола, однако Антэй уже сам справился с внезапной проблемой.

Короткий, но сильный удар в солнечное сплетение, и мужчина рухнул на стол, разбивая собой остальные стаканы. Райдер уверенно взял его за пояс, провез по столешнице и сбросил на пол. Больше желающих выяснять отношения с компанией крепких экстремалов не появилось. Все снова увлеклись новостями.

– Пошли отсюда. – Бера поднялся, стряхивая с безрукавки капли пива.

– Ни пожрать, ни выпить не дадут, – пробурчал Трифон, засовывая в карман штанов коммуникатор.

На улице за время их отсутствия почти ничего не изменилось. Только прибавилось нищих, сидящих на земле и просящих подаяние монотонными голосами. Жара усиливалась. Раскаленный воздух стекал с каменных стен старых домов и дрожал мутным маревом над дорогой, сверкал в осколках битого стекла.

– Давайте в гавань, – сказал Антэй. – Хоть продышаться.

Возражений от спутников не последовало.

Совсем недавно это было одним из самых посещаемых туристами мест агломерации. Древний порт, Александрийский маяк, каменная набережная, о которую во время особого волнения бились волны и окатывали прохладными брызгами прохожих... Что было особенно приятно во время полуденной жары. Потрясающие закаты. Далекие огни кораблей, стоящих на рейде...

Все это никуда не исчезло и теперь, но народу значительно убавилось. На витринах сувенирных магазинов темнели тяжелые опущенные щиты.

Половина ресторанов закрылись. С улиц убрали столики – и вряд ли в скором времени вернут обратно. Особенно актуально это стало с момента, когда в одно из таких уличных кафе въехал на мопеде смертник, начиненный взрывчаткой. Десять человек убито, тридцать ранено и разнесено полдома.

Антэй сбежал по мраморным ступеням к самой воде, сбросил кроссовки и опустил ноги в мутную прохладу залива. Соленый ветер трепал волосы. Солнце жгло плечи.

– Великая зелень, – произнес он едва слышно. Так древние называли этот простор.

Девчонки часто говорили, что у него глаза точно такие же. Цвета Великой зелени. Моря, из-за которого приплыли его предки много-много веков назад...

Подпрыгивая на волнах, прошел патрульный катер. По набережной с ревом пролетели три полицейских мотоцикла. Где-то вдали завывала пожарная сирена.

– Скучно, – зевнул Антэй.

– Вечером будет весело, – пообещал Трифон.

– До вечера еще дожить надо.

– А может, правда махнуть в Эр-Рияр? – задумчиво произнес Бера. – Хорошие бойцы им нужны...

– Романтики захотелось? Экстрима не хватает?! – грозно взревел райдер. – Сейчас устрою!

И принялся макать приятеля головой в залив. Тот отбивался, но вырваться из мощного захвата не смог.

Антэй смеялся, глядя на них. А вода великого моря облизывала его ступни мокрыми солеными языками...

На яхту Виргина Азама их отвез катер.

«Антигона» сияла огнями и гремела музыкой. Дорожки света разбивались на волнах, и казалось, что корабль тонет в жидком золоте, разлитом по поверхности.

Антэй первым поднялся по трапу на палубу. Неторопливо огляделся. Это была немного другая Александрия. Вернее, очень маленькая ее часть, не обремененная проблемами остальных.

Довольные, улыбающиеся лица, люксовая одежда, а в некоторых случаях ее частичное или почти полное отсутствие... Полуголые девчонки с пирсингом в пупках, обвешанные цепочками и браслетами, изгибались в танце возле бассейна, плескались в воде, пили шампанское в компании снисходительно-заинтересованных мужчин. Одни из них были в привычных белых гутрах и длинных дишдашах, другие в пляжных свободных брюках и рубашках. Многих из этих господ Антэй знал или встречал хотя бы пару раз. А они знали его. Амаль Калиб – владелец сети ресторанов, холодный, надменный, даже когда изображал радушие. Баян

Ахд – тяжелое машиностроение. Он сам был похож на древний грузовик. Неповоротливый, грузный, но убийственный в своей неподъемной мощи. Бианэр Зафир – строительная компания. Молодой, спортивный, вечно окруженный моделями обоего пола.

И многие другие крупные и мелкие властители этого мира.

Над палубой витал запах дорогого парфюма, алкоголя, безудержного веселья и больших денег. Реально больших.

Трифон за его спиной бодро взревел, приветствуя кого-то из знакомых...

Мимо прошла девушка в длинном черном платье с открытой спиной. Окинула белого парня равнодушно-высокомерным взглядом и удалилась. У нее было греческое имя Лина. Что означает «печальная песнь». И Антэй давно понял, что оно ей очень подходит. Эта самая печальная песнь звучала для всех остальных девушек, решивших приблизиться к ее «другу». Не так давно Лина была третьей любовницей владельца этой яхты. Теперь она переместилась на место второй... а может, и первой.

Но это был единственный недоброжелательный проблеск среди всеобщего удовольствия.

Его обнимали, дружески хлопали по спине, восклицали что-то восторженно-одобрительное. Антэй улыбался всем и каждому. Отвечал на приветствия, обнимал в ответ. Ладони, не останавливаясь, то скользили по мокрой после бассейна гладкой коже, то принимали сдержанно сильный удар чьей-то крепкой руки, то сжимали мускулистые плечи, обтянутые дорогой шелковистой тканью...

Перед глазами мелькали лица, огни, наполненные бокалы. Громкие, приглушенные или чуть слышимые голоса звучали на фоне музыки мощной, вибрирующей темой.

– Это кто?

– Знаменитый серфер... экстремал... больше трех миллионов подписчиков...

– Тэй Эргет! Знал, что ты будешь здесь сегодня. Познакомься, мой друг Тигран. Большой твой поклонник...

– Видел твой прыжок в Ас-Хаду. Ты, правда, не боишься разбиться?

Предвкушение необузданного веселья было уже совсем близко. Когда-то он погружался в него с головой, не желая выныривать ни на минуту. Безудержный отрыв давал иллюзию полной жизни...

Его все любили, он всем нравился.

Столбы ломились от выпивки и закусок. Официанты с подносами, заставленными бокалами, виртуозно лавировали среди гостей. Охрана,

умеющая сливаться с мебелью, проявлялась в самые неожиданные моменты и снова становилась невидимой.

Трифон обнимался с двумя знакомыми. Бер потерялся среди девчонок.

Продолжая улыбаться, отвечать на горячие приветствия и фотографироваться со всеми желающими, Антэй поднялся на верхнюю палубу, стянул по дороге футболку, оставшись в одних плавательных шортах, сбросил кроссовки.

Проходя мимо единственной каюты, через большие панорамные стекла он увидел салон с кожаной мебелью: на стол из полированного черного мрамора щедро насыпаны дорожки белого порошка и новенькие купюры разбросаны веером рядом. Эксклюзивное развлечение для особых гостей.

Незнакомый мужчина со светлыми волосами и очень темными, почти черными глазами сидел, по-хозяйски развалившись на диване, второй – худой, длинный – стоял спиной к окну. В глубине комнаты был еще кто-то. Антэй не разглядел его, пока не разглядел. Но самого парня уже заметили.

Хмурый охранник выступил из тени, преграждая дорогу.

– Приватная территория. Вернитесь к остальным.

Однако дверь вдруг отодвинулась, из салона на палубу вышел гость в белой дишдаше. Высокий, широкоплечий, с умным и волевым лицом.

Инсар Кайс. Ценитель красоты, интересных людей и дорогих гоночных машин. Фотосессия Антэя с его охотничьими соколами произвела фурор в Сети. Три фото до сих пор висят в фойе одного из самых богатых отелей Александрии.

– Все в порядке, – произнес Инсар с властной небрежностью, обнимая Антэя за плечи одной рукой. – Это мой друг.

Когда кого-то называет другом наследник самого крупного нефтедобывающего концерна, лучше прислушаться к его мнению.

Секьюрити послушно отступил в сторону, но не отошел далеко, продолжая наблюдать.

Густое облако благовоний пропитывало одежду Инсара, зрачки и без того густо-коричневых глаз расширены до предела.

– Рад тебя видеть, Тэй.

– Я тоже, – ответил Антэй, улыбаясь открыто и добродушно.

Люди в салоне наблюдали за ними. Внимательно, с явным интересом, не отрываясь.

– Хочешь присоединиться? – Инсар щедро повел рукой в сторону приватного суаре. – Я приглашаю.

– Спасибо, вряд ли. Надо сохранить ясную голову. Мне еще

отрабатывать приглашение на ту вечеринку. – Он кивнул в сторону, откуда пришел. – Боюсь, на эту драйва уже не хватит.

Инсар взглянул на хмуро-сосредоточенных бизнесменов, продолжающих прожигать чужака неодобрительными взглядами, и рассмеялся. Выпустил Антэя, показывая, что понял намек. А тот подошел к краю палубы и, крутанув сальто в воздухе, прыгнул в бассейн, напоминаящий сверху озеро света. Точно вошел в свободное пространство среди мокрых, смуглых тел.

Волна, поднятая им, смыла в стороны девочек вместе с тучей брызг и восторженного визга.

Антэй вынырнул, мотнул головой, отбрасывая волосы с лица. Мельком взглянул вверх. Два темных силуэта на второй палубе продолжали наблюдать за ним. Но внимание неизвестных особ его не волновало.

Веселье продолжалось. Всю ночь, без остановки.

Антэй еще несколько раз прыгал в бассейн, один раз на пару с Трифоном. Пил шампанское с двумя миллионерами, фотографировался с третьим...

Музыка гремела, перед глазами мелькали лица, фотовспышки, огни. В полночь над кораблем расцвели фейерверки. И многие застыли, любясь алыми, желтыми и белыми хризантемами, распускающимися над морем.

Во время этой маленькой передышки Антэй подошел к левому борту, почти пустому сейчас. Оперся о перила, глядя на город, сияющий разноцветными огнями. Повторяя дугу залива, на берегу выстроились самые дорогие отели города. Зеркальные небоскребы ловили сияние друг друга и казались еще более черными, чем черное небо.

– Любуешься? – Инсар подошел неслышно и встал рядом. К стойкому аромату благовоний примешивался запах крепчайшего кофе. Похоже, меценат пытался взбодриться. Он помолчал и добавил задумчиво: – Иногда я завидую тебе.

– А есть чему завидовать?

– Твоей свободе, независимости, беззаботности.

Антэй хмыкнул многозначительно, но собеседник, занятый своими мыслями, не заметил этого.

– Тебе не приходится принимать решения, от которых зависит чужая жизнь... многие жизни... И ты не подчиняешься чужим решениям, против которых не можешь пойти.

– Уж не смотришь ли ты телевизор, уважаемый Инсар? И не последние ли новости причина твоего дурного настроения?

– Я не смотрю новости, – усмехнулся тот. – Я их создаю.

Антэй покосился на него. Смуглое лицо, окруженное белой тканью гутры, было хмурым и безрадостным.

– Неужели есть кто-то, кто может заставить тебя делать не то, чего ты хочешь?

– Приятно, что ты считаешь меня всемогущим, но да. Есть.

Делая вид, будто продолжает смотреть на залив, содрогающийся от грохота фейерверков, Антэй слушал очень внимательно. Ловил каждое слово.

– Ты знаешь, я против этих безумных современных идей о равенстве с бедняками и рабами, о том, что они такие же люди, как мы. Но я не одобряю жестокость ради жестокости. И мне совсем не нравится, что происходит в моей стране.

Инсар не был пьян, скорее расслаблен и огорчен, как всегда с ним случалось на второй фазе длительного наркотического загула, когда весь мир представлялся одной большой помойкой и тянуло на откровения. А кто, как не Антэй, был так отзывчив, умел столь сердечно, проникновенно сочувствовать. Главное, не спугнуть лишним вопросом.

– Я предпочитаю разумное планирование, постепенное развитие. Меня не приводят в восторг люди, развязывающие войну в собственной стране. Это не подстегнет экономику в будущем, это ввергнет нас в еще больший хаос.

Антэй незаметно огляделся, не подслушивает ли кто-нибудь их разговор. Но, к счастью, ничего подозрительного не обнаружил.

– В поддержание и укрепление конфликта вливаются миллиарды. Уважаемый Яман Ракин поставляет оружие луннитам, а в беседах сетует на тяжелую обстановку в стране и выражает надежду на скорую поддержку Полиса. Атик Нуман перечислил крупную сумму на нужды беженцев, а еще более крупную на военную технику боевикам лунной секты. Да и сам наш щедрый хозяин... странно, что он до сих пор так и не появился на своей вечеринке.

Инсар запнулся, словно сообразив, что говорит лишнее.

«Яман Ракин», – с мрачным торжеством повторил про себя Антэй, прозвучавшие имена. – «Атик Нуман», «Виргин Азам».

– Тебе надо расслабиться, – сказал он мрачному Инсару. – Забыться хоть ненадолго. Могу предложить отличное средство. – Антэй вскочил на перила, оценил расстояние до воды и оглянулся на собеседника. – Давай! Вместе.

– Вот за это тебя все и любят, – усмехнулся тот, не двигаясь с места. – Когда на мне будет другой костюм, я составлю тебе компанию. Но сейчас,

если начну раздеваться, рискну нарушить все приличия.

– Плевать на приличия.

Антэй развернулся и прыгнул в море. Долгий полет, ощущение невесомости, удар о воду, и вязкая темная глубина сомкнулась над головой. Он оттолкнулся от бездны и, сильно работая ногами, рванул на поверхность.

Рядом послышался всплеск, с которым вошло в воду еще одно тело. Пронеслось мимо в туче пузырей и легко устремилось наверх, к воздуху и ночному свету.

Значит, Инсар все же решил последовать его совету.

Но когда Антэй вынырнул, рядом с ним оказался не давний знакомый, а неизвестная девушка. Он даже не помнил, видел ли ее на вечеринке. Светлый овал лица с тонкими струйками черных волос, прилипших к щекам, повернулся к нему, белая рука поднялась над водой в плавном взмахе.

– Смело, – сказал он, глядя на нее, медленно подплывающую к нему.

– Давно мечтала познакомиться с тобой, – ответила она, немного задышавшись от быстрого погружения и стремительного подъема.

– Можно было сделать это на суше.

– На суше ты окружен поклонниками, не подобраться.

Ее теплые ладони легли на его плечи.

«А почему бы и нет», – подумал Антэй, прижимая девушку к себе.

– Как тебя зовут?

– Рима, – прошептала она ему на ухо, а потом запрокинула голову, глядя на звезды фейерверка, медленно падающие с неба.

Больше они не разговаривали. Было не о чем и незачем. Случайная встреча, близость, такая же внезапная, обжигающая и краткая, словно огни, взлетающие на фоне далеких звезд...

Когда Антэй выпустил девушку из объятий, она молча протянула руку, провела ладонью по его лицу, прощаясь, и погрузилась в воду. Он посмотрел вниз и увидел, как стремительно плывет прочь гибкое тело. Сирена, решившая развлечься с человеком...

Он мотнул головой, прогоняя нелепые ассоциации, и услышал негромкий рокот мотора. Из-за яхты вышел небольшой катер и на малых оборотах устремился к Антэю.

Над бортом возвышался монументальный Баян Ахд, раньше времени покидающий вечеринку, а рядом с ним один из гостей с верхней палубы. Вблизи у него оказалось худое, даже истощенное лицо, под стать тощей фигуре, льняной пиджак висел на острых плечах, как на вешалке. Блекло-

голубые глаза с яркими точками зрачков словно два якоря зацепились за пловца и уже не отпускали. Напротив, на диване, сидел настороженный Инсар.

Металлический борт – белый выше ватерлинии и красный – ниже, оказался совсем рядом с Антэем.

– Тэй Эррет? – спросил худой мужчина и, не дожидаясь ответа, заявил: – Я ваш большой поклонник. Не подпишете для меня?

Он наклонился, протянул снимок, распечатанный на принтере. Тот самый, из соколиной коллекции. Подал ручку.

– Да, конечно. Для кого?

– Не важно. Просто ваши инициалы.

Стараясь не сильно замочить бумагу, Антэй поставил размашистую подпись. Поборолся с искушением утопить дорогое перо, но вернул с улыбкой владельцу.

– Вас подвести до берега? – спросил тот, выпрямляясь.

– Нет, спасибо.

– Смотрите, здесь могут встречаться акулы.

– Я знаю, – ответил Антэй, беззаботно улыбаясь, и подумал: «Уже встретила парочка».

– Меня подвезите, – прозвучал неожиданно голос рядом.

Рима вынырнула у катера и протянула незнакомцу руку решительным жестом, словно зная, что ослушаться ее не посмеют.

– Отель «Хайрат», – велела она, ловко поднимаясь на борт.

Накинула на плечи белое полотенце, села рядом с Инсаром, провела ладонью по мокрым волосам.

Катер отошел на безопасное расстояние от пловца, включил мощные моторы и унесся по направлению к гавани.

«Яман Ракин, Аттик Нуман, Виргин Азам и некто по имени Рима...» – произнес мысленно Антэй, глядя вслед странной компании, и добавил не без удовлетворения: «Проверяйте. Ищите, только ничего не найдете ни в моих мыслях, ни в подсознании...»

Юноша лег на воду. Вытянулся. Расслабился. Над головой медленно покачивались созвездия.

Особенно яркие – над морем. Одно из них раз за разом притягивало его взгляд. Волосы Береники.

Мать рассказывала легенду о жене правителя Египтоса – Эвергета, которая отрезала свои прекрасные волосы и пожертвовала их храму Арсиной Афродиты, чтобы военный поход ее мужа против династии Селевка прошел успешно. И вскоре после этого придворный астроном

увидел на небе эти длинные пряди в виде нового созвездия, в том месте, где его раньше не было. И кстати, военная кампания Эвергета закончилась небывалым триумфом...

Антэй поднял руку, поднося к губам кольцо. Раздражающе знакомый вкус окатил язык и нёбо. А запах металла запечатал ноздри. Медь и кровь пахли очень похоже.

Она носила то же имя, что и легендарная царица прошлого. Береника...

Ее убили вместе с отцом. Тела, изрешеченные пулями, выволокли из гостиной, и на мраморе остались длинные красные полосы. А на него, десятилетнего мальчишку, даже не стали тратить патронов. Небрежно ткнули ножом и вышвырнули на помойку. В прямом смысле...

Приличная, достойная семья, от прежних богатств Эвергетов осталось совсем немного, но хватало для безбедного существования. У него была частная гимназия и секция по плаванию. Отец отказался от поста в министерстве и занимался бизнесом. Небольшая, но процветающая туристическая фирма.

А потом семья Сотер захотела упрочить свое влияние в Александрии. И легко смела с игровой доски несколько лишних фигур.

Антэй сжал зубами кольцо. Вкус меди и крови стал еще сильнее, почти нестерпимым.

«Сотер», – произнес он беззвучно, глядя в небо.

Девять лет прошло...

Созвездие медленно вращалось на фоне черного бархата, дрожало и покачивалось. Точно так же как и в ту ночь.

Он лежал на спине, чувствуя, как кровь неспешно вытекает из его тела и впитывается в отбросы. Неподалеку грызлись бродячие псы. Скоро они почуют его и набросятся.

Вонь, которая должна была стоять над огромной помойкой, уже не беспокоила. Обоняние отключалось. И холод постепенно расплзался по ногам.

А потом Антэй услышал голос. Совсем рядом. Станный.

С легкой ноткой веселого безумия и в то же время почему-то успокаивающий.

– Кто тут у нас? Кость. Вот еще одна... целый позвонок... а это еще что?

Руку задело твердым и жестким. В бок осторожно потыкали. Звезды заслонила тень. Наклонилась очень низко. По виску скользнуло горячее и влажное. Веки опалило чужое дыхание.

– Жив, – прозвучало над ухом довольное. – Еще жив? С такой-то дырой...

Антэй попытался разлепить спекшиеся губы, чтобы попросить о помощи, но не смог.

И в этот миг чужие руки подняли его, довольно бережно. Боль тут же вернулась и горячим жаром потекла по телу. Он вскрикнул, дернулся.

– Тихо-тихо, – зашептал незнакомец, – терпи, мой хороший. Надо терпеть...

Звезды над головой снова очистились, засияли ярче и померкли лишь для того, чтобы через секунду сложиться в один-единственный огонек, дрожащий на расстоянии вытянутой руки.

Антэй очнулся. В липкой духоте маленькой комнаты блуждал по кривым стенам огромный черный силуэт. Мальчик наблюдал за ним некоторое время, пока не понял, что тот принадлежит высокому, загорелому до черноты мужчине с длинной гривой пегих волос. На голове его был намотан нелепый тюрбан из грязной тряпки. Ловкие пальцы, высовывающиеся из широких рукавов бесформенного бурого одеяния, вдевали нитку в толстую кривую иглу. На колченогом столе коптил маленький самодельный светильник.

– Ты кто? – прошептал Антэй, но человек его услышал.

– Тот, кто сейчас будет зашивать твой живот. – Он усмехнулся над своим нелепым каламбуром, выдвинулся из тени, и стало заметно, какие у него ровные белые зубы. Таких никогда не бывает у нищих, бродящих по помойкам. – А ты кто такой?

– Антэй... Эвергет.

Незнакомец покачал головой, укоризненно цокая языком.

– Неправильный ответ. Лучше тебе забыть про Эвергетов. Придумай себе другое имя. Если выживешь.

Он лизнул иглу и опустил ее в пламя светильника.

– Обезболивающего у меня нет. Так что терпи.

Второй рукой пошарил под столом, оказавшимся кособоким ящиком, достал пыльную бутылку, зубами вытащил из нее пробку. Запахло спиртным. Таким крепким, что оно перебило собой затхлую вонь комнаты.

Хозяин трущобы отхлебнул из горлышка, а затем щедро плеснул на рану Антэя. И от боли свет ночника сузился до булавоочной головки, а потом померк вовсе.

Он придумал себе другое имя. Другую историю. Другую жизнь.

Рискованную, опасную, яркую.

Двойную...

Глава 10

Привкус лжи

Открыв глаза, Антэй не сразу понял, где находится. Огромная кровать под тонким белым балдахином была завалена подушками и одеялами, шелковое белье сбилось комом и съехало к ногам. Из-под бока выкатилась пустая бутылка от шампанского. Плавательные шорты свешивались со спинки кожаного кресла, на сиденье лежал коммуникатор, беззвучно мерцающий экраном.

Антэй протянул руку, повернул к себе телефон и увидел, что на его счет пришла крупная сумма денег. Видимо, плата за присутствие на вечеринке. Об окончании которой он сейчас помнил довольно смутно.

Занавески на окнах задернуты, сквозь щель внутрь проникает белый луч солнца.

Явно не самый дешевый номер, с деревянной резной мебелью и стеклянной стеной между комнатой и ванной. Вероятно для того, чтобы возлежащий на кровати мог любоваться тем, или теми, кто стоит среди мраморной плитки под струями воды, в мыле и пене.

Антэй выбрался из постели и побрел в душ. Голова гудела, в ногах ощущалась некоторая неуверенность, но настроение при этом было отличным.

Когда он вернулся в комнату, за накрытым столом уже сидел Трифон и с аппетитом пожирал его завтрак, сервированный в отсутствие гостя внимательным персоналом.

– Ну, ты зажег вчера, – пробормотал райдер с набитым ртом.
– Н-да? – проронил Антэй без особого интереса, натягивая шорты.
– Говорят, ты трахнул племянницу Амаля Калиба.
– Скорее не я ее, а она меня, – с усмешкой признал серфер, – спрыгнула ко мне с верхней палубы, а это метров десять, если не больше. Так что я не смог устоять.

Трифон грохнул вилкой по столу, его загорелая физиономия с переломанным носом и широченной челюстью налилась багровым бешенством.

– Ты мозги когда-нибудь включаешь, ладно? Одного такого уже нашли, с отрезанными... – он многозначительно рубанул себя ладонью по низу живота, – и остальными важными органами, напластанными ломтями, а

голова его была засунута в такое место, о котором я тебе даже говорить не буду...

– Это кого, интересно? – искренне увлекся красочным описанием Антэй.

– Не важно, – буркнул приятель, придвигая запотевший кувшин с апельсиновым соком. – Короче, ты звезда и все такое, но просто будь осторожен.

– Угу, – ответил тот, думая о своем, прихватил с тарелки тост и, сунув в рот, принялся зашнуровывать кроссовки.

– Ты куда собрался? Номер оплачен, выезд только в два...

– Дела, – коротко бросил Антэй и, жуя на ходу, вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

– Эй, ты забыл телефон! – донеслось из-за нее запоздалое, но возвращаться он не стал.

Один из десяти зеркальных скоростных лифтов отвез серфера в лобби отеля. Безграничный холл, отделанный в традиционно александрийском стиле, освещала гигантская хрустальная люстра, спускающаяся с высоченного потолка.

Перед стойкой регистрации уже стояли несколько мужчин в белых одеяниях. Их жены, дочери, любовницы или – усмехнулся про себя Антэй – племянницы, расположившись в удобных креслах, попивали кофе.

Где-то журчал невидимый фонтан. Прокатила тележка, заваленная багажом – кожаные чемоданы, кофры для костюмов и сумки для дайвинга.

Процокала десятисантиметровыми каблуками красotka в развевающихся черных шелках с матовым блеском. Скосила на Антэя темный, мерцающий глаз, какие бывают лишь у породистых, холеных кобыл, и уплыла в сторону бутиков.

Завтрак еще не закончился – из ресторана слышалось постукивание вилок и ножей, негромкий гул голосов.

Антэй прошел мимо распахнутых дверей, заметил знакомый носатый профиль, принадлежащий Яману Ракину, и решил не подходить.

Улица встретила его оглушающей жарой и рокотом машин. Возле отеля стояла вооруженная охрана, проводившая белого парня внимательными взглядами. Шипы, перегораживающие дорогу, подняты, и возле них уже скопилась небольшая очередь из автомобилей. Досматривали всех собиравшихся въехать на территорию гостиницы. Напряженный водитель открывал багажник для первой проверки. Потом их будет еще несколько, на предмет взрывчатки и наркотиков.

Отказавшись от такси, Антэй пошел прямо к шоссе. Пыльные пальмы

лениво колыхали листьями на утреннем ветру. Открывались магазины...

Вереница машин тянулась по широкому проспекту, один конец которого упирался в гавань, другой в горы.

Антэй шагал по тротуару, высматривая автобусную остановку. Как вдруг услышал сдержанный ровный рокот мощного мотора и заметил плавное движение рядом. Его преследовал алый «гелиогабал» с открытым верхом. На месте водителя сидела женщина в черных очках, затемняющих половину лица, белая шелковая косынка, накинутая на голову, прятала волосы, руки в крупных золотых кольцах и браслетах небрежно лежали на руле, обтянутом черной кожей.

Серфер остановился. Машина тоже.

– Садись, – велели ему негромким, очень знакомым голосом.

Антэй не стал возражать. Открывая дверцу, заметил, что на сиденье лежит квадратная коробка, поднял ее, чтобы освободить место, опустился в удобное кресло. Замок мягко щелкнул, захлопываясь. Кабриолет рванул с места и влился в поток машин.

– Это тебе, – девушка кивнула на серый картонный куб в его руках. – Открой.

Под верхней упаковкой оказался кожаный футляр с тиснением. Серебряный леопард на задних лапах. Уже прекрасно зная, что увидит, Антэй поднял крышку. На белом атласе лежали массивные часы в тяжелом металлическом браслете. С колесика завода скромно свисал ценник с шестизначной суммой, чтобы не возникало сомнений в подлинности изделия.

– Хорошая модель, – сказал Антэй, рассматривая циферблат. Римские цифры, секундомер, сапфировое, естественно, стекло, механика...

– Лимитированная серия, – охотно откликнулась девушка, ее алые губы тронула улыбка.

– Ну, вообще-то мне уже заплатили за вчерашнее. – Он захлопнул крышку футляра.

Она затормозила у светофора, резко нажала одну из сенсорных кнопок панели, крыша машины поползла, закрывая пассажиров от солнца и возможных взглядов.

Сняла очки и повернулась к Антэю.

– Это не плата, – произнесла Рима Калиб с ноткой недовольствия. – Это подарок.

У нее был красивый удлиненный овал лица, темные, почти черные, миндалевидные глаза, тонкий изящный нос, и ей было лет на десять больше, чем показалось вчера при блеске звезд и искусственном свете.

- Слишком дорогой подарок.
- Позволь мне решать, кому и что дарить.

Самоуважение требовало вернуть безделушку за шестьсот тысяч, здравый смысл призывал не торопиться.

Антэй открыл коробку, взял часы, надел и защелкнул браслет на запястье.

Рима улыбнулась:

- Тебе идет. Как я и думала.

Загорелся зеленый свет, машина мягко тронулась с места. Антэй с интересом предвкушал продолжение, и оно не заставило себя ждать.

- Ты говорил вчера с Инсаром. Я видела вас вдвоем на палубе.
- Да, говорил.
- Обсуждали что-нибудь интересное?

Она делала вид, что целиком и полностью увлечена вождением, перестраиваясь с одной полосы на другую, но он видел натянутую жилку на ее шее, напряженные руки.

- Обычный треп на вечеринке. Ничего серьезного. А что?

– Его нашли мертвым. Сегодня утром. – Рима повернула руль, подрезая сразу две машины и не обращая внимания на гневные гудки, остановила «гелиогабал» у тротуара, едва не въехав передним колесом на бортик.

Опустила ручник и повернулась к ошеломленному пассажиру.

– Он лежал в собственной постели, залитой кровью. Перерезал горло одним из своих кинжалов. Так о чем вы говорили, Тэй?

Он поднял руку с часами на уровень ее глаз так, что лучик света отразился от циферблата и кольнул Риму в щеку.

- Так это все-таки плата? За информацию или, наоборот, за молчание?

Она впилась пальцами в его предплечье, отводя в сторону.

- Я не хочу, чтобы ты последовал за ним.

- Мы знакомы меньше суток, а ты уже так беспокоишься обо мне.

Рима покачала головой устало и обреченно.

– Просто поверь мне. И постарайся не снимать это... – Она коснулась браслета часов. – Хотя бы несколько дней.

Решив больше ничего не выяснять, Антэй кивнул.

– Мы ни о чем не говорили с Инсаром. Во всяком случае, ни о чем таком, что я бы запомнил, – он улыбнулся своей обычной широкой улыбкой обаятельного и беспечного экстремала. – С серферами не обсуждают ничего серьезного.

Несколько мгновений она внимательно рассматривала его, словно

пыталась пробраться в воспоминания. Но, так ничего и не поняв, отвела взгляд.

– Куда тебя отвезти?

– Я выйду здесь.

Рима вновь надела очки, скрывающие половину лица как черный зеркальный шлем. Молча подождала, пока Антэй выберется из машины, и уехала, растворившись в потоке автомобилей.

До нужного ему места серфер добирался полтора часа на старом, дребезжащем автобусе.

В этом древнем районе Александрии располагались лавки скупщиков, антикварные магазины и просто барахолки. На узких улочках дома стояли вплотную друг к другу. Можно было, не тратя время, просто шагнуть из одной двери в другую. Мощные решетки с острыми крючьями на окнах, замки и выезжающие шипы в косяках дверей навевали не самые мирные ассоциации.

Антэй потратил половину дня, болтаясь по лавкам, заходя в каждую попадающуюся на глаза и делая вид, что хочет узнать, за сколько можно продать только что подаренные часы. Совсем новые, но уже считающиеся подержанными. Отличный предлог. Со стороны это выглядело вполне достоверно и абсолютно в духе местных традиций. Парень получил дорогой подарок от богатого поклонника или поклонницы, а может, и украл, и теперь пытается сбыть его с рук, чтобы получить живые деньги. Лишних вопросов здесь никогда не задавали, но цену называли невысокую.

Блуждая по лабиринту узких разноуровневых улочек, Антэй внимательно, хоть и незаметно, посматривал по сторонам.

Слежки не было. Он бы обнаружил ее. Но все равно проделал давно заученные манипуляции.

Несколько хитрых проходов, о которых знали только местные, да и то не все. Где можно внезапно исчезнуть. Решетка в тени арки, беззвучно открывающаяся в очень темный и зловонный коридор, там под самым потолком тайник за отодвигающимся в сторону камнем. Откуда Антэй вытащил узел с тряпьем, пропахшим плесенью, и накинул на себя, превращаясь в одного из местных бродяг.

Затем он пересек шумный рынок с пестрой толпой, в которой так легко затеряться. Прошел насквозь полутемную кофейню, под завязку наполненную крикливыми торговцами, желающими выпить кофе, найти клиента или скрепить сделку, законную или не очень. Добрался до черного хода, открыл дверь, протиснулся мимо баков с отходами, пересек короткий

переулок и выбрался на изнанку относительно приличного района.

Антэй оказался на гигантской свалке.

Горы, холмы, овраги мусора спрессовались за многие столетия до состояния самостоятельного рельефа. В нем были проложены дороги, прокопаны канавы. Дома – из картонных коробок, фанеры, ящиков, остовов автомобилей и автобусов – образовывали целые районы и улицы. Антэй не удивился бы, узнав, что мусор сюда свозили со времен Клеопатры и, если провести археологические раскопки, можно докопаться до обломков колесниц, черепков драгоценных амфор и бронзовых доспехов гоплитов.

От вони с непривычки слезились глаза.

Этот район давно порывались снести, сровнять с землей, выжечь «рассадник инфекции и гнездо порока» – так заявляли местные власти время от времени.

Но свалка все разрасталась и крепче вгрызалась в землю корнями перекрученной арматуры, осями старых машин.

Сколько трупов здесь сгинуло без следа...

Никому ни до кого не было дела. Люди приходили, уходили, умирали целыми семьями от болезней, вызванных заразой, которой тут было полно, убивали друг друга и хоронили тут же под гнилыми ящиками и отбросами.

Крысы бродили по свалке. Каждый на своем участке. Тощие, покрытые десятилетними слоями коросты, с босыми ногами, изъеденными грибком и скрученными жесткими артритами. Скособоченные и передвигающиеся точно крабы. Хотя иногда среди больных и уродливых физиономий вдруг появлялись удивительной гармоничности лица с правильными чертами и ясными глазами. Но эти проблески неуместной красоты гасли так же быстро, как и возникали. Умирали, были проданы для развлечений или корежились от болезни.

Жители помоечных трущоб сортировали мусор, отбирая то, что можно продать. Женщины мыли стекло и пластик в зловонном ручейке, пересекающем гигантскую свалку. Дети складывали годное на просушку. Сгребали в мешки кости, выбирая еще пригодные в пищу куски. Мужчины рылись в новых завалах отбросов, отгоняя диких собак длинными палками с крючьями на конце.

Антэй видел, и не раз, как эти же орудия применялись для драк с конкурентами и какие страшные, рваные раны они оставляют.

Возле лачуг, сложенных из ящиков, возвышались горы тряпья, драной обуви, штабели пластиковых бутылок и прочие богатства.

На маленьких костерках готовили пищу. И от каждого котелка долетал свой собственный сложный аромат с особыми нотками вони.

Антэй ловил на себе цепкие взгляды. Но его не окликали, не останавливали. Идет человек – значит, надо. Не выберется – сам виноват.

Пробежали дети. Немытые, оборванные и злобные, как дикие зверьки. Один, самый старший, нес на палке череп с обрывками иссохшей плоти. Остальные неслись за ним, весело улюлюкая и хохоча.

Женщины, навьюченные словно ослы, волокли на себе мешки, согнувшись до земли. Две беззубые старухи визгливо ругались над трупом собаки.

Где-то горело. Черный дым то закрывал собой все небо, то стлался по земле.

Место, куда торопился Антэй, находилось в самом центре этой зловонной паутины, в сердце запутанного лабиринта. Когда-то здесь стояли каменные дома. Их разрушили во время давнего военного конфликта, жителей вырезали. И теперь древний мрамор, покрытый многовековой грязью, превратился в такой же хлам, как и все, к чему прикасались щупальца вечной свалки.

Антэй безошибочно нашел нужный ход среди руин, протиснулся сквозь щель в «заборе» из ржавых бочек, аккуратно прошел по битому кирпичу, перемешанному с ржавыми шипами, и миновал ловушку, устроенную перед самым входом.

Дверь, сколоченная из черных рассохшихся досок, открылась, когда он потянул за веревку, поднимающую засов с той стороны.

Единственная комната убогого жилища оказалась пуста.

Здесь стоял топчан, застеленный старым одеялом, на удивление чистым. На полке, занавешенной тряпкой, притаились обрезанные доньшки пластиковых бутылок, которые использовались вместо стаканов, и помятый металлический чайник.

Антэй уверенно направился в дальний темный угол за скособоченным столом, наклонился, запустил пальцы в щель, пересекающую квадрат пола, поднял и отодвинул деревянный щит. Опустился на колени, заглянул в глубокую дыру.

Он был там.

Лежал в тесной, как гроб, норе. Руки сложены на животе, словно у покойника, глаза закрыты, лицо под слоем грязи бледное и спокойное.

Антэй улыбнулся, снял часы и аккуратно положил их на грудь спящего. Опустил крышку обратно и стал ждать.

Как он и думал, это ожидание продлилось недолго. Послышалось приглушенное ругательство, стук, скрип. Крышка поползла вбок. Сначала из трещины показали две руки, потом, когда дыра расширилась, голова с

нелепой повязкой из замызганной синей тряпки, затем плечи, и наконец выбрался сам хозяин лачуги.

– Это что?! – рявкнул он, держа часы двумя пальцами, словно дохлую гадюку. Впрочем, нет, гадюку он держал бы с большим интересом. – Откуда это у тебя? И кому сказано днем не приходить? Я предупреждал, чтобы ты являлся сюда только ночью!

– Я тоже рад тебя видеть, Мусорщик, – улыбнулся Антэй, глядя в светло-серые бешеные глаза.

– Ну да, – произнес тот на тон ниже. – Нормально добрался?

– Слежки не было.

Он совсем не изменился за эти девять лет, может только добавилось серых прядей в длинную косматую гриву. Высокий, худой, жилистый, загорелый дочерна. Одетый в бурую хламиду, босиком.

– Так что это? – повторил Мусорщик, покачивая часами перед носом Антэя, словно на сеансе гипноза.

– Ты мне скажи.

– Подарок с сюрпризом, – буркнул тот, выдвинул из-под стола расшатанный стул, сел на него, запустил руку в свою повязку, вытащил из нее тонкую стальную булавку и принялся ковырять одно из звеньев браслета.

– Если ты его поцарапаешь, я не смогу продать их за обещанную цену, – заметил Антэй, следя за проворными пальцами.

– Угу, – пробормотал Мусорщик, увлеченный своим занятием. – Обратись в магазин дэймосов, там тебе дадут сертификат качества.

Металлическая полоска отщелкнулась, и под ней в крошечной ячейке обнаружился тонкий клочок серой бумаги.

– Что это? – Антэй невольно подался вперед.

Кончик стальной булавки подцепил почти прозрачный обрывок и вытащил наружу. Мусорщик поднес его к самому своему носу, внимательно осмотрел, едва ли не обнюхал, и вынес вердикт:

– Кожа. Старая и высохшая. Человеческая.

– Оригинально, – усмехнулся Антэй.

– Да, верхний слой эпидермиса мертвеца, что может быть оригинальнее...

– И... зачем?

– Попытка заблокировать твой мир снов. – Мусорщик откинулся на спинку стула, так что тот встал на две задние ножки, и принялся покачиваться на нем, держа равновесие.

– И как, успешно?

– Ты зачем пришел? – задал тот встречный вопрос. – Рассказывай.

– Я был на очередной вечеринке. И беседовал с Инсаром Кайсом. Вернее, он беседовал со мной...

Антэй подробно передал все детали краткого монолога богатого александрийца.

– Он говорил, есть люди, которые желают войны внутри страны, поддерживают конфликт деньгами, раздувают его, не давая затухнуть. Яман Ракин, Аттик Нуман, Виргин Азам, вот имена, которые он успел назвать, прежде чем спохватился и замолчал. А потом я видел его в компании Баяна Ахда и еще одного странного типа. Тот подсунул мне на подпись фотографию. И видок у Инсара был прямо-таки похоронный. А сегодня его нашли мертвым....Вряд ли это произошло оттого, что он решил почистить свой кинжал, но случайно порезался.

Выдав всю эту информацию, Антэй вопросительно уставился на Мусорщика. Тот по-прежнему раскачивался на стуле, смотрел в потолок и беззвучно шевелил губами.

– Кстати, о смерти Инсара мне сообщила племянница Амаля Калиба, она же подарила эти часы и очень просила их не снимать.... Эй, ты меня слышишь?

– Дай мне минуту, – произнес собеседник, очнувшись от своего оцепенения, со стуком утвердил стул на все три с половиной ножки и закрыл глаза, откинувшись на спинку.

Антэй затаил дыхание, наблюдая это удивительное волшебство – выход в сон. Осознанный, деятельный, опасный. Не морок обычного человека, не бессвязные картинки или отупляющая темнота... Настоящее царство Гипноса.

И только сейчас, когда спящий полностью погружался в пространство, недоступное простым людям, становилось ясно, что он другой. Не отсюда. Из иного мира. Черты лица не искажены смещением крови, и внутренняя суть четкая, негибкая, его не мучают сомнения и смутные желания.

Раньше Антэй пытался узнать – как там, за пределами обычной жизни?

Мусорщик обычно мягко уходил от ответа, но однажды сказал, словно решив разом перечеркнуть все надежды на волшебную сказку:

– Я ничего не могу рассказать тебе про Полис.

– Но ты же оттуда...

– Я уехал в четырнадцать, как только у меня открылся дар. И учился у местного сновидящего... Его убили... уже давно.

– Значит, раз ты оказался сновидящим, они заставили тебя ехать в

чужой опасный город?! – возмутился он тогда.

Целитель рассмеялся и снисходительно посмотрел на юного собеседника.

– Заставили? Никто не может заставить свободного человека делать то, к чему тот не готов. Это было мое решение.

– В четырнадцать? – скептически осведомился Антэй.

– Подскажи-ка, сколько тебе было, когда ты решил мстить Сотерам за убийство родителей? – нахмурился в притворном затруднении Мусорщик, хотя прекрасно знал возраст мальчишки, спасенного на свалке.

– Это совсем другое. По их приказу убили моих родителей! Разрушили мою жизнь.

– А я хотел, чтобы никто не мог разрушить жизни моих близких и даже просто знакомых, и уничтожить мой город. Я отправился туда, где считал, могу принести реальную пользу. Это был целиком мой выбор. Кроме того, – помолчав, добавил он, – в Полисе четырнадцать считается первым совершеннолетием. Большинство прав взрослого гражданина человек получает именно в этом возрасте. И тогда же начинает нести полную меру ответственности. За свои действия. К которым ведут – решения.

– Но ты мог сначала выучиться, набраться опыта и приехать сюда уже взрослым. Ты был бы сильнее. Мог сам защищаться.

– Я должен был стать частью Александрии, и я ею стал.

– И ты продолжаешь работать на Полис?

– Да. И буду работать, пока не умру. Жаль только, что я так и не нашел ученика...

Ученика он не нашел. Мастера снов Александрии были вынуждены скрываться сами, скрывать свой дар или работать втайне. Их обвиняли в том, что они пытаются навязать чуждую культуру враждебного города достойным жителям агломерации. Недопустимо вмешиваются в сны людей и позволяют себе лечить их или давать советы, как изменить свою жизнь. А для этого есть собственные специалисты. Врачи, например, и пусть им не под силу победить все заболевания, никто другой не имеет права покушаться на их поле деятельности. На мастеров сна началась настоящая охота.

Антэй слышал, что раньше было по-другому. Их не преследовали и нетравили. Они спокойно работали. Исцеляли, помогали находить пропавших, умиротворяли враждующие местные народности, вдохновляли архитекторов и ученых. Но в последние два десятилетия все изменилось. Кому-то стала сильно мешать работа этих людей с даром. И даже вполне

понятно, кому именно...

У мастеров сна не стало ни школ, ни центров сновидений, куда могли бы обращаться люди за помощью или приводить детей со способностями. У них теперь не было ничего, кроме смертельного риска и одиночества.

Мусорщик открыл глаза неожиданно, взгляд, устремленный на серфера, был ясным, абсолютно не сонным.

– Даже не представляешь, как ты помог, – сказал он тепло.

– Ты передал имена и... все остальное?

– Да.

– В Полис? – Антэй непроизвольно понизил голос, хотя подслушивать их было некому.

Мусорщик промолчал, как всегда, стоило лишь прозвучать названию этого города.

– Рима... девушка, которая подарила мне часы, тоже из этих?

– Антэй, я уже говорил тебе, дэймосы не сидят под каждым кустом. Ошибочно думать, будто все, что происходит в Александрии, во всем мире – происходит лишь потому, что темные сновидящие внушили хорошим людям плохие мысли и заставили совершать плохие поступки. Люди отлично справляются с этим и без влияния со стороны. А дэймосы прекрасно умеют пользоваться ситуацией...

Мусорщик поднялся и принялся копать на полке.

– Есть хочешь?

Антэй помотал головой, не успев переключиться от серьезного вопроса, который они обсуждали, на бытовые мелочи. Но сновидящий уже выкладывал на стол хлеб, заплесневевший с одного бока, полоски вяленого мяса неизвестного происхождения, разливал по пластиковым посудинам бледный чай.

– А вещь мертвого действительно может блокировать мир снов? – Антэй смотрел на ячейку вскрытого браслета, где по-прежнему лежал обрывок высохшей кожи.

– Нет, конечно. Это древние предрассудки.

– Значит, она была уверена, что мне угрожает опасность...

Мусорщик хмыкнул нечто неопределенное, затем ответил:

– Да. Сомнений у нее точно не было. – Он указал длинным пальцем с обломанным ногтем на часы. – Это послание. Означает – ты труп. Или скоро им станешь.

– Ты уверен? – спросил серфер, удивленный новой информацией.

– В том, что ты до сих пор жив и пока не труп? – Сновидящий усмехнулся. – Абсолютно уверен.

– То есть ты думаешь, меня уже пытались убить? – Антэй не обратил внимания на его обычные иронические выпады.

– Если бы тебя хотели убить, ты был бы убит.

– Но при чем здесь часы?

– Можно было бы предположить, что Рима пыталась тебя защитить. Некоторые до сих пор верят, что вещь, принадлежавшая мертвецу, или часть его тела может оградить от воздействия сновидящего. Любого, не важно, кто он, целитель или убийца. Из этого следует, что девушка в курсе того, что происходит. Кто-то из ее семьи также связан с происходящими в Александрии событиями. Так что я добавил к тем именам, названным тобой, еще одно – Калиб. – Мусорщик задумчиво посмотрел на «стакан» с чаем в своей руке. – Но почему-то мне кажется, это просто насмешка. Издевательство в стиле дэймоса. Лично поместившего кожу в браслет. Он уверен, что тот, кто догадался вскрыть его, скоро будет мертв.

Сновидящий хотел сказать еще что-то, судя по выражению лица, его осенила новая внезапная мысль, но озвучить ее не успел, резко выпрямился, поворачиваясь к выходу. И тут же в дверь забарабанили.

Серфер натянул капюшон, скрывая лицо на всякий случай. Хозяин поднялся, хмурясь, и поспешил открыть. На пороге стоял один из обитателей свалки. Горбатый, с длинными, как у обезьяны, руками, свисающими вдоль туловища, лицо изъедено оспой. За его плечом маячили еще двое.

– Господин, – просипел внезапный гость, торопливо кланяясь. – Идут. Хромой видел вооруженных людей.

Мусорщик пристально взглянул на Антэя, и тот почувствовал, как кровь бросилась в лицо, заливая его предательской, виноватой краснотой. Словно ему опять было десять лет.

– Слушай, я был уверен, что за мной не следили... я даже телефон не брал, чтобы...

Он запнулся и посмотрел на часы, лежащие перед ним во всей платиново-стальной красе.

– Меня вычислили через них? Система геолокации? GPS-слежение?

– Ну, геолокации в них точно нет. Она прикасалась к тебе? Рима к тебе прикасалась сегодня? Вспоминай.

Антэй быстро прокрутил в голове сцену недавней встречи.

– Вроде бы нет, хотя... – Яркая картинка вспыхнула в памяти, и он машинально коснулся предплечья.

Мусорщик тут же шагнул к нему, запустил руку под рваный потрепанный плащ. Его быстрые чуткие пальцы ощупали внутренний шов

рукава футболки, подцепили что-то, потянули и вытащили тонкую, полупрозрачную пластинку. Он продемонстрировал ее Антэю и положил на стол, рядом с часами. Рассмотреть лучше странный предмет не удалось, но стало понятно, что это «маячок» – миниатюрная система слежения.

– Спасибо, – сказал Мусорщик крысе. – Ты знаешь, что делать.

Тот снова поклонился и принялся деловито закатывать рукава драного халата.

– Уходим.

Сновидящий шагнул в темный угол, рывком поднял щит, открывая дыру, и первым нырнул туда, прихватив свою палку с крюком на конце.

– Давай за мной, Антэй.

Сначала пришлось ползти, едва не утыкаясь в черные пятки Мусорщика и задевая затылком низкий потолок. Затем стало просторнее и уже можно было двигаться на полусогнутых.

Потянуло горелым. Над землей поплыл дым. Крысы жгли все, к чему прикасался мастер снов, чтобы ни один трофей не попал в чужие руки.

«Почему они тебе всегда помогают? – спрашивал Антэй своего спасителя очень давно. – Предупреждают о рейдах полиции, приносят еду...»

«Я лечу их», – просто ответил сновидящий.

«Как меня».

«Как тебя».

Нора превратилась в каменный тоннель с низким сводом. Из щелей в потолке лился тусклый свет. Где-то неподалеку назойливо журчала вода.

«А теперь я тебя подвел...»

Мусорщик пошарил по стене, надавил на едва заметный выступ, и за спиной послышался мягкий глухой удар, посыпалась земля.

Сработала ловушка, заваливающая проход.

«Значит, часы Рима содержали в себе совсем не защиту... Ей нужно было встретиться со мной, передать послание и прикрепить устройство, чтобы отслеживать все мои перемещения. Предмет, что я держал в руках, у них и так есть – ручка, которую дали для подписи, да и сама фотография. Может, через нее проникли в мое подсознание и теперь следят за мной? Прямо сейчас?»

– Я тебя подвел... – пробормотал Антэй, и его тихий голос заглох среди тоннеля камня и земли, окружающих беглецов.

– Это не твоя вина.

Сновидящий пошел вперед, света больше не было, но он прекрасно ориентировался в темноте и уверенно вел за собой спутника.

– За тобой все равно явились бы. Рано или поздно. Перед тем как убить Инсара, в его подсознании покопались, я уверен. Узнали, о чем он беседовал с серфером. Какие имена называл, чем был недоволен. И убрали, чтобы не болтал лишнего кому попало. Тебя тоже проверили. Не нашли ничего подозрительного и, хотя изначально решили устранить и тебя – на всякий случай – сразу убивать не стали. Чтобы понаблюдать: куда ты пойдешь, с кем можешь быть связан...

Мусорщик остановился, прислушиваясь. Шуршание, шелест, шорох, далекий скрип... ничего из этого не показалось ему подозрительным, и он направился дальше.

– Ты знал, что так будет?

– Предполагал.

– Но теперь тебе тоже грозит опасность. Тебя могут убить...

– На каждой свалке всегда будет свой Мусорщик. Не я, так другой, – ответил он равнодушно.

Антэй впервые за весь день поднес кольцо ко рту и сжал на нем зубы в приступе внезапной ненависти, смешанной с отчаянием. Все эти Ракины, Нуманы, Адхи, зажавшиеся от безнаказанности... Сотеры, убившие его семью... преступники они, а бежать и скрываться вынужден он.

Впрочем, он понимал, что к этому все придет в конце концов. Мусорщик рассказывал ему, что дэймосы никогда не выпускают свою жертву. Раздутое самомнение не могло допустить, что какой-то человек позволит себе ускользнуть от них, а не станет покорно ждать расправы. Как баран. И теперь они вывернутся наизнанку, чтобы возратить его в стадо.

«Меня воспитал человек из Полиса. Поэтому я вырос другим. Не таким, как большинство местных, живущих в страхе. Он учил меня: что бы ни произошло, это лишь один из вариантов жизни. И не надо бояться прожить свою жизнь. Она может быть разной. Трудной, легкой, наполненной лишениями или радостью, счастливой и не очень, главное, что она есть. Но самое важное – никогда не испытывать страха. Потому что он пожирает. Разум. Чувства. Волю. А вместе с ними и всего человека».

Антэй усмехнулся, глядя на силуэт спутника – черная тень в глухой тьме потайного хода. «Он вырвал у Танатоса девять лет жизни для меня. Немало. А теперь пришло время отдавать долги. И уж можете поверить, я верну все сполна...»

Тоннель пошел вверх. Мусорщик вновь замер, пытаясь уловить звуки, которые могли бы выдать врагов. Затем уверенно шагнул вперед. Судя по негромкому постукиванию и шороху, начал сдвигать что-то. Рассеянный свет перекрыл темный коридор, стали слышны голоса, детские. Они

смогли, когда сновидящий выбрался из тайного хода наружу. Антэй последовал за ним.

Беглецы оказались в еще одной лачуге. Побольше. Примерно десяток детей разного возраста сидели на полу – дробили кости в мелкую муку, перебирали тряпье, выскребали какую-то еду из котелка. И все они застыли, глядя на двоих, неожиданно появившихся в их доме.

Единственный взрослый – сидящая спиной женщина в грязно-сером никабе – обернулась. Кожа на половине ее лица была красной, собранной складками, исполосованная глубокими рубцами, на месте глаза – провал. Такие следы остаются после сильного ожога.

Увидев гостей, она ничего не сказала, только кивнула. Двое из детей – самые старшие подростки – вскочили с готовностью, откинув в сторону сеть, которую чинили, и выбежали из дома.

Остальные снова занялись своими делами, бросая на сновидящего быстрые восторженные взгляды.

– Мы подвергаем их опасности, – очень тихо сказал Антэй невозмутимому спутнику.

– Они знают, на что идут, – ответил тот. – И поверь, им нечего терять. Также как и нам, – добавил он с легкой улыбкой.

Запахавшиеся мальчишки вернулись очень быстро.

– Чисто, – сказал тот, что помладше.

– Идите через овражек, – солидно произнес старший. – Я могу проводить.

Он вопросительно посмотрел на Мусорщика, но тот покачал головой.

– Я знаю дорогу, Сет.

Подросток, довольный, что такой важный человек знает его имя, улыбнулся во весь щербатый рот и гордо покосился на остальных.

– Мы уходим, – обратился сновидящий к женщине. – Спасибо, Трерис.

Она молча наклонила голову, не отрываясь от шитья.

За порогом лачуги простирались все те же горы мусора, и Антэй не сразу сориентировался, где находится. Казалось, под землей они прошли не особо много, однако внезапно оказались в самой западной, дикой и опасной части свалки. Здесь уже давно развилась своя собственная среда. Высокие холмы лезли один на другой, заслоняя небо, овраги разрывали мертвую землю и на их дне, устланном мусором, копошилось что-то. Звери... или люди. Истошно орали галки.

От влажной жары, наполненной вязким, прелым дыханием свалки, Антэй почувствовал тяжесть в голове, виски начало ломить. Но подавил неприятное ощущение.

Зеленые озерца источали гнилую вонь, искореженные деревья цеплялись за тонкий слой почвы, прорываясь корнями сквозь железо и бетон, трава, похожая на мотки серой проволоки, поскрипывала под ногами. В стороне кружили два стервятника – заметили пададь. Скоро к ним присоединился третий...

Антэй провел ладонью по лбу, стирая липкий пот. Рот наполнил вкус меди.

Спутники шли быстро, насколько это позволяли древние завалы отходов со всей Александрии. Молча. Мусорщик старался держаться в тени и не выходить на открытые участки. Но пока преследователей не было ни видно, ни слышно. Скорее всего, они потеряли своих жертв на этих безграничных пространствах.

Один раз сновидящий остановился, чтобы перекинуться парой слов с обитателем района, выползшим из-за кучи высохших отбросов.

Второй раз внезапно резко сменил направление, прорываясь сквозь низкий колючий кустарник.

– Нужно переправить тебя в Полис, – неожиданно заявил сновидящий.

Удивляло не столько смелое решение, сколько то, что он впервые произнес название легендарного города по своей воле.

– Ага, ждут меня там!

– Твои предложения? Переселиться на свалку? Весь остаток дней прятаться в норе под мусором?

– Мне уже приходилось жить на свалке, – хмуро отозвался серфер, моргнув несколько раз – перед глазами мельтешили крошечные черные пятна.

– И я приложил массу усилий, чтобы вернуть тебя в нормальную жизнь.

Это правда. Мусорщик не дал спасенному мальчишке увязнуть на самом дне Александрии.

– А что, реально попасть в Полис?

Впереди показался гигантский забор. Завалы мусора здесь росли с каждым сезоном, наваливаясь на бетонную стену, которую год за годом укрепляли с той стороны, однако она все время грозила обрушиться на соседние дома и затопить всем, что сдерживала, улицу.

– Реально, хотя и сложно. Но здесь тебя будут отслеживать и убьют. Поэтому я постараюсь.

– Как?

– Тебе нужны новые документы. Слегка изменим твою запоминающуюся внешность.

– Постригусь налысо, – пошутил Антэй, чувствуя как давление на голову усилилось. – Давно хотел... – Он остановился, ощущая, что земля под ногами чуть покачивается. – Мусорщик...

Сновидящий обернулся, мельком взглянул на него.

– Подожди... Я... со мной что-то не то...

– Голова кружится? – спросил тот деловито. – А на виски давит?

– И перед глазами... мошки.

– А, ну это нормально. – Мастер снов улыбнулся, сверкнув ослепительно-белыми зубами на смуглом лице. – Тебя ломают.

– Что?!

– Взламывают подсознание. Мощная атака дэймоса.

Антэй покрылся испариной с головы до ног.

– И ты говоришь об этом так спокойно?

– Хочешь, чтобы я психовал? Могу устроить, но вряд ли тебе... – Мусорщик внезапно оборвал фразу, глядя на что-то позади серфера, и воскликнул радостно: – Вот это да!

Антэй невольно обернулся, чтобы увидеть, кто мог вызвать у него такой восторг, и в тот же миг заметил краем глаза стремительное, молниеносное, неудержимое движение. Рука сновидящего, вооруженная палкой, взлетела в воздух и опустилась на голову спутника сильнейшим ударом.

Свет перед глазами замерцал и померк. Антэй рухнул на землю и провалился в полную тьму без единого проблеска...

В сознание он приходил долго и мучительно.

Казалось, это заняло столько времени, что за него можно было закончить гимназию и поступить в университет, может и не в один.

«Я жив, и даже более-менее здоров...»

Антэй открыл глаза и несколько минут тупо пялился в пространство перед собой. Оно было серым, замызганным и расколотым. Напоминало каменную плитку, неровно выложенную на полу. Потом он разглядел собственные колени, загорелые, ободранные и грязные, край штанины плавательных шорт, испачканной чем-то бурым.

Потом пришла боль в спине и шее, резь в запястьях.

Антэй понял, что сидит привязанный к стулу, руки вывернуты назад и перетянуты так, что ими не пошевелить. Он попытался выпрямиться, и это получилось не с первого раза.

Обзор расширился, но не сильно. Серфер понял, что его стул находится в одиноком пятне света, остальное теряется в темноте. Он

запрокинул голову и увидел круглую дыру в низком потолке.

Вопросов было слишком много, чтобы искать ответы на все сразу. Но все же...

«Только что мы были с Мусорщиком на свалке... он меня ударил... или нет? Мне почудилось? Голова не болит... впрочем, единственное, что у меня не болит, это голова...»

– Очнулся? – прозвучал рядом доброжелательный мужской голос. Смутно знакомый.

Антэй прищурился, попытался отклониться от столба света, чтобы разглядеть говорящего. Но так ничего и не увидел.

– Как самочувствие?

– Будет лучше, если развяжешь меня.

– Непременно, – душевно откликнулся неизвестный. – Ответь на пару вопросов и тебя тут же отпустят.

– Ну спроси.

– Кому ты передал информацию, полученную от Инсара Кайса?

Антэй усмехнулся. Чего-то подобного он ожидал. Только не ждал, что это будет настолько прямолинейно.

– Дай подумать... – он прикрыл глаза, делая вид, будто мучительно вспоминает, потом снова посмотрел в темноту и задал встречный вопрос: – А кто такой Инсар Кайс?

За спиной почудилось движение, очень быстрое – и позвоночник пронзила острая раскаленная спица. Казалось, она вползает в его кости и медленно проворачивается. Боль длилась и длилась... и длилась... А когда закончилась, силы остались лишь на то, чтобы повиснуть на стуле, бессмысленно глядя сквозь спутанные волосы на затертый пол.

– Не надо играть со мной Антэй Эвергет, – прозвучало над ним добродушно-насмешливое. – Ты не в том положении.

– Я тебя знаю, – прошептал он, – человек с лодки... брал автограф.

– Хорошая слуховая память, – одобрительно произнес голос. – Кому ты передал информацию?

В основание черепа вонзилась игла, и по венам потекла кислота, кипя и пузырясь. Перед глазами поползли красные полосы.

– Ты молодой, здоровый парень. Но если я не остановлюсь, превратишься в разваливающийся полутруп. Зачем тебе это? Ради чего?

Обрывки мыслей заматались в раскалывающейся голове. Он пытался вспомнить. Действительно, ради чего? Ради кого?

– Просто назови имя.

Образ, который прятался в глубине памяти, стал подниматься на

поверхность, вызванный отчаянной болью.

– Сотер...

Он понял, что губы его с трудом слушаются.

В ответ раздался тихий смех.

– Я знаю, ты ненавидишь Сотеров. Но это не то, что я ищу. Кто еще? Тот, кто так хорошо прячется в твоей памяти за фамилией Сотер... Назови это имя.

Под его ребра скользнул зазубренный наконечник, приподнимая их. Антэй понял, что боль сводит судорогой пальцы и натягивает мышцы на шее, плечах и спине. Натягивает так, что они начинают рваться. Позвоночник превратился в раскаленный столб. Нижнюю часть тела он больше не чувствовал... он вообще переставал ощущать себя как себя... Мысли ломались, а память раскалывалась как пустой орех...

– Ладно! Хорошо! Только прекрати это!

Тут же все исчезло. Обжигающая жидкость в сосудах, раздирающая сталь. Несколько мгновений Антэй наслаждался покоем, ни о чем не думая и не сожалея. Слушал, как бухает в груди сердце, и чувствовал, как текут по лицу капли пота.

– Я скажу...

– Похвально, что ты разумный человек.

Веревка, стягивающая руки, ослабла.

Он медленно растер запястья, чтобы пальцы вновь начали слушаться. Потом наклонился вперед, обхватил себя, словно вновь переживая отголосок боли.

«Всегда знал, что через меня они могут добраться до тебя...»

Правая ладонь незаметно скользнула под безрукавку, там на боку, под полоской телесного пластыря, был спрятан тонкий стальной обломок.

Антэй выпрямился, посмотрел в темноту, пытаясь поймать невидимый взгляд, и полоснул себя лезвием по горлу.

Чужой крик зазвучал в ушах, заглушая собственный хрип.

Темнота задрожала, выплескивая две человеческие фигуры. Но рассмотреть их Антэй уже не мог. Он проваливался куда-то. И ничто – ни чужие руки, ни каменный пол – не могли удержать его.

Глава 11

Сотер

Поверх высокого каменного забора были натянуты три ряда проволоки под током. Через равные промежутки светили глазки камер наружного наблюдения.

Я стоял в тени на противоположной стороне широкой пыльной дороги. Подле еще одной глухой стены. И внимательно смотрел.

Резиденции богатых людей Александрии, расположенные вдоль берега Нейлоса, скрывали пятиметровые заборы, но этот, прячущий поместье Сотеров, затмил все остальные по соседству.

Чтобы забраться на каменную стену – не обойтись без оборудования альпиниста, а спуститься на ту сторону, уверен, возможно лишь под прикрытием одного из механических «Аресов». Нисколько не сомневаюсь, что территорию, прилегающую к дому, да и сам дом, конечно, охраняют не хуже, чем хранилище ценного генетического материала в Полисе.

Руф распечатал для меня максимально увеличенное фото через программу, передающую изображение со спутника. И, водя заточенным концом карандаша по бумаге, кратко перечислял:

– В центре усадьба. Это длинное здание – скорее всего конюшни, видишь, рядом ипподром. Вот это, – он повернул к себе снимок, – крытый бассейн, соединен с домом галереей. Тут какие-то хозпостройки. Сад... Теплицы... Площадка для вертолетов...

– Можно переждать осаду, – заметил я, рассматривая аккуратные квадраты и прямоугольники строений.

– Я бы туда не полез, – заметил мой собеседник. – И тебе не советую.

Он достал из нагрудного кармана смятую пачку сигарет, вытряхнул одну, рассеянно постучал ею по коробке, и сунул обратно.

– Я бы тоже не полез, – легко согласился я. – Если бы в этом не было серьезной необходимости.

Дом Амины походил на тюрьму.

Но это не тюрьма. Идеальное жилище богатого дэймоса. Непрístupная крепость.

Первое впечатление не внушало оптимизма. Со стороны реки к дому Сотеров также было не подобраться. Хотя казалось бы, чего проще –

пристать ночью к берегу на лодке и, скрываясь в зарослях папируса, проникнуть на территорию поместья. Но и тут не было ни одного шанса – я убедился в этом ранним утром, совершив на круизном пароходе небольшую экскурсию по Нейлосу.

Народу на прогулочной палубе оказалось совсем немного. Молодая пара с личным фотографом позировала на фоне древних берегов, где не имелось ничего, кроме серого мертвого камня. Под навесом сидело шумное семейство, разложившее на скамье обильный завтрак. Ароматы теплых булочек с кунжутом и сладких лепешек плыли в воздухе, заглушая яркий, сырой запах воды. Два мальчишки с воплями бегали от борта к борту.

Я стоял у перил и смотрел на бесконечно тянущиеся плантации финиковых пальм.

Глубокая река несла свои мутно-желтые воды к морю. По ним скользили редкие кораблики. Один, с косым парусом, напоминал старинное судно – такие плавали здесь пару тысяч лет назад...

Со мной беседовал гид, представительный немолодой мужчина в белом одеянии. Он подходил несколько раз, предлагая экскурсию по Долине фараонов, катание на квадроциклах в пустыне, посещение музея и обед в гавани, но я, прильнув к мощному биноклю Руфа, не реагировал на соблазнительные предложения. А затем, не теряя терпения, вежливо взял его за рукав и спросил доверительно:

– Кризис?

После чего был избавлен от назойливых вопросов и предложений и до меня лишь долетали фразы о тяжелом положении туристического бизнеса в Александрии, проклятия на беспорядки, отпугивающие путешественников, и прочее подобное. Я делал вид, что внимательно слушаю, в нужных местах сочувственно качая головой.

Берег, который я изучал, стал отвеснее, превращаясь в неприступную скалу. На ней постепенно вырастал в размерах трехэтажный дом. Я ожидал увидеть мрачную крепость. Узкие окна-бойницы, балконы, напоминающие недобро ощеренные рты... Но на деле это было легкое мраморное здание с огромными стеклами панорамных окон, портиками и статуями на плоской крыше.

Несовпадение реальности отчего-то оказалось настолько сильным, что я отвел бинокль от глаз и посмотрел на гида.

– Это особняк очень уважаемой семьи, – тут же сказал он. – Богатейшие и знатные люди. Древний род основателей города. – И принялся пересказывать мне историю становления Александрии со времен великого диадоха Птолемея. А также его сына – менее великого, но

признанного одним из выдающихся ученых древности – Птолемея Филадельфа. Время от времени он прерывался, чтобы обратить мое внимание на красоту пейзажа, и завершил рассказ уже на более прозаической ноте: – Ночью зажигают прожекторы. Строение и вся отвесная скала – сияют. Очень красиво.

Ясно, и ночью не сунешься. Они освещают всю зону вокруг...

Я не ошибся.

Это был тот самый дом.

Гид давно отошел, а я все стоял, провожая взглядом белый силуэт на фоне синего неба. Он светился как жемчужина, хотелось протянуть руку и прикоснуться, ощутить тепло стен, нагретых солнцем, и прохладу колонн, остающихся в тени... присвоить, забрать себе, как трофеей...

– Лонгин Сотер... – прозвучал мой собственный голос, и я очнулся от своих размышлений.

По берегу снова потянулись ряды пальм.

Помню, Феликс говорил, если есть хоть малейшее сомнение в том – не дэймос ли твой оппонент, – всегда лучше ошибиться, переоценивая противника, чем вляпаться в мир того, кто может к тому же оказаться сильнее тебя. И я всегда следовал его совету.

Поэтому потратил массу времени на бессмысленные, с точки зрения Руфа, блуждания вокруг дома Амины Сотер.

Бывший оперативник сразу прямо сказал, что в особняк попасть не получится. Не с нашими возможностями.

– Слуги живут на территории, – перечислял он, крутя в пальцах пачку сигарет. – И не покидают поместья. Продукты доставляют раз в месяц. Мусор не вывозят. Похоже, у них налажена переработка... хотя мне и сложно это представить. В службы технической поддержки чего бы то ни было – не обращаются, также как и в агентства по найму персонала. Врачей не вызывают. Вечеринки и приемы не устраивают.

– Откуда информация?

– Из достоверных источников, – усмехнулся Руф и тут же стал серьезным. – Это даже не крепость – маленькое государство.

– Хозяева из дома вообще не выходят?

– Хочешь, чтобы я организовал за ними тотальную слежку? Могу устроить.

– Нет. Не надо. Опасно и бессмысленно.

– Ну, в любом случае, с улицы просто так туда не войти.

– Да, в реальности в него не проникнуть.

Проницательный Руф внимательно посмотрел на меня, хотел задать неизбежный вопрос, но я опередил его:

– Жди меня здесь. Пойду, осмотрюсь.

– Осторожнее, – сказал мой спутник... или, вернее, теперь уже соучастник незаконного наблюдения за чужой собственностью.

Я выбрался из машины и отправился на долгую прогулку. Которая завершилась напротив глухой каменной ограды неприступного особняка.

...Этот дом неудержимо притягивал меня. Хотелось подойти, прикоснуться к горячим шершавым выступам неровной кладки, почувствовать, как острые зазубрины камней царапают пальцы, вдохнуть пыльный запах песчаника, нагретого солнцем. Обычно мои внезапные желания, а также внезапно проснувшаяся интуиция меня не обманывали.

Дом, в отличие от хозяев, ждал и звал меня. А может быть, отзывался на мой настойчивый зов.

Я прошелся немного вдоль улицы, затем огляделся по сторонам, вынырнул из густой тени, быстро пересек мостовую, поднял обломок белого щебня, лежащего рядом с забором, среди такого же ничем не примечательного каменного мусора. Убрал в карман и пошел прочь. На всю операцию по захвату трофея мне понадобилось не более десяти секунд.

Интересно, засекли меня камеры? И что подумала охрана про странного человека, подбирающего сомнительные предметы на улице?

Руф ожидал меня на условленном месте в тени под финиковыми пальмами, тянущимися бесконечной плантацией по берегу Нейлоса.

– Ну, что теперь? – спросил он, когда поместье давно осталось позади и мы ехали по широкой дороге между высоких каменных заборов, отгораживающих территории богатых особняков.

– Теперь мне пора возвращаться, – сказал я, глядя в окно, и Руф притормозил от неожиданности.

– Возвращаться? Куда?

В его голосе еще звучала надежда на то, что я имел в виду его квартиру, или мир снов, да что угодно, любое другое место, откуда можно продолжить наши поиски.

– Домой, Руф. В Полис. Здесь я больше ничего не могу сделать.

Он молчал. Хмуро и недоверчиво, а потом спросил сухо:

– Хочешь все бросить?

– Нет. Только теперь у меня начнется самая серьезная работа.

– А что делать мне? – поинтересовался он, опять выдержав паузу.

– Тоже поезжай домой. Когда появятся результаты, я свяжусь с тобой.

– Через сон? – задал он мрачно следующий вопрос.

– Да, через сон. У меня есть твоя пуговица.

Руф с усмешкой покосился в мою сторону.

– Уже успел стянуть?

– Я же должен быть с тобой на связи.

Я понимал его. Он хотел продолжать действовать, искать ответы на свои очень давние вопросы, пусть и с большим риском стремиться к цели, которая может быть наконец достигнута спустя многие десятилетия, а я обрывал эту яркую, деятельную жизнь. Вновь оставлял его в одиночестве, лишал единомышленника, гасил яркий азарт охоты.

– Мы найдем их. Всех, кто виноват в смерти твоих друзей.

– Ты, главное, постарайся, чтобы это дело не стало причиной твоей смерти.

– Да уж, постараюсь.

Стоянки у александрийской Гиперпетли-Зеро оказались забиты машинами. Международный порт был переполнен. Особенно выходы к направлению на Полис. Желающих отправиться в Бэйцзин, переживающий не самые лучшие времена, или в экзотично-опасный Тенчитолан почти не наблюдалось. Ворота в Нарасикэ вообще были закрыты. Этот мегаполис никогда не принимал к себе беженцев, тем более из «неблагоприятных зон».

Внутри терминала люди заполнили все залы ожидания, явно расположившись на рядах кресел и мраморных полах надолго. Спали вповалку, ели, укачивали вопящих детей. Торговые павильоны не работали. Возле нескольких киосков с едой шумели длинные очереди: одни пытались прорваться вперед, другие не пускали их, хватая за одежду, кто-то под шумок пытался скупить побольше упаковок с сырными лепешками. Мелькали агрессивные, испуганные, раздраженные лица. Потоки людей бурлили и сталкивались.

Все они ждали, что ворота, ведущие к шаттлам, откроются, желающих посадят в вагоны и отвезут в Полис. Охрана порта еще пока справлялась с поддержанием порядка, но долго ли это продлится?..

– Уверен, что не хочешь поехать со мной?

Этот вопрос я задавал Руфу уже не первый раз. И он снова, как и раньше, покачал головой.

– Что я там стану делать? Сидеть у постели спящего? У меня и здесь будет достаточно дел.

Глядя на бурлящую толпу, которую нужно лишь совсем немного

подогреть для того, чтобы она начала штурмовать ворота, я был готов согласиться с ним. Во всем здании порта витала очень неприятная атмосфера. Тягостная и в то же время наэлектризованная. Достаточно одной искры, чтобы все здесь вспыхнуло, забурило, разнося киоски и выламывая заграждения.

– Вот что, Руф, не надо меня провожать дальше.

Он с большим сомнением окинул взглядом плотную массу, через которую мне предстояло пробиться, чтобы попасть к стойкам контроля. На мгновение показалось, что мой спутник будет рад, если меня развернут обратно и я останусь, но это впечатление тут же стерлось.

Бывший оперативник крепко сжал мою руку на прощание, а я сказал тихо:

– Еще увидимся.

Пробираясь к терминалам, я чувствовал на себе внимательный, обеспокоенный взгляд, пока спины людей не скрыли его.

Меня пытались задержать, толкали, хватали за куртку, выкрикивали угрозы и оскорбления. Наглый белый, стремящийся к их вожацкой цели, вызывал ярость и острую зависть. Но я, обладая многолетним опытом, умело преодолевал преграды. Оказавшись под камерой наблюдения, поднял ладонь с зажатым в ней значком сновидящего, и спустя несколько минут ко мне уже двигалась местная охрана. Когда стало ясно, что меня пропустят, за спиной забурило еще большее недовольство, сопровождающееся пронзительными гневными воплями и заунывными стенаниями.

– Уходите, быстро, – открывая дверь служебного хода, сказал мне молодой, уставший охранник. – И не возвращайтесь. Нечего вам тут делать.

Произнеся это мрачное напутствие, он захлопнул металлическую створку. Щелкнул, закрываясь, магнитный замок.

В длинном коридоре гулко звучали шаги. Мне навстречу торопливо шла девушка в синем форменном костюме. Коротко стриженная блондинка со светло-голубыми глазами. Сосредоточенная и серьезная. Внимательно посмотрела на одинокого пассажира, прошла вдоль всего тела рамкой сканера, провела по пальцам датчиком, определяющим наличие частиц пороха. За ее спиной возвышалась грозная тень «Ареса», готового отразить любое нападение.

– У вас камень в кармане, – она посмотрела на меня вопросительно.

– Сувенир на память, – пояснил я с улыбкой, на которую сотрудница порта не ответила.

– Хорошо. Проходите. – Девушка посторонилась, пропуская меня.

Я уехал, оставив позади город, готовый нестись на волне бурной агрессии в ту сторону, куда дует ветер. А ветер дул в сторону Полиса, каждую минуту рискуя превратиться в смерч.

Свое прибытие я постарался сделать тихим и незаметным. Не предупредил никого и не сообщил о внезапном возвращении. В кармане, по-прежнему, лежал камень, нагретый александрийским солнцем. Маленький пропуск в другую реальность.

Дом ждал меня. Надежное убежище на берегу реки, скрытое за высокими деревьями. Каждый раз, когда я вижу его после отъезда, долгого или краткого, не важно, я чувствую, как возвращаются потраченные силы, и понимаю, что это и есть настоящее. А все остальные дома, города и дороги становятся недостойными внимания, пустыми, отходят на второй план.

Лужи сковала хрусткая прозрачная корка льда. Лиственницы сбросили хвою, лишь кое-где на ветвях еще виднелись бурые клочья, но скоро опадут, разлетятся по ветру и они.

Река – холодная, темная, быстрая – серебрилась мелкой рябью под пасмурным небом.

Казалось невероятным, что где-то растут пальмы, плавится от полуденного жара асфальт и едет по пыльным улицам на своей не новой, потрепанной машине человек, с которым меня неожиданно свел мир снов.

Я открыл дверь и запер ее за собой. Вошел в жилую часть дома, повесил куртку на вешалку, глубоко вдохнул застоявшийся прохладный воздух, и мне показалось, что я вообще не уезжал. Просто провел несколько часов в иной реальности. Только отражение моего лица в зеркале, слишком загорелое для поздней осени, возвращало воспоминания о другом городе.

Я постоял на пороге нашей с Хэл спальни, посмотрел на две кровати рядом и понял, что не хочу работать здесь. Не сегодня и не с этим трофеем.

Ступени лестницы, ведущей на чердак, с предвкушением поскрипывали под ногами. Дверь распахнулась бесшумно и так же без единого звука закрылась за спиной. Зеркало попыталось отразить меня, но мутная амальгама не справилась с этой задачей, однако охотно пропустила внутрь.

Пыльная тишина комнаты прошуршала под ногами сотнями засохших листьев и стеблей. Кто-то распотрошил все букеты и ровным слоем выстлал ими пол. Пуговицы наблюдали за каждым моим движением внимательными черными проколами глаз. Я сбросил с узкой кушетки наваленные на нее свитки и потрепанные листы бумаги с загнутыми

краями. Лег – и вытянулся на продавленном матрасе, глядя на свисающий с потолка белый скелет птицы с хищно загнутым клювом.

Когда я жил с Феликсом в этом доме, большую часть времени проводил здесь, в рабочем кабинете. Во сне. Я блуждал по пространству сновидений, узнавал его законы и хитрости, учился управлять им, находил тайные места, запретные для многих, и невероятные вещи. Старался понять обитателей этого нестабильного мира. Станных, опасных, сумасшедших...

Первые десятилетия я был вообще лишен нормальной жизни, находился годами в четырех стенах, выходя лишь чтобы поесть, позаниматься на тренажерах, иногда подышать воздухом во дворе. Потом появились редкие, опасные командировки по миру и очень нечастые поездки в Полис, тоже по работе.

Я стал орудием Феликса, которое он усердно, тщательно шлифовал, собственностью, ресурсы которой использовал по своему усмотрению...

Так продолжалось, пока меня не вышвырнуло в реальный мир. И мне пришлось заново учиться жить в нем.

Но то, на что я способен в сновидениях, по-прежнему недоступно многим. Лишь поэтому я решил сделать то, что делаю сейчас.

Погружение было очень быстрым. Я падал сквозь призрачные слои мира сновидений, словно ныряльщик, держащий в обеих руках тяжелый груз. Камень, взятый у дома Амины, тащил меня вниз, глубже и глубже. Пузыри оборванных мыслей взлетали на поверхность, а в ушах все еще звучал отзвук волшебного слова «вокруг». Затем его заглушил глухой стук моего сердца.

Картины сменялись в пестром водовороте.

Финиковые пальмы, серая земля, тень машины, призрак человека, который был тогда рядом со мной... Река. Широкая как море, полноводная, загибающаяся петлей анха – «ключа жизни», символа Нейлоса. Прямо на меня неся древний деревянный корабль. Солнечная ладья Ра. Серповидный корпус разрезал невидимую волну, гребные весла в веере капель сверкают на солнце, полосатый парус наполнен ветром. Из каменной пустоши выросли пирамиды – земное отражение звезд Ориона испускало ослепительное сияние, нестерпимое для глаз...

И все это рухнуло в бездну.

Серый дым, просочившись из щелей сновидения, заполнил собой все обозримое пространство.

Растаяли современные особняки Александрии, рассыпались в прах деревья, землю засыпало песком.

Теперь каждый шаг давался с трудом. Я задыхался и обливался потом.

Сон уплотнился, стал жестким и шершавым, как высохшая хлебная корка. Я продирался сквозь него, петлял, стараясь найти проход в потоке спрессованных видений.

Впереди показалась скала с прячущимся в ее сени храмом. Между колонн из грубо обтесанного песчаника клубились тени. Ступени, занесенные песком, вращались в землю.

Я добрался до здания через пару сотен лет, не меньше...

Приблизился к каменной площадке перед лестницей. Шагнул на плиты, плохо подогнанные друг к другу. И, зашатавшись под моими ногами, они рухнули вниз. С грохотом разламываясь на мелкие куски, скрежеща. Укладываясь по-новому.

Я приземлился достаточно мягко и поспешил отпрыгнуть в сторону. Камни, упавшие вместе со мной, сложились в новую лестницу, ведущую в черноту подземных глубин. Я стоял перед спуском во тьму. Надо мной взмывала арка из черного гранита. Два четырехгранных столба и перекладина, на которой было начертано знакомым резким и размашистым почерком: «Остановись! Ты ступаешь в царство смерти»...

– Спасибо, Феликс, – произнес я тихо. – Очень обнадеживающе.

Он, естественно, не ответил.

Глубины сна, простирающиеся за аркой, вздыхали и перешептывались давно забытыми голосами. Выплескивали на поверхность видения, которые не мог осознать мой разум с первого взгляда. Они пытались зацепить меня, но не могли ни испугать, ни насторожить.

Я сделал шаг вперед, прорывая собой черную границу между сном и еще более глубоким сном, приближенным к смерти. Трон крылатого Танатоса мелькнул передо мной в новом видении: на этот раз мое тело, стоящее у его подножия, оказалось погруженным в камень до колен. Побег маков оплетали голову, сок, капающий из цветов, падал на глаза, склеивая веки, и давал новое, еще более острое зрение. Остальные – все те, кого я видел здесь в прошлый раз, – уже рассыпались в прах. Толстый ковер корней вечной сныти глушил шаги, она тянула вверх десятки тысяч побегов, чтобы прорасти сквозь сон и вырваться на поверхность, к домам сновидящих. Зажечь на их порогах негасимые, живые костры...

Спертый воздух, наполненный горячим дыханием спящих, душил. Мириады видений кипящим потоком неслись прочь – и звали за собой. Забыться, провалиться в глубины древней памяти, окунуться во тьму...

Я сделал еще один шаг, разрывая густой морок. И еще один, двигаясь по едва уловимым ориентирам.

Я не искал возможность проникнуть в дом Амины из реальности. Мне

нужно попасть в него отсюда. Из глубин.

Обрыв... отвесная скала... дорога, усыпанная осколками камней, каждая грань сверкает острыми краями...

В полумраке, наполненном видениями и тенями, начал вырисовываться пик, пронзающий небо. Или то, что в этом перевернутом мире могло считаться небом. Я увидел все именно таким, как представлялось мне во время поездки по реальному Нейлосу. Серая громада с косыми щелями окон и оскаленными провалами дверей. Интуиция меня не подвела.

Однако стоило подойти ближе, к самой границе, истинный облик дома рассеялся.

В лицо ударил яркий солнечный свет. Запахи горячего известняка, пыли, травы в сухом воздухе дополнили привычную картину.

Сновидение пропускало меня, самого ставшего частью сна...

В высоком каменном заборе была пробита узкая калитка. Над древностью постройки насмехалась современная камера, чутко реагирующая на движение. Я остановился под ней, дал себя рассмотреть. Красный глазок сфокусировался на мне, затем щелкнул электронный замок, и дверь в царство мертвого дэймоса отворилась.

Я шагнул внутрь.

Пышный сад, которому умело придали вид дикого леса, благоухал розами и шелестел листьями пальм. Пока я шел к дому, насчитал не меньше десяти видов. Из-за деревьев чувствовалось дыхание реки. Нейлос медленно нес свои мутные воды между берегами, заросшими папирусом и тростником.

Несколько работающих фонтанов создавали радуги из воды и солнечного света. Охранники, вооруженные автоматами, сливались с густыми тенями, за стволами пальм слышалось приглушенное рычание псов, взятых на короткие поводки.

Девушка в бордовой абайе сметала листья, нападавшие у дорожки, ведущей к дверям особняка. Она не подняла покрытой головы, но я все равно ощутил на себе внимательный, колкий взгляд.

Я прошел по широким ступеням, обратив внимание на то, что в камень искусно вмонтирована рамка-металлоискатель.

Деревянная дверь, украшенная богатой резьбой, распахнулась. На пороге стоял слуга в белой одежде. Он поклонился мне и сделал приглашающий жест.

Прохладный холл с зеркальными полами украшали мраморные статуи.

И у меня не возникло сомнений, что каждой из них не меньше пары тысячелетий.

Слуга провел меня через арку бокового прохода в зал с рядом высоких окон от пола до потолка – и все они были открыты. По терракотовой террасе неспешно гулял роскошный павлин, переливающийся на солнце, словно драгоценный камень. Бесконечно длинный хвост тянулся за ним по плитам.

Запах каких-то незнакомых благовоний струился из отверстий в стенах.

В центре помещения был лишь низкий кованый стол со столешницей из яшмы и два клине, вырезанных из такого же красноватого камня, испещренного прожилками. Никаких безделушек. Ни статуэток, ни ваз с цветами или фруктами, ни светильников. Только гладкий, холодный мрамор.

В высокой нише стояла скульптура, которая выглядела так, словно пролежала в воде десятков столетий. Камень был изъеден солью, складки длинного одеяния, облежавшего женскую фигуру, сточены, черты лица стерты. И все же природа не смогла полностью уничтожить красоту изваяния.

– Статуя Артемиды, – прозвучал у меня за спиной низкий женский голос. – Работа Праксителя. Подняли со дна моря у берегов Геллеспонта.

Я обернулся. Ко мне шла высокая стройная женщина в длинном одеянии. Пока она неспешно пересекала гостиную, я внимательно рассматривал ее. Движения грациозные, но немного скованные. Льняное платье до пола, широкие рукава по середину кисти. Темные, почти черные волосы завязаны античным узлом. Карие глаза красивой миндалевидной формы. Полные, рельефные губы с едва заметными морщинками в уголках. Ее портил лишь нос – тяжеловатый для узкого лица, он придавал женщине легкое сходство с антилопой ориксом.

Она говорила и держалась так, словно не было ничего необычного в появлении постороннего человека... сновидящего в этом доме.

– Отец купил ее у Александрийского музея за двести миллионов. – Она скользнула по мраморной фигуре равнодушным взглядом.

На койне дочь Сотера говорила идеально, но ее голос звучал глухо, резко, временами даже грубовато.

– Он интересовался скульптурой или историей? – спросил я, делая шаг ей навстречу, но женщина тут же отступила, не позволяя сокращать расстояние между нами.

– Ни тем, ни другим. Просто вкладывал деньги в подходящие

предметы искусства.

– А вы, госпожа Давлет, разделяете его незаинтересованность в культуре Полиса?

Она улыбнулась, подняла руку, машинально коснулась кончиками пальцев впадинки под ухом, и я отметил на точеной шее в этом месте бледно-желтое пятно недавно сошедшего синяка.

– Мы были похожи во многом, а во многом наши взгляды расходились.

Судя по всему, Амина не хуже меня умела вести диалоги с многоуровневым подтекстом. Несколько мгновений мы смотрели в глаза друг другу, а затем я первым отвел взгляд, дав ей возможность почувствовать, будто она выиграла в этом «поединке».

– Госпожа Давлет, меня зовут Аметил Орэй. Я хотел встретиться с вами, но об этой встрече мы так и не смогли договориться.

– Безусловно, – отозвалась дочь Сотера с легким смешком. – Иначе вас бы здесь не было. В этом доме. – Она выделала предпоследнее слово. – Как вам удалось проникнуть сюда?

Она не подала мне руки и не позволяла приблизиться к ней даже на полшага. Это получалось у нее весьма естественно и непринужденно. Неискушенный визитер не заметил бы ничего необычного, посчитав ее хитрые маневры всего лишь привычным поведением женщины, воспитанной в особой культурной среде. Где считается неприличным подходить близко к мужчине и, тем более, касаться его.

– Долгим и сложным путем.

Ее не удивил мой ответ, больше того, она выглядела довольной моей откровенностью.

– Тогда какова истинная цель вашего визита?

– Хотел познакомиться с последней из Птолемеев.

И снова в моих словах не было ни капли лжи.

Амина блеснула темными глазами:

– Ваше любопытство удовлетворено?

– Частично. А ваше?

Ее смех прозвучал тихо и сдавленно, как будто она пыталась загасить в себе любую нотку веселья.

– Аметил...

– Просто Мэтт.

– Хорошо. Мэтт. – Ее улыбка стала немного радушнее. – Прошу, садитесь.

Она указала на резную каменную скамью. Опустилась напротив.

Ворот ее платья, прошитый золотой нитью, чуть сдвинулся, и там, где

он касался кожи, я заметил тонкую полоску, натертую металлической вышивкой.

Теперь нас разделял стол из яшмы.

– Можете называть меня Амина, – произнесла женщина благосклонно.

Ей определенно пришлась по вкусу моя манера общения.

– Амина, вы знаете, что на одном из островов Полиса сохранена гробница Птолемеев? Вы не хотели бы перевезти туда останки вашего отца?

– Я думала об этом. Но мой отец не любил Полис.

– Почему?

– У него были на это свои причины. Но вы спрашивали про мое любопытство. – Она подалась вперед, впервые за время знакомства сокращая расстояние между нами. – Нет. Оно не удовлетворено.

Я заметил, как ноздри ее дрогнули.

– ...Кто ты?

– Сейчас, пожалуй, путешественник.

– Александрия не лучшее место для туризма. Опасное. Жестокое... – Амина вновь прикоснулась к шее под ухом, я разглядел на ее запястье тонкий рисунок, нанесенный хной. Какой-то сложный узор.

– Знаю. Но это не уменьшает ее привлекательности для меня.

Мы могли еще долго перекидываться вежливо-обтекаемыми фразами, притворяясь, изучая, рассматривая друг друга.

– Я знал вашего отца. Вернее, знал его недостаточно долго. К сожалению.

Приятная улыбка исчезла с лица Амины, игра закончилась.

– Я не уничтожила тебя сразу только потому, что еще никто не проникал в мой дом через мир снов, – произнесла она властно. – Мне действительно любопытно, кто ты такой.

Жестом, знакомым любому дэймосу, я поднял руки, показывая ей открытые ладони, и едва ее взгляд задержался на них, мои кисти обтянули перчатки. «Ни на что не претендую, ни к чему не прикасаюсь».

– Значит, ты дэймос, – произнесла она с жесткой усмешкой. – Кто бы мог подумать?! Твои невинные глаза могут ввести в заблуждение кого угодно.

Потолок над головой ушел вверх. Круглые лампы превратились в мутные рыбы глаза.

– Если бы мы были похожи на убийц и маньяков, госпожа Амина, нас бы переловили, не успели бы мы выйти из дома.

– Но ты замаскировался слишком хорошо. Настолько, что тебя не

опознают даже свои. Может быть, это не прикрытие, а твоя основная суть?

– Ты знаешь, что такое перековка?

– Знаю. – Она скрестила руки на груди, и я заметил, как кончики ее пальцев отбивают на предплечьях легкую, нервную дробь.

– Не уверен. Иначе ты бы четко представляла, что я не могу вернуться к прежней жизни.

Амина молчала. Внимательно рассматривая меня. Настроение ее изменилось. Вместо ироничной снисходительности всколыхнулось резкое недовольство и нечто похожее на тревогу.

– Ты не понимаешь, с кем затеял игру, – сказала она тихо.

Да, я пока не представлял, кто передвигает фишки на этом поле, но мне бы очень хотелось узнать. И если задать правильное направление, Амина выведет меня в нужную сторону.

Мне всегда нравились опасные противостояния, в которых нужно получить от партнера как можно больше информации, действий, услуг, затратив минимальное количество собственных ресурсов. Как говорил Феликс, лучше спрашивать, чем отвечать, и обвинять, чем оправдываться.

– Я вижу, ты проверяешь меня, – продолжила женщина. – Пытался приблизиться, прикоснуться, смотрел, как яотреагирую...

Если бы я был крадущим, танатосом или мороком, она бы не общалась со мной так. Пятьдесят лет назад в моей работе требовалась поддержка Феликса, который хватал жертву, пока я отвлекал ее на краткое время. Теперь в одиночку я мог овладеть вниманием любого человека или сновидящего полностью.

Она молчала. Я видел, как хочется Амине быть откровеннее со мной. Осторожность ее подтаивала с каждой минутой моего ненавязчивого влияния. Я понравился ей.

– Ты морок?

– Искуситель.

Дочь Лонгина прикрыла глаза с ироничной усмешкой.

– Я могла бы догадаться и раньше. Редкий дар. Кто тебя учил?

– Тенебрис Мелисса, – произнес я без малейших колебаний. – Она сейчас в тюрьме для дэймосов.

В этом тоже было свое искусство – чередовать маленький фрагмент лжи со щедрой порцией правды.

– А ты вышел.

– Я согласился на перековку. Она – нет.

Амина уже знакомым мне жестом прикоснулась к шее под ухом.

– Он бьет тебя? – спросил я с мягким участием.

Она сузила глаза, глядя на меня с недоумением.

– Твой муж, – пояснил я.

Дочь дэймоса рассмеялась, запрокинув голову, весело, беззаботно, безудержно. Ничего общего с ее реальным придушенным смехом.

– Ты просто неподражаем в своих предположениях, – произнесла она наконец, отдышавшись. – Конечно нет. Он никогда не посмеет поднять на меня руку.

– Тогда кто оставил синяк на твоей шее?

Улыбка стерлась с ее губ, взгляд стал цепким и продирающим, словно колючая проволока.

– Я могу вернуть его, – сказала она с прежней жесткостью. – ...Твой дар.

Я усмехнулся недоверчиво, хотя ее слова порядком удивили меня.

– До меня доходили слухи, что можно вылечить покалеченных, заблокированных, истощенных дэймосов. Но исцелить перекованного...

– Для меня это реально.

Значит, умения Лонгина перешли к ней.

Позже у меня будет возможность разобраться с тем, умеют ли все насылающие болезни отменять последствия перековки или только воспитанные в Александрии, рожденные в семье темных сновидящих во многих поколениях... Сейчас это не имело значения.

– Если ты способна исцелять дэймосов, почему не помогла своему отцу?

– Мне не удалось.

Раз Амина может устранить последствия перековки, означает ли это, что она сильнее Тайгера? А Нестор, заточивший Лонгина Сотера, был сильнее Амины? Интересная вырисовывается цепочка.

– Я застал его последние минуты жизни. Он говорил странные вещи.

– Например? – спросила она с жадным любопытством.

– Называл себя богом.

По губам женщины вновь скользнула улыбка.

– А он не говорил, кто заточил его?

– Нет.

– Как ты проник в его мир?

– Ко мне в руки попал трофей. – Я коснулся своего уха, и ее темные глаза сузились. – Мне принес его один сновидящий. Тайгер. Тебе знакомо это имя?

– Знакомо, – процедила Амина.

– Попросил проверить. Я оказался в рассыпающемся мире снов и

встретил там Лонгина.

– Тайгер настолько доверяет тебе, что дает подобные поручения?

– Он долго проверял меня. И убедился в моей полной покорности.

Жгучие глаза Амины не отпускали мой взгляд.

– Откуда мне знать, что главный охотник Полиса не следит сейчас за тобой и за мной. Откуда мне знать, что это не ловушка?

Я широко развел руки, словно приглашая ее в мои объятия.

– Проверь.

Ламия улыбнулась, а я ощутил настойчивое, неприятное прикосновение. Как будто кто-то провел по моему лицу чем-то холодным и липким. Тот же клейкий невидимый язык заполз под рубашку, ткнулся в шею и присосался к виску.

Она была очень внимательна и осторожна. Опытна и безжалостна. Я знал это, когда позволял ощупывать свое подсознание. Поэтому показывал только то, что дэймос должна была увидеть. Лицо Тайгера, мою боль и страх...

Сканирование продолжалось целую вечность, как мне показалось, и когда она выпустила меня, я ощущал слабую дезориентацию, а ламия чуть хмурилась.

– Брима Кора, – произнесла она задумчиво. – Я помню ее. Смутно.

– Она тоже надеялась на исцеление?

– Все на это рассчитывают. Но то был безнадежный случай. – Амина облизала губы, и от прикосновения ее быстрого языка они стали еще ярче. – А ты силен.

– Был. – Мой голос прозвучал глухо и устало.

– Даже сейчас, перекованный, ты умеешь то, на что многие мои слуги не способны. Но когда ты станешь собой прежним, все вернется.

Амина наслаждалась моим недоверием и пробуждающейся надеждой. Отчаянным желанием дэймоса получить прежнюю силу.

Никто из темных сновидящих не мог даже представить, что перекованный может не хотеть стать прежним. Вновь обрести власть над спящими, купаться во вседозволенности, подчинять и упиваться этим...

Я смотрел на Амину, почти не видя ее улыбающихся чувственных губ, насмешливых морщинок у глаз, проникающего взгляда, и думал. А действительно ли я так не хочу этого? Представилось на миг – если бы можно было все вернуть, вырезать те годы, когда я был лишен своих истинных возможностей... Я, правда, не желаю этого? Или все же где-то в глубине души шевельнулось острое и болезненное ожидание невозможного?

– Что ты хочешь взамен, брима Амина?

– Верного служения. – Она снова улыбнулась, показывая, что понимает, как напыщенно звучат ее слова. – Ты готов на это?

– Служения тебе? Или какой-то великой, далекой, непостижимой цели? Что я должен делать?

– Искушать, – ответила она, и я понял, что больше ничего не узнаю. – Так ты готов?

– Если ты сможешь исцелить меня.

– Безусловно. – Ламия поднялась и подошла вплотную ко мне. Я почувствовал все нюансы запаха ее благовоний. – Либо наша сделка состоится, либо ты умрешь.

– Когда ты планируешь начать?

– Сейчас. Если ты хочешь этого.

– Хочу.

– Будет больно.

Она опустила руку мне на плечо, и меня пронзило мгновенное, глубочайшее сожаление. Теперь можно было не притворяться хотя бы перед самим собой. Мой укрощенный, выжженный дэймос рвался на волю.

Я накрыл ладонь Амины своей ладонью, крепко сжал. Ее пальцы были обжигающе холодными, словно я держал ломкие сосульки, которые, прежде чем растаять, выморозят мою руку до костей.

– Не бойся, – шепнула она, мягко освободилась и, легко прикоснувшись к моей груди (еще один укол холода), заставила опуститься обратно на скамью. Села рядом, касаясь бедром моего бедра, и я почувствовал – оно такое же холодное, как и руки.

Ламия наклонилась надо мной. Так близко, что ее черты расплывались перед глазами.

– Сейчас ты как выжженная земля, – прошептала она, обдавая меня горячим дыханием, вырывающимся из ледяных губ. – Обугленная, сплавившаяся от жара. Мертвая. Глупые люди считают, что на ней ничего не взойдет. Но они забывают, на пепле растут самые лучшие виноградники. Я помогу росткам пробиться из глубины.

Я вдруг увидел черную спекшуюся корку грунта, тянущуюся до самого горизонта, потрескавшуюся и вздыбленную потеками лавы. В язвах кратеров, где когда-то кипел жидкий огонь, теперь навалены булыжники и ветер выдувает из каверн мелкий песок.

Но под этой мертвой землей кипела жизнь, готовая взломать крепкий панцирь, стягивающий ее, – и вырваться на поверхность. Пробиться сквозь трещины жадными ростками, оплести камни цепкими корнями,

раскрошить гранит в труху и подняться над пепелищем, хищно раскинувшись во все стороны.

Я невольно мотнул головой, пытаясь избавиться от неожиданного видения, Амина тихо рассмеялась и запустила пальцы в мои волосы.

– Тот, кто перековывал тебя, думал, что выжег из тебя дэймоса навсегда. Однако твой темный сновидящий жив. Ты ведь чувствуешь его?

Я не смог ответить. Ладонь женщины лежала на моем солнечном сплетении, и мне казалось, что этот обломок льда медленно тает, а в мое тело просачивается холодная вода. Та самая, которая должна пробудить сожженного дэймоса. И ламия не солгала – это действительно было больно. Примерно так же, как бесконечно медленно отрывать бинт, присохший к ране. Я ощущал в груди зазубренный ледяной осколок, проникающий внутрь все глубже. И отключиться оказалось очень сложно. Я старался задвинуть боль как можно дальше, пока она не поглотила меня, не подчинила полностью.

Амина была предельно сосредоточенна и не замечала, что пациент, всецело покорный чужой воле, незаметно просачивается в ее подсознание. Слишком много усилий требовалось ламии, чтобы разбить тюрьму, куда был заточен пепел моего дэймоса. Она не ощущала моего пристального внимания. Мир снов дочери Лонгина приоткрылся передо мной.

То, что я успел заметить, показалось мне очень странным – не развалины, не гробницы, не могильники, всего лишь пыльный перекресток. Сотни дорог – разбитых, выложенных мрамором, дешевой плиткой, усыпанные битым щебнем, просто вытоптанные в земле. Две колеи, между которых поднималась жесткая щетка высохшей травы, старая болотная гать, тонущая в черной жиже, стертые ступени, уходящие под землю, и даже строительные плиты, наваленные одна на другую, образуя крутую, обрывистую лестницу, ведущую куда-то вверх, к призрачному карнизу высотного здания. Этот путь отчего-то представлялся мне самым привлекательным, но я не мог сейчас пойти по нему, просто запомнил направление. На обочинах качал тернистыми головами высохший под палящим солнцем репейник, топорщились иглами белые колючки.

В центре перекрестка был вбит серый от времени столб, на нем болтался выгоревший обрывок материи, когда-то красной. И больше ничего.

Но главное, все эти дороги – пути к спящим людям и дэймосам.

Еще одно незаметное усилие, и я начал вытягивать тонкие ниточки следов, ведущих от ее мира снов к другим.

– Не сопротивляйся, – прозвучал над ухом ободряющий шепот Амины,

и меня безжалостно вышвырнуло прямо в объятия ламии и вернувшейся боли. – Ты должен довериться мне.

Лед растаял, тело женщины, прижимавшейся ко мне, пылало от нестерпимого жара, а может быть, мои синапсы обманывали меня, принимая холод за тепло.

– Пробуждение всегда болезненно, – шептала она, и горячее дыхание, втекающее в мое тело вместе с ее словами, становилось также невыносимо.

Я поднял руку, вцепился в плечо Амины для того, чтобы сбросить с себя ее обжигающую тяжесть, но вместо этого крепче прижал. Тот миг, когда боль превращается в удовольствие, а незаметное противостояние своей и чужой воли становится агрессивным поединком. Я все глубже впивался в мир снов ламии, так же как она вгрызалась в мое подсознание. В какой-то миг мне показалось, что мы сплелись так крепко, что уже ничто не сможет нас разъединить. Клетка ламии, только построенная не из наших тел, а из мыслей, чувств, воспоминаний, желаний. Я наматывал на кулак пути, ведущие из ее мира в другие миры, она выцарапывала из моей глубинной сути дэймоса. И мы оба зависли в этом поединке.

А потом вдруг что-то произошло. За пределами сна и в его пределах.

Жар исчез, и холод тоже....Кто-то бесцеремонно оттолкнул от меня Амину, грубо обрывая невидимые цепи, связавшие нас. Я рванулся за ней, пытаюсь удержать, она закричала, хотела схватиться за мою протянутую руку, чтобы остаться рядом. Но не смогла. Меня вышвырнуло из сна. Через все слои навывлет.

Я очнулся. Обрыв был таким внезапным, что понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где я нахожусь.

Как долго я отсутствовал в реальности? Час? Два?

Тело пробивала дрожь, как будто меня только что вынули из морозилки. Одежда была мокрой от пота... или растаявшего льда. Я все еще лежал на старом матрасе на чердаке своего дома и пытался отключиться от недавнего видения. Над головой покачивался, крутясь по собственной оси, скелет птицы с растопыренными костями крыльев, сквозняк, словно огромный пес, лежал под дверью и, сунув нос в щель, жалобно скулил и сопел.

Она не смогла... Что-то в этом доме выдернуло меня из сна и швырнуло прочь. Надежный сторож, вечный неспящий Аргус.

Я отбросил камень, и он загремел где-то у дальней стены. Ударил кулаком по спинке дивана, из швов вылетело облачко трухи и осело на моем потном лице. С ненавистью осмотрел захламленное помещение.

Потом сел, запустил пальцы в растрепанные волосы, с силой потянул, пытаюсь унять кипящие в душе разочарование и злость. Кое-что у меня все-таки есть – пути из мира ламии четко зафиксировались в сознании. Я сумею пройти по ним... когда немного успокоюсь.

А вот Амина не последует за мной по тому же пути. Этого не сделает никто. Она не найдет меня для того, чтобы продолжить исцеление. Я же – не буду рисковать и возвращаться.

Я выпрямился, провел руками по лицу, стирая с него последние следы сожаления, поднялся и вышел из комнаты.

Глава 12

Морфей

Хэл появилась внезапно. Как всегда. Хлопнула калитка, простучали по замерзшей земле ботинки на толстой подошве.

Она быстро вошла в дом и столкнулась со мной, идущим ей навстречу. Порывисто обняла. Под слоем холодной одежды я чувствовал жар ее тела, слышал стук часто колотящегося сердца. В тугих завитках волос таяли редкие крупинки снега. Потом вдруг она резко отстранилась, схватила меня за плечи и внимательно всмотрелась в лицо, словно могла прочесть на нем отголосок смертельного воздействия Александрии. Ничего не увидела, выдохнула, улыбнулась и крепко прижалась губами к моим губам.

Поцелуй был наполнен свежестью мятного леденца, прохладой поздней осени и далекой пряной горечью кофе. Но я не успел в полной мере насладиться им, Хэл отстранилась, потерлась носом о воротник моей рубашки.

- От тебя пахнет жарой и песком, а еще дымом от сторовшего сандала.
- Запахи Александрии.
- Я волновалась.
- Знаю.

В ее серых глазах вновь мелькнула тень тревоги. Увидела изменения во мне? Ощутила отголосок разбуженного дэймоса? Нет, это невозможно. Как бы чутко Хэл ни была настроена на меня, ни услышать, ни почувствовать ничего опасного и запретного она не могла...

Мы сидели на кухне за столом друг напротив друга. Ученица не торопила меня, хотя я видел, как ей не терпится узнать, что произошло в Александрии. Я хотел ей рассказать обо всем, поделиться своими размышлениями, но что-то останавливало меня. И я сам не мог понять, что именно. Наконец она задала наводящий вопрос, издав далеко подводя меня к интересующей ее теме:

- Как там?

– Беспокойно. Впрочем, в Александрии всегда было именно так. Локальные столкновения, погромы и поджоги. Но теперь это грозит разрастись до гигантских масштабов. И последствия, я так предполагаю, в скором времени могут обрушиться на Полис. Мало нам экологической катастрофы в Бэйцзине...

Хэл молча, жадно слушала. Но я прервался, услышав стук калитки.

– Я посмотрю, кто там. – Она решительно поднялась и вышла в коридор.

Вернулась ученица через пару минут.

– Это тебе. Курьер привез. – Озадаченная Хэл передала мне пакет.

В маленькой коробке лежала пуговица – простая, серая, гладкая. Под ней обнаружилась записка. Несколько слов, распечатанных на принтере.

«Дорогой Аметист, я не мастер по созданию снов, но этот тебя должен заинтересовать. Сделай одолжение, посмотри на досуге». Подпись внизу «Морфей». И постскриптум: «Если возникли опасения – тебе ничего не грозит. Клянусь Фобетором».

– Это он?! – Хэл выхватила из моих рук послание. – Морок?! Он знает твой адрес?!

Я смотрел на пуговицу, она смотрела на меня двумя крошечными зрачками отверстий.

– Какая наглость! Какое самомнение!.. – Хэл не хватало слов от возмущения. – Дай сюда! Я сожгу эту дрянь в камине. Нет, перешлю Тайгеру. Пусть прижмет этого гада!

Я не реагировал на ее негодование, моя гурия замолчала, а потом сказала очень тихо и очень яростно:

– Даже не думай! Не смей, слышишь?!

– Хэл...

– Тебя чуть не убили.

– Он клянется Фобетором, это не пустые слова для него. Он не вломился в мое подсознание, прислал ключ для входа в свой сон.

– Я не играю в эти ваши игры дэймосов!!

Еще никогда я не видел ее в таком неистовстве. Самая гневная из эриний могла позавидовать ей.

– Хэл, не надо указывать мне.

– В прошлый раз ты отобрал пуговицу у меня. Не вынуждай меня делать то же самое с тобой!

Я усмехнулся невольно.

– Ну попробуй.

– Да, ты прав, – произнесла она нежным, шелковым голосом. – У меня не получится. Но Тайгер, я уверена, справится.

– Ты не расскажешь ему! – Теперь была моя очередь злиться.

– Как только ты войдешь в этот сон.

Мы стояли лицом к лицу, и ни один не желал уступить.

– Ладно. Сообщи Тайгеру. – Я подбросил пуговицу на ладони и крепко

сжал в кулаке. – Можешь сделать это прямо сейчас. Хочешь, чтобы меня снова заперли?

– Не надо шантажировать меня твоим прошлым!

– Не надо шантажировать меня моим настоящим!

Еще минуту мы мерились силой и яростью взглядов и наконец разошлись молча. Она загрохотала чемоданом для рисования в гостиной, я направился в нашу спальню, но, как и в прошлый раз, остановился на пороге. Посмотрел на две кровати, прикрытые шерстяными пледами. Развернулся и пошел наверх. Тщательно запер за собой дверь.

Отсюда меня не сможет достать даже Тайгер.

Я взглянул на трофей, лежащий в ладони, с любопытством и нетерпением. Что такого произошло, если хитрый, неуловимый дэймос сам приглашает на встречу?

«Имя мне коварство...» – пробормотал я, опускаясь на диван.

Лег, подумав рассеянно, что нужно принести сюда подушку, и провалился в сон.

...Я стоял на краю титанической воронки, прорезанной в земле, откуда поднимался горячий воздух, наполненный густым смрадом. Слышались сглаженные расстоянием крики.

В первом широком кольце бушевала буря. Она швыряла из стороны в сторону человеческие тела, раздирала на части, разбрасывая внутренности, закручивала винтом, обрывая конечности, сталкивала друг с другом с такой силой, что у несчастных лопалась кожа и ломались кости. Хруст, скрежет, треск сменялись воем ветра и дикими воплями.

Во втором кольце гнили погруженные в бурлящую жижу люди, по ним бродила черная трехголовая тварь. Она наклонялась время от времени и выхватывала из грязи то одну, то другую жертву, лениво жевала, из пастей падали окровавленные ошметки.

Потом было болото, в котором тонули сотни новых жертв. Они пытались выбраться, лезли друг по другу, впились зубами и ногтями, но снова срывались в трясину.

Открытые могилы, наполненные огнем, исторгали новые вопли и стоны.

Дождь из жидкого пламени насквозь прожигал обнаженные тела. Собирался в ручьи, омывая ступни людей, воющих от боли. Хлестал плечи, головы, ноги жертв, погруженных в скалы, испепелял обугленные бесформенные останки.

Еще глубже – захлебывались в кипящей смоле, жарились в свинцовых одеждах...

Бесконечный водоворот страданий, порождение безумного, извращенного сознания. В какой-то миг я понял, что меня затягивает в него. Я испытывал нестерпимый жар и холод одновременно, тонул, задыхался, меня разрывало на части, выкручивало от боли, ломало кости и вжимало в землю когтями, полосующими спину. Спираль за спиралью, круг за кругом...

Я рванулся прочь из сна, не досмотрев, что скрывается на самом дне, в клубах ледяного воздуха, за гранью рассыпающегося разума.

Проснулся, задыхаясь от чужой боли, отчаяния, ужаса. Сердце колотилось о ребра, по лицу тек пот... или соленая вода океана, в которую я... нет, другие погружались только что. Отдышался, как будто едва поднялся с огромной глубины.

– Прошу прощения, – прозвучал рядом вкрадчивый, знакомый до зубной боли голос. – Не хотел огорчать.

Я резко вскинулся на диване. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и жадно смотрел на меня.

– Морок!

Нежданный гость поднял руки, словно защищаясь от меня, выставил вперед ладони, растопылив пальцы, и я разглядел, что он в перчатках. Дэймос желал мирных переговоров.

– Поговорим?

– Что это?

– Наказание, – произнес он с легкой извиняющейся интонацией, прекрасно поняв, о чем я его спрашиваю. – За вину... Как я его себе представляю.

– Чью вину?

– Человеческую. За проступки, которые люди совершают.

– И кто будет наказывать?

Он многозначительно улыбнулся.

– Тот, кто имеет на это право, тимор... прости, целер, Аметист...

Дэймос отвечал охотно и быстро, всячески демонстрировал стремление удовлетворить мое любопытство, но мои вопросы все равно оставались без ответов. Эта беседа напоминала чистку редкого, экзотического плода – сначала срезать верхний слой, затем лежащий под ним, потом самый нижний. Но сколько движений ножом надо сделать, и как глубоко резать, чтобы добраться до съедобной мякоти, никто не знает.

Лучше начать с более простых тем.

– Как ты узнал мой адрес?

– Из подсознания нашего милого Никоса. Подробный план с картой и

впечатляющими картинками.

– Где ты находишься в реальности?

– Далеко. – Он улыбнулся загадочно. – Хотя, что есть расстояние... может быть для тебя, ти... извини, целер, оно и окажется не таким уж большим.

Он постоянно делал вид, что забывает вежливое обращение ко мне, целителю, намекая, ошибаясь, внедряя в мой разум воспоминание о моей истинной сущности.

– Чего тебе надо?

Он поднялся. Медленно. Так, чтобы я мог отследить каждое его движение. Присел на край моего дивана.

– Хочу сделать предложение. О сотрудничестве.

Ему удалось удивить меня. И насмешить тоже.

– Сотрудничество. С тобой.

– За последнее время мы стали достаточно близки. Ты был в моем сне... Я готов признать, что хорошо изучил тебя.

– После того, как пытался убить меня.

– Это недоразумение мы попытаемся исправить. Феристису Альбиносу очень нужна гурия. Но он готов отказаться от своих притязаний на время.

– Чего ты хочешь?

– Уничтожить своих врагов. наших общих врагов.

Я молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– У меня сложная задача, тимор... – он сделал паузу, делая вид, будто вновь ошибся случайно, обращаясь ко мне как к искусителю, – прошу прощения, целер Аметист. Я слуга двух господ. Один господин истинный. Другой – ложный.

Морок помолчал, но не дождался от меня наводящего вопроса и вынужден был раскрывать свои секреты сам.

– С феристисом Альбиносом ты знаком. А другой... – Он запнулся, и я увидел, что морок нервничает. И это не игра, он действительно боялся. – Я говорю здесь с тобой, Аметист, только потому, что это убежище уникально. Оно дает тебе силы и надежно защищает.

– Кто второй дэймос, которому ты служишь?

– Логос, – ответил Морфей тихо.

– Темный сновидящий по имени Логос мертв, – возразил я. – Кровоизлияние. И мне довелось быть тому свидетелем.

– Значит, ты уже столкнулся с этим... – пробормотал слуга Альбиноса, черты лица его заострились, словно он хотел поменять облик, но передумал.

в последний миг. – Быстро, однако. Ты перспективнее, чем я думал. Фобетор видит, как жаль, что ты перекован!

– Ближе к делу... Морфей.

Он заметил, что меня сердит имя, ворованное у бога сновидений, и чуть улыбнулся.

– Можешь называть меня Мар. Это настоящее.

– Продолжай.

– Они все Логосы, Аметист.

– Они?

– Я не знаю, сколько их. Не знаю, где их гнездо. Но они везде. Просачиваются в сны подобно... – Он посмотрел на свою ладонь, затянутую в перчатку, пошевелил пальцами: – ...дыханию, аромату маковых зерен. У них сотни рук, как у великанов гекатонхейров. И признаюсь, я одна из этих рук...

– Ты боишься, Мар?

– Ты бы тоже боялся, если бы вел двойную игру.

– Ну так оставь Альбиноса. Это обычная тактика дэймосов – бросать слабого хозяина ради более сильного.

– Я бы так и сделал. Но я им не нужен! Никто из нас им не нужен на самом деле. Мы для них – перегной, на котором они желают вырастить свои посевы. Запрягут танатосов, как быков царя Колхиды, вспашут поле из крадущих снов, мороков, ламий и засеют зубы дракона. Своего дракона.

– Очень поэтично.

– Это реальность, Аметист. А я хочу жить. Привык, знаешь ли. За... много лет.

– Ты должен общаться с кем-то из них.

– Да. С одним. Я держу связь через него.

– И кто это?

– Акамонт. Лекарь дэймосов.

– После того как Хэл позвонила ему, нас затянуло в сон. В твой сон. Мы встретили Альбиноса. Не Логоса, не Акамонта.

– Я уже говорил, что веду опасную игру, Аметист. Тебе повезло, что я постоянно слежу за тобой. Я должен был доставить тебя к Акамонту, и твою девочку тоже. Я должен отправлять туда всех, кто связывается с ним. Все эти покалеченные ламносы, увечные крадущие, заблокированные бримы. – Он брезгливо поморщился. – Гумус. Они копаются в этом гнилье и для каждого находят применение.

Он помолчал, растирая ладонь, словно пытался оттереть с перчатки невидимые следы грязи.

– Но феристису Альбиносу очень нужна гурия. И я рискнул. Запутал след. Привел тебя к нему, а не к Акаманту. А потом ты сделал этот трюк. И, признаюсь, очень выручил не только себя, но и спас мою шкуру. Я не знал, что ты обладаешь способностью выжигать все следы, оставленные во сне, все приказы, все крючки. Так что формально я чист. Мне помешали выполнить приказ. Едва не убили.

– Альбинос знает об этой игре?

– Да.

– Зачем ему гурия?

– Он считает, что это единственная возможность справиться с Логосом. Ему нужен весь комплект дэймосов.

– Для чего?

– Я не спрашиваю. Просто выполняю приказы. Если феристису Альбиносу будет угодно, он посвятит меня во все детали плана, если нет, на то его воля. – Он погасил фанатично-преданный огонь в глазах и продолжил деловым тоном: – Сейчас в мире существует три искусителя. Ты – бывший. Хэлена – будущая. И тенебрис Мелисса – настоящая.

– Мелисса в тюрьме.

– Если бы она вышла оттуда, то присоединилась бы к нам. А твоей ученице не грозила бы больше опасность. Кстати, как долго тебе обучать Хэлену умениям гурии?

– Полгода, – ответил я не задумываясь и посмотрел на морока, так легко вырвавшего у меня ответ.

Тот ухмылялся довольно. Он знал гораздо больше, чем говорил, и более того, говорил совсем не то, что знал.

– Ты убил борца?

– Да.

– Напал на Никоса?

– Да.

– Зачем?

– Я одна из их рук, ты не забыл? Они подготавливают почву. Меняют ваш мир. Ты следишь за новостями? Перестрелка в центре Полиса, экспресс, сошедший с рельс, молодые люди травятся лекарствами, умирают во сне. На Стене какие-то проблемы. Беспорядки и фактически начинающаяся гражданская война в Александрии. Проблемы в Бэйцзине...

– Да. Я знаю об этом.

– Сколько времени продержится Полис, когда дикие орды подступят к его стенам и начнут умолять впустить их, накормить, обогреть, дать жилье и денег? И как быстро они уничтожат твой... наш народ, когда окажутся

внутри? Разграбят автоматы с бесплатной едой и напитками, начнут угонять машины с автонавигаторами, потому что в них нет водителей с оружием. Полезут в дома, чтобы красть, и станут калечить или убивать тех, кто им мешает. Начнут насиловать красивых, свободных женщин и, конечно же, уничтожать их мужчин, которые станут сопротивляться.

Я молчал, потому что мысли, которые внушал мне морок, не слишком отличались от моих собственных. А он потянулся ко мне, хотел коснуться руки в жесте участия и поддержки, но не решился дотронуться – или сделал вид, что не решается.

– Я не говорю, что они плохие. Но их воспитали в зависти и злобе. Поэтому ими надо управлять. И не так, как привыкли вы. Потому что вы не знаете их. Управлять ими надо страхом. – Морок выпрямился, замер, как на картине, предлагая полюбоваться собой – виртуозным мастером по созданию кошмаров. – И чувством вины. – Его палец в черной перчатке указал на меня. – Ничто не дисциплинирует лучше этих двух составляющих. Страх и вина.

– Еще есть смерть, – сказал я задумчиво.

Он махнул рукой, сгребая это слово в одну корзину со всеми остальными плодами сада дэймосов.

– Это тоже страх.

– Так почему ты обратился ко мне?

– Ты искуситель. Ты лучший.

– Был искусителем и был лучшим, ты хочешь сказать.

– Слушай. – Он пересел ближе, скривился, вытер ладонью губы, словно пытаюсь убрать с них горечь. – Аметист, только между нами. У феристиса Альбиноса свой взгляд, но я сталкивался с тобой очень близко... Эти обе – что Мелисса, что Хэлена. Нет, твоя девочка очень мила, и все такое, но она пока еще ничто и никто. Личинка, спящая куколка. Да и здравствующая ныне гурия... – Он с силой потер лоб над бровью. – Пойми меня правильно, я люблю женщин. Они умеют соблазнять....Но этого недостаточно. Они зациклены на себе, поглощают, втягивают. Меленькие черные звездочки, засасывающие крошечные астероиды. Курочки, склевывающие зернышки. В них нет силы, энергии, разрушительной мощи. Ты убивал с фантазией, крушил подсознания со страстью, заставлял жертву упиваться болью и собственным ничтожеством, и в то же время мечтать о новом унижении, – он сглотнул с трудом, словно переживая сам чувства, которые приписывал моим жертвам. – Если дать тебе развернуться, ты заставишь падать к своим ногам целые города... Страны. Утопишь их в боли вечной неискупимой вины за их порочные действия, желания и –

более того —...мысли.

Я смотрел на него, ошеломленный этой эмоциональной речью.

— Мар, ты не слишком увлекся? Я больше не дэймос.

Он выдохнул, сжал спинку своего тонкого носа, словно проверяя ее на прочность.

— Все течет, все меняется... Ты нам нужен, а мы нужны тебе. Без нас ты не справишься. Тебе нужна помощь феристиса Альбиноса... Моя.

— Не думаю.

— Обижен, — морок заглянул в мои глаза, понимающе улыбнулся. — Злишься на мое вмешательство. Но все же подумай. Я не прошу ответа, решения, выбора. Просто подумай.

Он поднялся, прижал обе ладони к груди, поклонился и растаял.

Я вышел из сна следом за ним.

Все в моем рабочем кабинете казалось притихшим, замершим, настороженным. Или это всего лишь отражение моего настроения. Предчувствия, что я совсем близко от очень важного открытия. И дело совсем не в моей исключительности...

Сейф открылся, реагируя на скан сетчатки моего глаза. Я положил пуговицу на дно надежного ящика, в то место, где совсем недавно лежал трофей, срезанный с головы Лонгина. Закрыв дверцу, надежно запер ее и повесил на прежнее место картину. Спящие люди, покоящиеся в толще воды... Мысли снова вернулись к сну, навеянному мороком. Воронка, полная огня, крови, грязи и боли. Я знаю, чего они хотят, я должен это знать, наверняка в прошлом, будучи дэймосом, я желал того же, просто не осознавал до конца... И теперь мне нужно всего лишь вспомнить.

Я вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и начал спускаться по лестнице. Ступени, по которым я шагал, вновь проассоциировались с витками чудовищной воронки. Вихрь, разбрасывающий тела... мощный, неукротимый, безжалостный.

Что-то очень знакомое.

Определенно, морок знал, что мне показывать. Если он хотел встряхнуть мое воображение, подстегнуть глубины памяти, ему это удалось.

Хэл сидела за столом и рисовала, склонив голову над листом бумаги.

К этому времени она уже должна была успокоиться. Я подошел к ней, опустил ладонь на обнаженную шею под волосами, провел пальцем по цепочке, которой раньше на ней не было, коснулся замка, но она дернула плечом, сбрасывая мою руку.

— Черные звездочки? — произнесла моя гурия с яростью. — Милая

девочка? Куколка?!

– Следишь за мной? – спросил я почти с нежностью. – Подслушиваешь?

– Ты сам научил меня незаметно входить в сон. – Хэл обернулась, со скрежетом двинув стул по полу. – А ты, значит, заставлял жертву упиваться своей болью? Этот... Мар! – Она выплюнула имя дэймоса с яростью и обидой, – ...говорил о тебе так, словно всю жизнь состоял в клубе твоих фанатов.

– Хэл...

– Почему ты отпустил его?

– Он будет ждать моего ответа. У меня осталась его пуговица.

– Надо отдать ее Тайгеру.

– Нет.

Она отодвинула руку, лежащую на листе бумаги, и я увидел, что она рисовала. Воронку, где умирали и не могли умереть люди. Очень детально, правдоподобно и ярко.

– Это все, что ты услышала из нашего разговора?

– Не только. Тебя пригласили в команду дэймосов, и ты не отказал. Собираешься продолжить общение, припрятал пуговицу, чтобы она случайно не попала в руки охотника...

– А это что? – я показал ей ее же цепочку, на которой висел серебряный римский орел. – Портал мгновенной связи? С Марком, как я понимаю.

Хэл схватилась за шею и обнаружила пропажу.

– Смотрю, в Александрии ты улучшил свои навыки.

– Пришлось.

Она ухватила за спинку стула, крепко сжала ее, глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

– Мэтт. Давай поговорим спокойно.

– Я спокоен.

Моя гурия поборолла искушение вспылить снова, задетая моим насмешливым тоном.

– Вот и хорошо. Значит, адекватно воспримешь мои слова.

Я сел на диван, закинул ногу на ногу и приготовился слушать доводы, которые приведет мне ученица.

– Ты же знаешь, что нельзя вести никаких дел с дэймосами. Ты учил меня – они действуют только в личных интересах, никогда не говорят правды. Всей правды... Тебя используют и выбросят...

Она горячо говорила что-то еще, а я смотрел на нее, думая о своем.

Амина – Акамант? Когда говорили о лекаре дэймосов, имели в виду ее? Вряд ли все эти изувеченные ламии и крадущие знали, кто именно будет исцелять их. Не станет наследница повелителей Александрии мараить руки, вытаскивая из безумия старуху, или рисковать... Их много, сказал морок. Не логос. Логосы... еще никогда я не слышал, чтобы дэймосы, объединяясь, действовали сообща. И это не организация «Сфинкс», за которой охотился Феликс, там все было подчинено одному танатосу, который управлял остальными, бросал на смерть или разменивал на другие фигуры. Это нечто иное. Мощное ядро, сплавленное единой целью. Амина – одна из них?

– Мэтт! – вырвал меня из размышлений голос Хэл.

Я поднял голову, отводя взгляд от цепочки, звенья которой перебирал машинально. Металлический орел враждебно и насмешливо косил на меня желтым глазом. Я посмотрел на девушку, стоящую передо мной. Тонкая талия, красивые ноги, грудь, туго обтянутая кофточкой. Она была лишней в этой старой, полутемной гостиной. Как стройное дерево, проросшее сквозь крышу древнего рассыпающегося здания. Давнее, назойливое воспоминание укололо меня, как шип терна.

– Ты сказала, что вокзал был закрыт.

– Что? – она удивленно распахнула серые глаза, не понимая, о чем я.

– Ты говорила, что приехала поздно ночью и вокзал был закрыт.

Поэтому ты пошла бродить по городу.

– Ну да, – моя гурия нахмурилась. – И что?

– Вокзал не закрывается, Хэл. Он всегда открыт. Круглосуточно.

– Но...

Я вскинул руку, не давая сбить себя с мысли.

– Почему ты не пошла в освещенный центр города? Там гостиницы, ночные кафе. Почему ты не вызвала такси, в конце концов?

– Я не... – она невольно отступила передо мной, быстро вскочившим с дивана.

– Почему ты не позвонила своим друзьям? Зачем пошла в самый темный и пустой район? Кто тебя отправил в мой дом, Хэл?

Она наткнулась на стол и вынуждена была остановиться.

– Мэтт...

– Кто тебя подослал ко мне?

В ее глазах мелькнуло смятение... страх, о котором недавно так красиво говорил морок.

– Я приехала сама. Меня никто не посылал. Я помню, что захотела сама...

Я крепко взял ее за руку, наверное сжал сильнее чем нужно, потому что моя гурия поморщилась от боли, но вырываться не стала. Моя гурия... или не моя? И не была моей никогда?

– Ты говорила, тебе снился мой дом.

– Да. Говорила. Но теперь не уверена. Тогда мне показалось, я правда видела его во сне. Мэтт, послушай... Я не обманываю. Так все и было. Закрытый вокзал, единственно возможный путь через темную аллею...

Она оправдывалась, потому что чувствовала вину передо мной, хотя не знала, в чем провинилась. Опять эта проклятая вина! Я оттолкнул Хэл, и она, сделав шаг назад, не удержалась на ногах, упала на диван.

– Ну проверь меня! – воскликнула моя ученица с болью. – Пойдем вместе в мой сон.

– Один раз ты уже заманила меня там в ловушку, помнишь?

– Я не хотела! Я тогда не могла управлять собой. Геспер просматривал мое подсознание. Он сказал, я не нуждаюсь в контроле.

Я швырнул ей на колени медальон.

– Может, пусть он тебя проверит.

Хэл посмотрела на меня так, словно не верила, что я могу произносить все эти несправедливые, обвиняющие слова.

Мою голову пронзило вдруг ледяной спицей. Острой, длинной и тонкой. Она неспешно проворачивалась где-то в затылке, пытаюсь выйти через левый глаз. Я рухнул на диван рядом с Хэленой и прижал ладони к закрытым векам. Так что под ними поплыли багровые пятна.

Он жив... мой дэймос. Амина разбудила его. Не до конца. Но он рвется с привязи. Морок появился очень вовремя. Учужал запах свежей крови на шкуре моего тимора, когда тот продирался на поверхность сквозь трещины в опаленной земле. У меня перехватило дыхание, как будто я стоял на краю воронки Мара и смотрел в пропасть под ногами. Я могу вернуть прежнюю силу. Защитить всех, кто мне дорог. Остановить бездну, угрожающую моему городу...

Теплые руки легли поверх моих, горячий шепот в самое ухо начал плавить холодный шип в голове.

– Мэтт, я никогда не обманывала тебя. Я хотела уйти, когда поняла, что у тебя могут быть проблемы из-за меня.

«А потом вернулась... и весьма страстно доказала свое желание остаться», – едва слышно прошелестела тень моего дэймоса, искушая произнести это вслух.

– Не знаю, из какой реальности ты шла ко мне, – сказал я. – И кто тебя отправил, но я рад, что ты здесь.

Она отвела мои руки от лица и заставила посмотреть на себя. Серьезная, немного обеспокоенная. Серая радужка разрисована более светлым рисунком, напоминающим острые стрелки кристаллов, неожиданно рыжий волосок в темной брови, тонкий нос с несколькими бледными, почти смытыми веснушками...

– Мэтт, ты хорошо себя чувствуешь?

– Не ведись на мои манипуляции в следующий раз. Не оправдывайся. Не показывай, что тебя ранят мои слова.

Я надел на ее шею цепочку и наощупь застегнул замок.

Достал свой коммуникатор, выбрал номер, который стал первым в списке после того, как меня перековали.

– Тайгер? Ко мне приходил морок. Морфей. Тот самый. Предлагал сотрудничество. Я планирую согласиться.

Я говорил, глядя на Хэл, и видел, как ее горячая поддержка сменяется новым всплеском беспокойства от моего очередного безумства.

– Мне нужно знать, что именно они затевают.

Охотник слушал молча, в какой-то миг мне показалось, что я говорю с пустотой и она втягивает каждое мое слово и распыляет на атомы, превращая в частицу себя. Таковую же безликую и бесформенную.

– Хочу понять, что происходит.

– Приезжай ко мне, – отозвалась пустота на той стороне глубоким голосом Тайгера. – Поговорим.

Произнеся последний приказ, он отсоединился.

Я посмотрел на Хэл, она с не меньшим недоумением – на меня.

– Я могу поехать с тобой? – осторожно спросила ученица.

– После того как ты проникла в мой сон без разрешения, даже странно, что спрашиваешь его сейчас.

Она небрежно отмахнулась от моего сарказма.

– Так ты не против?

– Не думаю, что это удачная идея, – сдержанно заметил я.

– Но почему? – настойчиво повторила она.

– Полагаю, Тайгер не будет в восторге.

– Тогда подожду тебя где-нибудь на вокзале. В твоём любимом кафе, например. – Хэл улыбнулась, успокоенная моим ровным тоном. – Я вызову нам такси.

Она вышла.

А я откинулся на спинку дивана, положив руки под голову. Надо было подумать, желательно в тишине и одиночестве... хотя бы в тишине. Но я подозревал, что еще не скоро обрету роскошь уединения в безмолвии.

Глава 13

Языком смерти

Сначала вернулся вкус – во рту по-прежнему ощущался металлический оттенок крови, затем обоняние – вонь помойки стала слабее, но не пропала до конца, потом пришло ощущение собственного тела. И только затем Антэй открыл глаза.

Снова.

Вокруг в блеклом свете угасающего дня возвышались громоздкие предметы мебели, завешенные тканью. Та шевелилась, словно из-под тряпок пытались выбраться суетливые мелкие существа. Пыльная люстра растопырила зазубренные лапы. Из трещины в стене свисали белые корни...

Сам он лежал на чем-то мягком, удобном, а над ним склонялся тот самый человек, о котором его спрашивали только что... или, наоборот, очень давно.

– Я умер?

– А я похож на Сераписа?

Грязная физиономия со светлыми глазами и длинными космами, свисающими на лоб, ничем не напоминала бога, отвечающего за блаженство после смерти. Антэй ощупал шею, на ней не было ни крови, ни даже царапины. Голова гудела. Над ухом наливалась пульсирующей болью здоровая шишка.

– Что произошло?

– Что ты помнишь?

Антэй напряг память, которая ответила фейерверком обрывочных картинок. Рябь перед глазами, мутная духота, увесистая палка с крюком на конце взлетает в воздух, чтобы опуститься...

– Атака дэймоса... Ты ударил меня.

– Мера предосторожности. Чтобы ты не навредил себе, ну и мне. А потом?

Подвал... стул в пятне света, как на сцене, вопросы из темноты...

– Меня допрашивали. И кажется пытали... Это что, был сон?!

– Типа того. – Сновидящий выглядел очень довольным. Чрезвычайно довольным. – Он пытался вытянуть из тебя информацию обо мне. Но не смог. Ты готов был перерезать себе горло, лишь бы не выдать меня.

– Я перерезал себе горло, Мусорщик, – уточнил Антэй, приподнимаясь на локтях.

– Ну да, – поспешил согласиться тот, явно не желая обесценивать его поступок. – Для тебя все стало реальностью.

– Это сработала твоя защита или...

– Это была твоя воля, Антэй, – ответил он все с тем же удовольствием. – Еще никогда я не встречал человека с таким мощным внутренним стержнем... Ну и конечно моя защита тоже имела место быть, – добавил сновидящий без ложной скромности. – Я стабилизировал и укрепил твою психическую сопротивляемость воздействию дэймоса.

Пытаясь собрать разбегающиеся мысли, серфер еще раз огляделся. Комната с остатками былой роскоши вызвала странные ассоциации и смутные воспоминания. Огромное мутное зеркало в тяжелой резной раме ничего не отражало. Окна занавешены длинными шторами. В линиях потолка и колонн, подпирающих свод, чудится нечто античное.

– Что это?

– Безопасное место. Пока безопасное....Мое подсознание. Или, как его обычно называют, мир моих снов. – Мусорщик пошевелился, всколыхнув облако пыли, частично осевшей на его грязную хламиду, частично на самого Антэя.

– Похоже на склад старых вещей. Не хочешь разобраться здесь?

– Вряд ли, – сновидящий улыбнулся и опустил руку на плечо озадаченного собеседника. – А теперь послушай меня... Сейчас тебе ничего не грозит. Но атака повторится....Не сразу. И все же на тебя вновь попытаются влиять. Дэймос считал тебя обычным тусовочным идиотом, прыгающим за деньги на потеху толпе. Сунулся в твоё подсознание и внезапно обнаружил там мощный блок, который не смог пробить. Случайным людям такую защиту не ставят. Теперь он возьмет небольшую паузу, чтобы разработать стратегию.

– И ты можешь предположить, какую? – Антэй сел, больше не ощущая ни боли, ни усталости. Надо признать, он вообще отлично себя чувствовал.

– Дэймос очень ценит, любит и бережет одну-единственную вещь. Себя самого. И каким бы великим он себя ни считал, всегда допускает, что может столкнуться с кем-нибудь еще более могущественным. И проиграть в схватке. Он не полезет сразу в твой сон, опасаясь нападения. Вдруг тебя охраняет сильный мастер снов. А может, еще более сильный бич сновидений.

Мусорщик поднялся, подошел к зеркалу и принялся рассматривать смутные тени, блуждающие в нем. А затем добавил:

– Поэтому сейчас он больше всего заинтересован в том, чтобы захватить твое реальное тело, если уж с твоим телом сновидения ему не удалось справиться.

– Подожди, – Антэй почти физически почувствовал, как мысли жалят изнутри его голову. – Если они хотят поймать меня в реальном мире, зачем повторять психические атаки? Да, я помню эту фишку, ты говорил, что дэймос никогда не отпускает свою жертву, но ведь это риск для него...

– Он будет наносить мгновенные, булавочные уколы, не оставляя следа, за который можно ухватиться. Их довольно для того, чтобы ослабить тебя, дезориентировать, заставить сделать ошибку, но недостаточно для нашей полноценной атаки.

– Ну... – Антэй слабо улыбнулся, глядя в спину Мусорщика, не отрывающего взгляда от зеркала. – Это слегка успокаивает.

– Ты не должен спать. Во сне ты станешь абсолютно уязвим.

– Дэймосы умеют через подсознание определять местоположение людей?

– Далеко не все.

Вина и сожаление снова обожгли лицо Антэя горячей волной.

– Если бы я не принес эти часы...

– Если бы ты не принес их, я бы не увидел много полезного.

– Чего, например?

– Образы, Антэй, образы. – Сновидящий обернулся, отвлекаясь от зеркала. – Время истекает... Ты не сможешь пробыть здесь вечно. Скоро придется проснуться. Помнишь последнее, о чем мы говорили в реальности?

– До того, как ты огрел меня палкой? – усмехнулся серфер. – Помню.

– Сейчас в Александрии есть один человек. Он тоже сновидящий. Найди его. Поговори с ним.

– Где он?

– В Центральном госпитале. Он поможет тебе.

– Как я его узнаю?

– Он сам тебя узнает.

– Имя?

– Тебе не нужно имя.

По тону Мусорщика стало ясно, что с вопросами пора заканчивать.

– Понял....Ну, я готов.

– Это мы сейчас решим. – Мусорщик опустил руку на голову серфера, как часто делал в детстве, когда хотел успокоить, и произнес: – Просыпайся. Пора.

И Антэй проснулся...

Кольцо из медной проволоки впивалось в палец, шишка на голове увеличилась, казалось, вчетверо, горло забила мелкая труха, слух терзали резкие голоса, звучащие очень близко, в бок уткнулось нечто жесткое, спина затекла от неудобного скрюченного положения.

Антэй хотел развернуться, но его плечо крепко сжали, запрещая шуметь. Он узнал руки Мусорщика и через мгновение понял, что тот скорчился рядом. Спина и бок ощущали медленно тянущую живое тепло прохладу камня, пальцы скользнули по шершавому песчанику, а затем наткнулись на деревянные доски.

Они находились в каменной нише, выдолбленной в стене и задвинутой грудой ящиков.

– Еще раз повторяю, – произнес совсем близко раздраженный до предела мужской голос. – Ты видел этого парня? Сюда смотри. Сюда, говорю!!

В ответ прозвучало невнятное громкое мычание и хныканье.

– Оставь его, – включился в странную беседу второй голос. Скучающий и равнодушный. – Видишь же – идиот. Слова сказать не может.

– Все они тут идиоты! Или прикидываются... Куда пополз? – Приглушенный звук удара сменился жалобным нытьем. – Он должен быть здесь. У меня четкая установка.

– Собираешься перекапывать всю свалку в поисках одного белого? Тебе года не хватит и гарнизона солдат.

– Он скрывается где-то недалеко.

– Тут его точно нет. Слишком близко к городу. А ты хочешь подхватить какую-нибудь заразу, копаясь в этом дерьме?

Секундная пауза сменилась решительным:

– Ладно. Идем. Продолжим завтра.

Еще один удар, затем новая череда плаксиво-ноющих завываний. Грохот, с каким падает на пол тяжелый предмет, дробное постукивание мелких рассыпающихся вещей.

Шаги постепенно удалялись, пока не смолкли совсем. Затем ящики с той стороны начали сдвигать, в дыру заглянул оборванный старик с обритой головой и свежим кровоподтеком на лбу.

– Убрались, – сказал он абсолютно внятным голосом. – Можете выходить.

– Спасибо, Горус, – отозвался Мусорщик, ловко выбираясь из укрытия.

– Они вернутся. Не знаю, чем ты им не угодил, – крыса ткнул

заскорузлым пальцем с черным ногтем в серфера. – Но они прицепились к тебе как парша к собаке.

Антэй быстро огляделся. Едва освещенная серым, дрожащим и дергающимся светом ветхого допотопного генератора комната забита коробками с продранными боками, из которых торчат обрывки разноцветных тканей. На затертом земляном полу раскиданы катушки с нитками. По сравнению с обычными лачугами свалки эта выглядела очень прилично.

– Тебе надо уходить, Антэй, – сказал Мусорщик.

– А ты?

– Я смогу о себе позаботиться. Я знаю здесь каждый угол, каждую нору. Свалка – мой дом. Мой, а не твой. Ты должен уйти.

– Нет, я не могу бросить тебя!

– Хорошо, объясню проще. Ты стал для меня серьезной помехой. Я должен постоянно наблюдать за тобой. Заботиться, уводить от преследователей, договариваться с людьми. Мне сейчас не до тебя. У меня есть другие дела. Уходи, и закончим с этим.

Антэй почувствовал неловкость, переходящую в приступ стыда. Из-за него рискуют все эти люди и Мусорщик в первую очередь.

– Извини. Я понимаю.

– Твоя цель – добраться до нужного места. И не засыпать.

Крыса проковылял к груде коробок, порылся в ней, достал аккуратно сложенную одежду. В его черных корявых руках она казалась нереально белой.

– Надевай, – буркнул Горус, многозначительно кивнул Мусорщику и вышел из комнаты.

– Представляю, как буду рассекать по этой помойке в дишдаше, – усмехнулся Антэй, но начал раздеваться. – Ты один тащил меня сюда?

– Мне помогли, – уклончиво отозвался сновидящий и вытащил из-за пояса своего одеяния пластиковую карточку водительских прав. – Держи. На всякий случай.

– Откуда взял?

Хотя можно было и не спрашивать, крысы вытащили из чьего-нибудь кармана вместе с кошельком.

– Теперь ты Хеп Бурхан, – продолжил Мусорщик.

– Хеп?^[12] – переспросил Антэй, рассматривая мутноватую фотографию, имеющую некоторое сходство с ним, особенно похожи были белая гутра с неизменным черным агалем. – Отлично. Не хватает только рогов и солнечного диска между ними.

Мусорщик тихо рассмеялся и позвал негромко:

– Семат!

Из соседней комнаты вышла женщина в полном никабе, с закрытым лицом и черными перчатками, обтягивающими кисти. Замерла неподвижно, держа обеими руками сумочку.

– Она проводит тебя. Мужчина со спутницей вызовет меньше подозрений. И вот, возьми, наличные.

– Слушай, у меня такое нехорошее предчувствие, что мы расстанемся очень надолго, – сказал Антэй, стараясь, чтобы его голос звучал бодро. – А может, и навсегда.

– Я рядом, – отозвался сновидящий, улыбнувшись мимолетно. – Ты знаешь. Расстояние в реальном мире не имеет значения.

Мусорщик протянул руку и крепко сжал его ладонь.

Женщина по имени Семат скользнула вперед и остановилась возле двери, терпеливо ожидая, пока они попрощаются.

– Иди. – Сновидящий слегка оттолкнул Антэя. – Удачи.

– Тебе тоже, – ответил тот с непривычной тяжестью на сердце.

Развернулся и вышел в сопровождении молчаливой спутницы.

На свалку опускалась глухая ночь Александрии. В бледном зареве уже закатившегося за горизонт солнца еще можно было рассмотреть узкую дорожку, проложенную в мусоре, ряд ободранных лачуг, липнувших друг к другу. На небе загорались звезды. Кое-где мелькали робкие огоньки, пробивающиеся из неплотно занавешенных окон. Район старьевщиков и скупщиков краденого. Почти элита помойки.

Слышался близкий гул города, к которому примыкал этот участок. Лай собак, рычание автомобилей, голоса...

Антэй знал несколько выходов отсюда, но Семат вела его каким-то новым, неизвестным путем. Узкими переходами, под полуосыпавшимися арками, через заброшенные комнаты домов с провалившимися крышами.

Иногда мимо шныряли быстрые силуэты местных жителей, выбирающихся на охоту или, наоборот, возвращающихся с удачного дела.

Антэй почувствовал давление на уши, словно он ушел на небольшую глубину. На секунду сбилось дыхание. Мусорщик был прав – неведомый дэймос продолжает наносить мгновенные, болезненные уколы, рассчитывая, что хотя бы один попадет в цель. Неприятное ощущение быстро пропало, однако Антэй не расслаблялся, ожидая скорого продолжения.

Женщина шуршала рядом своим длинным одеянием, почти неразличимая в темноте. Напоминающая немного духа, живущего вдали от

людей. Сходство усилилось, когда, перебираясь через груды кирпича, он хотел поддержать ее, но та шарахнулась от его протянутой руки. Больше серфер не пытался предложить помощь.

«Они знают о дэймосах, – подумал Антэй. – Это особенность присутствия здесь создателей кошмаров. Не прикасаться к постороннему человеку, не слышать чужого голоса...не видеть лишнего. Чтобы не было ничего, за что можно зацепиться и выдать себя, или своего родственника. Меньше контактов – меньше шансов, что дэймос пойдет по следу в подсознание близкого и причинит ему вред».

Однако как бы люди ни сторонились друг друга и ни пытались спрятаться в коконе своей одежды, это не помогало защититься от нападений.

«Вся наша культура построена исключительно на том, как лучше скрыться от бича сновидений, – в который уже раз сказал сам себе Антэй. – Жилища за высоченными заборами, общая скрытность, костюмы, прячущие тело. Чем так прятаться от дэймосов – лучше переловить их всех и жить нормально».

Впереди показалась новая арка. За ней виднелась улица, слабо освещенная фонарями. Чуть менее замусоренная, чем задворки, по которым они прошли.

Перед тем как покинуть свалку, Семат остановилась, расстегнула сумочку, вынула старый мобильный телефон, нажала на кнопку вызова, подождала несколько секунд и прервала сигнал.

Через недолгое время послышался шум работающего двигателя, напротив арки остановилась машина. Такси с помятым крылом.

Антэй подошел к автомобилю, не без труда открыл заднюю дверцу. Опустился на потертое сиденье. Семат села с другой стороны.

Водитель, здоровенный, широкоплечий, чем-то напоминающий Трифона, едва помещался за рулем маленькой «айраты». На коротко стриженном затылке виднелся глубокий шрам, светлой полосой разделяющий черные волосы. Такие следы остаются от удара скимитаром^[13]. Антэй не исключал вероятности, что Мусорщик лечил и этого человека, как многих других на свалке и в прилегающих окрестностях.

– Центральный госпиталь, – сказал серфер, водитель молча утопил в пол педаль газа, машина плавно тронулась с места.

Они петляли по темным переулкам не меньше часа. Часть домов стояли заброшенные, с выбитыми окнами и провалами дверей. Эти здания пустовали уже лет десять после одного из вооруженных налетов. Сам

Антэй не видел, но старшие друзья расписывали в красках настоящую бойню, устроенную бандой Аль-Кулаба с одной стороны и полицией агломерации – с другой. Боевиков перестреляли, часть стражей порядка тоже полегли, а район так и остался нежилым. Иногда по ночам в глубине темных помещений мелькали бледные огоньки. Поговаривали о кровожадных призраках, поселившихся на развалинах. Но понятно было, что это бездомные нищие, искавшие приюта.

В Александрии много таких заброшенных мест. Мусорщик говорил, что подобные язвы на теле городе показывают его неблагополучие. Антэй поймал себя на мыслях о сновидящем и с усилием прогнал воспоминание о нем.

Свалка осталась далеко позади.

Еще пара кварталов – и людей на улицах прибавилось. Распахнулись двери всех кальянных. Из уличных едален потянуло запахом кеббе и пресных лепешек, печенных на огне. Над дорогой, забитой автомобилями и мопедами, повисли облака выхлопных газов, то и дело раздавались громкие гудки, чтобы отпугнуть пешеходов, лезущих под колеса. Лотки с фруктами, подсвеченные электрическими лампочками на длинных проводах, сменялись мешками разноцветных специй и риса...

Ночь Александрии, такая же черная и непроглядная, как пролитые чернила, текла с низкого неба и заполняла собой город.

Водитель сбросил скорость, перестраиваясь, чтобы свернуть на боковую улицу, и тут Антэя накрыло. Голова не болела больше, и не мелькали пятна перед глазами. Что-то странное стало происходить с миром вокруг.

Спелые плоды, выложенные на прилавки, превратились в горы гнили, дома стали медленно разрушаться, камни падали с фасадов и разбивались на мостовой. Даже приличный отель на краю площади Ауса выглядел треснувшим от фундамента до крыши, а сквозь дыры в окнах сочилась какая-то черная, липкая дрянь.

Пальмы, растущие вдоль улицы, рассыпались в труху, луну в небе тоже перекосило. Пряный аромат дыма сменился аммиачной вонью.

Антэй понимал, что это всего лишь игра его разума, атакованного дэймосом, но выносить до предела правдоподобные галлюцинации становилось все труднее. Потянуло в сон. Захотелось откинуть голову на спинку, подремать хотя бы несколько минут или просто закрыть глаза. Именно то, чего делать было нельзя ни в коем случае. Жестом, давно вошедшим в привычку, серфер поднес руку ко рту, впился в кольцо зубами, чувствуя как проминается под резцами мягкий металл. Стало чуть легче.

Боль в челюсти и вкус крови, теперь уже его собственной, прогнали сонливость. Но в реальности по-прежнему все было плохо.

По тротуарам ковыляли, ползли, брели живые трупы, тени, скелеты. В окно машины заглянула полуразложившаяся морда – и оскалила обломки зубов. Шрам на голове водителя разошелся, оттуда начали выползать извивающиеся белесые черви. Они ползли по спинке кресла, падали на колени Антэя с жирными шлепками.

Серфер прикрыл глаза, чтобы не видеть этого.

Но стало лишь хуже.

Волной накатили звуки.

Визг, хлюпанье, заунывные стоны, а фоном в этой какофонии звучал сладкий, нежный голос без слов, обещающий покой и забвение. В красной пустоте перед опущенными веками закружил черный водоворот. В него потянуло с неудержимой силой. Но Антэй тряхнул головой, впился пальцами в собственное колено, обтянутое белой тканью, сбрасывая очередное наваждение, и вновь заставил себя смотреть на искаженную реальность.

Женщина, сидящая рядом, показалась ему горой лениво колышущегося желе под черной тканью. Оно поползло во все стороны, заполняя собой салон, и грозило задушить тяжелой, воняющий жирным потом массой.

Антэй ничего не предпринимал, чувствуя, как пот заливает глаза. И поспешил отвести взгляд от глубокого рва, разодравшего полотно дороги. Туда только что скатилась машина, едущая перед ними. С очень правдоподобным грохотом, звоном и огненным взрывом.

...Следующий час Антэй изо всех сил старался не реагировать на приступы диких видений. Перегруженный мозг протестовал, предлагая то впасть в полную прострацию, то удариться в панику. И бороться с этим становилось все тяжелее.

Когда машина нашла место на переполненной стоянке возле пятиэтажного бетонного здания – то раздулось гигантским мыльным пузырем и лопнуло, засыпав всю дорогу осколками. Но едва замороченный пассажир выбрался на улицу, галлюцинации прекратились. Картинки, загруженные в его разум, закончились. Повеяло жаром нагретого за день асфальта, выхлопами автомобилей и сладким, тягучим ароматом жасмина, растущего под окнами больницы.

Лишь на миг показалось, будто он стоит на доске, которая несется по гигантской волне, скрученной из обломков, вывернутых булыжников, раздробленных автомобилей, а на него летят капли из разбитого,

расплавленного стекла.

Затем сдвинувшийся мир встал на место. Наркотический бред развеялся. Вместо него накатила оглушающая реальность.

Госпиталь был, как всегда, переполнен.

Перед центральным входом толпились люди. Больные, родственники больных, друзья родственников... Провезли каталку с окровавленным телом, накрытым простыней. Потом еще одну. Человек, лежащий на ней, был в сплюсненном мотоциклетном шлеме, вместо лица за разбитым стеклом – кровавое месиво. Антэй проводил взглядом жертву аварии, пытаясь понять – у него начался новый виток галлюцинаций или это обычная жизнь Александрии?

Серфер уже попадал сюда. В последний раз привез приятеля, ободравшегося о кораллы и получившего анафилактический шок. С тех пор тут ничего не изменилось. Пятиэтажное прямоугольное здание с широким подъездом и колоннами, поддерживающими портик. В этих строгих линиях угадывалось влияние Полиса. Декоративные ниши сохранили постаменты античных статуй, убранных оттуда уже очень давно. Белый мрамор мягко светился на фоне глухой ночи.

Семат шепнула что-то водителю и подошла к спутнику.

Антэй поднялся с ней вместе по неровным ступеням со сглаженными выемками от сотен тысяч ступавших здесь ног. Через распахнутые двери шагнул в просторный холл госпиталя, который заливал яркий свет.

Перед стойкой регистрации полная женщина прижимала к груди красную ошпаренную руку и стонала, раскачиваясь из стороны в сторону, за ее юбку с ревом цеплялись трое детей. Прохромал на костылях мужчина с загипсованной ногой. Полулежала в кресле прижимающая к лицу тряпку, залитую кровью, испуганная девушка. Около нее столпилось все семейство, беспокойно галдя и размахивая руками.

На Антэя и его спутницу не обращали внимания. Слишком много было здесь пострадавших, окруженных родственниками.

Два свободных стула нашлись недалеко от коридора, ведущего в другое крыло здания. Антэй сел, глядя на сигаретные окурки, вдавленные в землю массивной керамической вазы, которая стояла тут же. Ему порядком надоело фильтровать свои ощущения на предмет: не атака ли дэймоса начинающаяся резь в слипающихся веках или это от яркого белого света энергосберегающих ламп под потолком.

– Вы ко мне? – прозвучал рядом низкий уверенный голос, но вопроса в нем не было, скорее утверждение.

Антэй поднял голову. Напротив стоял врач в униформе, как и у всех

остальных медиков: зеленые брюки, рубашка. Волосы скрывала хирургическая шапка. Лицо закрыто повязкой. Видны лишь темные глаза, как будто очень знакомые, и широкие черные брови.

– Идем со мной, – велел он Антэю, властным жестом указал родственнику кого-то из больных, кинувшемуся у нему с расспросами, вернуться на место и ждать.

Серфер поднялся и пошел следом за человеком по коридорам, заполненным больными. Стены, покрытые серой штукатуркой, резко изгибались, следуя архитектурным особенностям здания. В одном из тупиков, скрытых от взглядов посторонних, располагалось несколько одинаковых дверей, облицованных черными пластиковыми панелями.

– Сюда, – врач остановился возле кабинета, открыл его, зажег свет, пропустил «пациента». И запер дверь снаружи.

Антэй огляделся. Помещение было небольшим, стены выкрашены белой краской, плитка стального цвета на полу. Кроме кушетки и стола, занимающего место возле окна, здесь стояло кресло с высокой спинкой.

В нем сидел человек.

С одного взгляда можно определить породистого пса или жеребца в благородных линиях столетнего отбора самых лучших качеств и признаков. Смуглое, волевое лицо, на котором необычно и странно смотрелись светлые, серо-голубые глаза. Прямой нос, крупный рот с рельефно очертанными губами, короткая черная щетина на чуть впалых щеках. Агрессивную выразительность этих черт сложно не узнать.

Потомок Салаха ад-Дина – завоевателя античного Египтоса.

Он был одет в стандартную зеленую униформу медицинского персонала. Свободные брюки и блузу, короткие рукава которой открывали мускулистые, смуглые руки, кисти с длинными, сильными пальцами могли принадлежать хирургу или скульптору.

Значит, это тот самый человек, к которому велел обратиться Мусорщик..?

– Как самочувствие? – спросил сновидящий, в свою очередь внимательно рассматривая Антэя.

– В меру.

– Галлюцинации, спутанность сознания?

– Были.

– Он воздействует на лобные доли твоего мозга. Отсюда искажение реальности, которое ты видишь.

– Можешь это остановить?

– Могу.

В их сотрудничестве было нечто символичное. Потомок тех, кто разрушил и завоевал Александрию, помогал тому, чьи предки возводили и укрепляли этот город.

– Сядь. Расслабься.

Он опустился на кушетку, пока сновидящий доставал что-то из ящика. И сейчас он был похож на обычного медика в своей зеленой униформе, который готовится к обычному обследованию обычного пациента.

– Те же симптомы бывают при опухоли мозга, – сказал он, рассматривая потомка Эвергетов с профессиональным интересом. – Раньше их нередко принимали за безумие.

– Ты охотник?

– Все вопросы потом. – Он без малейшего труда поднял массивное кресло, придвинул так, чтобы оно оказалось напротив пациента, сел и положил себе на колени медицинскую папку с прикрепленным к ней квадратным листом.

– Теперь смотри сюда.

Антэй перевел взгляд на бумагу. Любопытство смешивалось с недоумением и легким недоверием. Мастер сна начал делать набросок, карандаш в его пальцах скользил по белой поверхности с едва слышным шорохом. Из пустоты стали появляться очертания ладони, стискивающей человеческое сердце с оборванными кровеносными сосудами. Сначала изображение казалось очень правдоподобным, затем стало практически трехмерным благодаря мастерски наложенным теням. Несмотря на черно-белые штрихи, Антэй видел, что сердце багровое, судорожно сжатое...

– И в чем тут смысл? – спросил он, глянул на молчащего сновидящего и понял вдруг, что больше не находится в реальности.

Кабинет остался прежним, но его начала наводнять густая мгла, в которой слышались размеренные удары. За окном текли по стеклу быстрые красные струйки. Металлический запах стал резким, всепроникающим.

– Твое сердце, – прозвучал голос мастера снов, и стук, наполняющий комнату, участился.

Врач стоял, опираясь обеими руками о подоконник, и смотрел на красные потоки, льющиеся с той стороны.

– Что мое сердце? – спросил Антэй, чувствуя себя все более неудобно.

– Сейчас остановится.

Пульсация начала замедляться. Пока не прекратилась вовсе. В тишине еще слышался отдаленный глухой шум, но смолк и он. Кровь больше не текла по стеклу. Лишь редкие капли лениво стучали по металлическому козырьку.

Запахмеди заполнял собой весь кабинет. Тяжелый, густой...

– Теперь ты мертв. – Сновидящий обернулся и посмотрел на хмурое и сосредоточенное лицо Антея. – ... Мертв для создателя кошмаров, охотившегося на тебя. Если он сунется в твое подсознание, наткнется на глухую темноту – печальное свидетельство смерти жертвы.

– Ты не охотник. – Антэй поднялся с кушетки, невольно провел ладонью по боку.

– Нет, – согласился тот, неторопливо поворачиваясь к нему.

– Мне сказали, что мастер сна, к которому я приду, должен будет остановить дэймоса.

– Моя цель – защитить тебя. Вывести из-под удара. Больше ничего.

Антэй смотрел на него и понимал: сейчас происходит нечто незапланированное и непоправимое. То, над чем у него нет никакой власти.

– Значит, ты...

– Вдохновитель. Создаю то, чего нет.

– А что будете...

– Не называй имен, – прозвучал резкий приказ. – И не лезь в чужие игры. Ты не знаешь правил. Но даже если узнаешь, тебе не справиться.

Настоящих правил он не знал. Это так... Мусорщик старался особо не посвящать спасенного мальчишку в тонкости противостояния с дэймосами.

Из обрывков информации и реальных фактов периодически складывалась весьма тревожащая и неприятная картина целенаправленной охоты на мастеров сна.

Вот и сегодня, вернее, уже вчера. Часы с обрывком кожи мертвеца, маячок слежения в одежде...

«Я был нужен дэймосу для того, чтобы обнаружить Мусорщика, – подумал Антэй. – Атака на мое подсознание – возможность отыскать путь к нему... А если его уже обнаружили? Если он не смог скрыться?»

– Я должен знать, что происходит.

– Информация, которую ты передал, оказалась очень важна. Твою помощь и риск оценили, и теперь хотят оказать поддержку. Тебя отвезут в безопасное место. Это все, что тебе положено знать.

Антэй усмехнулся невольно, пытаясь представить, какое место в Александрии сейчас можно считать безопасным.

– Территория посольства Полиса, – сказал потомок Салаха, прекрасно видя его недоверие.

Это предложение заставило серфера внимательнее посмотреть на вдохновителя.

– Ты тоже работаешь на них?

– Я работаю с теми, кто предпочитает здравомыслие, – отозвался тот с высокомерной небрежностью. – И мирный путь развития агломерации.

Помолчал и счел возможным объяснить:

– Мой отец сотрудничал в Полисе. Я там учился. С десяти лет. Затем вернулся.

– Почему вернулся?

– Мне нравится Александрия и все привилегии, которые она дает.

Антэй прекрасно знал, о каких привилегиях идет речь. Роскошный дом с огромным бассейном, слуги, выполняющие любые желания, личный гараж с дорогими машинами...

Смуглое лицо вдохновителя, совсем не измененное сном, приобрело высокомерно-холодное выражение.

– Я не люблю Полис с его идеями равных возможностей для всех. И ценности любой жизни. Моя жизнь определенно ценнее, чем у нищего на свалке. Но я не собираюсь смотреть, как мой город раздирают бессмысленной войной и превращают в руины. Я хочу спокойно работать и получать оплату, достойную моих способностей.

Подобные взгляды были хорошо знакомы Антэю – тот слышал их не в первый раз.

– Он познакомился с тобой в Полисе?

Сновидящий прекрасно понял, кто такой этот «он», хотя имени Мусорщика не прозвучало.

– Да. Мне близки его цели, но не методы.

Серфер хотел спросить, чем того не устраивают методы целителя, но вдохновитель насторожился, прислушиваясь к чему-то, находящемуся за пределами слышимости, и сказал:

– Пора просыпаться.

Затем вновь обернулся к окну, не без труда повернул ручку и распахнул обе створки. В лицо ударил прохладный ветер, запах меди растворился в свежем утреннем бризе. И Антэй открыл глаза.

Белый потолок над кушеткой полосовали лампы дневного света. Серфер лежал, глядя на него. В голове была приятная пустота, словно кто-то открыл кран и слил из его разума разрушительные мысли и разъедающие сознание образы. Стало легче дышать, тело наполнилось прежней силой. Вернулись энергия и жажда действия. Антэй поднялся, потянулся, расправляя плечи, с которых исчез невидимый, тяжелый груз.

Мастер снов сидел в кресле, и, в отличие от пациента, его эффектное лицо выглядело помятым и осунувшимся, а поза усталой.

– Прием закончен, – сказал он глухо. – Ты здоров.
– Спасибо, – произнес Антэй искренне. – Я могу сделать что-то для тебя?

– Можешь. – Тот встал, провел ладонью по лбу, потер шею. – Сделай так, чтобы я больше тебя никогда не видел.

– Это несложно. – Серфер протянул руку на прощание, и сновидящий, помедлив, пожал ее.

Антэй вышел из кабинета, с усмешкой думая о том, что его белая физиономия, похоже, бесила саладина не меньше, чем злил самого потомка античных Эвергетов смуглый профиль завоевателя Александрии. Древняя генетическая память вызывала настороженность и недоверие. Хотя воспитание и разум научили обоих договариваться...

Семат сидела на том же месте. Казалось, она не пошевелилась все то время пока отсутствовал ее спутник. Так и застыла, сжимая в обеих руках сумочку. Увидев Антэя, поднялась и пошла к нему.

На них по-прежнему не обращали внимания. Только что доставили жертвы крупной аварии или очередного теракта. Коридоры уже были забиты каталками с ранеными, но везли все новые и новые. Бригады медиков торопились оказывать первую помощь, особо сильно пострадавших спешили отправить в операционные. Среди врачей Антэй заметил хирурга-сновидящего. Вдохновитель отдавал короткие распоряжения санитарам, быстро осматривая мальчишку-подростка с глубокой раной на голове. Своего недавнего пациента он не заметил.

Машина ожидала их на стоянке. Водитель курил, открыв окно, и Антэй понял по его резким жестам, что тот нервничает. Как только пассажиры заняли свои места сзади, торопливо выкинул окурок, завел мотор и поспешил быстрее покинуть освещенную парковку.

– Взорвали торговый центр в Набби, – прозвучал его напряженный голос сквозь гул мотора. – Сколько погибших, выясняют.

– Кто? – спросил Антэй.

– Пока не ясно. Говорят, лунниты.

Антэй чувствовал, как стремительно гаснет радость избавления от дэймоса. Александрия не давала забыть о кипевшей в ней ненависти, которую подогревали и умело разжигали.

Пилоны Гиперпетли вырастали из темноты за рядом небоскребов района гавани Клеопатры. Высотные здания, обрамленные полосами огней, смотрелись эффектно – однако простые белые очертания скоростного пути,

поднятого над землей, выглядели дорогой в иную реальность.

Подступы к порту были обнесены высокими заборами с колючей проволокой. На вышках, расставленных по периметру, стояла охрана. Машина свернула в направлении старого канала Нахраба. Когда-то по нему пускали корабли в гавань, но теперь он засыпан и закатан в асфальт. В память о древних судах остался лишь барельеф на одном из домов – узкая боевая галера с треугольным парусом и рядом весел по борту несется по закрученным гребням волн...

Еще полчаса езды – и они будут на месте.

Антэй снова подумал о Мусорщике.

Как он сейчас?

Если дэймос будет уверен, что серфер, случайно услышавший имена, которые не должен был слышать, мертв, оставит ли он попытки найти целителя? Для того чтобы обнаружить его, надо перекопать всю свалку. А это не так просто.

– Зачем вы помогаете? – спросил Антэй вслух. – Ведь при этом так рискуете сами...

Спутник молчащей женщины, носившей древнее имя Семат, взглянул на него через зеркало заднего обзора.

– Спроси у любого на свалке. И каждый скажет тебе одно. Мы уже мертвы. Гнием от болезней, подышаем как собаки, забитые дубинками полицейских. Ходим, дышим, говорим. Пока. Но это видимость. Мы все живые покойники. Так что лучше сделаем, что можем, чтобы помочь ему, кто спасает нас. Хоть умрем не зря.

Впереди показалась площадь, перегороженная посередине высоким бетонным забором. Ветер переносил с места на место по старым каменным плитам пыль и мелкий мусор, шелестел белыми обрывками бумаги.

Над воротами, прорезанными в стене, стояли две статуи. Вернее, издали они напоминали статуи, но чем больше сокращалось расстояние – тем понятнее становилось, что это охранные системы Полиса. Антэй видел боевых «Аресов» Содружества только по телевизору.

– Такое чувство, что они готовятся к войне.

– Они и готовятся, – произнес водитель, сбрасывая скорость.

Теперь машина еле ползла. И остановилась, не доезжая нескольких сотен метров до ворот. Дома окружающие площадь, смотрели темными окнами на одинокий автомобиль, пробирающийся к острову реального Полиса посреди кипучего моря Александрии. Постройки прошлого века с резным кружевом каменных балконов и плоскими крышами выглядели старыми из-за осыпающейся со стен штукатурки и потрескавшихся

балюстрад. Хотя на самом деле были довольно крепкими. Во всяком случае, гораздо надежнее элитных новостроек района Фердане, которые во время землетрясений рушились одна за другой.

Вдали над крышами серебряным мостом, уводящим в другой мир, возвышалась Гиперпетля. Напоминающая о нити Ариадны, выводящей из Лабиринта. Путь из Хаоса...

– Дальше тебе надо идти, – сказал мужчина, не оборачиваясь. – Машину не подпустят.

Антэй посмотрел на женщину, скрытую черной тканью.

– Спасибо, Семат.

Она не ответила. Лишь слегка наклонила голову.

Он открыл дверцу, выбрался из салона и направился вперед. Не торопясь, давая себя рассмотреть.

Роботы не двигались, но несомненно следили за ним.

Площадка перед въездом в посольство Полиса была завалена увесистыми булыжниками, гниющими фруктами и плакатами, втоптаннми в грязь. На когда-то белых листах – призывы и проклятия. Следы недавней демонстрации.

Боевые машины над стеной отпугнули толпу.

«Интересно, – подумал Антэй, перешагивая через обломки камней, – когда демонстрация силы перестанет сдерживать недовольных от желания ворваться за эти ворота?»

Как скоро булыжники сменятся бомбами?

Он остановился, снимая головной убор, принадлежащий чужой культуре, провел рукой по растрепанным светлым волосам, убирая длинные пряди со лба.

«Девять лет, которые Мусорщик одолжил мне, должны были закончиться сегодня. А он сделал так, чтобы я жил дальше».

Белый свет прожектора осветил одинокого человека, стоящего перед воротами. Сканирующий луч пробежал по телу, остановился на лице, фиксируя каждую черту. Внимательно изучил, сверяясь со своей базой данных.

Антэй понял вдруг, что, если его пропустят, дороги назад уже не будет. Он оставит своих друзей, свое прошлое, свою прежнюю жизнь за порогом.

И словно отвечая ему, послышался тихий шум электрического мотора. Тяжелые створки начали раздвигаться. Открылись на ширину, достаточную для того, чтобы мог пройти один человек.

Антэй оглянулся на тех, кто привез его. Но машины уже не было. Он еще раз окинул взглядом далекие небоскребы, огни которых расплывались

и дрожали в горячем воздухе пустыни, грязную улицу. Повернулся к ним спиной и пошел к открытым воротам. За которыми должна была начаться третья часть его жизни.

«Я не ухожу из дома, – подумал он, пересекая невидимую черту. – Я возвращаюсь домой».

Глава 14

Волна времени

«Если хочешь сделать нечто значительное, надо самому стать чем-то значимым».

Герард не помнил, где услышал эту фразу, вполне возможно, во сне – она пробилась на поверхность сознания и теперь упорно кружила в голове. Очень вероятно, это высказывание принадлежало Аяксу, уж он-то никогда не сомневался ни в собственной значимости, ни в величии своих свершений.

Однако обдумать занимательное предположение сейчас было невозможно. Мешала музыка. Она заполняла собой весь холл. Текла вверх по лестницам, шелестела возле дверей спален второго этажа и таяла в саду. Желтый электрический свет лился из распахнутой входной двери и широким ковром ложился на дорогу. В галерее шевелились тени снов – или живых людей, теперь уже разобрать было сложно. Слышался приглушенный смех.

Герард медленно шел по своему дому, держа в руке чашу, полную вина, и пытался не думать о работе. Хотя бы в этот вечер.

Оракулы праздновали Осенние дионисии. Праздник, посвященный дарителю провидческого экстаза, повелителю стихийных сил природы – богу Дионису, открывшему для людей виноделие.

На стеклянной сцене, окруженные струями ниспадающей и взлетающей к потолку воды, танцевали Бероя и Авра. Их тела в мокрых белых туниках казались обнаженными – тонкая ткань прилипла к коже, обрисовывая все линии. Тяжелые узлы медных волос искрились от мелких капель. Каждая из девушек держала над головой плоскую чашу, в которой извивались языки огня. Мышцы поднятых рук и гибких спин были напряжены, из-под босых ног разлетались сверкающие веера брызг и падали на пятерку восторженных зрителей, стоящих у высокого помоста. Девушки поднимались на цыпочки, поворачивались, изгибались, двигаясь плавно и стремительно, но ни на секунду не опуская чаши, наполненные огнем. Пламя и вода. Жар и холод. Пифии исполняли древний танец жизни, любви, страсти и стремления к свету.

На полу, рядом с помостом, тринадцатилетняя Эригона внимательно следила за движениями «жриц», пытаясь запомнить сложный танец. Рядом

с двумя высокими амазонками, окруженными красными всполохами света, самая юная из предсказательниц была похожа на хрупкий, легкий стебелек, взлетающий в порывах ветра.

Эфор оседлал низкий подоконник, одна нога в зале, другая на улице. Половина лица в тени, половина освещена золотым сиянием светильников. Словно ученик Герарда не мог до конца определиться, остаться ему в реальном мире или нырнуть в сновидение.

Космос стоял рядом с фонтаном, из которого били струи красного вина и неспешно растекались по чашам, выстроенным высокой пирамидой. Молодой оракул задумчиво перекидывал тирс, увитый лозой, из руки в руку и с видимым удовольствием слушал Нису, шепчущую что-то ему на ухо. Ее длинные пшеничные волосы отливали янтарем густого меда, а лукавое лицо озерной нимфы с курносым носом и яркими бирюзовыми глазами то и дело освещала улыбка. Космос, смахивающий на критского быка могучей комплекцией, был вынужден из-за своего роста наклоняться к девушке....Он встретился взглядом с Герардом и тоже слегка улыбнулся. Знаменитая многозначительная «улыбка авгура» удавалась ему великолепно. «Ты знаешь то же, что знаю я, но мы оба не уверены истина ли то, что мы знаем...»

Хозяина дома останавливали, чтобы поздравить, обменяться шуткой, обнять или подлить вина, однако он, не давая сбить себя с цели, продолжал двигаться к самому дальнему темному углу, где сидел одинокий гость, старающийся не привлекать к себе внимания. Немолодой мужчина с суровым, замкнутым, сосредоточенным лицом. В длинных волосах нити седины.

Подле него неподвижно, словно черная гранитная статуя, застыл Аякс. Его золотые глаза сияли в темноте, взгляд не отрывался от бьющегося в чашах огня.

Оракул подошел к мужчине, опустился рядом на скамью, посмотрел из полутемной ниши на танцующих девушек, спросил негромко:

– Ну, как ты?

– Отлично. – Адриан вскинул чашу с вином и коснулся ее краем чаши Герарда. – Лучше не бывает.

Лгал, конечно. Несостоявшийся оракул чувствовал себя чужим на этом празднике. Ему хотелось уйти и еще больше хотелось остаться, быть одним из них – свободных, веселых, счастливых людей, объединенных общим делом.

Очередной сомнительный сюрприз из прошлого Мэтта. Оракул с заблокированным даром, растративший половину жизни по прихоти

дэймоса.

– Хорошо, что пришел, – продолжил Герард беседу.

– Клио настояла, – ответил тот с легкой усмешкой. – Считает, что мне полезно проводить больше времени со своими.

– Клио права.

– Ну да... – отозвался Адриан неопределенно, посмотрел на вино в чаше. – Почему празднуете дионисии? Вроде вашим наставником должен быть предсказатель, Аполлон Мойрагет, «водитель судьбы»? С какого бока здесь Вакх?

Герард улыбнулся.

– Все просто. Силен – покровитель плодородия, обладающий даром прорицания, воспитывал Диониса. Тот научил людей делать вино, а один из способов заставить Силена сделать предсказание – напоить его. Улавливаешь взаимосвязь?

Адриан хмыкнул, потянулся погладить Аякса, но тот мягко уклонился, продолжая не отрываясь следить за огнем в руках пифий.

– Что говорят целители? – спросил Герард, которого также завораживали движения танцующих девушек, становящиеся все более стремительными.

– Дееспособен. Можно выпускать к людям. Но дар, по-прежнему, скрыт. Чтобы не напророчествовал лишнего.

Адриан говорил о себе с подчеркнутой иронией, однако оракул знал, что это всего лишь бравада. Привычное отношение к жизни. Ничто не воспринимать серьезно, ни к чему не привязываться, чтобы не разочароваться вновь.

– А ты хочешь, чтобы твои способности раскрыли? – спросил Герард.

Бероя и Авра повернулись друг к другу и с размаху соприкоснулись края чаш. Металлические сосуды столкнулись – и два огня выплеснулись, смешиваясь, переливаясь один в другой жаркими кипящими потоками.

Зрители разразились одобрительными криками и аплодисментами.

– Хочу, – ответил Адриан. – Это будет справедливо.

Герард с любопытством посмотрел на бывшую жертву Мэтта.

– Уверен, что справишься с даром?

Пифии перешагнули через струи фонтана, поспешно прижавшиеся к камню, чтобы освободить им, оживившим огонь, дорогу. Эригона первая подошла к ним, чтобы зажечь свой светильник от пламени из чаши Авры.

– Она же справляется. – Адриан кивком указал на девочку.

– Самая молодая пифия за последние сто лет, – произнес Герард задумчиво. – Ей трудно погружаться во временной поток. И, думаю,

страшно. Когда ты совсем один рядом с вечностью и сотнями тысяч чужих судеб. Хотя она никогда не жалуется.

– Подростки не чувствуют настоящей опасности, – отозвался собеседник.

– Зато они более уязвимые и хрупкие.

Следом за Эрго к огню подошел Космос, опустил в желтые подрагивающие языки тирс – и его навершие, вырезанное в виде шишки хмеля, охватил золотистый жар.

– Символично, – произнес Адриан.

– Мы всегда можем поделиться своим огнем, – сказал Герард, и несостоявшийся оракул понял, что именно тот хотел сказать.

Аякс бесшумно стек со скамьи, приблизился к Берое и требовательно коснулся лапой ее ноги. Девушка, улыбаясь, присела, опустив чашу, и кот, не сходя с места, стал жадно принюхиваться к горячему дрожащему воздуху.

– Забавный у тебя зверь.

Оракул хотел ответить, но увидел, что ему машет Август, стоящий недалеко от входной двери.

– Эй, Герард! К тебе пришли! – донесся до хозяина дома его громкий голос.

– Извини, Адриан. – Герард поднялся.

Друг Клио понимающе улыбнулся, но не успел впасть в свою привычную задумчивость – рядом с ним внезапно возникла серьезная Эригона, держащая в каждой руке по факелу, и подала оракулу с заблокированным даром один из них.

Герард прошел мимо Космоса, стоящего спиной к залу и читающего в темноту за окном выразительный монолог. Темнота периодически отвечала взрывами смеха и веселыми подбадривающими выкриками.

Тропинка вела к беседке и была окаймлена двумя линиями огоньков, пойманных в стеклянные стаканы подсвечников. На границе белых кругов мелькнула легкая тень, как будто над поникшей осенней травой пролетела быстрая птица. За пределами этого сада, разбитого на крыше высотного здания, виднелись вершины других небоскребов, излучающих золотой свет. Он пробивался сквозь густые ветви деревьев, но не мог затмить круглый фонарь полной луны, низко висящей в черном небе.

Девушка стояла возле одной из колонн и смотрела на дом, сияющий разноцветными огнями. Невысокая. Стройная. С коротко стриженными темными волосами. Одета в черный облегающий костюм – брюки, туго обтягивающие бедра, тонкая водолазка, куртка, недостающая талии. С шеи

сбегает серебряная цепочка, продетая в круглый кулон.

Услышав шаги, гостя повернулась. По узкому лицу с яркими губами скользнула приветливая улыбка.

– Предиктор Герард, – произнесла она приятным мелодичным голосом. – Я была в центре снов, мне сказали, сегодня вы не работаете.

– Обычно торопятся к целителям, а не к предсказателям. – Оракул улыбнулся и пожал ее протянутую руку.

– Да, в девяносто трех процентах случаев, – отозвалась девушка. – Но я изучила этот вопрос и выяснила, что мне нужен именно оракул.

– Тогда слушаю, – Герард присел на край перил, опоясывающих беседку.

– Меня зовут Ива. Я работаю... – она помолчала, корректируя информацию, которую собиралась сообщить как можно точнее, и продолжила: –...работала с семьей Галлакт. Сначала с Дионом Галлактом, а после его смерти с сыном Диона – Троем. Мы занимались обеспечением целостности Стены. Там, где возникали перебои в подаче энергии, наша команда устраняла неполадки. Добавляли мощности излучения, меняли поврежденные кабели...

Она говорила так, словно читала хорошо заученную речь. Презентацию, давно подготовленную для выступления перед внимательной аудиторией, и Герард слушал не перебивая, не задавая вопросов. Смотрел на сосредоточенное лицо девушки, чуть хмурыщей красивые темные брови, и в нем крепло ощущение, что он уже видел ее где-то.

– Значительный периметр Стены проходит по нестабильным районам. Сейсмическая активность, в том числе и под водой, аномальные шторма, агрессивная среда, вызывающая быструю коррозию металла. Поэтому наша работа по поддержанию постоянного энергопотока так важна.

Ива замолчала, посмотрела в сторону. От темноты сада отделилась еще более темная тень. Аякс бесшумно запрыгнул на перила, уверенно переставляя косматые лапы по узкой полоске мрамора, и, балансируя хвостом, направился к девушке. Остановился и принялся издали.

– И что же случилось, Ива? – спросил Герард, отвлекая ее внимание от кота.

– Трои погиб, – сказала она, сбиваясь со своей бесстрастной, холодной речи, – и кроме него... еще один человек, который работал со мной. Мы ремонтировали участок в море. Этот фрагмент Стены поддерживали только генераторы. Нам нужно было протянуть новые постоянные кабели по дну. Но нам не удавалось завершить работу. Сбой шел за сбоем. То сброшены настройки компьютеров, то батареи батискафа оказались разряжены, то

глубоководные роботы перестали ловить сигналы команд. Я начала подозревать, что кто-то из нашей группы сознательно устраивает диверсии. И оказалась права. Это был Трои.

– Зачем он это делал? – спросил Герард.

– Мы успели поговорить за минуту до того, как он остался на глубине шести километров под водой, в батискафе с разряженными батареями. Трои не знал, что происходит. Он не помнил, что сам повредил кабель.

Аякс присел на перила, не слишком удобные для его крупного, тяжелого тела, и внимательно посмотрел на Герарда. В расширившихся зрачках тревожным огнем отразился свет из окон дома.

– Ты пришла потому, что ему снились кошмары?

– Он сказал, что последнее время плохо спал. Не высыпался. Чувствовал непрерывную усталость. Но списывал все на постоянное напряжение от сложной работы. Собирался обратиться в центр сновидений. И не успел.

Оракул проводил взглядом два размытых силуэта, промелькнувшие в отдалении, и начал размышлять вслух:

– Человек, работающий на Стене. Имеющий доступ к сложнейшим машинам. Прекрасно разбирается в том, что нужно сделать, чтобы надежная граница Полиса рухнула. Хорошая мишень.

Ива покачала головой.

– Трои не был тем, кто сумел бы уничтожить участок Стены. Затянуть ремонтные работы – да, но не более. Кроме него на объекте имелись и другие специалисты. – Она помолчала, нахмурилась.

Аякс подошел ближе, положил Герарду лапу на предплечье, настойчиво потянул.

– Да, – ответил ему оракул. – Понимаю.

Доказательств не было. Можно счесть ситуацию с Троем последствием напряженной работы. А внезапный саботаж – психическим расстройством, вызванным частыми погружениями например.

Но перед глазами, заслоня картину ночного сада, мелькнуло давнее видение. Полис, залитый водой. Здание Ареопага захлестывают волны. Статуи, так похожие на людей, лежащие на дне, или люди, похожие на статуи...

– Скажи мне, чего ты хочешь, Ида? – Вопрос прозвучал прежде, чем Герард сам понял, что именно говорит и кому.

– Ива. – Конечно же она поправила его. – Меня зовут Ива.

– Да. Разумеется. Извини.

Она была абсолютно не похожа на его жену. Ни внешне, ни

характером, ни эмоциями. Но имя было произнесено. А Герард всегда со вниманием относился к разного рода оговоркам.

– Ива, – повторила она. – То есть Интеллектуальный Высокотехнологический Аппарат. Или, как шутил иногда мой создатель – Иррационально Внезапный Артефакт.

Девушка улыбнулась в ответ на его недоумевающий взгляд.

– Я не человек, предиктор. Машина. Кибернетическое устройство. Дитя Гераклион-ментис, одного из подразделений корпорации «ЗЕВС». Верный спутник, помощник, спутник.

– Твое лицо показалось мне знакомым, – задумчиво произнес Герард, рассматривая девушку с новым интересом. Теперь уже не как неожиданно привлекательную гостью, а удивительное создание современного разума.

– Мой образ актрисы прошлого века, не очень популярной.

Аякс тихо спрыгнул в траву, словно потеряв интерес к беседе, и растворился в темноте.

– Хорошо, Ива. Так чего ты хочешь?

– Взгляд в прошлое. Или в настоящее. Ответы. Мне была дорога эта семья.

– Всем нужны ответы, – произнес Герард и добавил мысленно: «Даже киборгам». – Трои мертв. И мир его снов мертв тоже. Я ничего не увижу.

– Но я функционирую. И в определенном смысле меня можно назвать вещью. Да, моего владельца не существует больше, но с точностью до восьмидесяти процентов какая-то информация должна быть на мне. Пусть не связанная с гибелью Троя. Но ведь я тоже много лет работала на Стене.

Несколько секунд оракул молча смотрел на нее. Чтобы заглянуть в прошлое или будущее, ему нужен эмоциональный контакт с непосредственным владельцем предмета. Иву нельзя в полной мере назвать ни человеком, ни вещью. Но Герард был готов пойти на подобный эксперимент. Она мыслит, испытывает сожаление, ищет ответы на вопросы. Может, и мир сновидений у нее есть...

– Ладно, Ива, – сказал оракул после нескольких секунд молчания. – Идем.

За недолгое время его отсутствия в холле стало тихо. Музыка переместилась куда-то в левое крыло здания, став легкой и мелодичной, растворяющейся вдали. Смех и голоса тоже звучали приглушенно. Похоже, празднование стало затихать, а может, набиралось сил, чтобы вспыхнуть с новым азартом.

Проходя мимо фонтана, Герард зачерпнул вина первой попавшейся под

руку чашей.

Сильно пахло горячим воском, сладким виноградом и пряной зеленью. Перила лестницы, по которой они поднимались, были густо увиты лозой, на ступенях рассыпана золотистая магнитная пыль, взлетающая в воздух при каждом шаге и складывающаяся в шутливые лозунги на латыни или просто кружащаяся безо всякой системы.

Входя в свой рабочий кабинет, Герард пропустил вперед девушку, но не успел закрыть дверь, как мимо него внутрь скользнул Аякс. Значит, ему был интересен новый опыт сновидения.

Ива неспешно осматривалась. Вполне возможно, ей тоже любопытно. Пока она рассматривала огромное ложе сновидящего, низкое к стене, тяжелые малахитово-зеленые шторы, закрывающие окно, и черный прямоугольник плотных жалюзи за ними – он разглядывал ее. Сейчас, при свете, девушка была похожа на машину еще меньше, чем в полутьме. Привлекательное лицо с живой мимикой, легкие морщинки у внешних уголков голубых глаз. Темные густые волосы топорщатся на затылке коротким ежиком, вызывая желание прикоснуться к ним открытой ладонью, погладить. Тонкие ключицы.

– Теперь, когда Трои умер, что будет с тобой? – спросил Герард, ставя чашу с вином у изголовья кровати.

– Вернусь в Гераклион. Мой контракт прерван. Я создана для того, чтобы действовать в местах повышенной опасности. Мне найдут другую, аналогичную работу.

Аякс запрыгнул на кровать и насмешливо уставился на Герарда. Тот понимающе улыбнулся в ответ. Их работу тоже можно было отнести к занятиям с критической долей риска. Интересно, полагался ли ему личный киборг-спутник?

– Ложись, – велел он девушке.

Ива сняла короткую куртку, сбросила туфли на низком каблуке, опустилась на покрывало.

– Я не сплю, – сказала она, когда он погасил свет, оставив лишь крошечный огонек в светильнике на столе. – Могу функционировать в режиме энергосбережения, но это, наверное, нельзя назвать сном.

– Не важно.

Герард сел около нее, положил руку ей на лоб. Ощущение настоящей, обычной кожи было абсолютным и не вызывающим сомнений.

– Просто лежи тихо и не вставай, пока я не проснусь.

– Поняла.

Оракул вытянулся рядом с неподвижной девушкой, взяв ее за руку.

Аякс, утопая тяжелыми лапами в одеяле, подобрался с другой стороны, привалился горячим боком к его уху и замурчал. Рокот прибоя и отдаленное ворчание грома слышались в его низком голосе.

Герард закрыл глаза, позволяя окружающему миру растаять...

Он стоял в пустоте. Физической пустоте, наполненной неоновым светом. Тот закручивался спиралями, уносился под ноги длинными лентами цифровых кодов.

– А говорила, у нее нет мира снов, – прозвучал над ухом уверенный баритон Аякса.

Кот лежал на плечах оракула и молотил хвостом по его спине.

– Она говорила, что не спит, – возразил Герард, вглядываясь в электрическую бурю, бушующую вокруг.

– Это одно и то же, – непререкаемым тоном заявил кот.

– Нет.

Аякс фыркнул, щекоча ухо оракула длинными усами.

– Что такое сознание и подсознание?

– Продукт работы мозга, – сказал прорицатель, уже зная, в какие дебри инженерной психологии может завести их этот спор.

– У нее есть мозг.

– Значит, по-твоему, на нее можно повлиять также, как на обычного человека?

– Это вряд ли. – Аякс принялся к холодному стерильному воздуху и попытался прикоснуться лапой к скользящей рядом колонке цифр, напоминающей вечно движущийся обод колеса Фортуны. – Все слишком... эфемерно. Не удивлюсь, если мы вообще ничего не найдем.

Он замолчал, прислушался, привстав на плече Герарда, и его мускулистое тело застыло.

Оракул тоже почувствовал.

Волна катила из пустоты. Огромная, мутная, напоминающая монолит, выточенный из опала. Аякс крепче впился в плечи спутника, прорицатель приготовился запоминать образы и знаки, которые принесет с собой вал времени. Беззвучная лавина достигла предельной высоты, заслоня собой весь мир. Зависла на мгновение, словно раздумывая, не откатить ли обратно. И рухнула.

Иллюзия погружения в ледяную воду была абсолютной. Мощное течение пыталось сбить с ног, но Герард держался. Хотя, как он понял через несколько секунд, его усилия были излишними. Волна не влекла с собой ничего. Ни одного образа – яркого, размытого или хотя бы смутно

обозначенного. Стерильная пустота.

Похоже, Ива не несла на себе абсолютно никакой информации. Как и предполагалось, погибший Трои оказался закрыт для взгляда прорицателя.

Волна стала спадать, громкое журчание быстрых ручьев по светлому каменному полу разбивало тишину равнодушного мира. Аякс встряхнулся как собака, сбрасывая с шерсти веер мелких брызг, Герард посмотрел под ноги на быстро убывающую воду. Ему показалось вдруг, что на подрагивающей мутной поверхности отразилось лицо, и его тут же смыло... унесло прочь. А на двух сновидящих опустилась сизая мгла с привкусом дыма. В ее клубах ощущалось какое-то отдаленное движение или просто перемешивание вязких слоев.

– Он здесь! – неожиданно произнес Аякс утробным, рыкающим голосом. – Я его слышу!

– Кто?

– Он следит за нами. За тобой.

Кот напружинил задние лапы и прыгнул. Насквозь пронзил мутную пелену, содрогнувшуюся от стремительного броска безжалостного хищника.

– Аякс! – Герард шагнул вперед. Ничего не увидел, но ощутил всем телом низкий, вибрирующий гул.

Тот напоминал шум вентилятора старого ноутбука, работающего с натугой.

Дым стал плотнее, сгустился и выпустил из себя человеческий силуэт.

– Ива... – произнес Герард и тут же понял, что ошибся.

У женщины, стоящей напротив, были черты девушки-киборга, но не более того. А может, она и не была женщиной вообще, всего лишь приняв знакомый оракулу образ. Худое, гибкое тело обливало серый маслянисто блестящий костюм. Он стекал с ее пальцев, тонкими струйками падал под ноги на белый каменный пол и медленно, нехотя испарялся с него. Темные волосы плотно облепляли голову, на коже выступали мелкие капли воды, а может быть пота.

Оракул продолжал наблюдать. Женщина не двигалась, но ее живой костюм беспокойно перетекал с места на место, оставляя обнаженным то одно плечо, то другое, открывая бело-розовое бедро или колено.

– Если хочешь сделать нечто значительное, надо самому стать кем-то значимым, – ее издевательский тон сменился грубым сарказмом. – Знакомое высказывание, не правда ли? Это не твоя мысль, а жизненная установка Троя. Ты ведь уже знаешь, кто он такой. И что с ним случилось.

Ее интонации стали механическими, излишне четкими, и Герард

понял, что она копирует Иву. Настоящую Иву.

– Что тебе нужно?

Она нетерпеливо дернула рукой, влажная перчатка слетела с ее пальцев и растворилась в дыму, заполняющем все вокруг, превратилась в один из клубов. Тот медленно подплыл к оракулу, и он ощутил прикосновение к шее. Пока еще очень легкое, оно поползло выше по коже вдоль уха, задело скулу. Стал различим запах – едкий и горький одновременно. Очень знакомый. Дым, пропитавший одежду, опаленная ткань и волосы... Мертвое тело Иды было плотно окутано гарью, густые светлые локоны и лицо присыпаны пеплом. «Этого не должно было произойти», – сказали Герарду ее расстроенные коллеги. Задохнулась от дыма на горящем складе... не нашла выход. Ему сказали, она не мучилась. Быстро потеряла сознание. Огонь не успел коснуться ее.

И вот теперь эта раскаленная вонь подбиралась к оракулу. Выдирая из памяти обжигающие болезненные воспоминания.

«Она прекрасно знает, кто я, – подумал Герард. – Это не выстрел наугад, не попытка захватить первого попавшегося прорицателя. Она пришла с определенной целью к определенному сновидящему».

Запах усилился, давление стало чувствительнее, Герард не сомневался – один вдох, и отравы потечет в его мозг, стремясь подавить волю, или в легкие, парализуя дыхание. Но пока женщина не спешила применять крайние меры.

Мгла заволновалась вновь. Ее густые клубы растворились, открывая еще одного дэймоса, стоящего неподалеку. Это был мужчина с решительным, серьезным, дружелюбным лицом. Светло-русые волнистые волосы зачесаны назад, серо-зеленые глаза сосредоточенны и внимательны. На шее виднеется край татуировки – тонкий плавник с острым шипом. Мускулистое тело пловца затянато в защитный гидрокостюм, черный с синими полосами.

– Чего вы хотите? – спросил Герард, глядя на морока, притворяющегося дайвером.

– Твою волю и разум, – сказала женщина с удовольствием.

Оракул невольно улыбнулся.

– Хочешь захватить меня? Подчинить себе? Смело. Неразумно. И невозможно.

Дэймос подняла руку, касаясь своих мокрых волос, серое пятно лоснящейся одежды сорвалось с ее острого локтя и смачно шлепнулось ей же под ноги.

– Безопасно. Рационально. Элементарно, – откликнулась она с легкой

насмешкой. – Я не собираюсь записывать в твое подсознание глубинные тайные приказы. Хотя могла бы попробовать. Но ты сделаешь все, о чем тебя попросят, сам.

– Пока еще нет, – возразил второй дэймос, проникательно наблюдая за оракулом. – Его не убедили твои доводы в должной мере.

– Ты думаешь, мое сознание не защищено?

«Ива» склонила голову к плечу, и Герард почувствовал, что дым запечатывает ноздри, втекает разъедающим огнем в глотку.

– Неприятно, правда? – тихо спросила девушка.

Ему очень хотелось схватиться за шею, чтобы зажать, приостановить, вырвать из себя раскаленный поток, но он продолжал стоять прямо, не шевелясь и никак не показывая слабости.

– Вот видишь, он почти готов к сотрудничеству, – улыбнулась девушка, не спуская взгляда с оракула.

Парень сжал ладонь в кулак.

«Ива»-дэймос усмехнулась криво, хотела произнести какую-то колкость...

И тут мир сна заволновался.

По нему пробежала быстрая рябь, смявшая прозрачные складки в острые лезвия.

Дайвер не успел понять, что происходит, как уже пошатнулся, теряя равновесие... Захлебываясь кровью, морок упал на землю. Герард бросился к нему, пытаясь зажать рану. Казалось, шею темного сновидящего нашинковали стальными бритвами.

Девушка метнулась прочь, резко потеряв интерес к происходящему, а спустя мгновение издали долетел ее испуганный вопль.

– Кто тебя послал ко мне? – спросил оракул, глядя в глаза умирающего парня. – Кто твой хозяин? На кого ты работаешь?

Однако все эти вопросы были напрасными. Отвечать дэймос уже не мог. Глаза его потускнели и закрылись, тело обмякло.

Герард поспешно поднялся и устремился в ту сторону, откуда услышал еще один пронзительный крик.

«Ива» лежала на боку, прижимаясь виском к шершавым камням пола. Никаких видимых повреждений заметно не было. Костюм испарялся с ее тела, поднимаясь вверх тонкими струйками черного дыма.

Оракул присел на корточки рядом с девушкой, взял за плечо, переворачивая. Она безвольно откинулась на спину, взгляд переместился в пустоту над собой.

– Ты меня слышишь? – спросил прорицатель.

Ее бледные губы шевельнулись, в их движении можно было уловить намеков на утвердительный ответ.

– Кто тебя отправил ко мне?

– Он... они... мы... – прошептала девушка едва слышно.

– Чего вы хотели?

Она попыталась повернуть голову в его сторону и промолвила так же едва внятно, шелестяще:

– Тебя...

Странный костюм почти испарился с ее тела, осталось лишь пятно на груди.

– Зачем?

Последний черный клочок взмыл в воздух, мгновенно трансформируясь. Изогнулся, приобретая стальной блеск, заострился, отрастил тонкий заусенец. Огромный рыболовный крючок с размаху вонзился в тело дэймоса, насаживая белую гладкую плоть на себя, словно наживку, рывком сдернул с места и потащил на невидимой леске прочь сквозь пелену дымной мути.

Герард кинулся вдогонку. Из ткани сновидения возник Аякс, он бесшумно несясь рядом, с силой отталкиваясь лапами от неустойчивой основы фрагмента этой реальности.

На камнях не осталось никаких следов. В туманном пространстве не было ориентиров, но кот уверенно мчался вперед, чуя ускользающую от него дичь. Сизая мгла вокруг волновалась, пытаясь выплюнуть какие-то образы, но все они были смазанными, нечеткими.

– Стой! – рявкнул вдруг Аякс.

Герард затормозил с опозданием в долю секунды, балансируя на краю пропасти. Земля обрывалась, срезанная как по линейке. Из-под ботинок оракула посыпались мелкие камешки и канули в темноте где-то внизу. Серая дымка рассеялась. Повеяло свежим запахом соли и водорослей. Глухой рокот нарастал. Вдали появилась гладкая, отполированная до глянцевого блеска стена с кипящей пеной наверху. Волна поднималась все выше и выше. Грозила заполнить собой все пространство сновидения.

– Готов? – кратко спросил Герард, не глядя на спутника. Аякс привычно вспрыгнул ему на плечи, крепко ухватился и замер, ожидая удара.

...Эта волна была настоящей. Наполненной мощью времени и сотнями живых, яростных образов. Они кипели, разлетаясь многоцветными пузырями, сталкивались, проникали друг в друга, лопались, разбрасывая

тонкие осколки.

Герард не видел того, кто поднял этот огромный бурлящий вал, стремясь рассмотреть картины, несущиеся на него. Разрозненные обломки метались вокруг, не даваясь взгляду, покрываясь сетью трещин, когда прорицатель пытался сосредоточиться на них. Необычный эффект, стандартно волна легко выплескивала скрытые временные матрицы, ее предназначением всегда было отдавать накопленное. Но не в этот раз...

Герард поднял руку, нащупывая тончайшее волокно структуры сна, зацепил его, потянул, расширяя сферу своего влияния на видение, и обрушил вибрирующий геликон^[14]. Заставил выпустить растворенные в нем формы, сплел их быстрым движением ладони и ощутил разгорающийся белый свет первой части временного полиптиха – нескольких картин, связанных единым замыслом...

Оракул стоял возле циклопической колонны из желтого песчаника. Ветер давно выскреб тонкий слой цемента в трещинах плохо подогнанных между собой блоков, раскрошил и разнес по залу мелкими песчинками. Свод поддерживали титанические пилоны^[15]. Казалось, еще немного, и те продавят свои основания непомерным весом, утянут здание под землю. Сквозь круглое отверстие в потолке лил дождь. Сливаясь в мелкие ручьи, растекался по гранитным плитам, смывая грязь. В центре под ледяными струями лежало человеческое тело, побитое тяжелыми каплями, не уступающими весом свинцу. Мутные потоки слизывали кровь, набирающуюся во впадинах пола.

Возле колонн, недоступные для ливня, виднелись неподвижные силуэты.

Аякс, лежащий на плечах Герарда, напрягся всем телом, словно хотел спрыгнуть на гранитный пол, чтобы подкрасться к ним, но передумал в самый последний момент. Решил наблюдать издали.

Рядом шевельнулась тень. Только что ее не было.

Оракул увидел черные руки, торчащие из длинных рукавов, скрюченные пальцы – некоторые были лишены ногтей. Лицо под капюшоном серое, искореженное, с разодранной щелью рта и белыми, полуслепыми глазами.

– Лепра, последняя стадия, – тихо произнес Герард, чувствуя щекой лохматую, мокрую морду Аякса.

Тот согласно промолчал.

Человек топтался на одном месте и жадно принюхивался к запаху дождя провалившимся носом.

Возле остальных каменных столбов тоже наметилось движение.

– Дэймос? – с глубочайшим недоверием спросил Аякс, присматриваясь к прокаженному.

– Да.

– Почему тогда болен?

– В древности считалось, что проказа дает дополнительные силы, увеличивая мощь сновидящего, – сказал Герард, наблюдая за новыми фигурами, возникающими из пустоты. – Искжая, уродуя внешнюю оболочку, увеличивает за счет пугающей внешности внутренние резервы.

– И сколько он проживет?

Вопрос не остался без ответа. Но отклик пришел не от оракула.

– Мы будем жить вечно, – прозвучал громopodobный голос, заглушая шум дождя.

Под ливень вышел человек. Его одежда – длинная серая мантия и тканевая маска на лице, такая же грубая дерюга, – мгновенно промокла. Но его это не смущало. Впитывая льющую с неба воду, он стоял как дерево, могучее, древнее, перемоловшее камни своими корнями, чтобы крепче впиваться в землю.

– Мы будем жить вечно, – повторил он уже тише, и все остальные замерли, ловя каждое слово. – Даже если нам придется ждать тысячу, две тысячи лет, это время всего лишь миг перед вечностью, которую нам даст Фобетор.

Ему внимали жадно, молча, не шевелясь.

– Наши враги думают, будто успешно сопротивляются и побеждают. Но они не знают, что уже мертвы. Мы подарили им отсрочку. И придет время, когда они выплатят все долги сполна и падут, освободив место для нас.

Дэймос, которого Герард опознал как танатоса, обернулся. Мокрая ткань на лице скрывала глаза, но, казалось, он смотрит прямо на пришедших из временной волны. Аякс слегка сжал плечо оракула, шесть когтей на передней лапе кольнули кожу, словно предупреждая.

– Я слышал, Дании, ты сомневаешься, – произнес танатос, и прокаженный, стоящий неподалеку от прорицателя, вздрогнул. – Выказываешь неуверенность в нашем плане, и даже более того, страх перед Полисом... – Он помолчал, в тишине громче стал слышен шум дождя. – Выйди сюда.

Дэймос, дрожа всем телом, побрел к нему. Поскользнулся на влажных камнях, неуклюже взмахнул руками, изъеденными болезнью. Главарь удержал его от падения, схватил за плечо, подтянул ближе к себе.

– Ты боишься? – спросил танатос, заглядывая в блеклые глаза соратника. – Ты не веришь в наши силы?

Прокаженный замотал головой, забормотал что-то невнятное, попытался упасть на колени, к ногам предводителя. Но тот удержал его, прижал к себе и заговорил с теплом и участием:

– Знаю, друг мой, это тяжело. Все мы слабы и наши физические тела смертны.

Он отстранил Дания, но продолжал держать за плечи, наклонился к его обезображенному лицу своей безликой маской.

– Но ты должен верить. Обещай мне, что не усомнишься больше. Докажи, как крепка твоя вера.

Дэймос закивал в ответ, замычал, вытирая скрученными черными пальцами глаза, из которых текли слезы или дождевая вода.

– Я знал, что это была всего лишь минута слабости... – Танатос вновь отечески привлек к себе провинившегося, провел ладонью в перчатке по его склоненной голове.

Потом посмотрел на остальных, беззвучно следящих за всем происходящим, и быстрым, едва уловимым для глаз движением сломал слабовольному собрату шею. Тот конвульсивно дернулся, а затем упал на землю, разбрызгав мутную дождевую воду.

Аякс тихо зарычал, молотя хвостом по спине оракула. Герард поднял руку и опустил ее на вздыбленный загривок кота.

– У нас впереди вечность, – продолжил убийца невозмутимо, – но нет времени на слабости.

Другие дэймосы застыли, боясь сделать лишний вздох.

– Он недостойн быть среди нас. Его слишком тревожило благополучие ничтожной плоти. Дании отрекся от величия своего духа, дарованного Фобетором.

Танатос перешагнул через труп, мокнувший в грязной луже.

– Среди вас есть такие, кто продолжает лелеять тлен и сеять сомнения в себе и своих братьях?

Испуганно-яростный, фанатичный ропот отрицания раздался ему в ответ.

– Благополучие плоти? – прорычал Аякс, глядя на создателя кошмаров, благосклонно принимающего заверения в полнейшей преданности. – Что-то не видно, чтобы ты заразил себя проказой!

– Он под маской, – возразил Герард. – Следы невозможно увидеть.

– Нет, он здоров, – фыркнул охотник презрительно. – Поэтому и закрывает лицо. Иначе соратники не поймут, отчего они должны заживо

разлагаться в надежде на неведомые силы, а глава не страдает ни от уродства, ни от боли.

Танатос наконец поднял руку, призывая к молчанию, и направился к обнаженному телу, лежащему в центре круга, исхлестанного дождем. Присел рядом, опустил ладонь на спину, покрытую глубокими, все еще кровоточащими ранами.

– Это наша жертва великому Фобетору. И наш гарант грядущего успеха.

Он запустил пальцы в светлые волосы, слипшиеся от дождя, и повернул голову поверженного человека так, чтобы желающие могли рассмотреть лицо.

– Я знаю его, – сказал Герард и почувствовал, как впервые с начала этого видения выдержка готова изменить ему. Гнев забурлил в крови, ища немедленного выхода, и теперь Аякс прикоснулся горячим плечом к его скуле, успокаивая.

– Кто это? – спросил он.

– Фидий, – глухо ответил оракул. – Тот самый, предсказавший появление чумного корабля у берегов Полиса. Великий прорицатель прошлого.

Лицо с обложки учебника гипнологии, известное любому мастеру сна, сейчас было залито кровью, нос сломан, один глаз заплыл.

– Раз за разом, снова и снова мы станем наносить удары. Одни принесут чудовищные разрушения, другие будут невидимы, неуловимы, но не менее смертоносны... Предвестник уже отправлен.

Герард увидел его.

Мертвый корабль с обвисшими парусами, застывший на неподвижной, зеркальной воде маленькой бухты.

В песке пляжа увязла шлюпка, неровная дорожка следов уходит к деревьям, растущим на берегу. Тот, кто прошел здесь, нес гибель для каждого, с кем столкнется. Корабль, черной тенью довлеющий над солнечным морским пейзажем, также был наполнен смертью.

«Я помню это, – понял оракул, ощущая запах соли, водорослей и далекого разложения, – я видел эти фрагменты, представлял их так зримо и вещественно...»

Плоские, вдавленные в мелкий серый грунт очертания человеческой подошвы, длинные борозды там, где нога цеплялась за камень. Перламутровое сияние раздавленной раковины, полоса водорослей на кромке прилива. «Я все это уже видел...»

Голос танатоса не разбил видение, лишь отодвинул, покрыл легкой

рябью для того, чтобы оно сложилось в другой фрагмент реальности.

– Сейчас враги не примут идей, которые мы принесем. Чтобы они прониклись ими, поверили, нужен хаос. Который перетряхнет их мир, заставит сомневаться в силе их богов. И принять наших....Принять нас.

Герарду показалось, что он видит тот же сон, что и в травертиновых шахтах Полиса. Декорации немного другие, но суть одна.

Узкие, чужие и смутно знакомые улицы завалены трупами. На всех печать одной и той же смерти – раздутые лимфатические узлы. *Atra mors...*
[\[16\]](#)

Волк, или одичавшая собака, тащит растерзанные, окровавленные внутренности по мостовой. Тревожная дорожка огней тянется из мавзолея Августа, превращенного в крепость. Звучат заунывные песнопения, перемежающиеся плачем и криками. Волны Тибра несут мутную пену, у берегов – погруженные в топкую грязь раздувшиеся мертвые тела.

– Эпидемиями и войнами мы сгоним к ним дикие толпы покорных нам народов, которые принесут с собой веру в нас, а также хаос, болезни и разрушение. В этой гнилой среде потонут их знания, опыт, ценности... Наши враги обладают качествами, которые их же и уничтожат. Сострадание, сочувствие, милосердие. Мы дадим им другие.

Горят факелы, много факелов. В ядовитом багровом свете движутся люди. Толпы гротескно искривленных, обезображенных, придавленных страхом и ненавистью. Разъедающей завистью... Такие, как их видят дэймосы – то, что они взращивали и лелеяли в них, то что ценили больше всего. Покорность своей воле, дикость, агрессию, а также трусость и слабость. Фантазмагии, а не реальные живые существа... Герард видел, как они заполняют Полис, перемещиваются с его жителями, передают вместе со своей кровью свою волю и образ жизни, свои порядки и нравы...

Подмена понятий. Свобода равняется агрессии и жестокости, любовь и дружба превращаются в насилие и подчинение, знания замещаются слепой верой. Борьба за выживание, а не за жизнь.

– Даже если на исполнение нашего плана понадобятся тысячелетия, мы будем ждать. Но начнем прямо сейчас.

Из складок своего одеяния он достал нож с широким и коротким клинком. Приложил острое ко лбу мастера сна и сделал первый надрез. Движения его были неторопливы и тщательно выверены. Герарду казалось, он слышит легкий треск рвущихся тканей, с которым расходилась под острым лезвием кожа, и мягкие удары тяжелых красных капель, выкатывающихся из порезов. Те складывались в очень знакомый рисунок. Цветок мака.

За спиной танатоса зашевелились прокаженные. Как суетливые, уродливые насекомые, подчиненные беззвучному приказу, они начали таскать вязанки хвороста и складывать возле столба, вкопанного в землю. Черная груда, оцетинившаяся острыми сучьями, росла очень быстро.

Аякс застыл, крепко держась когтями за плечи оракула, и хищно следил за дэймосами, не выпуская из виду ни одного. Его ноздри раздувались, ловя их запах разлагающейся плоти, страха и вождения.

Танатос выпрямился, одной рукой, без малейшего напряжения поднял мастера снов и поволок к столбу, держа за горло, прижал к черному бруссу. Прислонил свое лицо, закрытое тканью к белому лицу Фидия с клеймом красного мака на лбу, прошипел едва слышно:

– Ты первый. Но не последний. Мы об этом позаботимся. Мы зажжем такие костры по всем вашим землям...

Усиливающийся дождь лупил по камням и дереву, стекал по сучьям и поднятым рукам оракула, привязанным к перекладине, по его опущенным векам.

Дэймос, не глядя, протянул ладонь, и один из слуг почтительно вложил в нее горящий факел.

И тут Герард заметил, что пальцы связанного сновидящего дрогнули. Он не был мертв, как показалось прорицателю сначала.

Оракул шагнул было вперед, но Аякс сжал когтями его плечо, останавливая.

– Ты не можешь вмешаться. Только наблюдать.

Танатос поднес пламя к веткам. Смола, пропитавшая их, вспыхнула, плюясь искрами, побежала дорожка голубоватого огня. Дым жадно потянулся к человеку. Дождь зашипел от жара, отступая. Фидий поднял голову, приходя в сознание. В его глазах зажглось понимание происходящего. Он рванулся вперед, шаря взглядом по скособоченным фигурам, по дэймосу, скрытому маской, но не задержался на нем. Казалось, оракул ищет кого-то еще, но не может найти.

– Мы сожжем их всех! – В зычном голосе создателя кошмаров звучала ненависть и страстное предвкушение. – Всех мастеров сна.

– Огня не хватит, – прохрипел Фидий. Горячие языки уже тянулись к его босым ногам, опаляя жаром. – И твой Фобетор тебе не поможет!

Танатос размахнулся и швырнул факел в оракула. Раскаленный жезл алой кометой пролетел над разгорающимся хворостом и ударил пленника в грудь.

– Костры будут гореть по всему Полису!! – рявкнул убийца.

Пламя взбежало вверх по рукам Фидия, охватило кисти, взметнулось

на волосы.

– Я видел вас! – закричал тот, заглушая невнятный ропот прокаженных. – Вы все мертвы! Трупы! А Полис будет стоять!

Остальные слова слились в оглушающем вопле. Фигура в коконе лохматого пламени билась и рвалась от всепроникающей, жгущей боли. Вонь горящей плоти поглотила остальные запахи.

Герард сам не заметил, что сжимает кулаки так, что начало ломить суставы от невыполнимого желания стиснуть пальцы на шее кого-нибудь из дэймосов. Но он мог лишь смотреть. Законы сна неумолимы. Прошлое остается прошлым. Аякс горячей тяжестью давил на плечи, напоминая о долге прорицателя быть внимательным и отстраненным от импульсивных желаний.

Дождь испарялся от жара. Багровый свет играл на неподвижном танатосе, сминая причудливыми тенями его маску. Провал рта казался наполненным кровью, в глазницах перемешивались раскаленные угли.

Фидий больше не шевелился. Обугленное тело с запрокинутой головой застыло в мертвом равнодушии. Капли воды снова начали бить по нему, чертя дорожки по черному спекшемуся лицу, обращенному к серому небу.

– Ну и кто из нас труп? – спросил создатель кошмаров, рассматривая сожженного врага. Пнул тлеющие сучья, и те рассыпались, разбрасывая искры.

Повернулся к последователям, произнес громко и уверенно:

– Фобетор принял нашу жертву.

Дэймосы восторженно загомонили, а лицо, завешенное грубой тканью, снова повернулось в ту сторону, где стоял Герард. Взгляд темного сновидящего скользнул в пустоту за колонну. А затем он не спеша начал приближаться. Оракул невольно обернулся, проверяя, не стоит ли за его спиной еще один провинившийся слуга, которого ожидает наказание. Но не увидел никого. А когда повернулся – танатос стоял рядом.

За какую-то долю секунды Герард ощутил запах гари и мокрой ткани, исходящий от его одежды, заметил след копоты на маске, услышал шумное дыхание. «Он не может меня видеть», – мелькнула быстрая мысль и тут же, словно услышав ее, бич сновидений протянул руку. Та должна была пройти сквозь гостя из другого времени и пространства, но вместо этого пальцы в серой перчатке сжали горло оракула. Стиснули, впиваясь в напряженные мышцы.

Это не могло быть! Сон не позволял подобных аномалий. Но Герард не успел до конца осознать происходящее – тело отреагировало на агрессию машинально, перехватывая запястье противника и освобождаясь от захвата.

...Пытаясь освободиться.

Сокрушительный удар по голове сзади бросил его на камни. Перед глазами появилось полуразложившееся лицо. Оно ухмылялось разодранным ртом. Скрюченная кисть вцепилась в волосы. На спину навалилась новая тяжесть, силясь удержать на месте, над ухом сипел провалившимся носом еще один прокаженный.

– Так и знал, что в такой важный момент для истории Полиса кто-нибудь из оракулов проберется сюда, к нам, – прозвучал над головой удовлетворенный голос танатоса. – Ты ведь оракул? И не самый слабый. Иначе бы не пробился через волну. Не важно, из какого времени ты пришел, главное, теперь мы можем воспользоваться твоей бесценной памятью.

Это было невозможно. Видения не могли нападать на видящих. Дэймосы не жили вечно. Отголоски минувшего не обладали свободой выбора. Однако сейчас тени прошедших событий обрели плоть и волю. Действовали как хотели и меняли сон, как им вздумается.

Не обращая внимания на боль, Герард сделал то, чего так желал недавно – рывком протянул руку и сжал пальцы на липком горле ближайшего прокаженного. Почувствовал хруст смятой трахеи. С удовлетворением увидел, как закатились его глаза, а на изъеденных губах выступила кровь.

Сквозь алую пелену ярости оракул смотрел на танатоса.

– Не убивать! – приказал тот кому-то за спиной Герарда. – Мне нужна его память.

Не обращая внимания на задыхающегося слугу, он наклонился. Горячая даже сквозь ткань ладонь легла на плечо предсказателя, рывком поднимая на ноги.

– Как тебе удалось устроить ловушку? – спросил тот, не надеясь особо на отклик.

Но бич сновидений посмотрел на него в упор. И наклонил голову без лица.

– Мне помог Фобетор.

Ответ прозвучал, однако с таким же успехом его могло не быть. Эти слова не имели смысла для мастера снов. Помощь несуществующего бога дэймосов была такой же абстракцией, как трезубец Посейдона, вызывающий наводнения...

Цепкие, неожиданно сильные руки прокаженных потащили прорицателя за собой. Герарду казалось, будто он угодил в сильное, живое течение. Он знал, что в реальности легко бы освободился. Сбросил с себя

дэймосов, крепко держащих за плечи и висящих на спине. Но сейчас, в структуре сна, физическая сила ничего не значила.

Танатос двигался. В противоречие с законами реального мира не перемещаясь в пространстве – он перемещал пространство на себя.

И никто не заметил тень, вросшую в темноту за колоннами. Черный силуэт беззвучно скользил по ткани сновидения, подтягивая к себе едва ощутимую энергию незримого волокна. Его по-прежнему почти нельзя было разглядеть, он действовал слишком быстро.

Когда танатос, неспешно идущий впереди, остановился – они находились в совсем ином месте. Дэймос притянул к себе необходимый фрагмент реальности, и тот сам потек к нему, словно послушный ручей.

Помещение с низким потолком напоминало склеп, сырой промозглый холод тут же впился в Герарда, проникая под одежду, царапая спину вдоль позвоночника и выстуживая.

– Мы используем твою память, оракул. – Голос создателя кошмаров эхом отдавался от стен и потолка. – В твоей голове должно храниться много ценного о времени и о месте, откуда ты пришел...

По стенам текли струйки воды и внизу собирались в лужи. В центре сырой камеры стояла узкая деревянная скамья. Потертые кожаные ремни, свисающие с изголовья, лежали на мокром полу как две сонные змеи, готовые по приказу обвиться вокруг жертвы. На сиденье виднелись бурые пятна, ввевшиеся в древесину.

Прокрустово ложе. Ассоциация вспыхнула и тут же погасла.

Стены помещения стали стремительно покрываться тонкой коркой льда... Дэймосы, намертво вцепившиеся в оракула, повалили его на криво сколоченные доски, прижали, не давая пошевелиться. И конечно же тот не подошел под меру, определенную создателем кошмаров. Под головой не было опоры, приходилось напрягать мышцы шеи и плеч, чтобы держать ее в горизонтальном положении и видеть расхаживающего танатоса.

– Тебя зовут Дамаст? – спросил Герард, глядя на него. – Или лучше обращаться к тебе Прокопт? Усекатель?^[17]

– Полипемон мое имя, – вежливо отозвался дэймос. – Что означает «причиняющий множество страданий». А кто ты, мой друг?

– Мое прозвище тебе ничего не скажет. – Оракул шевельнулся, пытаясь определить, насколько крепко его держат. – Я не столь знаменит, как ты.

– Ценю твою скромность. – Танатос стоял, склонив голову к плечу, и рассматривал пленника сквозь маску. – Но ты уже умираешь. Правда, пока не ощущаешь этого. Человеческое тело очень хрупкое, тело сновидения не

менее уязвимо. Особенно когда теряешь над ним власть. Чувствуешь, как здесь холодно?...Сейчас твоя плоть охлаждается. Ощущаешь, как сжимаются мышцы вокруг шеи и на твоих плечах? Это первые признаки. Уже скоро мозг твой, остывая также, станет терять свои функции, отключаться – тогда наполнение твоей памяти начнет открываться мне. И я узнаю не только твое имя.

– Как ты сумел создать ловушку во времени? – спросил Герард, машинально отмечая симптомы, о которых с таким удовольствием говорил дэймос.

– Ты уже спрашивал. – Он подошел к оракулу и встал так, чтобы тот был вынужден смотреть на него, запрокидывая голову. – А я ответил.

– Фобетора не существует.

Один из прокаженных, выполняющий роль живой цепи, зашипел злобно, впиваясь ногтями в руку оракула. Для него повелитель дэймосов был реален. Награждал за верную службу, карал врагов и давал силы.

– В пространстве видений есть места, недоступные для мастеров сна, – задумчиво произнес танатос, – они открываются лишь нам, слугам Фобетора, знающим пароль для входа. Там мы живем в богатстве и довольстве, наслаждаясь властью и безграничной роскошью, окруженные покорными рабами.

Он помолчал, внимательно рассматривая Герарда. А тот понял, что перестает чувствовать ступни и пальцы на руках немеют.

– Теряешь силы, оракул. А-а, вот и дрожь. Тело пытается согреться. Но это невозможно...

Держать голову на весу становилось все тяжелее. Холод и равнодушие сковывали. Хотелось закрыть глаза. Мысли Герарда начали путаться, наслаиваясь одна на другую.

«Я попал в эту петлю после того, как прикоснулся к подсознанию Ивы, волна ее мира снов принесла сюда. Как может быть связана девушка-киборг с этим древним монстром? Не божество же дэймосов дотянулось до нее через века, чтобы создать здесь уголок пыток для оракулов?»

– Панический страх еще не пришел, – рассуждал танатос, наклоняясь ниже, – но тепло уходит все быстрее. Когда твоя кровь начнет сгущаться как масло, твои глаза перестанут узнавать лица, предметы, окружающие тебя, цвета...

Теперь холод, словно живое существо, дышал в лицо оракулу ледяным дыханием, облизывал босые ступни колючим языком и все крепче сжимал в объятиях.

– Никто не умеет управлять временем. – Герард опустил тяжелеющие

веки, но продолжал видеть низкий черный полоток с замерзающими на камнях свинцовыми каплями воды. Перевернутую личину дэймоса...

– У меня было время научиться.

– Никто не живет вечно.

– Уверен? – В голосе «причиняющего страдания» прозвучала насмешка. – Мы храним наши знания тысячелетиями. А вы свои растеряли.

Не об этом ли говорил он, когда сообщил, что ему помогает Фобетор? Древние книги, созданные дэймосами для дэймосов? Тайные убежища, скрытые в глубинах мира снов, которые открываются избранным?

– Неарк, – произнес вдруг Полипемон задумчиво. – Это имя много значит для тебя. Я слышал его... Слышу... оно звучит и сейчас.

Он хотел сказать что-то еще, но в этот миг до них донесся далекий звук – сильный удар, смягченный расстоянием. Затем второй такой же – чуть ближе. Танатос медленно огляделся. Прокаженные, удерживающие Герарда, тоже начали озираться и на всякий случай крепче вцепились в оракула.

Тум. Тум. Тум.

Гулкое эхо прокатилось по подземелью, с потолка, покрытого инеем, посыпалась снежная пыль и мелкий мусор.

Дэймос быстро подошел к стене, приложил к ней ладонь, провел по поросшему инеем камню, посмотрел на перчатку. Как будто мог прочесть на ней ответ. Один из его слуг разжал руки и промычал что-то вопросительное, обращаясь к повелителю. Тот не ответил, поворачиваясь ко входу.

Удары участились и теперь грохотом отдавались в ушах.

Размытое пятно тени, скрывающееся в другом слое сна, начинало приобретать четкие контуры. Лишь Герард знал, что это тяжелые лапы, опускаясь, проламывают канву сновидения с раскатистым громом.

Звуковые волны одна за другой обрушивались на дэймосов, дезориентируя, сбивая с толку, ошеломляя.

А затем из стен вырвался черный зверь. Шерсть стояла дыбом на его хребте. Припав к полу, Аякс подготовился к атаке. Он не изменился, не превратился в химеру с огромными клыками и когтями. Но форма уже давно не имела значения.

Танатос едва успел обернуться – и в ту же долю секунды зверь прыгнул. Дэймос непроизвольно вскинул руку. Однако защищаться было не от кого. Быстрая молния исчезла, пробив сновидение двенадцатью острейшими керамбитами на передних лапах. Распахнулась квадратная челюсть, длинные зубы сомкнулись на невидимой нити, скрепляющей

фрагменты ловушки, и та хрустнула, сминаясь словно пластиковый шар. Рядом с дэймосом просвистел камень, сорвавшись с потолка. Стены дрогнули. Казалось, сон превращается в неустойчивую субстанцию, напоминающую желе.

Создатель кошмаров с размаху погрузил в пол левую ладонь в перчатке, стабилизируя возмущение пространства, созданного им.

Камера приобрела прежний вид стабильной монолитности. Новый удар с той стороны заглушило ругательство танатоса. Его рука, выдернутая из гранитных плит, была располосована лезвиями и залита кровью.

Временная петля снова пришла в движение, стремясь превратиться в волну, которая не так давно захлестнула оракула и охотника.

Герард почувствовал, что хватка прокаженных слабеет. Он рванулся из прокрустова ложа, вскочил на ноги, ударом кулака уложил на пол одного из дэймосов. Оракулу показалось, что реальная сила вернулась к нему, но, к сожалению, это была всего лишь яркая мгновенная вспышка – воздействие Аякса на спутника было кратковременным, хоть и мощным.

Однако никто из дэймосов не ожидал, что прорицатель, угодивший в ловушку, не беззащитен, как тот, другой. Герард рванулся прочь из каменного склепа. Зверь, охраняющий его, в своем стремительном движении был похож на черный дым, мгновенно меняющий форму, на взрыв шаровой молнии. На ураган, затягивающий внутрь себя человеческие тела и выбрасывающий их прочь покореженными, разодранными, с переломанными конечностями.

Оправдывая имя прославленного героя древности, Аякс впал в боевое безумие, калеча и убивая всех, кто попадался на пути.

– Охотник! – выкрикнул кто-то из зараженных дэймосов.

И тут же его подбросило в воздух, словно гигантскую безобразную крысу, а затем... с размаху ударило о столб, возле которого сожгли Фидия.

Аякс располосовал полотно ловушки – сплетенные невидимые нити сна, и Герард вырвался в основной слой этого мира.

В колодце внутреннего двора по-прежнему лил дождь... Низкие облака накрывали тяжелой свинцовой крышей колонны. Угли костра, на котором сожгли Фидия, шипели и гасли. Капли выбивали дробь по серой груди пепла. Черное тело погибшего – жертва Фобетору – напоминало изломанное, опаленное дерево.

Герард повел освобожденными плечами, попытался надорвать канву сновидения, чтобы вызвать волну –...и не смог. Временной геликон – единственный путь, в котором могли перемещаться оракулы, оставался недоступен. Ловушка, петля... чем бы ни было это завихрение

пространства, оно держало крепко.

Из нестабильного обрывка, разодранного Аяксом, появился танатос. Казалось, он шел против сильного течения, преодолевая мощный поток. Тот бил его, пытался отшвырнуть, бросал в лицо острые брызги. Однако бич сновидений не обращал на это внимания, двигаясь быстрыми, сильными рывками. И Герард не мог остановить убийцу.

Сквозь прорехи в маске виднелись безумные точки зрачков, плавающих в белесой радужке. Он был одного роста с оракулом, так же силен физически, но дар дэймоса увеличивал его мощь в десятки раз.

– Не спеши!

Нож, оказавшийся в его руке, взлетел над головой Герарда, и тот перехватил запястье, обмотанное серой тканью. В жизни... реальной жизни он бы одолел врага. Сломал предплечье или просто заставил выронить оружие. Но здесь эти приемы не действовали. Пожалуй, впервые за всю жизнь оракул пожалел о своем даре, позволяющем видеть прошлое и будущее, но не дающем возможность противостоять живому кошмару.

– Мне плевать, кто с тобой, охотник или личный дэймос, – прошипел танатос, и тряпка на его рту надувалась и опадала от частого дыхания. – Ты не сбежишь. Я выпотрошу твое подсознание, а потом спалю тебя дотла!

Он старался пригнуть Герарда к земле, надломить, а тот изо всех сил сжимал запястье Полипемона, пытаясь отвести нож от своего горла. Оракул понял, что сила дэймоса неумолимо склоняет его к каменным плитам, грозя утопить в них. Дождь заливал глаза, слепил и оглушал. Еще немного, и клинок вонзился бы в голову прорицателя, вспарывая надежную броню, закрывающую эйдетическую память, и выпуская первое видение из ряда многих тысяч других более или менее важных картин.

Искаженная черная тень с горящими желтым огнем глазами вынырнула из полумрака, оплетающего колонну, внезапно. Аякс прыгнул. Невидимый удар обеих лап оттолкнул танатоса, дернул руку, заставив выронить нож. Стальное острие выбило искры из камней. Одна из них обожгла Герарда. Мгновенная боль резанула по лицу, вернув ощущение острой опасности.

Оракул шагнул назад. И еще раз, и снова. Слыша, как скрипит под ногами пепел, и собирая все свои силы, вырвал, вытянул из пустоты этого времени геликон. Еще никогда ему не было так трудно управлять им. Полоса воды ширилась, росла, захлестывала площадку с обгоревшим трупом, закручивалась кипящими бурунами... Но словно натыкалась на невидимую стену, не доходя до мастера снов всего несколько сантиметров. Дэймос, по грудь в стремительном потоке, рванулся за ускользящей

добычей.

И тогда преграда лопнула... Ледяная масса с привкусом тины, ударила оракула в лицо, ослепила, толкнула в грудь, отшвыривая. Поволокла прочь из этого сновидения. Рев водопада заглушил все остальные звуки, хотя Герарду показалось, что в последний миг он уловил отголосок чей-то жалобной мольбы и захлебывающийся вопль...

Его тянуло вниз. Все глубже и глубже. В темные глубины, бурлящие древними, нерасшифрованными образами, перепутанные водорослями неразгаданных символов и всплесками давно забытых времен. А еще волна была заполнена человеческими телами. Одни совсем близко, другие едва различимы вдали. Одинаковые стальные крючки впивались в них, невидимые лески регулировали уровень погружения наживки. Течение крутило их, переплетало поводки, швыряло из стороны в сторону. Волосы лениво шевелились, словно нити посидонии, руки вяло покачивались. Часть тел казались целыми, другие медленно истончались, распадаясь все теми же струйками темного дыма. Тот висел в пространстве мутными облаками, похожими на чернила сепии, или закручивался водоворотами. Некоторые крючки оставались пустыми.

Неподалеку мелькнул мертвый дэймос в костюме дайвера, рядом с ним, ближе всех к Герарду, поток нес девушку с внешностью Ивы.

Оракул протянул руку. Но течение вновь швырнуло его прочь. Упругое, текучее, холодное, неостановимое, оно не подчинялось прорицателю.

Герард пытался рассмотреть другие лица, но волна безжалостно крутила тела, не давая зацепиться взглядом за детали.

Она волокла за собой, и, как оракул ни старался выплыть, его неумолимо тянул этот обжигающий холодом поток. Все дальше в глубины. Борьба оказалась бессмысленно. Герард попробовал еще раз, но понял, что лишь теряет силы. Разрывное течение, самое опасное из тех, в какие можно попасть в море в реальности – и во сне. Непреодолимая, бурлящая полоса воды, порожденная отливом, неслась по своей траектории. Единственное, что можно сделать, – довериться ей, позволить нести себя, зная, что рано или поздно бурный участок закончится.

Аякс все время был рядом. Оракул чувствовал его горячее тело, прильнувшее к плечам и спине, знал, что тот не отцепится, каким бы сильным ни становилось давление волны. Герард продолжал напряженно всматриваться в мертвые тела и почти не ощущал его острых когтей.

По водяной толще вдруг прошла дрожь. В бездне ворочалось нечто огромное, пытаясь всплыть на поверхность, поднимая новое течение, закружившее крючки и тела, насаженные на них.

Дэймос, принявший облик Ивы, медленно повернула голову в сторону оракула, открыла глаза, скользнула по нему бездумным взглядом, а потом посмотрела вниз. Ее лицо исказилось от ужаса, рот раскрылся в беззвучном вопле, из него вырвались несколько пузырей воздуха и неторопливо поплыли вверх. Она задержалась, раскачивая свою леску и пытаясь схватиться за нее.

Аякс сильнее впился когтями в плечо, но Герард уже протягивал дэймосу руку.

Девушка изо всех сил потянулась к нему, хватаясь ладонями за воду. Между ее пальцами и пальцами оракула оставалось совсем крохотное расстояние, преодолеть которое можно было за один рывок. Но ни он, ни она не смогли этого сделать.

Волна, поднявшаяся из глубин неведомой бездны, разметала тела, закрутила, раздвинула, и оракул внезапно увидел одно скрытое прежде.

Спутанные волосы оттенка охры, лицо знакомое до последней линии, как будто он смотрелся в слегка искажающее зеркало, тонкая, едва заметная нитка белого шрама на плече, оставшаяся из далекого детства. Глаза закрыты, в резких чертах спокойствие и безмятежность, на острие рыболовного крючка в груди – обрывок светлой форменной рубашки.

Герарду хватило доли секунды, чтобы выхватить все детали, но этого было мало для каких-либо действий и даже мыслей.

...Сначала он услышал собственное дыхание, словно сам только что тонул в ледяной воде, пытаясь выплыть из бездны. Затем зазвучал успокаивающий негромкий голос, низкое, утробное кошачье ворчание, и наконец оракул открыл глаза.

Он повернул голову и увидел Иву. Настоящая Ива сидела рядом и с легким беспокойством вглядывалась в его лицо.

– Предиктор Герард, с вами все в порядке?

– У тебя есть мир снов. – Губы разомкнулись с трудом, челюсть ныла, видимо, во сне он сильно сжимал зубы.

Оракул резко выпрямился, продираясь сквозь мутность сознания, неизбежную после напряженной работы во сне. Перегнулся через девушку, почти оттолкнув ее в сторону. И, сбрасывая со столика лишние предметы, все время попадающиеся под руку, нашарил коммуникатор.

Ива приподнялась, Аякс бесцеремонно полез с кровати, ступая прямо по оракулу, вминая в его живот тяжеленные лапы, одним длинным прыжком перемахнул через ноги Ивы и приземлился перед миской, наполненной водой. Принялся жадно пить.

Герард, прижимая к уху прохладную пластину пластикового корпуса, напряженно ждал. Протяжные гудки звучали с равнодушной неизменностью и могли значить всего лишь, что абонент занят или просто не слышит вызова.

Аякс поднял голову от миски, шерсть на подбородке мокрая, настороженный прицеливающийся взгляд золотых глаз устремлен на Иву. Он не доверял ей и следил за малейшим движением девушки.

Предсказатель уже собирался сбросить вызов и повторить его, как ему ответили.

– Да, Герард, – прозвучал совсем рядом спокойный, уверенный голос.

– Ты где? – спросил оракул, пытаясь уловить звуки, долетающие с той стороны. Но не слышал ничего, кроме тишины.

Его собеседник сделал паузу, озадаченный неожиданным вопросом. Обычно прорицатель не выяснял дотошно, где именно находится его внук в разное время суток.

– Работаю, – сказал Неарк с легким удивлением.

– Где ты находишься?

– Герард, я немного занят, – произнес тот мягко, но настойчиво. – У тебя что-то срочное?

– Да.

– Что случилось?

– Тебе грозит опасность.

– Послушай... – безмолвие плотным коконом окутывающее голос Неарка, прервалось вдруг шумом города – далекие гудки машин, гомон толпы, гул ветра. – Мне всегда грозит опасность. Ты же знаешь, кем я работаю. Я не могу бросить дело и бежать прятаться от неясной угрозы. Так же как и ты сам...

Он говорил негромко и успокаивающе, словно решил поменяться местами с Герардом. И теперь его задачей было приводить единственно верные доводы, отмечающие и сглаживающие тревогу.

На это трудно было возразить. Оракул знал, что действительно не в силах заставить Неарка скрываться от жизни, которую тот выбрал.

– Я работал со сном. Видел тебя.

– Что-то конкретное?

Герард посмотрел на Иву, сидящую рядом в прежней позе предельного внимания, перевел взгляд на Аякса, следящего за девушкой, и ответил:

– Нет. Ничего конкретного. Просто будь осторожен.

Он не мог рассказать ему о том, что видел. Никогда не делился подробностями шокирующих видений ни с кем из семьи. Сон должен быть

для людей местом отдыха и прекрасных видений. И даже если в них случайно проберется кошмар, то быстро разрушится, оставив лишь мимолетный неприятный осадок, который скоро забудется.

– Я всегда осторожен. – В голосе Неарка прозвучала улыбка. – Не беспокойся.

Точно так же отвечала на все его предостережения Ида. Но никогда не останавливалась. Никто из них не останавливался.

Оракул отложил было замолчавший коммуникатор и тут же взялся за него снова. Привычный ритуал оказался нарушен. Вместо того чтобы тщательно зарисовать и записать все полученные знаки, он пытался защитить своих близких.

– Тайгер, у меня здесь девушка. Киборг, – произнес он без приветствия. – Человека, с которым она работала на Стене, пытался захватить дэймос, а затем убил, когда понял, что парень сопротивляется слишком активно. Она пришла ко мне за ответами на свои вопросы и принесла любопытный сон.

– Насколько любопытный? – в низком голосе Тайгера прозвучало понимание. Он всегда улавливал скрытый смысл обычных на первый взгляд фраз.

Герард поднялся и, бросив взгляд на Иву, вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Аякс остался в спальне, продолжая следить за гостей.

– Я видел прошлое. Судьбу предсказателя Фидия, о которой столько веков никто ничего не знал после того, как он пропал. Его пленил танатос, управляющий шайкой прокаженных дэймосов. Они сожгли его заживо. Жертва Фобетору, который должен дать им вечную жизнь. А после захватили меня.

– Тебя захватили дэймосы из прошлого? – уточнил охотник.

– Понимаю, как это звучит. Но они были более чем реальны. И если бы не Аякс, все мои знания про Пятиглав, Полис, мастеров сна, наши сильные и слабые стороны оказались бы у них.

– Послушай, Герард...

– Он знал, что я приду. Этот танатос. Я или другой достаточно сильный оракул. Они ждали. Это была очень хитрая ловушка. Сон не выпускал меня. Я не мог управлять им. Я вообще ничего не мог сделать. – Он замолчал, услышав, как где-то в глубине дома прозвучал тихий, погашенный расстоянием женский смех, хлопнула дверь и снова все стихло. Тогда прорицатель продолжил рассказ: – Мне повезло, они не рассчитывали, что меня защищает охотник... Что охотник может пройти с

оракулом вместе во временной волне.

Герард снова сделал паузу, глядя на легкие полосы света, скользящие по декоративным мраморным полуколоннам, выступающим из стен. Они вновь оживили в памяти картину сожжения.

– Но теперь они знают об этом....Тайгер, нам не все известно про дэймосов. Боюсь, мы боремся с ними не теми методами. Их возможности гораздо шире, чем мы представляли. Я не уверен даже в правильности нашей классификации. Они нечто большее, чем мы думаем. Вот почему по всему миру они имеют столько власти и сил. И хотят получить еще.

Герард протянул руку, взял с кованой консоли чашу, но увидел, что та пуста. И понял, как не помешал бы ему глоток вина, служащего символом пророческого экстаза. Тайгер не торопил собеседника. И в этой тишине оракулу слышалось напряженное ожидание. Как в грозовом затишье перед разрядом молнии.

– Мне удалось узнать кое-что важное. Мы всегда считали, что Фобетор – всего лишь метафора, часть фольклора. В его существование не верил ни один из мастеров сна. Мы знали, что для дэймосов это их божество, покровитель, но мы были уверены, что это лишь образ власти над миром снов. И это так и есть... для дэймосов, не посвященных в секреты древних. Однако избранные знают, о чем – на самом деле – идет речь. Они называют Фобетором конкретное место. Это банк информации, где темные сновидящие собирают и хранят свои тайные знания.

Тайгер не отвечал ни слова еще какое-то время. А потом произнес задумчиво:

– Герард, ты принес бесценные сведения.

– Это не все. До того как я попал во временную петлю, меня пытались захватить два реальных дэймоса. Заставить подчиниться приказам и не задавать лишних вопросов, – сказал Герард, желая как можно быстрее перейти к теме, которая беспокоила его более всего сейчас. – На крадущей была мощная ментальная сеть «ткань Коцита»^[18]. Давно я такого не видел. Но она не сумела ничего передать мне. Ее уничтожили, чтобы не смогла сказать лишнего. Я пришлю подробности позже. А пока мне нужна дополнительная защита для Неарка.

Охотнику понадобилось ровно две секунды, чтобы принять решение.

– Эта девушка, киборг, все еще с тобой?

– Да.

– Не отпускай ее. Я сам посмотрю, что там у тебя происходит, и пришлю специалистов. Неарком займется Эгесихора. А от тебя мне нужна вся информация. Как можно подробнее.

Он замолчал, и те несколько мгновений тишины, что повисли между ними, сказали Герарду больше, чем любой продуманный монолог. «Я сделаю все, что могу, – говорил Тайгер безмолвно, – буду защищать твою семью и тебя самого, но ты знаешь, мы не можем спасти всех. Как ты не смог спасти свою жену. Они все уходят рано или поздно. Так же как и мы. Но пока мы здесь – наша цель не забывать о своем деле».

– Спасибо, – сказал оракул, завершая разговор.

Убрав коммуникатор в карман, он вернулся в комнату и внимательно посмотрел на девушку.

Такую настоящую, живую, реальную. С абсолютно человеческой мимикой, желаниями и порывами. И принесшую с собой столь жестокие тени прошлого.

– Я не могу причинить вам вред, – произнесла она сдержанно, словно прочитав его тайные мысли. – Если вы думаете, что я могу быть опасна, что меня отправили сюда для того, чтобы убить вас, предиктор, то это невозможно. Я полностью социализирована, и моя программа содержит те же моральные принципы, что и ваша... Я не обычный прибор, который, попав в руки злоумышленников, станет работать против своего создателя.

– У тебя есть мир снов, – повторил Герард, обмениваясь с Аяксом быстрым, понимающим взглядом.

Ива ничего не ответила, нахмутив брови и осмысливая услышанное. Она очнулась от глубокой задумчивости, лишь когда оракул сказал:

– Дай мне блокнот. Вон там, на столе.

Откинул картонную обложку, взял карандаш и начал работать, нанося на бумагу мельчайшие подробности последнего сна. Не думая больше ни о чем, кроме задачи, которую должен решить.

Глава 15

Право на вдох

Он всегда очень сильно реагировал на запахи. И на звуки. А здесь и того и другого было вдосталь.

Свалка исторгала десятки оттенков разнообразной вони, а также скрежета, лязга, воплей и стонов. Мусорщик давно научился отделять те из них, какие несли особую ценность для него.

Запах свежей крови на фоне трупного смрада, горечь нового разгорающегося пожара, заслоняющего едкий дымок постоянно тлеющего мусора, щелчок затвора, загоняющего патрон, крик настоящего ужаса и настоящей боли...

Воспоминания о Полисе не стирались из памяти. Он всего лишь отложил их в надежный сейф подсознания и закрыл на ключ. Когда будет нужно – откроет и насладится в полной мере. А пока остается лишь эта свалка и живущие на ней. Он пришел сюда не от безысходности и тем более не от чрезмерного альтруизма. У него было дело и четкая цель, которую он выбрал без принуждения или долгих убеждений.

Каждый заслуживает ту жизнь, которую выбрал. И он сам – тоже. Здесь и сейчас, в грязи, среди больных и озлобленных.

Чтобы лечить людей, не обязательно жалеть их. Нужно просто честно делать свою работу.

Они все прекрасно видели это. Знали, что не смогут разжалобить и выклянчить лишние таблетки, чтобы потом продать их. Не затравят, потому что он не боится, не отводит смущенного взгляда от язв на их телах, не чувствует вины перед ними. Умеет драться на шестах не хуже крысы и может наносить такие же страшные раны. Его не остановит звание целителя и неуместные сомнения.

Он умел впадать в ярость, отчего его светлые глаза наполняло безумие, и очень скоро каждый обитатель свалки знал, что белого по прозвищу Мусорщик лучше не задевать. Успокаивался он быстро и сам лечил нараввшегося на его гнев. Сшивал глубокие порезы, накладывал собственноручно изготовленную мазь, делая внушение негромким, властным голосом. Он исцелял их не только как сновидящий, но и как врач. Использовал настойки и эликсиры своего изобретения, проводил хирургические операции, на которые у этих людей никогда не было денег.

Да и никто не принял бы ни одного из крыс в госпитале. Удалял аппендициты и вырезал грыжи, вправлял вывихи и ампутировал конечности. А также учил чистоте и поддержанию хотя бы минимальной аккуратности.

Он не стал своим среди крыс. Он стал большим. Легендой. Почти мистическим существом, которое появляется, исчезает под землей, исцеляет от всех болезней и карает на расстоянии. Неразвитое сознание склонно к мистицизму. Объясняя любое непонятное явление проявлением высшей сущности.

Ему начали приносить вещи тяжело больных, живущих за пределами свалки. Кто-нибудь из крыс, чаще всего Горус – хромым старик, вылеченный им от проказы, притаскивал шпильку, бусину или запонку. Мусорщик аккуратно обследовал предмет, иногда помогал, пару раз наткнулся на след дэймоса, с которым, конечно, не стал тягаться.

Но все это было не то.

Его путь оказался слишком долгим, извилистым и сложным, но целитель отличался терпением. Искал новые методы.

Однажды ему повезло. Мальчик, далекий потомок Эвергетов, выжив, стал его проводником в мир богатых и властных.

Мусорщик научил его быть бесстрашным. Впрочем, человеку, который ушел от смерти, бояться особо нечего. Заменял ему если не родителей, то старшего наставника.

Антэй прекрасно понял и охотно принял роль, которую отвел ему целитель. Месть, которой так страстно желал мальчишка, отлично легла на цель самого сновидящего. Они вместе двигались к ней, и теперь развязка была очень близка.

Может быть, уже сегодня.

Запах гари стал нестерпим. Свежий дым пробивался сквозь копоть старого пожара.

– Огнеметы, – сказал Горус, когда он поднялся наверх из подземного убежища, которыми был изъеден этот район, как сыр дырами. – Жгут свалку. Вам надо уходить.

Голова начала болеть, но не от нехватки кислорода или избытка продуктов распада. Мусорщик с любопытством эпидемиолога, зараженного редким вирусом, прислушивался к своим ощущениям.

Перед глазами поплыли черные пятна.

Он ухватился за спинку качающегося стула, ощущая, как втекает в его разум чужая воля.

– Уходи ты, Гор, – велел целитель, держа себя на поверхности этой

реальности. – Бери семью. Идите на нижние уровни. Под землю они не сунутся.

Старик проворчал что-то, явно выражая сомнения в оптимизме целителя, и поковылял прочь из дома.

Сквозь дыры в стенах жилища потянулись тонкие, зыбкие волоконца дыма. Был шанс, что ему вообще не будут ни задавать вопросов, ни рыться в его подсознании на предмет поиска путей к другим мастерам сна.

– Они просто убьют тебя, – говорил Тамир Махфур, кривясь презрительно.

– Надо сделать так, чтобы не убили. Или хотя бы попытались не сразу.

– И как ты этого добьешься?

– С твоей помощью. Нарисуй свет в конце моего тоннеля, – усмехнулся Мусорщик.

Вдохновитель нахмурился.

– Что именно ты хочешь? Я могу вообразить все, что угодно.

Они разговаривали в мире сна целителя. Пыльная комната по-прежнему была заставлена старой мебелью. В зеркале не отражалось ничего, кроме бликующей дымки.

– Вопрос в том, кого дэймос не захочет убить. Или убить не сразу. Кого бы ты оставил в живых?

– Сравниваешь меня с дэймосом? – криво улыбнулся вдохновитель.

– Я просто спросил.

– На месте создателя кошмаров я бы не стал убивать того, кто будет мне полезен.

– И кто же?

– Тот, кто слабее, незащищен и кто не представляет опасности. Кого можно подчинить, – начал перечислять он.

– Тот, кого некому защищать, – повторил Мусорщик. – Можешь изобразить мое полное одиночество и беспомощность? Безопасность для проникновения?

– Знал я людей, которые хотели, чтобы я окружил их ореолом власти и значимости, – произнес Тамир задумчиво, доставая из ткани сна лист бумаги и карандаш. – Но еще никто не просил превратить его в ничтожество, материал для слома.

– Не перестарайся, – сказал Мусорщик, глядя в зеркало, отражающее тропинку в яркое, изменчивое подсознание Антэя, такое сильное и такое хрупкое.

– Не учи меня моей работе, – отрезал вдохновитель.

На бумаге под его карандашом появлялась человеческая рука в

трехмерной проекции. Ладонь – глубокое озеро, вместо пальцев – узнаваемые небоскребы Александрии со спиралями зеркальных фасадов. Картина вызвала смешанные чувства – восхищение мастерством художника, но также отголосок сдержанной агрессии – казалось, эта рука сейчас сожмет здания в кулаке и они треснут, раскрошатся, осыплются, подчиняясь железной воле мастера.

– И какое отношение это прекрасное изображение будет иметь ко мне? – со сдержанным любопытством спросил Мусорщик.

– К тебе никакого. – Тамир не поднимал головы, нанося последние штрихи. – Дэймос, который полезет в твоё подсознание, почувствует прилив мощи, и та лишит его разумной осторожности на краткое время. Также твоя ценность для него увеличится. Будет жаль уничтожить сразу столь значимый приз. Он испытает неудержимое желание захватить эпиоса, за которым так долго охотился, живым. И отомстить. Наказать... Как наказывают дэймосы, ты знаешь.

– Знаю. Спасибо.

Тамир коротко взглянул на него, предполагая, что он вкладывает в эту благодарность иронию, а не искреннюю признательность. Но не увидел ожидаемой насмешки.

– Как я уже говорил, мне совсем не нравятся твои методы. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Знаю.

Он всегда знал, что делает. Особенно сейчас. Когда жильё сорной крысы наполнял дым близкого пожара.

Уже близко. Очень. Незримая преграда должна была вот-вот лопнуть, она уже прогибалась под чужим яростным давлением.

За мгновение до того, как это произошло, чужая воля начала тянуть целителя в сон, и он не стал сопротивляться сильному влиянию. Реальность погасла. Дэймос ворвался в его подсознание. Зеркало лопнуло градом осколков, впуская в тихую комнату – склад давних воспоминаний, прикрытых складками сновидения – незнакомого высокого человека. Он был настолько худым, что казалось, будто его фигура состоит из сплошных острых углов и прямых линий. Вспомнились страшные истории о тощем бродяге, которые любили рассказывать жители свалки среди прочих легенд и мифов.

Это воспоминание было лишним, но сейчас годилось и оно для того, чтобы держать мысли под контролем.

– Что за тощий бродяга? – спросил дэймос, глядя на целителя блеклыми глазами с черными точками зрачков.

В его голосе звучало легкое презрение и насмешка.

– Местный фольклор, – невозмутимо ответил Мусорщик.

– А ты, значит, тоже претендовал на роль легенды?

Горло сдавила невидимая рука, потянула, заставив сделать шаг вперед, навстречу смертельно опасному гостю.

Танатос. Вот кто посетил его мир снов. Безнаказанный, неуловимый убийца.

– Отброс, живущий на помойке, – продолжил он, в свою очередь рассматривая целителя. От грязно-синей повязки, перехватывающей длинные серые волосы, до босых ступней, виднеющихся из-под оборванного края хламиды. – Среди таких же отбросов.

Дэймос излучал почти физическое презрение, желание унижить и, как ни странно, ненависть.

– Каждый, кто оказывается на свалке – мусор. И ему положено тихо догнивать рядом с такой же падалью. Но нет, тебе все равно хочется власти, хотя бы даже над крысами. Не смог подчинить никого больше, решил управлять этими дегенератами?

Повиновение, унижение, приказы – единственно возможные критерии общения с окружающими для создателя кошмаров. Понятные, логичные...

– Ты – ничтожество. Думал, имеешь право помогать им? Лечить, защищать?.. И что они получили за это? Смерть и мучения. Твой мальчишка-прыгун мертв, крысы тожедохнут. Одна за одной. И это все, что ты смог им дать.

Перед глазами возникла очень яркая картина.

Посреди сизых клубов, ползущих по земле, он увидел людей в противогазах, с ранцами огнеметов за спинами. От них убегали жалкие, кривые фигурки. Но не могли убежать. Длинные языки пламени превращали их в живые факелы, слепо мечущиеся среди битого кирпича и досок. Мусорщик почувствовал вонь горячей плоти, услышал вопли, в которых уже не было ничего человеческого.

Дуло огнемета в руках одного из солдат повернулось. Из него вырвалась струя пламени и окатила целителя. Он вспыхнул, как горсть сухих веток, как пригоршня травы. Но не мог ни потерять сознания, ни умереть, ни рассыпаться пеплом. Сколько длилась эта боль, невозможно было сказать, но, когда она оборвалась, целитель услышал торжествующий шепот дэймоса у своего уха:

– Я сам буду решать, что делать с моими людьми. Если онидохнут от заразы и голода, значит – я не хочу им помогать. Достойную жизнь получают лишь те, кто заслужил это.

– То есть унизился в полной мере? – Мусорщик понял, что снова может говорить, хотя его голос звучал как чужой. – Выслужился? Вымолил подачку?

– Достойны помощи лишь те, кто сумел договориться с нужными людьми. – Дэймос отстранился, выпустил воротник целителя, который сжимал, брезгливо вытер ладонь о свои льняные брюки. – А кто не смог – сдохнет. И ты не смеешь распоряжаться на моей территории.

– Твоей?

– Здесь все мое. И ты тоже.

Он окинул взглядом помещение, ухмыльнулся, показывая белые зубы, такие же длинные и неровные, как и все в нем.

– Этот мальчишка, выродок Эвергетов, был здесь? Ты ведь хотел использовать его? Добраться с его помощью до нормальной жизни? Прицепиться к богатым людям, обладающим властью. Также как и он сам должен был закончить свои дни на помойке, но он изо всех сил карабкался наверх. А ты следом за ним.

Описание происходящих событий с точки зрения дэймоса, абсолютно в логике его мира. Люди должны знать, что есть сила, которой они обязаны подчиняться. Делать, что велят, и не размышлять над приказами своего хозяина. Взаимопомощь, поддержка, желание защитить и получить защиту в ответ, привязанность и дружба – не существуют. Не должны существовать. Есть только подчинение, страх, ненависть, стремление выслужиться и получить подачку.

– Ты очень глупо попался, связавшись с человеком и забравшись на мою территорию. И теперь будешь расплачиваться за это.

Стихийный целитель, одиночка, имел наглость распоряжаться чужим имуществом на чужой территории. Но не сумел в достаточной мере закрыть свое подсознание.

Дэймос, прочно утвердившийся в его мире снов, отдал беззвучный приказ – и тот вытолкнул Мусорщика в реальность. Создателю кошмаров было недостаточно захватить его разум, ему было нужно еще и физическое тело. Особенно физическое тело. Боль, причиненная во сне, не оставляет следов.

Он все еще был в доме Горуса. Слышал крики и стоны из реальности, шипение и плевки огня. Воля танатоса заставляла подчиняться не рассуждая.

Мусорщик сделал шаг, еще один, распахнул перекошенную дверь и вышел на улицу. Он уже видел этих людей в камуфляже с прирученным огнем в руках. Горели лачуги, дымились завалы мусора. На земле лежали

черные, скрюченные, обугленные фигуры. Слуги дэймоса использовали не современные «Шершни», а старые ранцевые огнеметы, заставив крыс гореть живьем.

«Сожгут или нет?» – равнодушно подумал целитель, глядя на безликие фигуры, неторопливо поворачивающиеся в его сторону.

Пожар в голове вспыхнул с новой силой. Целитель ощущал нетерпение и предвкушение дэймоса. Азарт от поимки дичи, которую тот так долго выслеживал. Удовлетворение от смерти мальчишки. Рима просила за серфера. Очень просила. Сначала он считал выполнимым ее желание. Почему бы не проявить терпимость к привязанностям родственницы важного делового партнера. Тем более прыгун по волнам вряд ли сообразил, что именно услышал на яхте. Парня можно было даже поблагодарить: за невольное обнаружение Инсара – этого слабого звена в их четком плане. Но затем дэймос посчитал разумным проверить еще раз – и наткнулся на мощную защиту. Таковую не ставят обычным людям. И все же в ней была трещина. Едва заметная тоненькая ниточка, ведущая к кое-кому очень интересному. Он пошел по ней и наткнулся на ценную дичь. Подобными трофеями не разбрасываются.

Теперь работа аккуратно завершена. Серфер мертв, не выдержав воздействия, а целитель практически беспомощен, парализован.

Мусорщик чувствовал, как его омывает бурный поток чужих мыслей, наполненных торжеством. Зрение еще не погасло, он заметил, как из-за горы мусора выбрались три фигуры, вооруженные косами – теми самыми палками с крючьями на концах.

– Стойте, – сказал он, чтобы остановить ненужных защитников.

Огнеметчики решили, что высокий человек в оборванной хламиде обращается к ним, прося пощады. Один из них махнул рукой в черной перчатке, требуя следовать за собой.

Целитель шагнул вперед, и тут же ближайшая крыса прыгнула. Страшное оружие взлетело в воздух, стальной крюк, смазанный трупным ядом, вонзился в плечо ближайшего солдата, раздирая плоть. Тот закричал, пытаясь выдрать из тела изогнутое острие, выронил дуло огнемета. Две других крысы оказались недостаточно проворны. Столбы огня превратили их в живые факелы. Затем прогремел выстрел, отшвырнувший первого нападавшего на груды отбросов и поливший его пламенем.

И тут же Мусорщика настиг решающий удар. В мозг ввинтилась острая игла, целитель понял, что падает. Тело перестало слушаться. Картина свалки, затянутой дымом и расцветающей ядовито-красными огнями, померкла. Сквозь шум и звон слышались крики, но сейчас стало

невозможно понять, в какой реальности они звучат.

Целитель закрыл глаза.

На этот раз бесконтрольный сон продолжался очень долго и не предвещал ничего хорошего.

...Он лежал на больничной кушетке. Запястья, щиколотки и голова вдоль лба пристегнуты ремнями так, что едва получалось шевелиться. На белом потолке ровно светила лампа, забранная решеткой. Из-за планки кондиционера тянуло прохладным дезинфицированным воздухом.

Рядом стоял мужчина в зеленом халате медицинского работника и тканевой маске, закрывающей лицо. Видны были только черные глаза и густые широкие брови.

– Добрый день, цел ер Миракс. Или вас лучше называть Мусорщиком? – сказал он любезно на койне, очень чисто. – Вы смелый человек.

– А вы кто? – спросил он, едва узнавая свой сиплый голос.

Попытался приподняться, но ремни держали жестко, не давая даже иллюзии свободы.

– Можете называть меня обскурум Фарис. Я ваш доктор. На ближайшие несколько месяцев или, быть может, лет. Это будет зависеть от степени вашей выносливости и устойчивости к психологическому давлению.

«Обскурум». Почтительное обращение к крадущему сны. Слово зацепило тонким крючком и начало вытягивать следом за собой длинную сеть понимания. Но было нужно последнее уточнение.

– Что это за место?

– Некоторые считают его тюрьмой. Однако мне больше нравится определение лечебница, – произнес он с усмешкой, взглянул на что-то, находящееся за пределами зрения целителя, прищурился. Или на кого-то, незримо присутствующего при этой беседе. – Для мастеров сна. Таких самонадеянных, как вы.

Целитель молчал и смотрел на дэймоса, ожидая, что он скажет еще.

– Ценю ваше мужество, цел ер Миракс, – произнес тот снисходительно. – В такой ситуации сохранять самообладание непросто. Свалка будет полностью сожжена. Людей, живущих на ней, убивают. Впрочем, такие, как они, не достойны жизни. Давно пора было смести всю эту помоечную заразу и очистить город.

Рассуждая, крадущий одновременно заряжал капельницу. Вешал на стойку пакет с прозрачным содержимым, придвигал конструкцию ближе к

кушетке. И все это спокойно, обыденно, почти равнодушно.

– Уничтожьте свалку и куда будете девать мусор? – спросил целитель, непроизвольно напрягая руку, куда должна была вонзиться игла.

– Переработаем, – усмехнулся дэймос.

– Сначала готовят необходимые условия, подготавливают среду, а лишь затем убирают прежнюю систему.

– Именно этим мы и занимаемся сейчас. – Фарис внимательно, с интересом посмотрел на эпиоса. – Мы ведь говорим о промышленных и бытовых отходах, целер Миракс, не так ли? Или это аллегория?

Он наклонился над Мусорщиком и ловко, видна была долгая практика, ввел иглу в вену.

– Хотите упрекнуть меня в жестоком обращении с местным населением?

– Нет, – ответил тот сквозь сжатые зубы, – вам нет дела до моего мнения.

– Именно. – Дэймос поправил пакет, регулируя течение жидкости по трубке, покосился на пленника. – Не напрягайтесь. Этот раствор предназначен для того, чтобы вы не умерли.

Он знал, что его будут пытаться. Но одно дело знать, а другое – мучительно ожидать пытку.

– Того, кто умеет лечить, можно заставить насылать болезнь, – спокойный голос Фариса сопровождался тихим металлическим позвякиванием. – А кто насылает болезнь, умеет и лечить.

– Ложь! – резко произнес Мусорщик, понимая, что приятная беседа сейчас прервется. – Вы не можете исцелять! Ламносы калечат здоровых ради того, чтобы они унижались, молили о спасении или платили за него. И только после этого вы исправляете то, что вызвали сами. Или, если обладаете достаточной мощью, способны отменить воздействие другого дэймоса.

Фарис не стал приводить доводы, опровергающие эти слова или, наоборот, подтверждающие мнение целителя. За него это сделала боль. У нее нашлись поистине убийственные аргументы, заставившие умолкнуть голос разума.

Жгучая дорожка ползла от щиколоток к коленям, разъедая и прожигая ткани. Все глубже и глубже.

– Едкий натр, – любезно пояснил дэймос, – вызывает сильнейшие термические ожоги. Это в продолжение темы двойственности одного явления. Одно и то же вещество можно использовать для производства шоколада, выпечки, размягчения маслин, изготовления тканей.

Нейтрализации отравляющих веществ, таких как зарин, например. Тот же самый натр в дыхательных аппаратах – ребризерах помогает очищать выдыхаемый воздух от углекислого газа. – Крадущий наклонился над целителем, рвущимся из ремней от язвящей, жгучей боли, и рывкнул в его лицо, залитое потом: – Мы разрешаем вам дышать!! Пока разрешаем.

Он с размаху вогнал в плечо Мусорщика скальпель. Острие пробило плоть насквозь и вонзилось в кушетку.

– И когда ты сходишь с ума от боли, цел ер Миракс, так ли важно тебе, кто причинил ее? Ламия, сбой в генетике, вирус или несчастный случай. Думаешь, людям будет до этого дело? Главное, что избавление возможно.

Он вырвал скальпель из тела пленника и провел неспешный разрез по лбу, под линией волос. Кровь хлынула толчками, заливая лицо. Сознание замерцало, обещая блаженное забытие. Но это был обман, потому что забвения не наступит.

– Боль – мощный разрушитель барьеров, – голос Фариса становился то едва слышным, то оглушал.

И целитель знал, что теперь он будет звучать всегда, вбиваться в уши ржавыми гвоздями, лязгать в черепной коробке, скручивать нейроны, искажать смысл, извращать реальность, закрепляя каждое слово ожогом, раной, переломом. Пока эпиос не поверит...

Темнота приближалась.

В краткий миг балансирования между двух реальностей, сна и яви, Мусорщик увидел загорелое лицо, склоненное над ним. Широкая переносица, высокий лоб с легкими продольными мимическими морщинами, чуть выдающийся вперед подбородок, серо-зеленые глаза... Услышал настойчивый голос:

– Где? Назови место!

– Не знаю, – прошептал он и провалился глубже, туда, где ждал прежний неумолимый собеседник.

Безопасный тихий уголок его подсознания превратился в камеру пыток, более изощренную, чем наяву. Кресла, диваны, столы, даже рама от зеркала изменились. Они больше не выглядели обычными предметам мебели из дерева и металла. Сиденья, спинки, подлокотники, столешницы оказались сделаны из фрагментов человеческих тел – спин, грудных клеток, бедер и кистей рук.

Но самое ужасное, те не были мертвыми. Кожа, натянутая на каркасы костей, истекала кровью, конечности вздрагивали и сокращались, в складках ткани виднелись закаченные глаза и разинутые в крике рты.

Мусорщик сидел в таком живом кресле, всем телом ощущая его бесконечную агонию. Руки и ноги эпиоса держали стиснутые человеческие челюсти, из-под зубов текла его и чужая кровь, голову прижимали к спинке пальцы, вцепившиеся острыми ногтями в затылок, волосы, шею...

Лучше было терпеть собственную боль, чем видеть и чувствовать все это безумие. Он рванулся, понимая, что начинает терять контроль над собой, над своими мыслями, но не мог освободиться даже от охвативших его отчаяния и безысходности.

Из зеркала, превратившегося в коридор, хлопающего окровавленными ключьями плоти, выступила знакомая тощая фигура. Танатос, устроивший в его подсознании праздник смерти, ухмылялся тонкогубым ртом, демонстрируя длинные лошадиные зубы.

– Знал, что тебе понравится.

Он небрежно опрокинул небольшой столик, и Мусорщик увидел, что его крышка сделана из расплющенного лица Гора.

– Они все здесь, – дэймос обвел помещение широким жестом костлявой руки, – твои друзья с помойки. Для каждого нашлось место.

Кандалы-зубы глубже вонзились в запястье целителя, перегрызая вены. Кровь полилась на пол.

– Жаль, твой дружок-серфер сдох. Я бы нарезал из него ремней.

Он наклонился, поднял обугленную голову с тянущимся за ней позвоночником и небрежно бросил ее на колени плененного мастера снов. Позвонки, словно лапы хищной многоножки, впились в его тело, хребет изогнулся по-змеиному, поднимая череп с ключьями сгоревшей плоти. Эпиос узнал искаженные почти до неузнаваемости черты Трерис, посмотрел в ее безумные, белые глаза, горящие слепой ненавистью. В туже секунду оскаленный рот вонзил острые обломки зубов в его шею, выдирая окровавленные куски.

...Кошмар оборвался, для того чтобы продолжиться в реальности.

Миракс открыл глаза, почти с облегчением увидел белые лампы, серые стены, лицо Фариса в маске. И его снова захлестнула боль. Было не важно, что ее причиняет – химическое соединение, скальпель или электрический ток.

– Мастера снов не нужны Александрии, – сверлил барабанные перепонки голос дэймоса. – Вы вне закона. Запрещены на государственном уровне.

Теперь щелочь разъедала его руки. И не было возможности увернуться от ее жгучих языков, облизывающих кожу.

– Вам не позволяют лечить, создавать сновидения, вмешиваться в дела

ученых. Для этого есть другие специалисты.

– Замолчи, – выговорил Миракс и едва услышал свой хриплый, сорванный голос.

– Вы что-то сказали, целер? – вежливо склонился над ним Фарис, не дождался ответа и продолжил: – У вас нет школ, учеников, последователей. Вы – никто. Элемент чуждой культуры, навязанной враждебным городом.

Голова раскалывалась, перед глазами плыли багровые пятна, складывающиеся в знакомые, изуродованные лица.

– Те, кого ты лечил, теперь причиняют тебе боль, – ввинтилась в мозг очередная участливая зубодробительно-лицемерная фраза дэймоса. – Так бывает всегда. Это закон. Мы вкладываем себя в других, а они нас убивают.

«Как хорошо, что среди всего этого нет Антэя», – пронеслось в пылающем сознании. Однако эта мысль не принесла успокоения.

Боль стала растушевываться, отдаляться. Миракс, зная, что его вновь утянет в прежний кошмар, попытался уцепиться за реальность... Но ему не дали этого сделать.

Пытка продолжалась.

Ее нельзя было прекратить. Ни словами, ни действиями. Можно было только сломаться. Изменить свою природу.

Кровавое пиршество танатоса длилось, выплескивая все новые и новые видения. И в них так легко было потеряться. Потерять себя. Свои цели, стремления, разум, жизнь. Нет, жизнь бы оставили...

Лишь где-то на самом краю рассудка мерцало понимание того, что его мир снов не заблокирован.

Целителя не отрезали от иной реальности. Ведь здесь шло такое увлекательное действо. Танатос наслаждался, заставляя мастера снов испытать чувство вины, еще более жгучее, чем поток щелочи, и сожаление, режущее глубже скальпеля. Показывал новые жертвы. Тела, напластованные в тонкие ленты и сшитые как попало, устилали коврами пол, чаши из переплетенных друг с другом костей наполнены кровью, в них плавают глазные яблоки с пульсирующими точками зрачков...

На одной из граней бреда перед ним прошел человек, которого он не узнал. Светло-русые волосы откинута назад с высокого лба, широко расставленные серо-зеленые глаза внимательны и серьезны. Он ничего не сказал, ни о чем не спросил. Даже не посмотрел на эпиоса, нацеленный на что-то далекое и сложное, судя по глубокой складке между светлых бровей. Прошагал мимо и пропал. Растворился в кровавом мороке.

Миракс рванулся обратно в реальность и угодил в новую разновидность боли.

Левый глаз перестал видеть, тело сотрясала дрожь, своих мыслей не было, их заменял голос Фариса. Убеждающий, приказывающий, объясняющий очевидные для дэймоса вещи. Власть – единственное благо, убийство – привилегия сильных, свобода – во вседозволенности...

Трон из живой плоти стал раскаленным, с потолка к целителю тянулись сотни рук – вцепиться, задушить, разорвать...

Танатос смотрел на него и дирижировал новыми и новыми фантазмагориями. Они лезли в щели пола, прорывались сквозь стены... Одна выбралась из багрового коридора-зеркала за спиной дэймоса. Высокий человек с извивающимися бичами в каждой руке. Он быстро шагнул в комнату, огляделся и взмахнул своим оружием.

Создатель кошмаров почуял движение или отследил направление взгляда Миракса, обернулся, но недостаточно быстро. Длинная плеть обвила его шею. Взметнула к потолку худое тело. Костлявые ноги засучили в воздухе, руки уцепились за удавку, яростно срывая ее с себя. Чудовищные химеры, подчиняясь его безмолвному приказу, поползли к захватчику. Щелкая костями, скаля зубы, извиваясь и дергаясь.

Второй бич остановил несколько существ и увяз в окровавленной плоти, вспучивающейся на полу. Дэймос вырвался, упал, мягко приземлился в буро-серую массу. Миракс услышал его тихий смех и в тот же миг почувствовал, что кресло освобождает его. Челюсти разжались, отпуская запястья и голени, хватка пальцев ослабла, сиденье распалось. Целитель рухнул на колени, разбрызгивая свою и чужую кровь. Танатос задействовал все свои силы, чтобы справиться с человеком, ворвавшимся в это пространство.

«Охотник», – мелькнуло в растерзанной памяти неожиданное слово.

Тот еще раз взмахнул плетью, она взвилась в воздух, упала на плечи создателя кошмаров, обвив все тело тонким шнуром, и, сдавив, стала гнуть к земле.

Но и сам воин сновидений был уязвим. Безглазые зубастые морды, в которых уже не было ничего человеческого, впились в его икры, длинные кости пронзили колени острыми спицами.

Дэймос рассмеялся снова, сдирая черную ленту. Охотник, не обращая внимания на боль и льющуюся кровь, вырвал второй бич из оживших фрагментов тел и ударил им, пытаясь освободиться...

Миракс видел его напряженное, оскаленное лицо. И понимал, что не в состоянии помочь.

Целителю не дано победить создателя кошмаров и вряд ли он справится с хищными химерами. Агрессивными, страдающими,

больными... последнее слово обожгло его не хуже едкого натра.

На это воздействие ушли оставшиеся силы. Он выложил все, что было, до самого дна... Распавшиеся ткани начали соединяться, срастались кости, кожа затягивала обнаженные мышцы, закрывались разорванные вены. Боль уходила, таяла, больше не могла управлять этими существами. И дэймос, отбивающийся от атак охотника, не способен был наполнить их новой ненавистью.

Целитель опустился на пол, каменный, чистый, холодный, глядя, как мимо проходят знакомые люди. Горус, Семат, Изис, Хонс и другие... Тают, ускользают из этого кошмара.

Кожаная петля связала танатоса в третий раз, и он взвыл от ярости, впиваясь зубами в ремень, на губах выступила пена, как у загнанной лошади, закатились глаза, охотник бросился к нему, ту же затягивая удавку.

– Где тюрьма?! – рявкнул он в искаженное судорогой лицо создателя кошмаров.

Тот захрипел, царапая шею.

– Не скажешь ты, признается Фарис. Он выживет, а ты сдохнешь! Сейчас!

Дэймос задергался, заскулил, пытаясь уцепиться за руку охотника.

– Оазис... западный... Эрг, – прохрипел он, спеша передать ценную информацию словами и дополнить образами. – Дом на... окраине. Стена... двор изолирован... охрана. Теперь убейте его... меня оставьте. Меня!

Он выплюнул последнее слово вместе со сгустком крови и завопил от боли или ужаса. Из ушей и рта потекли красные струйки. Глаза начали вылезать из орбит. Дэймос подавился собственным языком и теперь захлебывался кровью.

Охотник поспешил стянуть с него плеть, запустил ладонь в грудную клетку тела сновидения. Разжал стиснутые зубы рукоятью плети, оглянувшись на целителя. Тот поймал его бешеный, яростный взгляд и отрицательно покачал головой.

С этим он ничего сделать не мог.

Танатос, попавший в плен и выдавший врагу информацию, уже распадался на куски под руками охотника, рассыпался, превращаясь в груды праха. Окончательно, безоговорочно мертвый.

Несколько секунд, и на каменных плитах пола осталось лишь неровное пятно плесени.

Миракс чувствовал, как дрожит, покачивается, вновь обретает стабильность и целостность мир его снов. Стряхивает кровавый кошмар и медленно стягивает трещины в своей ткани...

Потом все потонуло в пелене, похожей на дым, а когда тот развеялся, над ним склонялся человек.

Светло-русые волосы в беспорядке падали на взмокший лоб, ноздри широкого носа раздувались, жадно втягивая воздух, в серо-зеленых глазах угасающее бешенство, вызванное схваткой и, более того, смертью дэймоса, которого он не смог захватить.

Но голос его прозвучал ненавязчиво-успокаивающе:

– Все в порядке, Миракс.

Внимательный взгляд несколько секунд ощупывал каждую песчинку потрепанного сознания целителя. Но, похоже, не нашел ничего преступного, или болезненного, или требующего экстренного серьезного вмешательства.

– Он стабилен, – сказал охотник, обращаясь к кому-то за пределами комнаты. – Влияние начато, но значительного вреда не смогли нанести. Ты отлично держался.

Мир снов дрожал и вибрировал за пределами комнаты.

– Вы нашли всех?

– Через твое подсознание, – быстро ответил он. – А теперь, просыпайся. – Коснулся лба целителя и добавил: – Спасибо за помощь.

Эпиоса потянуло прочь из рассыпающейся реальности...

Миракс открыл глаза. Потолок медленно покачивался над головой, белые панели, покрывающие его, перекосило, лампа дневного света лихорадочно подмигивала. Тело пробивала дрожь. Зрение не вернулось к поврежденному глазу, но боль отползла, затухая. Он по-прежнему лежал на кушетке, в лечебнице, предназначенной для ломки мастеров сна, однако руки уже не были пристегнуты и пальцы не сводило судорогой.

Затем в поле зрения попало лицо – серо-стального цвета, как морда наяды, личинки стрекозы, с фасетчатыми глазами и неожиданно яркими, мягкими женскими губами на хитиновой личине насекомого. Они шевельнулись, произнося что-то, и ему понадобилась целая секунда, чтобы понять. Маска. На ней защитная маска с интерактивными линзами очков, на голове облегченный шлем с ракушкой гарнитуры связи подле уха.

– Миракс Рескино? Ты слышишь меня? – спросила девушка на чистейшем койне.

– Да, – ответил он сразу на оба вопроса и повторил чуть громче: – Да. Слышу.

В ее руке, затянутой перчаткой с усилениями для суставов, появился внушительный нож с серрейтором. Пара взмахов, и ноги тоже были

освобождены.

– Двигаться можешь?

Целитель попытался сесть на кушетке. Это получилось не сразу. Голова была тяжелой и неподвижной, на лбу запеклась корка из крови и пота. На глазу он ощутил повязку. Шея поворачивалась с трудом, а спина ныла при каждом вдохе.

У распахнутой двери камеры стоял человек в военной форме, такой же как на девушке – полная защита суставов и связок, усиленный бронежилет, шлем, наспигованный электроникой. И никаких опознавательных знаков.

Не обращая внимания на происходящее в палате, военный сканировал коридор, методично ощупывая лазерным прицелом винтовки, прижатой к плечу, каждый подозрительный метр подконтрольного пространства.

– Пять минут, – произнес он глухо.

– Вы из Полиса? – спросил Миракс девушку и тут же понял нелепость своего вопроса.

Он сам проложил для них маршрут.

Специально оставил в подсознании Антэя лазейку для дэймоса, тонкий след, ведущий к нему, целителю-одиночке, обитающему на помойке. Позволил захватить себя, привести в тюрьму, которую так долго искали и не могли вычислить охотники Полиса. Но стоило терпеть ломку ради того, чтобы обнаружить это гнездо.

– Думаешь, Александрии есть дело до наших пленных сновидящих, обреченных на пытки и слом сознания? – Девушка крепко ухватила его за плечо, помогая спуститься. – Идти сам сможешь?

Пол под босыми ступнями покачнулся. Целитель заметил, что его голени забинтованы, руки обработаны каким-то составом, застывшим на коже матовой пленкой.

Где-то под ногами мягко ухнуло. Стены дрогнули. Одна из панелей на потолке провисла, из трещины посыпалась мелкая пыль.

– Давай. Пора двигаться.

Девушка, поддерживая, повела Миракса к выходу. Подняла свою винтовку – «гарпия», облегченный вариант. Ее напарник шел первым, продолжая осматривать периметр.

Камера находилась в конце коридора, на первый взгляд ничем не отличающегося от десятка точно таких же в любой клинике. Светлые стены, фотографии с умиротворяющими пейзажами, однотипные двери палат. Вот только раскуроченные магнитные замки и мощные штыри запоров в бронированных створках, прикрытых тонким пластиком, не вписывались в картину мирной лечебницы. А еще широкие окна для

наблюдения у каждой камеры и погасшие глазки видеослежения.

А уж тем более пятна крови на полу и труп в униформе врача не соответствовал доктрине Асклепия, несущего выздоровление и процветание всем посетившим филиал его храма исцеления. Но было вполне в духе заведения дэймосов.

Рядом с палатой, у стены полусидел покойник в зеленом медицинском халате. Половина его головы была снесена выстрелом с очень близкого расстояния, но целитель все равно узнал этого человека. Обскурум Фарис, его неудавшийся лекарь, сжимал мертвыми пальцами пистолет.

– Это вы? – спросил Миракс девушку, наклоняясь за оружием. – Или сам?

– Ничего не трогаем. – Пальцы, которые могли с легкостью раскрошить каменный столб или пробить дыру в бетоне, мягко перехватили его запястье. – Ни к чему не прикасаемся.

– Если дашь мне оружие, я смогу защититься в случае необходимости и не буду для вас обузой.

– Извини, не хочу получить пулю в затылок, – ответила она. – Пан ручается за тебя. Но я не стану рисковать. Не знаю, чем успели начинить твои мозги, пока ты лежал здесь.

Камеры, мимо которых они проходили, были пустыми, вскрытые магнитные замки искрились, демонстрируя расплавленную начинку, за запахнутыми дверями царил разгром. Потягивало едким запахом.

Еще два трупа лежали на полу. Оба в серо-песочной военной форме.

– Этот сектор мы зачистили, – сказала девушка, явно отвечая на незадаанные вопросы.

Он всегда был одиночкой. Рисковал, скрывался, принимал решения тоже сам и сам принимал на себя ответственность за последствия. Теперь, когда его спасли, защищали, сопровождали эти люди, Миракс чувствовал себя очень странно. Как будто он сознательно забыл о давних друзьях, которые всегда были готовы помочь ему, наблюдали издали и наконец заставили вспомнить о себе.

Этажом ниже послышался громкий частый треск, затем еще один взрыв. И, реагируя на враждебный звук, спутница инстинктивно закрыла целителя собой, двигаясь четко и быстро. Но прямой угрозы не было. И она снова двинулась вперед.

– Четыре минуты, – невозмутимо продолжал отсчитывать время до конца операции ее напарник, идущий впереди с оружием на изготовку.

Коридор закончился небольшим холлом. Здесь стояло несколько

кресел и валялся опрокинутый автомат с напитками. Разноцветные банки раскатились по полу. Из бокового прохода вышли еще трое военных. Один нес на руках девушку-подростка, закутанную в плед. Очень худая рука виднелась из-под клетчатой ткани, обритая голова безвольно приникла к плечу. Что-то странное было с ее лицом. Кожа, словно горячий воск, стекла с ее лба на глаз и потянула за собой уголок рта, сложилась глубокими складками на подбородке. Мираксу были знакомы такие следы. Девочку облили кислотой, и подлечили раны. А потом облили снова. Воздействие шло не только во сне, но и в реальности. Кого из нее делали? Ламию?

Двое других несли брезентовые мешки, судя по выступающим углам, там были системные блоки местных компьютеров.

– Все чисто, – сказал один из военных девушке, сопровождающей Миракса, и по его интонации стало понятно, что именно она здесь главная.

– Уходим, – последовал ее короткий приказ.

Металлическая, гремющая под ногами лестница служебного хода вывела наверх, в помещение, мало похожее на покинутое только что.

Скорее всего, это был коммуникационный центр тюрьмы. И трупов здесь оказалось гораздо больше. Остро пахло кровью и порохом. Тела в камуфляже оттащили к стене, освобождая место для работы. Двое военных сваливали в уже знакомые мешки папки с файлами. Раненую девочку вынесли через дверь в противоположном углу помещения, следом вышли солдаты, нагруженные трофеями.

Слабо светились экраны десятка компьютеров. Перед ними сидел человек. Его пальцы с огромной скоростью касались символов виртуальной клавиатуры, вскрывая ключи доступа, скачивая всю доступную информацию. Бледное, узкое лицо сосредоточенно и одновременно отрешенно. Светло-ореховые волосы вздыбились надо лбом.

– Балатор Пан, – произнесла спутница целителя с легким неудовольствием, – я просила не снимать шлем.

– Мешает работать, – ответил он, не отвлекаясь.

– Мешать работать будет дыра в голове, – невозмутимо парировала та.

– Спасибо, Кайя, – так же уравновешенно сказал программист и добавил: – Приветствую, Миракс. Рад встрече в реальности.

– Здравствуй, Пан.

Это был тот самый сновидящий, которому Мусорщик передавал информацию, добытую с риском для жизни. Своей и чужой. Он всегда был для целителя тенью, неопределенным образом, бесследно исчезающим и появляющимся снова. Но, увидев, Миракс сразу узнал его.

– Я думал, ты одна из моих химер.

– Иногда полезно прикинуться химерой, или предвестником, а бывает, и Фобетором, – отозвался он, закрывая одну клавиатуру для того, чтобы переключиться на другую.

Миракс увидел еще двух солдат, полунесущих-полуведущих парня в больничной пижаме. Его ноги почти не гнулись. На лице – регенерационная маска из искусственной кожи.

– Не боишься, что реальный Фобетор оскорбится?

– У меня с ним договор. – Пан улыбнулся мимолетно.

– Две минуты, – послышался голос Кайи.

– Мне нужно еще три.

– Нас накроет песчаной бурей примерно через две минуты тридцать секунд. Если наш синоптик не ошибается.

– Я никогда не ошибаюсь, – откликнулся молодой, уверенный голос из дальнего угла. Там поблескивали огоньки переносной рации и тускло светился экран компьютера.

– Хорошо, две минуты.

– Кого-нибудь из дэймосов удалось взять живым? – спросил Миракс, подходя к нему.

– Нет.

Говоря, он ни разу не отвлекся от работы.

Кайя движением руки командовала подчиненными в зале и одновременно удаленно руководила остальной группой за пределами этого помещения. Все действовали слаженно, без пауз и заминок.

– Собираетесь вывезти пленных в Полис? – спросил целитель.

– У тебя есть возражения?

– Надо проверить всех.

– Уже сделано. Дэймосов и террористов среди них не будет, – произнес он с обнадеживающей уверенностью.

– Это не первая твоя операция?

Он наконец оторвался от работы и взглянул на Миракса.

– Не первая.

– А эти люди с тобой?

– Моя команда. Мы работаем за пределами Полиса.

– Минута, Пан, – окликнули его.

– Есть! – сновидящий с силой ударил по клавише, и экраны начали гаснуть один за другим. – Все! Уходим!

Он вскочил из-за стола, взял свой шлем. Его группа разделилась: двое остались в зале, остальные грамотно распределились вокруг командира. Солдаты, работающие с охотниками, стремились избежать даже

теоретически возможной угрозы.

– Скольких сновидящих вы спасли сегодня?

– Шестерых, не считая тебя...

Он прервался, коснулся гарнитуры на ухе, принимая вызов, прижал пальцем коммуникатор на руке, открывая экран.

Целитель увидел салон конвертоплана, оборудованный под походный госпиталь.

Девочка с обезображенным лицом была уложена на откидное кресло и пристегнута ремнями. Рядом полусидел молодой парень с маской на лице. Еще два лежачих места оказались заняты, но кем именно, разглядеть Миракс не смог, заметил лишь, что руки крайнего перебинтованы и пристегнуты к койке наручниками. На остальных свободных сиденьях расположились военные, и в самом конце салона устроился уже знакомый целителю охотник. Он держал за предплечье спящего мальчишку-подростка без каких бы то ни было видимых повреждений на худом теле.

– Пан, – произнес воин сновидений отрывисто, – нужна твоя помощь. Подключайся.

– Сейчас буду, – тут же отозвался тот.

Заметив Миракса на экране, второй воин сновидений в жесте приветствия приложил пальцы к шлему, закрывающему голову. В отличие от коллеги-охотника он не пренебрегал защитой. И, похоже, работал прямо из конвертоплана, находясь под охраной солдат.

Миракс провел ладонью по лбу, размазывая кровь. Он почувствовал, что подпитка адреналином заканчивается, усталость и боль возвращались, искажая окружающий мир.

Кайя внезапно оказалась рядом, закинула руку целителя себе на плечо, поддерживая. Ее напарник первым начал подниматься по лестнице, просматривая пролеты.

За металлической дверью со сбитым замком гудел ветер пустыни, в глаза ударило солнце. Раскаленный воздух обжег легкие.

Дом, который они спешно покидали, напоминал куб из грубого песчаника с узкими прорезями окон, прятался за пятиметровым забором. Вокруг возвышались такие же здания, отличающиеся лишь размерами и степенью недостроенности верхних этажей.

Во дворе, вымощенном плиткой, стояли два конвертоплана. Реактивные машины были готовы к взлету. Небо над головой чистое, ни одного облачка, но на западе клубились густые облака, грозно вспучиваясь и раздуваясь, жадно глотая свежую синеву. Хоронили под собой подступы к оазису.

– Повезло, идет буря, – сказал Миракс.

– Это не везение, а точный расчет. Военную базу «Аль-Карси» накрыло, – отозвался тот же парень, который следил за погодными условиями. – Так что вертолеты они поднять не смогут. Да и машины не погонят.

– Слушай, Пан, я должен остаться. – Миракс повернул голову и взглянул на охотника. – У меня незаконченные дела в Александрии.

– Просишь отпустить тебя? Так и пойдешь без обуви? – Он выразительно посмотрел на босые ступни целителя.

Тот усмехнулся. Ответ был прекрасно известен обоим – пойдет, если понадобится.

– Извини, – ответил охотник серьезно. – Боюсь, все твои дела в Александрии закончены. Мы летим в Полис, и ты с нами. Так что тебе придется занять свое место и пристегнуться.

– Бегом к машине. Не задерживаемся, – прозвучал приказ Кайи.

Из здания появились последние двое из команды Пана и тоже рванулись к конвертопланам.

...Щелкали замки пристяжных ремней. Задвинулась вогнутая панель двери, загудели моторы. Секунда – и обе машины вертикального взлета начали подъем. В воздух взметнулись столбы пыли. Небо было все ближе.

Миракс смотрел в окно, на отдаляющиеся серые кубы домов, каменную пустыню, тянущуюся до горизонта.

А затем здание тюрьмы вдруг содрогнулось, выплонуло клубы дыма и провалилось, сложившись как смятая коробка. Чем закончился маленький локальный катаклизм, целитель не успел разглядеть. Песчаная буря накрыла развалины. Но конвертопланы завершили набор высоты и устремились к границе.

Яркая синева ослепила Миракса. Он зажмурился и тут же почувствовал прикосновение к руке.

– Все в порядке? – прозвучал голос Пана.

«Я собираюсь покинуть землю, которую считал своим домом так долго. И вернуться в город, о котором ничего не помню. Сейф, в котором были заперты все мои воспоминания, оказался взломан и пуст. Дэймос, потроша мое подсознание, выбросил то, что было единственно ценным...»

– Да, Пан. Я в порядке.

Глава 16

Из бездны

Встреча с Тайгером оставила ощущение глубочайшей неопределенности. Он ничего не запрещал прямо, почти не задавал вопросов, больше слушал. Но его взгляд просвечивал меня насквозь, обшаривая все темные уголки моей памяти и подсознания. И от этого пристального внимания становилось не по себе. Хотя я продолжал убеждать сам себя в том, что вряд ли охотник, даже со своим сверхъестественным чутьем, мог вот так просто обнаружить моего спящего дэймоса. Чтобы обезопаситься, я вполне искренне обещал не рисковать, сразу же сообщать о новом появлении морока и предложениях, следующих от него. И все же, определенно, глава Пятиглава заподозрил, что мне есть что скрывать.

Я сидел в вагоне легкого наземного монорельса, идущего в сторону Северного вокзала. Там в моем любимом кафе мы договорились встретиться с Хэл.

На остановках входили и выходили люди, занимали свободные места, разговаривали, рассматривали цветные схемы стыковок транспорта, вставали передо мной, держась за поручни, и снова уходили. Но я почти не различал никого, они сливались в невнятную череду темных силуэтов, скользящих по границе моего внимания.

Очередной поток пассажиров схлынул, многие покинули вагон в районе делового центра, и я увидел, что напротив, через проход, сидит человек с копной темных кудрявых волос и смотрит на меня желтыми пристальными глазами.

Я не отследил момента, когда он появился. Иногда люди заслоняли его, и мне хотелось сдвинуть их в сторону, как ширму. Но я продолжал сидеть не двигаясь, а когда человеческие фигуры исчезали из поля зрения, он оказывался на прежнем месте, в той же самой позе расслабленного покоя, все так же не сводя с меня взгляда. В окне за его головой проносились размазанные пейзажи. Здания – белые и серые полосы, деревья – темные. Мир мчался, меняясь ежесекундно, и лишь он один оставался неизменной величиной. Константой, определяющей законы этого пространства.

– Осуждаешь? – спросил я, не надеясь на отклик.

Однако Феникс меня услышал и насмешливо улыбнулся. Не осуждал.

Наоборот, выглядел вполне довольным.

– У меня очень много вопросов. И ответы на них можешь дать только ты.

Он приподнял бровь, словно говоря – спрашивай.

– Кто был твоим учителем? Он оказался настолько силен, что сумел пленить Лонгина? Как ему это удалось? Он знал про логосов? Сталкивался с ними?

Феникс не торопясь подался вперед, протянул руку, и я потянулся к ней. Сквозь пространство, людей, движение состава по рельсам. Прикосновение его пальцев было обжигающим, как пламя.

Видение накатило не сразу. Сначала мелькали какие-то обрывочные фрагменты, а затем на меня нахлынули воспоминания. Яркие, жгущие холодом, очень вещественные. Не мои. Я провалился в них, полностью теряя себя.

Фары машины, медленно пробирающейся по плохо почищенной дороге, выхватывали из темноты высокие сугробы, черные стволы деревьев, прямые росчерки столбов. Чистейший снег сверкал разноцветными огнями. Сквозь тонкую щель приотпущенного окна тянуло ледяным воздухом. Свежим, звенящим, ломающим зубы как глоток воды из-под наста. Вместе с ним в салон залетали резкие кристаллы инея и оседали на волосах подростка, сидящего сзади.

– Феликс, закрой окно, пожалуйста, – сдержанно произнесла женщина с переднего сиденья.

Он промолчал и нажал на кнопку, заставляя стекло опуститься вниз до передела. Воздушная волна ударила его в лицо, растрепала копну темных, кудрявых волос, обожгла шею под свитером.

Женщина повернулась было, но мужчина за рулем положил ладонь на ее сжатую руку, заставляя успокоиться, не обращать внимания, не реагировать. Как много дней, месяцев до этого. Как всегда.

– Уже близко, – произнес он спокойно.

Она отвернулась от строптивного сына и стала смотреть прямо перед собой, на плавно разворачивающуюся под колеса белую дорогу.

Феликс жадно глотал холодный воздух, в котором не было ни единого запаха города. Только привкус вымороженной коры диких деревьев, не облагороженных цивилизацией, и кристальная чистота снега.

Домов вокруг не было. С той стороны реки слабо светили несколько огоньков. Здесь же тянулась бесконечная белая пустота, не заселенная людьми. Черные полосы древесных стволов, лохматые, стеклянные от

мороза сорняки и высокие мягкие сугробы, наползающие на дорогу.

– А если он откажется принять нас? – спросила женщина, вновь возвращаясь к волнующей ее теме.

– Мне говорили, он не отказывает тем, кто пришел к нему лично, – невозмутимо ответил мужчина. – Ну, в любом случае объясним ситуацию. Он должен понять, посоветовать что-нибудь... Вот его дом.

Теперь машина ползла вдоль длинного деревянного забора. Через него перевешивались голые корявые ветви гигантских деревьев, а за ними, еще дальше, виднелись очертания двухэтажного дома. Окна на первом этаже светились теплым желтым светом.

Машина остановилась напротив калитки.

Отец вышел первым. Под ногами захрустел снег. Звук был похож на визг пенопласта, когда его ломают и крошат.

Ждать не пришлось долго. Звонко бряцнул засов калитки.

Из ворот вышел невысокий, далеко не молодой хмурый мужчина в неопрятной, потертой одежде. Стеганая куртка распахнута на груди, в карманы засунуты меховые рукавицы, теплые штаны заправлены в высокие сапоги, на голове вместо шапки плотный тканевый шлем, один из тех, что надевали под каски строители или сварщики. Казалось, хозяин старого дома только что занимался какой-то тяжелой работой или собирался ею заняться. Таскать тяжести, грузить кирпичи... или что там еще можно было делать в этом доме.

– Вы сновидящий? – спросил отец Феликса. – Мы привезли к вам пациента.

– Этот что ли? – он кивнул на юношу, независимо стоящего в стороне. – На больного не похож.

– Он не болен, – поспешила вмешаться женщина. – Но помощь ему требуется...

– А сам он язык проглотил? – усмехнулся старик. – Ладно, заходите.

Развернулся и пошел к дому. Снег под его сапогами скрипел и взвизгивал.

Мать выразительно посмотрела на сына и кивком велела следовать за сновидящим.

Феликс раздраженно дернул плечом. Вся эта комедия начала ему порядком надоедать. Но все же пошел. Стоять без движения становилось холодно.

Дорожки во дворе были аккуратно расчищены и вели в разные стороны. Одна к низкому, темному от времени сараю, другая к корявым яблоням в саду, третья уводила куда-то за дом. Огромные сугробы сверкали

серебряными искрами, из них поднимались стволы гигантских деревьев с толстой грубой корой.

Внутри жилища сновидящего было забавно. По двум сторонам от темного коридорчика – кухня и маленькая комната, впереди еще какое-то помещение, побольше. Узкая лестница вела на второй этаж. Дверь наверху была приоткрыта и поскрипывала от сквозняка, приоткрываясь и снова захлопываясь. Пахло горячим камнем нагретых печей, вареными овощами, каким-то барахлом. Феликс поморщился. Дом плебея. Можно было догадаться.

– У него серьезные проблемы с социализацией, – снова заговорила мать, и Феликс покосился неодобрительно. Считали, что он похож на нее. Густыми, кудрявыми волосами, цветом глаз, врожденным аристократизмом, доставшимся от очень далеких предков.

– Проблемы, значит, – повторил старик, стягивая засаленную куртку.

Мать хотела ответить, но осеклась под его неодобрительным взглядом.

– Посидите в зале, – велел хозяин родителям пациента. – А мы с парнем поговорим.

Он внезапно взял Феликса за плечо, ухватил словно железной клешней и потащил в комнату напротив крошечной грязноватой кухни. Закрыл дверь. Привалился спиной к косяку и спросил вполне добродушно:

– Ну?

Феликс сел на единственный стул, стоящий напротив кровати, застеленной потертым одеялом, и вызывающе посмотрел на сновидящего.

– Что, «ну»?

– Рассказывай.

– О чем именно, простите? – надменно скривил губы гость, хотел добавить, что не обязан озвучивать глупости, которые пришли родителям в голову, но наткнулся на взгляд сновидящего и предпочел не произносить вслух заранее подготовленную фразу.

– Что ты натворил? – спросил старик.

– Ничего.

– Пока ничего?

Феликс снова дернул плечом и признался неожиданно для себя самого, хотя не собирался вообще ничего говорить, предоставив это сомнительное удовольствие родителям:

– Им кажется, что я безразличен, жесток и вообще мне на всех плевать.

– Убил кого-нибудь? – заговорщицки подмигнул старик.

– Нет! – Феликс невольно отшатнулся. Но бежать было некуда, спинка стула, к которой он прижался, отрезала все пути отступления.

– Но хотел?

Он промолчал.

– Ладно, давай посмотрим.

Хозяин вытащил из-за шкафа дряхлую раскладушку. Поставил на пол возле кровати, бросил на нее тонкое одеяло, снятое с кровати, подушку.

– Ложись, – велел сновидящий. – И спи.

– Что-то не хочется. – Феликс брезгливо осмотрел жалкое ложе.

– Постарайся захотеть. – Мужчина пошел к выходу и выключил свет.

Скоро из-за неплотно прикрытой двери слышалось приглушенное бормотание голосов. Пациент снял ботинки, стянул куртку, небрежно бросил ее на стул. Лег. Пружины раскладушки тут же завизжали и застонали под ним. В нос ударил запах пыли от подушки и плесени от древней мебели. Феликс несколько раз чихнул, спихнул одеяло в ноги, подальше от лица, и закрыл глаза.

Несмотря на все неудобства, он больше не чувствовал ни раздражения, ни злости. Было скорее смешно. В печке шелестел и потрескивал огонь. За окном падал снег. Тишина и тепло обволакивали мягким коконом. Уходила суэта и вечная гонка в попытке доказать, что он лучший. В учебе, в спорте, в отношениях с девушками.

«Здесь-то я точно лучший», – подумал Феликс удовлетворенно и уснул.

Ему ничего не снилось. Сон был глубоким и спокойным. Без кошмаров, мучительного желания насилия, выматывающих неисполнимых желаний.

Кажется глубокой ночью заходил хозяин, гремел заслонкой в печи, смотрел на спящего, сказал что-то невнятное, потом ушел.

Феликс проснулся от света, бьющего в глаза. В комнате было зябко. Сквозь окно, покрытое морозными узорами, светило белое зимнее солнце.

Тишина дома давила на уши. Для того чтобы обойти его весь, потребовалась пара минут. Ни матери с отцом, ни их вещей нигде не было.

Феликс выглянул в окно – машина тоже исчезла. На том месте, где она стояла вчера, из-под снега, примятого колесами, выглядывали вызывающе красные цветы.

В коридоре хлопнула дверь, потянуло ледяным воздухом. Сновидящий вошел в большую комнату, которую называл залом, нагруженный охапкой дров. Свалил в разъявленную пасть камина.

Сейчас, при дневном свете, он еще больше был похож на лесного духа сильвана. Невысокий, но крепкий. С мощными руками, привычными к

тяжелой работе. Абсолютно белые, кудрявые волосы отступили ото лба, делая его еще шире и монументальнее, вызывая ассоциации с изображением Сократа. Под густыми, тоже седыми, бровями поблескивали пронзительно-синие насмешливые глаза.

– Есть будешь? – спросил он как ни в чем не бывало.

– Где мои родители?

– Уехали.

– Они бросили меня?!

– Ты не младенец, – оборвал его старик, – проживешь без материнской юбки.

Феликс сжал зубы. Значит, как только появилась возможность, от него избавились! Сбагрили первому встречному. Даже не попрощались.

– Я здесь тоже не останусь!

– Ну давай. Сам дойдешь или проводить? – Сновидящий издевался, глядя на молодого гостя из-под кустистых бровей. – До остановки километров пять пешком. И автобуса часа два прождешь. Если дождешься.

– Такси вызову, – процедил Феликс.

– Каким местом вызывать будешь? – осведомился старик насмешливо. – На дерево можешь влезть и покричать.

Феликс схватился за карман. Телефона не было. Ни в джинсах, ни в куртке.

– Родителям твоим отдал, – сказал хозяин, наблюдая за ним. – Ни к чему он тебе здесь.

– Знаешь что... – От злости не хватало слов, остались лишь разъяренные междометия и бешенство, клокочущее в груди.

– Меня зовут Нестор, – невозмутимо произнес сновидящий.

– Да мне плевать, как там тебя зовут! Я ухожу!

Феликс развернулся и стремительно вышел из дома, на ходу натягивая куртку. Пинком открыл входную дверь, громко захлопнул ее за собой.

Мороз вцепился в него, едва он сошел с крыльца на расчищенную тропинку. В Полисе никогда не бывало таких жгучих холодов. Там и снег выпадал, может, раз в десять лет, и это считалось невероятным событием.

Дым поднимался над крышей столбом, упирающимся в блеклое небо. Корявые ветви деревьев застыли в мертвой неподвижности. Иногда с них сыпались мелкие кристаллы инея, похожие на серебряную пыль. В стерильном воздухе ощущался едва заметный запах сажи.

Куртка Феликса, считающаяся в цивилизованном мире зимней, мгновенно задубела, заledenели ноги в новых ботинках, и пальцы начала покусывать неумолимая стужа.

Но он все равно пошел прочь. Злость придавала сил. Распахнул калитку и зашагал по улице. Здесь было еще холоднее. С замерзшей реки, зажатой между белых берегов, на беглеца накинута ветер. Он вцепился в волосы под капюшоном толстовки и стал колотить уши ледяными иглами. При каждом выдохе изо рта вырывался клуб белого пара, а при вдохе слипались ноздри. «Значит, сейчас ниже двадцати градусов», – подумал Феликс. Он шел, глубоко засунув руки в карманы и ссутулив плечи, чтобы хоть как-то защититься от зверского мороза. Почти не смотрел по сторонам. Кое-как расчищенная среди сугробов дорога вела к березовой аллее и терялась в ней. Вокруг простиралось все то же белое, мертвое безмолвие.

Тлеющие в глубине души огоньки злости продолжали подпитывать волю. А упрямства Феликсу было не занимать. Это признавал даже отец. Мысль о родителях, бросивших его, придала несостоявшемуся пациенту сновидящего новые силы.

Он быстрее пошел вперед, глянул на дорогу и... остановился, словно налетев на каменную стену. Дом, от которого он так стремился уйти, вместо того чтобы остаться за спиной, приближался к нему. Феликс оглянулся в растерянности. Да, вот она, дорога, по которой он шел, это следы его ботинок – рубчатые, с четкой надписью фирменного магазина. Так откуда взялся забор? И старое здание за ним?

– Что за бред?! – Феликс с досадой повернулся и посмотрел в сторону аллеи, к которой шел первоначально. – Я свернул где-то и сам этого не заметил?

Он снова оставил забор за спиной. И теперь шагал, постоянно оглядываясь, даже перестал чувствовать жалящие прикосновения мороза так сильно.

Как только путешественник шагнул под тонкую тень первых берез, наваждение рассеялось. Стало смешно, как он только что едва не запаниковал, сбившись с пути.

Феликс на ходу посмотрел на часы – подарок друзей на шестнадцатилетие. Десять двадцать. Нормально. Вполне успеет добраться до этой их станции, там наверняка можно выпить кофе, позвонить родителям... Мысль оборвалась. Он едва не споткнулся. Спину покрыла испарина, тут же застывшая на холоде. Вместо деревьев и широкой колеи перед ним снова тянулся забор. И стоял дом, нагло ухмыляющийся окнами на облезлом фасаде.

Феликс машинально поднял руку и снова взглянул на часы. Десять двадцать... Не испытывая больше никаких желаний и чувств, он повернулся и не разбирая дороги бросился бежать. Захлебывался в ледяном

ветре, глотал воздух, пронизанный инеем, набирал снег в ботинки, оступаясь в сугробы. Поскользнулся на льду, едва не упал, но удержался, схватившись за... гнутую металлическую ручку в заборе. Том самом, глухом, сколоченном из серых досок.

Беглец выругался, слыша в своем голосе дрожь приближающейся паники и беспомощность. Отступил, проваливаясь в снег, и побрел прочь. Больше он не думал ни про возвращение домой, ни про станцию, ни о словах, которые скажет бросившим его родителям. Просто хотелось уйти от кошмарного дома куда угодно, только подальше.

Мороз усилился, хотя, казалось, куда уж больше. Феликс промерз насквозь, и только упорство толкало его, заставляя идти вперед.

Он не знал, сколько времени двигался по замкнутому кругу. Часы тоже издевались над ним, показывая все те же десять часов двадцать минут.

Смеркалось. День шел на убыль. А впереди вновь маячил дом, скрывающийся за длинным серым забором. И больше Феликс сопротивляться не смог.

Сновидящий чистил картошку. Сидел за кухонным столом, аккуратно срезал кожуру на замызганную газетку, опускал желтые, как сливочное масло, клубни в кастрюлю с холодной водой.

– Есть будешь? – спросил он снова, как будто не было утреннего столкновения и взаимных оскорблений.

– Буду, – отозвался Феликс, негнущимися пальцами расстегивая куртку. Уронил ее на пол.

Подошел к печке, прижался к ней боком, щекой, обеими ладонями, блаженно впитывая жар раскаленных кирпичей. Ему уже было все равно, что произошло с ним, единственное, чего хотелось – перестать трястись от озноба.

Нестор поставил на плиту кастрюлю и полез в шкафчик за тарелками.

– Ну, как погулял?

– Замерз как собака, – признался Феликс. – И дом твой словно заколдован. Куда ни пойду, к нему выхожу все время.

Сновидящий хмыкнул.

– Бывает. Сосед вокруг моего забора полночи ползал. Идет, по доскам шарит и все в калитку упирается. Пришлось выходить, провожать.

Феликс усмехнулся невольно, поворачиваясь к печке спиной. Нестор посмотрел на него с улыбкой, притаившейся в ярко-голубых глазах с опущенными внешними уголками.

– А ты, я гляжу, проветрился. Ум вернулся.

– Извини, – сказал гость искренне. – Я вчера вел себя не слишком

вежливо.

– Ладно. Забыли. Парень ты неплохой, вижу. Но больше не груби. Не люблю этого.

– А я не люблю, когда мне указывают.

Простая еда была нереально вкусной. И лишь после третьей порции добавки Феликс продолжил разговор:

– Так что ты увидел? Про меня.

Старик отодвинул тарелку.

– Увидел кое-что.

– Ну и? Проблемы с выработкой серотонина? Недостаток магния, влияющего на хорошее настроение? Полное отсутствие в мозге черного миндалевидного тела, отвечающего за минимальную осторожность...

Феликс мог еще долго перечислять всевозможные симптомы. «Умничать», по словам приятелей. Но старик зыркнул на него исподлобья и буркнул:

– Ты дэймос.

Феликс выронил вилку, и та звякнула о край тарелки. Уставился на старика, довольного произведенным эффектом.

– Это типа шутка?

– Таким не шутят. – Сновидящий поднялся и принялся неспешно убирать со стола.

– Дэймос. – Повторил Феликс, осторожно пробуя опасное слово на вкус. Оно отдавало терпкой крепостью дорогого вина, сладостью вседозволенности и горечью пепла от сожженного будущего.

– Танатос. Убийца, – подбросил Нестор два новых определения в разгорающийся костер сомнений и тревог.

– И что теперь?

– Теперь я буду тебя учить.

– Чему?

– Всему, что знаю.

Нестор посмотрел на гостя, ошеломленного свалившейся на него правдой.

– А сейчас иди-ка ты спать. Едва сидишь. Завтра поговорим.

Сил на спор и дальнейшие расспросы не было. Феликс поднялся и пошел в комнату, где уже провел одну ночь. Снял ботинки, лег на раскладушку, натянул шерстяное одеяло, его больше не смущал его пыльный запах, и отключился.

Проснулся он от жара, кипящего во всем теле. Голова раскалывалась, горло болело так, что невозможно было глотать, а еще саднили руки и ныл

бок. Феликс поднес ладони к лицу и в свете крошечной настольной лампы увидел, что запястья забинтованы. Кроме того, он разглядел длинные рукава своей одежды – какая-то холщовая хламида, вроде ночной рубахи. Шея тоже оказалась замотана – шерстяным шарфом, на лбу лежала тряпка, воняющая спиртом и уксусом.

Феликс попытался приподняться, и в тот же миг в комнату вошел Нестор с чашкой в руках.

– Что со мной? – хотел спросить пациент, но вместо этого захлебнулся кашлем.

– Нагулялся вчера, – сказал сновидящий, дождался, пока он откашляется, и велел: – Выпей, полегчает.

Феликс послушно глотал горячий чай, чувствуя, как оттаивает горло, забитое колючками, становится чуть легче дышать, но кое-что, по-прежнему, не давало покоя. Он помнил свое блуждание по морозу, но помнил и еще что-то... другое, лежащее под основными воспоминаниями. Тяжелое, мучительное, болезненное...

Белая дорога, рубчатые следы в снегу, злость на родителей, заколдованный дом...

Он опустил чашку.

– Что у меня с руками?

– Обморозил, – сухо ответил Нестор.

– Не помню.

Голова болела, глазам было тесно в глазницах и горячо.

– Спи, – старик опустил тяжелую, жесткую ладонь ему на голову. – Я тебя подлечу. Завтра встанешь.

– А ты точно целитель? – Феликс откинулся на подушку.

– Спи давай, – усмехнулся сновидящий, сменил тряпку на его лбу, смочив в миске, стоящей на столе.

Второй раз молодой дэймос проснулся днем... или поздним утром. Он не смог точно определить по блеклому свету время суток. Спина болела, словно он очень долго пролежал в одной позе. В горле по-прежнему перекашивался раскаленный песок.

Феликс попытался подняться, и получилось это не с первого раза. Слабость накатывала волнами, то накрывала с головой, то давала возможность перевести дыхание и начать соображать более-менее внятно. В одно из таких прояснений он услышал равномерный скребущий звук, доносящийся с улицы, скрипучие шаги.

Половицы под босыми ступнями казались ледяными, а чтобы

добраться до самой большой комнаты, Феликсу понадобилось довольно много времени.

Он подошел к окну, распахнул форточку и едва не задохнулся от свежего, прохладного воздуха, хлынувшего в душную комнату. По двору ходил Нестор и расчищал дорожки. Сгребал тонкий слой снега деревянной лопатой и отбрасывал на белые холмы, крепостными стенами ограждающими узкие проходы.

На улице все еще было холодно. Но по легким, едва уловимым признакам становилось понятно, что зима заканчивается. Растаяли узоры инея на окнах. Сугробы немного осели и выглядели подтаявшими, а потом снова застывшими грудями мороженого. Больше не было в них величественной неприступности, ледяной несокрушимости вечной стужи. Они ежились и опадали. Деревья свободно раскачивали ветвями на ветру, сбросив оцепенение. Ликующе каркала ворона, пытаясь изобразить нечто вроде пения, радуясь еще далекому, но уже реальному теплу.

– Сколько же я болел?

Неудержимо потянуло туда, за пределы дома. Побродить по расчищенным дорожкам, дышать, выталкивая из легких последние душящие сгустки болезни, прижать ко лбу комок ледяного снега.

В зеркале старомодного серванта он увидел свое отражение. Бесцветное лицо с синяком во всю левую половину, ввалившимися щеками и тенями вокруг глаз, бледная, почти серая кожа туго обтягивала выступающие скулы. Длинные спутанные волосы свисали на худые плечи. На шее и ключицах кровоподтеки и ссадины. Человек, который смотрел на него из зеркала, явно был не способен целый день бодро ходить по морозу и снегу, пытаясь вырваться из плена заколдованного дома. Слабо верилось, что он вообще годен хоть на какое-то физическое усилие. Да и кормили его последний раз хорошо если неделю назад...

Смутно припомнился ресторан, в котором они обедали с родителями по дороге сюда. Белая накрахмаленная скатерть, серебро вилок и ножей... глубокая бульонница с крышечкой из тонкого слоеного теста. Под запеченной корочкой окутанный ароматным паром густой грибной суп-пюре. Феликс невольно сглотнул, прогоняя невероятно яркое, праздничное воспоминание, снова посмотрел в окно.

Нестор поднял голову, словно почувствовав его взгляд, прислонил лопату к двери сарая и направился в сторону дома.

Феликс еще раз глотнул воздуха из окна, и его скрутил приступ кашля, лишаящий последних сил.

До кровати ему помог добраться сновидящий, на ходу рассказывая

негромким рокочущим голосом, что будет, если больной продолжит шляться по дому и высовываться на холод, не долечившись.

– Родители не звонили? – спросил Феликс, вытягиваясь под тяжелым, горячим одеялом.

– Нет, – хмуро ответил Нестор.

– Но они хотя бы знают, что я заболел?

– Даже если и узнают, чем тебе помогут? Домой все равно не заберут. И нормального из дэймоса не сделают...

– Логично, – вздохнул Феликс.

Нестор принес горячего отвара и, пока он пил, включил радиоприемник. Чудовищный древний монстр в корпусе из светлого дерева, на четырех тонких ногах. Самое место в музее, как многому, если не всему, в этом доме.

Хотя, стоило признать, передавал старинный прибор довольно чисто.

Феликс лениво прислушивался к звукам, доносящимся из угла.

Сновидящий крутил колесо настройки, гоняя тонкую красную полосу по разным радиочастотам, вылавливая из треска помех то обрывок мелодии, то невнятное бормотание диктора... В одну из пауз между шипящим белым шумом ворвался бодрый женский голос, торжественно рассказывающий о прекрасных переменах, происходящих в Бэйцзине, на заднем фоне звучала бравурная музыка.

– Культурная революция, – произнес Феликс, глядя на скрученные провода, тянущиеся к старой люстре по сероватому потолку, – здесь бы она тоже не помешала...

Нестор покосился на него и заинтересовался:

– Ну-ка, ну-ка, что еще говорят?

– Культурная революция затрагивает все большие слои населения... Великий замысел, гарантирующий наше будущее на сто лет вперед... Целиком и полностью искоренением злобные замыслы и засилье ревизионистов... ну и так далее. Ты разве не слышишь?

Тот хмыкнул многозначительно, и Феликс вдруг сообразил. Он резко повернулся к приемнику, внимательно ловя каждое слово. Нет, не ошибся, не показалось...

– Я понимаю по-бэйцзински?!

Нестор проворчал что-то неопределенное, но, похоже, был доволен этой новостью.

– А может, и не только понимаю, но и говорю на этом языке?

Феликс сосредоточился, постарался воспроизвести что-нибудь простое. К его изумлению, в памяти начали всплывать легкие, звенящие

конструкции слов и целых предложений....Он не просто знает несколько элементарных выражений – он мог говорить. Свободно и уверенно, используя устойчивые выражения-идиомы. Отличительную карточку каждого образованного бэйцзинца.

– Я не помню, когда учил все это, – произнес он, потрясенный внезапно свалившимся знанием. – Не могу вспомнить...

– Лучше поспи, – велел Нестор, укладывая на его пылающий лоб мокрую тряпку. – А то уже голова задымилась.

– У тебя один рецепт в любой непонятной ситуации, – сказал Феликс с досадой. – Спать. Лучше скажи, откуда у меня синяки по всему телу?

– Оттуда, – глубокомысленно ответил сновидящий и придавил тяжелой ладонью его лоб.

Сопротивляться не было сил. Устало размышляя о территориальном расположении загадочного места «оттуда», а также о времени, необходимом, чтобы из него выбраться, Феликс уснул.

Он проснулся от звуков приглушенной беседы. Решил, что это очередная радиопередача, и собирался заснуть снова, но сообразил, что переговариваются в гостиной. Стянул с головы подсохший компресс, приподнялся. Прислушался.

– Раньше ты всегда был удовлетворен товаром, – говорил раздраженно незнакомый мужчина за стеной. – Необходимости в личных встречах не было. Я приехал исключительно из уважения к тебе. У меня серьезная репутация...

Услышав этот голос с едва уловимым акцентом, Феликс почувствовал вдруг, что его начинает трясти. Не от болезненной лихорадки. От бешенства. Неукротимого, раскаленного, сметающего все доводы разума.

– Это не товар, – проворчал хорошо узнаваемый хриловатый бас Нестора. – В собачьей будке его держал на цепи? Весь в синяках, тощий как скелет.

– Злобный гаденыш! – с досадой буркнул гость. – Пусть радуется, что я его вообще не закопал по дороге.

Феликс откинул одеяло, стараясь не скрипнуть раскладушкой, спустил ноги на холодный пол. Никаких прямых указаний на то, о ком конкретно говорил ночной гость, не было. Но парень был уверен – товар, доставленный Нестору в недолжном виде, – это он сам.

Воспоминания хлынули, сметая заслоны ложной памяти. Его действительно везли сюда по ночной, промерзшей дороге. Но не родители на заднем сиденье дорогой машины. А в багажнике, со связанными руками

и мешком на голове. Голодного, избитого, но не запуганного...

И этот голос, звучащий в гостиной, вызывал все больше ярких образов – боль от пинка под ребра, содранная кожа на запястьях, тело, занемевшее в одной неудобной позе. И клетка. Клетка тоже была. Ледяные прутья, железный пол, на который брошено какое-то тряпье. Голод, сжигающий изнутри. Отчаяние и злость. Но не страх. Страх не было.

– Что ж ты его не усмирил? – спросил Нестор насмешливо.

– Сопротивляется, – огрызнулся мужчина. – Не действует на него внушение.

– А может ты сам слабеешь, Вир? Дохлого мальчишку не одолеть.

Феликс поднялся. Красная пелена колыхалась перед глазами, в висках стучало. Ступая по холодным половицам и держась за стену, он выбрался в коридор. Голоса зазвучали четче и громче.

– Стану я силу на сопляка тратить, – высокомерно отозвался гость.

– Мне теперь его на ноги ставить.

– Зачем? Сольешь в него свои могилы, и убивать не придется. Сам сдохнет от истощения.

Феликс вошел в кухню, освещенную бледным светом луны. Приподнял клеенку на столе, бесшумно выдвинул ящик, вынул нож. Сжал рукоять, замотанную изолентой, и почувствовал почти наслаждение от тяжести орудия убийства в своей руке. Посмотрел на внушительное лезвие и пошел на голоса.

– Откуда ты его привез?

– Это тебя не касается. Следов не осталось.

Нестор сидел за столом лицом ко входу. Его собеседник – спиной. Феликс рассматривал лоснящийся затылок с короткими волосами, оплывающие плечи, втиснутые в дорогой пиджак, на толстом запястье руки, небрежно закинутой на спинку стула, массивные часы, тоже не самые дешевые. На безымянном пальце золотая печатка.

Феликс помнил этого человека. Не должен был, но помнил все равно. И эти часы, и эти жирные пальцы на своем горле. Ненависть вспыхнула с новой силой.

Нестор увидел его, бледное привидение в длинной белой рубахе, возникшее в черном дверном проеме. Ничего не сказал, даже не пошевелился, но его глаза под насупленными бровями блеснули интересом.

– Этот не сдохнет, – произнес он задумчиво.

– Ну так поможешь ему.

Феликс шагнул вперед, замахнулся, целясь в мощную, потную шею, и ударил. Но гость почувствовал движение за спиной или услышал что-то,

повернулся, уходя в сторону, и лезвие всего лишь скользнуло по плечу, распороло рукав и рубашку, царапая кожу. Мужчина вскочил, отбрасывая стул, выбил нож и отшвырнул нападавшего к стене. Сказал почти нежно:

– Ах ты, дрянь...

Феликс устоял на ногах. И ему уже было все равно, что с ним сделают. Он был готов вцепиться в эту глотку зубами, сжимать их до тех пор, пока не порвутся связки и кровь не брызнет в горло.

Нестор успел перехватить его на середине прыжка. Смеясь, крепко прижал к себе, не давая вырваться.

– Хватит, звереньш. Уймись.

– Ты что, не запер его?! – рявкнул Вир.

– Так ведь мой товар, – продолжал посмеиваться хозяин. – Заплатил. Теперь что хочу, то и делаю.

Продавец несколько секунд смотрел на Феликса злобным, давящим взглядом. Потом как будто принял какое-то решение.

– Ладно. Твое дело. Но больше ко мне не обращай, Нестор.

Он развернулся и вышел, тяжело топая. Хлопнула входная дверь. Проскрипели по снегу тяжелые шаги под окном. Брякнула калитка.

Старик выпустил Феликса, и тот рухнул на диван, рядом с которым стоял.

– Что это значит? Что все это значит?

Нестор сел около него, погладил свои колени, обтянутые потертыми штанами.

– Не хотел тебе говорить.

– Меня не привозили к тебе родители, не бросали здесь, я не пытался сбежать из странного дома, не блуждал на морозе. Это все был сон, внушенный тобой? Меня продали? Тебе?

– Да.

– Для чего?

– Каждое убийство оставляет след в моем мире снов, – начал рассказывать сновидящий нехотя. – Это улики против меня. Но на молодого, неопытного дэймоса можно слить все следы, все могилы. А потом убить его. Ни один охотник не найдет повода для ареста. Я – чист. Ты – мертв вместе с моими преступлениями.

– Зачем рассказываешь? Зачем лечил? Сон про моих родителей для чего?

– Старый я стал, – произнес он медленно. – Умру – ничего не останется. И никого.

– Но почему я?

– Сильный. Смелый. Упорный, – начал перечислять Нестор, – на меня похож. Сработаемся.

– Значит, ты тоже дэймос? – Феликс откинулся на неудобную спинку дивана. – Такой же, как я?

– Это ты такой, как я, – проворчал он, встал, подобрал с пола нож. – Больше на людей не бросайся. Если хочешь убивать, научу.

– Хочу. Научи.

– Тогда пошли. Покажу как. Пусть только отъедет подальше.

– Но если я убью его, в моем мире сна останется след... могила?

– Не останется. – Нестор сгреб его за плечо, заставляя подняться. – К себе заберу. Мне теперь без разницы – еще одна лишняя или две.

– Спасибо, – сказал Феликс. – За сон. За прошлое, состоятельных родителей, друзей, успехи в учебе...

– Могу восстановить его, – предложил дэймос. – А то, что было сейчас, забудешь.

– Нет. Я хочу помнить. – Он сам удивился жесткости, прозвучавшей в своем голосе. – Я никогда не хочу забывать. Никого...

Убивать оказалось очень просто. Не мучили ни угрызения совести, ни сожаление. Наоборот, утром после своего первого воздействия Феликс проснулся в прекрасном настроении, спокойный и удовлетворенный. Хотелось умыться, есть, встать и выйти на улицу... убивать еще. Ощущение власти над ничем не подозревающим человеком оказалось невероятным, вдохновляющим и пьянящим.

Молодой дэймос поднялся, чувствуя в себе новые силы. Как будто испуганная дуновением недавней смерти болезнь поспешила убраться из его тела.

Нестор был на кухне. Жарил яичницу с колбасой, судя по запаху. Коротко взглянул на выбравшегося из постели гостя.

– Ну как?

– Хорошо, – подумав, ответил тот. – Очень хорошо. У тебя есть еще кто-нибудь, кого можно... – Феликс многозначительно провел себя ребром вилки по шее. – Мне понравилось.

– Слушай меня, – сказал Нестор сурово. – Три смерти в год. Не больше. А лучше меньше.

– Почему так мало?! Мы же танатосы, наше предназначение убивать.

– Мы... – насмешливо фыркнул дэймос. – Ты пока еще никто.

– Ладно, ты. Разве смысл существования таких, как ты, не в убийствах?

– Нет. Иначе станешь наркоманом.

– И что произойдет?

– Перестанешь себя контролировать. Будешь жить от убийства до убийства. Все время нужна новая доза. Некоторые сходят с ума.

– Ты видел таких?

– Видел. – Хмуро ответил Нестор, кромсая колбасу в своей тарелке вилкой. – А другие начинают считать себя настолько великими, что готовы всех под себя подмять. Хотят, чтобы волки перед крысами на задних лапах бегали.

– Хочешь, я помогу тебе? – Феликс придвинулся ближе к столу, азартно глядя на мрачного собеседника.

– Чем же ты можешь мне помочь?

– Поймать крысу.

Нестор устремил на него холодный, пронизывающий взгляд.

– Ты ведь говоришь про себя? Тебе кто-то перебежал дорогу? Не дает жить спокойно? Или не хочет принять в клуб богатых дэймосов? Это ведь как-то связано с торговлей молодыми сновидящими?

Танатос приподнял косматые брови, но тут же справился со своим удивлением.

– Ты такой умный или подслушал что по дороге?

– Такой умный, – ослепительно улыбнулся Феликс, – отец говорит... – Он осекся, мотнул головой, отбрасывая ложные воспоминания. – Ну, так я могу помочь тебе? Я у тебя в долгу. За спасение. Спасибо, кстати.

– На здоровье, – усмехнулся Нестор. – А пожалуй, ты мне понадобишься в этом деле. Только синяки пускай сойдут. Идем-ка со мной...

На второй этаж из коридора вела узкая лестница с гладкими перилами, отполированными частыми прикосновениями руки. За крепкой деревянной дверью было темное пыльное пространство. Нестор пошарил по стене и щелкнул выключателем. Тусклый плафон лампы осветил большую комнату со скошенным потолком. Та была заставлена по всему периметру ящиками, коробками, связками рассыпающихся от дряхлости книг. Здесь же стояло несколько мышеловок, пока пустых.

Но самым главным было огромное зеркало. Потемневшая от времени амальгама, заключенная в тяжелую резную раму из красного дерева.

Феликс увидел свое отражение, но не успел разглядеть детали, пыльная поверхность неожиданно помутнела, пошла мелкой рябью, как вода в осеннем озере.

– Что это? – Молодой дэймос коснулся темно-красных деревянных

завитков, почувствовал под пальцами резную холодную поверхность.

– Стекло привез...один знакомый, – сказал Нестор, – раму сам делал.

Он шагнул вперед, прямо в дрожащее марево и оказался с другой стороны. Зеркало больше не было зеркалом, а стало дверью в еще одну комнату.

«Обман зрения, – решил пока так считать Феликс. – Хитрая техническая конструкция, которая кажется совсем не тем, чем является на самом деле».

Он прошел следом за дэймосом и очутился в новом помещении. Здесь тоже оказалось много хлама. Старая мебель, книги... какие-то лари с тяжелыми замками. Но в расположении этих вещей просматривалась четкая система. Все аккуратно расставлено, ящики подписаны кривоватым почерком, узкий диван застелен относительно чистым пледом. Над верстаком в строгом порядке на крючках висят столярные инструменты. Феликс задумчиво снял стамеску с острым лезвием, повертел в руках, повесил на прежнее место.

Пахло стружками, пылью, слежавшейся бумагой.

Особенно заинтересовали Феликса деревянные полки, на которых стояли маленькие жестяные коробки из-под чая. Он взял одну, открыл плотную крышку и увидел лежащий внутри ссохшийся скрюченный корень. Присмотрелся и понял, что это отрезанный по второй фаланге палец с треснувшим, желтым ногтем.

– Это чей?

Нестор, перебиравший книги в другом конце комнаты, подошел и забрал из его рук неожиданную находку.

– Не твоего ума дело.

– Ясно. А что моего?

Дэймос подал ему книгу. С потрепанным корешком и желтыми страницами.

– «Печное дело», – прочитал Феликс название на красной обложке и насмешливо приподнял брови. – А почему не справочник юного кочегара? Или столяра?

– Двадцать пятая страница. Между шестнадцатой и семнадцатой строчками сверху, – приказал Нестор. – Прочитай и запомни.

– Ладно.

Уже ничему не удивляясь, ученик танатоса начал листать книгу. Остановился на нужном месте. Там, между чертежей древних отопительных систем и описаний методов кладки и обмуровки печей была сделана запись простым карандашом. Буквы почти стерлись. Но еще можно

разобрать. *Abyssus abyssum invoke.*

– «Бездна вызывает к бездне», – перевел Феликс и озадаченно посмотрел на Нестора.

– Запомнил?

– Ну да, – продолжая недоумевать, ответил тот.

Дэймос забрал у него книгу. Выдрал страницу с латинской фразой, небрежно смял и сунул бумажный комочек в карман штанов. На вопросительный взгляд ученика ответил:

– Больше не пригодится.

«Он открывает мне свои секреты, которые хранил всю жизнь, уже не надеясь, что найдет ученика», – с невольной признательностью подумал Феликс.

– Ложись, – велел Нестор, указывая на диван. – Выходи в сон, как я тебя учил. Там спустишься в подвал и скажешь, что увидел.

Вчерашнее погружение в сновидение сложно было назвать самостоятельным действием. Дэймос прихватил нож, которым Феликс пытался зарезать ночного гостя, и сам вывел ученика в другое пространство. Провел через дом, оставшийся точно таким же, как в реальности, и в то же время сильно изменившийся. За калитку молодой танатос вышел уже один и, помня краткие наставления Нестора, устремился сквозь сон в чужое подсознание. Остановился на самом краю, перед входом в тенистый парк, ничуть не напоминающий кладбище. Здесь не было ни одной могилы, видимо, Вир сам активно пользовался молодыми дэймосами, сливая в их миры собственные преступления. Подавив вспышку бешенства, Феликс разжал кулак. На ладони сидела пчела. Маленькая, серая, с полосатым брюшком. Она покрутилась, ощупывая кожу лапками, испачканными в цветочной пыльце, расправила крылья. Взлетела с мягким жужжанием и вскоре исчезла среди деревьев.

Феликс развернулся и пошел прочь. Он хорошо знал, что произошло сейчас в реальности. Человек, на которого он повлиял только что, схватился за шею в приступе удушья, попытался остановить машину, но лишь сильнее утопил в пол педаль газа. Неуправляемый автомобиль рванул вперед, врезался в опору моста. Визг шин и скрежет покореженного металла, приглушенные расстоянием, отозвались в мстительном сознании дэймоса торжествующим гимном победителя, вспышка взорвавшегося топливного бака мягким теплом коснулась затылка. Феликс улыбнулся, ощущая удовлетворение и покой.

– Неплохо сработал, – одобрительно сказал Нестор, ожидающий ученика возле калитки. Во сне он выглядел точно так же, как в реальности.

Косматый сильван с пронизывающими ярко-голубыми глазами. – Подучу тебя, толк выйдет.

Феликс кивнул в ответ. Смятение и тревоги ушли. Провалы в памяти тоже перестали беспокоить. Надежда превратилась в уверенность. Желание действий и знаний окрепло. Он знал, чего хочет. Уничтожить всех, кто пытался унижить его...

Второй осознанный выход в сон дался ему очень легко. Магическое слово, которым пользовался Нестор, открывало дверь и для его ученика.

Дом вновь изменился. Он вздыхал сквозняками, поскрипывал суставами дверей, шуршал обоями. Казалось, пытался стряхнуть с себя привычный образ скромного жилища и принять другой, более значительный. Феликс ощущал себя точно так же. Под обликом человека, едва оправившегося от болезни, недавнего пленника – огромный, непознанный мир... Бездна.

«Я сам – бездна», – думал он отрешенно, без привычного амбициозного осознания себя, это была всего лишь констатация факта.

Феликс оказался на кухне, подцепил кольцо и потянул крышку люка. Поднял. В темноту и холод вела узкая деревянная лестница.

Молодой дэймос спустился, наклоня голову, чтобы не стукнуться о низкий потолок. Бледное свечение из углов давало разглядеть старинную каменную кладку, на которой стоял дом, неровные плиты на полу.

– *Abyssus abyssum invocate*, – произнес ученик танатоса тихо, и дом услышал его.

Камень под ногами зашевелился, заставляя отступить назад, ближе к лестнице. Гранит раздвинулся, открывая новые ступени, ведущие в еще более глубокую темноту. Феликс огляделся и шагнул вниз.

Я последовал за ним... хотел последовать, изо всех сил желая узнать, что произойдет дальше, что скрывают глубины моего убежища. Но видение оборвалось. Сон выбросил меня. Настойчивый стук, чужой голос ворвались в изменчивую реальность и разрушили ее.

Я открыл глаза, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Приборная панель, руль, удобное кресло с подголовником. Я сидел в машине на стоянке, на территории Северного вокзала. Слева виднелась его башня с часами. Я обернулся в другую сторону и увидел за стеклом женское лицо.

– Все в порядке? – спросила незнакомка, внимательно вглядываясь в меня.

– Да, – ответил я, – спасибо.

– Мне показалось, ты...

– Со мной все хорошо, – сказал я с вежливой настойчивостью. – Просто устал. Спасибо за беспокойство.

Девушка поняла, что не стоит больше тревожить меня вопросами о самочувствии, и отошла к своей машине.

«Бездна взывает к бездне»...

В зеркале заднего вида я увидел свои глаза – ошарашенные, с налетом легкого безумства. Вдохнул несколько раз, пытаюсь успокоиться. Информацию, которую обрушил на меня Феликс, надо было осмыслить.

Теперь я понимаю, почему он не терпел дэймосов, всех вместе и каждого по отдельности. Почему помогал Пятиглаву ловить их и убивал сам. Мстил за унижения юности. Пожалуй, можно сказать, мне повезло. Наши походы по крышам были всего лишь развлечением по большому счету. Опасным, но захватывающим... Никто не готовил из меня жертву для состоявшегося танатоса, не держал в клетке и не избивал регулярно. Хотя... Если бы Нестор не нуждался в смелом, талантливом ученике, меня, пожалуй, сейчас тоже не было бы на свете...

Мысли вернулись к дому, который теперь стал моим. Нужно возвратиться туда немедленно. Попробовать открыть тайный ход с помощью пароля, который подсказал Феникс. Что скрывается в глубинах моего убежища? И почему учитель никогда раньше не говорил мне об этом тайнике? Чувствуя знакомый азарт, я потянулся к навигатору, чтобы забить адрес, и вспомнил.

Хэл... Она ведь ждет меня в кафе на вокзале. Мы договорились встретиться там после моего визита к Тайгеру.

Нечто вроде легкой досады заставило меня помедлить, не спешить выходить из такси.

Она снова будет меня тормозить. Требовать полного отчета главе охотников. Убеждать передать ему все полученные сведения или найденные артефакты. Беспокоиться за меня. Опасаться интриг.

Хэл лучше бы поняла, почему я не хочу отчитываться за каждый свой шаг, если бы стала настоящей гурией...

Стоп. Об этом думать нельзя. Я закрыл глаза на мгновение, потер лоб, прогоняя нелепые мысли. Открыл дверцу, выбрался из машины и пошел на встречу с ученицей.

Она сидела за «нашим» столиком в полупустом кафе. Стройная, с пышными каштановыми волосами, поднятыми наверх так, что была видна красивая шея с одиноким завитком, игриво лежащим на белой коже. Не

спеша заходить, я рассматривал через стекло панорамного окна ее профиль, похожий на изображение со старинной камеи.

«Почему ты пришла в мой давно пустующий дом? Как смогла пройти сквозь зеркало? Кто послал тебя ко мне?..»

У меня не было ответов на эти вопросы, и доверия к ней тоже не было.

Поставив локти на столешницу, Хэл всем корпусом подавалась вперед, ближе к собеседнику. И судя по этой заинтересованной позе, а также легкой скользящей улыбке, она получала удовольствие от общения. Марк расположился напротив и пока не замечал меня. Я увидел крыло выбритого орла на его затылке и тут же испытал непреодолимое желание ударить охотника. Внезапное бешенство начало подниматься в груди. Слишком часто ученик Тайгера стал попадаться на дороге. Мне это не нравилось... вернее, это не нравилось моему дэймосу. Он считал именно этого сновидящего опасным для себя. Не Тайгера, видящего меня насквозь, не Геспера с его вездесущей крысой, не Талию с ее удивительным чутьем. А этого широкоплечего, профессионального охотника, с которым я уже дважды работал вместе. Очень хотелось подойти, выдернуть его из-за стола, а еще лучше выбить из-под него стул и уложить на пол безотказным приемом муай-тая.

Хэл пошевелилась, подняла руку, рассеянно касаясь завитка на шее, словно физически ощутила мой настойчивый взгляд через стекло. Начала поворачивать голову, но я уже отступил в сторону, развернулся и пошел обратно к машине.

С каждым шагом во мне крепла уверенность – то, что мне предстояло сделать, касалось лишь меня и моего учителя. Больше я не собирался вмешивать никого в свои дела. Во всяком случае, до тех пор пока не разберусь со своими подозрениями.

Сядя за руль, я подумал, что пора приобрести свою машину. Надоело зависеть от общественного такси и расписания «Нота».

Дорога до моего дома никогда не занимала много времени, особенно когда я был занят размышлениями. А Феликс подкинул пищи для них достаточно.

Он свободно говорил и даже думал по-бэйцзински. Неужели жил там в детстве и юности? Или просто изучал этот язык? Впрочем, он прекрасно знал и сямский. Да и общение с местными в Тенчитолане не доставляло ему неудобств... Если честно, я по-прежнему ничего не знал о своем наставнике. А он подбрасывал мне все новые и новые вопросы.

Откуда его привезли к Нестору? И процветает ли до сих пор среди дэймосов торговля молодыми темными сновидящими? Или этот

прибыльный бизнес уже прекратил свое существование? Наши охотники прикрыли его, переловив всех поставщиков живого товара? Если бы мой интерес не потянул за собой цепь ненужных расспросов и догадок, я бы поинтересовался у Тайгера, в курсе ли он тех событий прошлого.

Такси наконец остановилось возле забора, знакомого до последнего сучка, я быстро выбрался на улицу. Щелчок закрывающейся дверцы нарушил тишину поздней осени. Где-то надрывно закаркала ворона. Порыв ледяного ветра взъерошил волосы и пробрался в рукава куртки.

Я вошел в дом, невольно сравнивая его с тем убежищем дэймоса, каким он был во времена юности Феликса. Изменилось не многое. Он не стал ни более запущенным, ни, наоборот, современным. Казалось, время обтекало его, как остров посреди реки. Даже запахи оставались прежними. Но все равно прошлое удержать невозможно. Его создают люди, а когда они уходят, превращаются в воспоминания, оно тоже разрушается, выцветает, как старая картинка... Меня вдруг охватило странное чувство. Сожаление, по всей видимости.

Сон принял меня с небывалой готовностью. Я погрузился в него, едва успев произнести свой пароль на вход. Подумал, уже выныривая в другой реальности, что это слово-приказ, которому меня научил Феликс, передал ему Нестор, а я в свою очередь научил Хэл. Преемственность поколений дэймосов.

Я шел по дому, точно так же как и Феликс несколько десятков лет назад. Испытывая те же сомнения и неумную жажду узнать все тайны этого места.

На кухне я поднял деревянный люк, закрывающий вход в подвал, и оттуда мгновенно повеяло холодом с заметным запахом плесени. Темнота была слегка разбавлена зеленоватым рассеянным светом.

Я знал, что здесь был еще и нижний этаж. Дом в сновидении полностью повторял всю конструкцию реального... должен повторять, по идее. Но у меня никогда не возникало желания бродить тут, внизу.

Я начал осторожно спускаться, чувствуя, как постепенно погружаюсь в заледеневшую пустоту. Если наверху постоянно что-то скрипело, постукивало, раздавалось эхо призрачных шагов и невнятных голосов, то здесь было очень тихо. Эта тишина давила на уши, и ее хотелось поскорее разрушить.

Каменные стены и пол, выложенный плитами из серого гранита. Песок, грязь, холодный запах влажного кирпича.

– Abyssus abyssum invoke.

Мой голос прозвучал в настороженном молчании сна размеренно и четко. Уверенно.

У меня было право находиться здесь и отдавать приказы этому месту. Но, похоже, сам дом так не считал. Ничего не происходило. Меня не слышали или не считали нужным отвечать на призыв дэймоса, возрожденного лишь наполовину...

– Abyssus abyssum invoke, – повторил я настойчивее.

И вновь никакого отклика. Разочарование, пока еще очень далекое, стало стремительно приближаться, нашептывая о бессмысленности дальнейших попыток. Однако я не поддался ему.

– Abyssus... – начал я в третий раз и осекся, потому что к моему голосу присоединился другой голос, звучащий низким, гулким фоном.

– ...abyssum invoke, – произнес вместе со мной невидимый спутник.

Пол у моих ног стал таять, превращаясь в дым. Тот потек по всему подземелью, полез на стены, словно живое существо. И затаился там. Свет, едва сочащийся из щелей в стенах, сделался ярче. На приказ, озвученный Феликсом в прошлом, мир снов отреагировал иначе.

Дымка рассеялась, открывая ступени, ведущие под землю, в глубокую непроглядную тьму.

– Спасибо, Феникс, – сказал я в пустоту.

Вытащил из кармана зажигалку, крутанул ребристое колесо, высекая огонь.

Желтый круг света упал на первую ступеньку.

Я начал спускаться. С каждым шагом приближаясь к бездне.

Москва – Рим – Каир – Доха – Москва

Август 2015 – июнь 2017

Гипносарий

[\[19\]](#)

Каждый человек, засыпая, погружается в пространство, которое называют мир сновидений, или царство Гипноса.

Мир сновидений

О мире сновидений сложено множество легенд и сказаний. Мало кто в современном мире верит в них, большинство – считают выдумкой, хотя и допускают возможность существования как персонифицированных понятий, но за время существования сновидящих возникла целая система преданий о божествах и сущностях, населяющих это пространство. Самый главный и почитаемый из них:

Гипнос – Повелитель сна, верховный бог сновидений. Сын Ночи, брат Танатоса – смерти, Немезиды – богини возмездия, Эриды – раздора, мойр – хранительниц судьбы. Отец Икела, Фантаса, Морфея и других созданий сновидений. Он благосклонен к людям. Обитает в пещере, где под покровом вечных сумерек бьет родник забвения.

Сыновья Гипноса, три бога сновидений:

Икел, чья отличительная особенность – умение превращаться в животных;

Фантас принимает облик неодушевленных предметов, а также явлений природы;

Морфей, который больше всех из остальных богов симпатизирует людям и любит принимать облик человека.

Дэймосы считают, что у Гипноса есть еще один сын, **Фобетор**, которого также называют «пугающим»^[20]. Создатели кошмаров верят, что он постоянно сопровождает их, предупреждает об опасности, следит за тем, чтобы они не прекращали наводнять сновидения страхом, способен давать и отнимать силы...

С древних времен служители религиозных культов, философы и ученые пытались объяснить природу сна. Одни представляли его как мистическое состояние, погружаясь в которое можно узнать прошлое, будущее, слышать голоса богов и умерших людей. Другие видели в нем пограничное состояние между жизнью и смертью. Третьи считали результатом дневной усталости, уменьшением тепла в крови, а также воздействием некоего «сонного яда», который вырабатывает организм человека, когда переутомляется.

В современном Полисе официальная точка зрения специалистов по сновидениям^[21], науки и общества заключается в представлении, что мир снов – это пространство, сформированное мыслями, желаниями, эмоциями всех живущих людей – неким коллективным бессознательным, которое

является общим для всего человечества и основывается на мыслях, опыте, здоровье всего общества в целом.

Пространство сновидений нематериально, невидимо, неосязаемо в обычном, бодрствующем состоянии, но становится реальностью в тот момент, когда человек засыпает, и остается таковым все то время, что он пребывает во сне. Несмотря на свою нематериальность, это пространство напрямую связано с существующей действительностью. Чем более гармонично общество – тем более люди в нем склонны к сознательным, гуманным и ответственным действиям, а также более гармоничным становится и коллективное бессознательное, и, как следствие, тем более гармоничен мир сновидений. Агрессия, болезни, уныние оказывают сильное разрушительное воздействие на мир снов, и тот в свою очередь начинает выплескивать накапливающийся хаос в реальность – что приводит к увеличению числа катастроф, всплеску преступности, немотивированной агрессии в обществе и войнам.

Сновидящие на основе своего опыта заключают, что мир снов, или коллективное бессознательное, состоит из определенных образов, зачастую фантастических и нереальных, в том числе имеющих свои корни в глубоком прошлом человечества, но каждый из которых несет определенный четкий смысл. Доступный для расшифровки и дающий возможность использовать его, чтобы изменять реальность мира сновидения и, через него, реальный мир.

Сновидящие

Сновидящими с древних времен именовали наделенных даром воздействовать на человека через сон. Их редкие умения изучали еще при древних храмах Гипноса и Морфея, богов сновидений, чтобы как успешно применять на благо людям, так и укрощать этот столь же сильный, сколь и опасный, талант.

Среди сновидящих есть **мастера снов**, созидающие гармонию и восстанавливающие равновесие в мире и природе человека, и **дэймосы**^[22], несущие разрушение и смерть.

Мастера снов

Еще жрецы и философы древности знали, что, влияя на подсознание, можно менять человеческое поведение, поскольку оно напрямую зависит от подсознательных реакций и убеждений. Также они считали, что подсознание – некое хранилище всех знаний, умений и навыков, полученных человеком в течение жизни и в некоторых случаях – даже в нескольких поколениях. При должном уровне мастерства эти знания можно извлекать и использовать. Сны, с которыми работают сновидящие, не что иное, как система образов, знаков и символов, в которых зашифрованы воспоминания человека, а также симптомы его болезни, фобии или нереализованные возможности.

Погружаясь в сон, мастер снов с помощью знаков и символов, которые показывает подсознание пациента, должен привести поток бессвязных, а зачастую фантасмагоричных образов в определенную систему. Входя в сновидение, он выстраивает эти символы, добиваясь наибольшей гармонии, таким образом давая человеку определенный приказ на стремление к выздоровлению, избавлению от страхов, изменению жизни, судьбы.

Мастера снов обладают разными способностями, которые и определяют цель их воздействия на людей.

Аониды. Их дар самый редкий. Они работают с учеными и творческими людьми. Их задача – дарить идеи, подсказывать неожиданные повороты мысли, приводить в систему собранные знания. Мастер снов с подобной специализацией, войдя в пространство сновидений, помогает своему клиенту сосредоточиться, четко выстраивает путь цепочек ассоциаций и логических выводов.

Эти сновидящие очень образованны, умны, обладают прекрасным воображением и вместе с тем чрезвычайно логичны, тратят огромное количество времени на саморазвитие, и чаще всего они специалисты в какой-либо сфере науки или искусства.

Символ аонид – мраморный свиток. Он означает познание, глубокие творческие размышления и систематизацию полученных знаний.

Официальное обращение к этим мастерам снов – эагрид, илисиада.

Воины сновидений. Охотники на дэймосов. Те, кто очищает мир снов

от хаоса, защищает людей, ловя ожившие кошмары и стараясь не дать им своими разрушительными действиями привести к упадку цивилизацию Полиса, ввергнуть ее в темные, жестокие, дикие времена. Задача воинов сновидений в том, чтобы искать, находить, преследовать и уничтожать дэймосов – тех, кто не пожелал обуздать свой дар, несущий дисгармонию и хаос.

Навыки, которыми они обладают: *перековщик, оптимизатор, корректировщик снов.*

Корректировщик. Осуществляет первые изменения в сознании человека, подвергнувшегося нападению дэймоса, выводит из шокового состояния, очищает мир сновидения жертвы от смертоносных ловушек создателя кошмаров, которые могут быть опасны и для остальных сновидящих. После его воздействия работу с пострадавшим начинает эпиос, стремясь исцелить человека от физических или психических повреждений, которые нанесены дэймосом.

Оптимизатор. Помогает дэймосу, уже ступившему на путь исправления, восстанавливать гармонию в своем мире и в себе. Не дает сорваться и вновь начать сеять хаос. Осуществляет незаметный, или явный, контроль. Проверяет уровень агрессии своего подопечного. Но подобное воздействие возможно лишь при желании самого дэймоса измениться к лучшему.

Перековщик. Меняет сознание создателей кошмаров, ломает, переделывает – «перековывает» – оступившихся сновидящих, устраняя желание нести разрушение и смерть. При необходимости отсекает от мира снов. Часто это происходит с помощью достаточно жестких методов, ломающих закосневшую в жестокости и вседозволенности психику дэймоса.

Символ охотников на дэймосов – золотые ворота. Они олицетворяют атрибут бога Гипноса – путь в сон. Воины сновидений могут входить в сон в разных его точках, «перескакивать» из одного фрагмента видения в другое. В то время как другие сновидящие должны пройти сон от начала до конца.

Официальное обращение к воинам сновидений – балатор^[23].

Оракул, пифия. Предсказатели – они умеют читать будущее по сновидениям. Особо могущественные оракулы в состоянии видеть и расшифровывать ближайшее и отдаленное будущее не только конкретного человека, но и целых народов, а также стран и континентов. Помимо человеческой судьбы в состоянии предугадывать природные катаклизмы.

Кроме грядущего некоторые оракулы способны видеть прошлое, а также скрытое от других настоящее – узнавать неизвестные сведения о событиях и людях, распознавать неочевидный обман, проводить параллели событий минувшего с сегодняшним днем, определяя закономерности развития отдельной личности и всего общества в целом.

В особо сложных случаях к ним обращаются за помощью остальные мастера снов, чтобы понять – какие последствия от их воздействий могут грозить клиенту в будущем. Есть ли смысл продолжать работу с пациентом или следует сменить тактику влияния.

Особо ценят содействие оракулов воины сновидений. В процессе перековки дэймосов, когда необходимо знать, представляет ли создатель кошмаров реальную опасность или влияние оказывает на него положительное воздействие и его психика гармонизируется.

Кроме этого, у прорицателей имеется редчайшая особенность – наследственная эйдетическая память. Способность четко, точно и детально восстанавливать в памяти зрительные образы увиденного в течение любых промежутков времени. В их памяти хранится огромный пласт информации: конкретных знаний, визуальных воспоминаний, деталей, впечатлений, ощущений, фактических событий. По словам прорицателей, для совершения предсказаний их мозг опирается на уже полученную масштабную информацию, извлекая из нее предположения, которые они анализируют, чтобы обрести четкие ответы.

Оракулы отличаются мощным телосложением, высоким ростом, крепким здоровьем. Обладают уникальным голосом широчайшего диапазона.

Символ оракулов – лавровый венок, так как лавр – растение предсказателей: в древности, вдыхая дым от горящих листьев, пророки погружались в мистический сон и, наблюдая видения, являющиеся им, совершали пророчества.

Официальное обращение к пифии – сивилла, феномая. К оракулу – предиктор^[24].

Харита, вдохновитель. Мастера снов с подобным даром создают длинные, сложные сны со связным сюжетом, динамикой, глубиной и яркими образами, не отличимые от реальности. Их видения могут быть развлекательными, утешающими, эротическими.

Обладают богато развитым воображением, яркими эмоциями, логикой, помогающей выстраивать сновидение, и огромной внутренней силой, позволяющей удерживать весь сон от начала до конца и контролировать

спящего человека. Погружаясь в сон, выполняют одновременно работу сценариста, режиссера, актеров, дизайнера декораций, звукооператора, композитора и многих других специалистов.

Люди, погружаясь в их видения, отдыхают, развлекаются, радуются, наслаждаются.

Одна из целей харит – помочь человеку лучше понять самого себя, свои устремления, склонности и свойства характера.

Также одной из важных задач харит является создание так называемых последних сновидений. Когда человек решает, что прожил достаточно долгую жизнь, свершив все, что запланировал, и не хочет угасать в беспомощности и болезни, он может просить хариту создать для него последний сон. Это может быть новая жизнь с любимыми людьми или вновь прожитая прежняя, путешествие в необычный, фантастический мир. Когда сновидение подходит к концу, и человек в полной мере насладился долгой иллюзией, врачи проводят эвтаназию.

Символ этих сновидящих – лира. Этот музыкальный инструмент с древности ассоциировался с творчеством, неудержимым полетом фантазии. Также, по легендам, он способен умиротворять, успокаивать и усыплять самых грозных божеств.

Официальное обращение к харитам – аманта^[25], фаенна^[26].

Эпиос. Целитель. Мастер снов с этой специализацией лечит физические и душевные болезни людей. Также воздействие эпиоса приносит успокоение. Опытные целители, обладающие большой силой, способны отменить губительное воздействие дэймоса, убирая из подсознания человека заложенные туда создателем кошмаров приказы, ведущие к болезни, саморазрушению, смерти. С помощью определенного воздействия эпиос в состоянии помочь человеку изменить характер, личность, судьбу.

Символ целителей – чаша, вокруг которой обвивается змея. Это знак Асклепия – бога медицины и врачевания.

Официальное обращение к целителю – целер.

Общий символ всех мастеров снов – *бронзовый мак*, растение – атрибут бога сновидений Гипноса.

Дэймосы

Дэймос – создатель кошмаров. Бич сновидений. Слуга Фобетора – одного из сыновей Гипноса, повелителя мрачных, ужасающих видений. Жуткий призрак, который может появиться из ниоткуда и пропасть в никуда.

У дэймосов своя система ценностей, представлений о морали и долге. Под свободой понимают вседозволенность. Под симпатией – абсолютный контроль над личностью, к которой проявляют благосклонность. Под признанием равенства людей принимают только свою исключительность.

Если основная цель мастеров снов – гармонизировать мир сновидений, поддерживать равновесие между ним и реальностью, то, в противовес им, дэймосы оказывают особое разрушительное воздействие на пространство сновидений, так как в их природе заложено желание причинять боль, страдания, уничтожать.

Ими движет не созидание и стремление помогать людям, а жажда наживы, власти и бездумная злоба. Никто не знает, почему они появляются в мире, но чем больше рожденных дэймосов, тем сильнее погружается в хаос коллективное бессознательное общества и, соответственно, мир снов. Дэймосы лишают людей покоя, мешают работе, крадут жизненную силу, способны убивать во сне. Они закладывают в подсознание жертвы приказы, ведущие к неудачам, недугам, смерти.

Хотя известно, что обычно подобные сновидящие не живут долго, так как дэймосов пожирают собственные кошмары – порождения их большого агрессивного подсознания; а также они с легкостью, не задумываясь убивают друг друга, и слабые дэймосы оказываются жертвами более сильных – тем не менее мощь их чрезвычайно велика, и они разрушают то, на что направляют энергию хаоса, настолько быстро, что мастерам снов очень сложно противодействовать им своим влиянием, а для обычных стражей порядка противостоять и вовсе невозможно.

Как и мастера снов, дэймосы обладают разными способностями:

Крадущий сны. Похититель снов – лишает человека возможности спать, либо, в некоторых случаях, крадет у людей видения. Воздействуя на мозг спящего, эти дэймосы вырезают из цикла сновидения человека так называемую быструю фазу, именно во время которой людям снятся сны и происходит переработка полученной в течение бодрствования информации,

а также обмен ею между сознанием и подсознанием. Прерывание или полное отсутствие этой фазы вызывает тяжелейшие нарушения психики.

Дэймосы очень ценят свою исключительность и, обращаясь друг к другу, используют особые вежливые обращения, подчеркивая таким образом свою индивидуальность и причастность к кругу избранных.

Почтительное обращение к крадущему сны: мужчине – обскурум^[27], женщине – малум^[28].

Ламия. Вызывая болезни, наблюдает за медленным угасанием жертвы и получает силу от ее страданий. Зачастую обладают вполне заурядной внешностью или даже физическими недостатками – метками Фобетора, которые умело прячут и в реальности, и в мире сновидений. Умеют создавать ловушку – «клетку ламии», из собственного тела сновидения, оплетая жертву, медленно душат, вытягивая из нее все силы. Но при этом тратят столько энергии, что могут погибнуть сами, если добровольно не выпустят жертву. Извлечь захваченного человека из клетки ламии, не причинив ему при этом вреда, может лишь опытный охотник на дэймосов. Ламии – антагонисты эпиосов.

Вежливое обращение к ламии – брима^[29].

Морок. Выматывает людей чудовищными видениями, кошмарами. Коварен, очень опасен. Обладает богатой, извращенной фантазией. Злопамятен. Если вынужден оставить жертву на некоторое время, всегда рано или поздно возвращается к ней – даже если ему грозит опасность от преследующих воинов сновидений.

Населяет сон человека настолько чудовищными фантомами, что тот боится засыпать. Любит извлекать из подсознания людей тайные, скрытые страхи и фобии, которые активизирует в реальности и от них практически невозможно избавиться.

Выкачивает жизненную энергию из жертвы с помощью своих снов и подпитывается ею, увеличивая свою силу. Подобное воздействие чаще всего заканчивается смертью человека.

Морока очень трудно обнаружить и поймать, потому что он умеет подсовывать вместо себя химеры, наделяя их собственными чертами и характеристиками.

Вежливое обращение к мороку мужчине – аластор^[30], к мороку женщине – ноферат^[31].

Черная гурия, искуситель. Соблазняют. Дарят наслаждения, крадут

силу через эротические сновидения. Самый редкий вид дэймосов.

В отличие от остальных черных сновидящих, также меняющих внешность во сне в лучшую сторону, могут преобразаться до неузнаваемости, становясь обольстительно, завораживающе прекрасными. Даже в реальности вызывают у людей очень сильную, неосознанную симпатию. Считаются антагонистами харит, потому что созданные ими сны приносят не радость, успокоение и гармонию, а болезненные навязчивые состояния, угнетение, потерю сил, вину за свои желания, глубокую депрессию, заканчивающуюся безумием или самоубийством.

Кроме выматывающих снов внушают людям ложный стыд за стремление к физической близости, вызывая, таким образом, целый сонм негативных чувств – подавление естественных желаний, агрессию, ненависть, вину.

Вежливое обращение к гурии – тенебрис^[32], к искусителю – тимор^[33].

Танатос, мора. Убийцы мира снов. Самые безжалостные и сильные дэймосы. Их цель – полное и максимально быстрое уничтожение жертвы. Обладают достаточным могуществом, чтобы убивать и людей, и создателей кошмаров, и мастеров снов. Умеют не только записывать в подсознание приказ на самоубийство, но могут убить непосредственно во сне, останавливая работу сердца или вызывая мгновенное кровоизлияние в мозг.

Считают себя главными в иерархии дэймосов, добиваясь полной власти над более слабыми темными сновидящими, используя их в качестве послушных слуг и с легкостью убивая.

Единственные, с кем способны сотрудничать танатосы, взаимодействуя, – это искусители и гурии. В обмен на их сверхъестественную интуицию, умение очень быстро усваивать знания и талант обольщать танатосы обеспечивают им защиту и поддержку.

Вежливое обращение к танатосу – феристис^[34].

Дэймосы – преступники, одиночки, стремящиеся лишь к единственной цели: наслаждению властью над спящими – повелеванию силой хаоса, который вносят в жизнь отдельных людей и всего общества.

Против них борется официальный орган управления всеми сновидящими – **Пятиглав**, учреждение, поддерживаемое правительством Полиса – **Ареопагом**.

Пятиглав

Деятельность всех сновидящих контролирует, регулирует и направляет орган управления под названием Пятиглав, состоящий из мастеров сна, представляющих разные грани дара сновидящих. На данный момент в Пятиглав входят:

Клио. *Аонида.* Умна, деятельна, образованна. Работает с учеными в области генной инженерии, вторая ее специализация – теория и физиология сна подростков. Много времени отдает работе в Центре сновидений.

Высокая, стройная молодая женщина. Узкое треугольное лицо с зелеными «кошачьими» глазами и высокими скулами скорее необычно и притягательно, чем классически красиво. У нее длинные, темно-русые волосы, напоминающие мех, которые она предпочитает заплетать в сложные сетки.

Ее обаяние в глубоком погружении в собеседника, искреннем интересе к нему и желании разобраться в его проблемах. Без этих качеств ее работа аониды была бы невозможна.

У Клио большой круг знакомств не только в ученой среде. Приятна в общении. Сочувствующая и добрая. Иногда идет на небольшое нарушение правил, если понимает, что более мягкое обращение пойдет на пользу человеку больше, чем жесткое наказание. Как произошло в случае с Аметилом.

Герард. *Оракул.* Один из самых талантливых предсказателей. Кроме основной работы в Пятиглаве часто оказывает помощь эринерам и представителям Ареопага.

Как и все оракулы, обладает наследственной эйдетической памятью. Может очень ярко, в мельчайших подробностях вспомнить каждое событие не только своей жизни, но и любого фрагмента, увиденного во сне. Помнит практически наизусть все книги, которые прочитал за жизнь – несколько десятков тысяч, подробные карты Полиса со всеми его автомагистралями и трассами, а также крупных городов мира, может оперировать днями недели в календаре за последние две с половиной тысячи лет.

Высокого роста, мощного телосложения, издали заметен в любой толпе. Светлые волосы, серо-голубые, холодные глаза. Обладает уникальным голосом широчайшего диапазона. В те моменты, когда Герард теряет над собой контроль, его голос непроизвольно повышается, рискуя оглушить собеседников, а предметы вокруг начинают вибрировать.

Воплощение здоровья, жизнелюбия и оптимизма.

Неизменный спутник Герарда – Аякс, огромный черный кот-полидакт. Аякс – охотник на дэймосов, его задача – защита оракула.

Геспер. *Эпиос.* Выдающийся целитель. Его сила столь велика, что он может выполнять работу коррективщика сновидений. Одна из его задач – контроль над пленными дэймосами.

Этот мастер снов обладает острым умом и наблюдательностью. Он немолод, сухощав, подтянут. Коротко стриженные волосы кажутся темнее, чем есть на самом деле, из-за седины, появившейся в них.

Заостренные черты худого лица очень запоминающиеся, так же как и глаза, бледно-зеленые, прозрачные. А его пронизывающего, острого взгляда стараются избегать даже создатели кошмаров.

Тайгер. *Воин сновидений, перековщик, оптимизатор.* Про его личность известно совсем немного. Только то, что он очень стар и его тело – искусственное создание биоинженерии Полиса, а также что дэймосы боятся встречи с ним. И пока еще ни одному из них не удалось одолеть Тайгера.

Создатель уникальной системы перековки, позволяющей темным сновидящим возвращаться к нормальной жизни. Первым применил ее на практике.

Его новое, искусственное тело – копия античной статуи победителя Минотавра – Тесея. Миф о котором всегда олицетворял победу человека над зверем, причем не только в физическом смысле, но и над внутренним зверем, живущим в глубинах подсознания.

Загадочная личность. Даже самые близкие коллеги не могут с уверенностью сказать, что знают, какой он на самом деле.

Талия. *Харита.* Создатель уникальных снов, неотличимых от реальности. Одна из тех, кто разрабатывал систему выявления и поимки дэймосов благодаря своему богатейшему воображению и несколько парадоксальному мышлению.

Сильный сновидящий, умеет манипулировать сном на таком высоком уровне, что он становится неотличим от реальности.

Невысокая, изящная, светло-рыжая, с короткой стрижкой и светлыми янтарными глазами, Талия наделена удивительным обаянием, которое делает ее непреодолимо привлекательной для других, артистична, но при этом искренна и прямолинейна. Рядом с ней легко и приятно, она умеет создать вокруг себя атмосферу беспечного праздника, раскрепостив собеседников, а сама в это время внимательно наблюдает и анализирует. Идеальный разведчик.

В какие-то моменты уходит в себя, когда ей необходимо сосредоточиться для структурирования информации и создания очередного сложного сна. При этом ей нужна полная закрытость, погружение.

Официальный знак Пятиглава – белая пятиконечная звезда неправильной формы. Представители совета носят ее в виде металлического значка на правой стороне груди.

Особое значение для сновидящих – мастеров сна и дэймосов – имеют дома, в которых они работают.

Прежде считалось, что лишь темные сновидящие могут проникать в мир снов из любого места, а мастера снов привязаны исключительно к собственному жилищу, где проходило их обучение и становление как сновидящего. Но с недавнего времени обучение мастеров сна, и особенно охотников, изменилось. Их учат не быть привязанными к своему дому, а действовать в любой зоне. К сожалению, подобное воздействие требует от мастера снов очень мощного приложения сил и затрат энергии, что делает их более уязвимыми, и если не возникает критической ситуации – они предпочитают работать в собственных домах.

Конгломераты

Города-государства, историю развития которых изучают в школах мастеров сна в первую очередь как влияющих на взаимосвязи и изменение мира сновидений.

За современной ситуацией в них ведет неизменное наблюдение Пятиглав и представители Ареопага, используя свое право вмешаться лишь в случаях вынужденной необходимости.

Александрия. Город в Северной Африке. Основан Александром Македонским. Первоначально отстроен архитектором Александра – Дейнократом. Впоследствии его достраивали, подражая архитектуре Полиса. Но городская агломерация Александрия напоминает его лишь внешне.

Баннгок. Кибернетический гигант, захвативший весь юго-восток Азии. Правящий режим – военная диктатура.

Бэйцзин. Мощный промышленный конгломерат, находящийся на грани экологической катастрофы. Ближайший сосед Полиса.

Нарасикэ. Островной техногенный мегалополис в Восточной Азии. Закрытая территория с высоким уровнем жизни и очень жесткой миграционной политикой.

Полис. Мегалополис, занимающий европейскую часть материка. Основан на античной культуре Древней Греции и Рима. Единственное место, где активно развивают биотехнологии.

Тенчитолан. Гигантский экзотический город-спрут на территории Центральной Америки.

Краткий словарь персонифицированных образов и терминов, которые используют сновидящие

Акесо. Богиня исцеления. Дочь Асклепия – бога медицины и врачевания.

Амин. Божество, прогоняющее болезни.

Аполлон. Бог солнца, покровитель искусств, отец величайшего врачевателя Асклепия, воскрешавшего мертвых. Целитель, предсказатель будущего, покровитель муз (поэтому его называли Мусагет). Покровитель певцов и музыкантов.

Арес. Бог войны. Но не справедливой, а жестокой и кровавой, не считающейся с правилами и допускающей вероломство. Любил сам спускаться на поле битвы и принимать участие в сражении, от его крика воины приходили в неистовство и убивали всех, кто встречался им на пути – своих и чужих, правых и виноватых.

Его сыновья Фобос и Дэймос – страх и ужас.

Именем сына бога войны названы темные сновидящие – дэймосы, внушающие ужас. А вечный спутник каждого дэймоса – Фобетор получил свое название от имени второго сына Ареса. Они всегда следуют один за другим и неразделимы как братья.

Асклепий. Бог медицины и врачевания. Сын Аполлона, он родился смертным, но получил бессмертие – за помощь людям и то, что отдал все свои силы и всю свою жизнь обучению высочайшему искусству врачевания и развил его до такой степени, что стал воскрешать людей из мертвых.

Ата. Богиня – персонификация обмана, помрачения ума, заблуждения, глупости.

Атлант. Титан. По легендам, держит на своих плечах небесный свод. Символ выносливости и терпения.

Ауры (дуновения). Нимфы. Персонификации легких ветров.

Вир. Любимец ониров.

Гениохей. Возница бога Гелиоса – солнца.

Гермес. Бог разума, ловкости, красноречия, торговли, прибыли. Покровитель послов, глашатаев, путников, атлетов, магии и астрологии. Посланник богов, проводник душ умерших в подземное царство. По легендам, изобрел азбуку, числа, меры веса и обучил людей.

Никто не мог превзойти Гермеса в ловкости, хитрости и лукавстве.

Геспериды. Нимфы, дочери Геспера – вечерней звезды и Нюкты –

Ночи. Охраняют золотые яблоки, дарующие молодость и здоровье. Эти яблоки Гея – Земля подарила Гере, когда та выходила замуж за Зевса. Гера посадила семена этих яблок в саду богов на краю земли, из них выросли три прекрасных дерева, и геспериды бережно хранят яблони и их плоды.

Имена Гесперид: Эгла («сияние», *др.-греч.*) – супруга бога солнца Гелиоса и мать харит, Эрифия («красная», *др.-греч.*), Аретуса – спутница богини Артемиды, Гесперия («вечерняя», *др.-греч.*) – старшая из сестер.

Гестия. Хранительница домашнего очага и жертвенного огня. Старшая дочь Кроноса и Реи. Сестра Зевса, Геры, Деметры, Аида и Посейдона.

Гигея. Богиня здоровья. Изображается в виде молодой женщины, кормящей змею из чаши. Дочь Асклепия.

Гипнос. Повелитель сна, верховный бог сновидений. Сын Ночи, брат Танатоса – смерти, Немезиды – богини возмездия, Эриды – раздора, мойр – хранительниц судьбы. Отец Икела, Фантаса, Морфея и других созданий сновидений.

Глубины сна. Самые отдаленные участки подсознания, хранилища древних, дремучих человеческих страхов, оставшихся еще от доисторических времен. Пласт так называемой памяти предков.

Для сновидящих, и мастеров сна, и дэймосов, погружения в эту часть человеческого сознания грозят опасностью и серьезным риском. Здесь не действуют законы обычного сна, и контакт с глубинами может окончиться для снотворца смертью или безумием. Поэтому воздействовать на это опасное место могут лишь самые сильные и опытные мастера либо самые отчаянные.

Данаиды. Дочери царя Даная. По легенде, убили своих мужей в первую брачную ночь – в наказание за это в подземном царстве Аида носят воду и наполняют бездонную бочку, которая никогда не заполнится.

Икел. Бог сновидений, один из сыновей Гипноса. Отличительная особенность Икела – умение превращаться в животных.

Кабиры. По одной из версий, древние божества, помощники бога-кузнеца Гефеста, работали вместе с ним в его кузнице, находящейся на острове Лемнос. По другой – сыновья и дочери Гефеста. Небольшого роста, наделены огромной силой, носят плащи, которые могут делать их невидимыми.

Кайрос («благоприятный момент», *др.-греч.*). Бог счастливого мгновения, неуловимый миг удачи, который всегда наступает неожиданно, и поэтому им очень трудно воспользоваться. Кайрос обращает внимание человека на тот подходящий (благоприятный) момент, когда нужно действовать, чтобы достичь успеха. Изображался с длинной прядью волос

на голове – только за этот локон и можно ухватить неуловимого крылатого Кайроса. В руках он обычно держит весы, что символизирует справедливость судьбы, посылающей удачу тем, кто это заслуживает.

Карта мира снов. Мир снов, коллективное бессознательное, необозримое пространство идей. Пространство с иными законами и течением времени. Оно безгранично и будет существовать до тех пор, пока живо хотя бы одно существо.

По нему можно блуждать веками, не встречая ни единого отблеска жизни, или переходить из сна в сон, наблюдая самые фантастические пейзажи. Но даже в нем есть пути, которые прокладывают сновидящие. Это не материальные дороги, а связи между людьми.

Легче всего действовать через конкретный предмет конкретного человека, напрямую. Мастер снов или дэймос может попасть в сон человека, если обладает его личной вещью. И сквозь сон этого человека способен проникнуть в подсознание людей, контактировавших с ним – родственников, коллег по работе, друзей. Далее, через сны уже этих людей опытному сновидящему реально добраться в подсознание их близких, но эти дороги первого и особенно второго уровня доступны лишь очень сильным сновидцам. Таким образом, появляется разветвленная сеть путей, соединенных друг с другом.

Подобные дороги возможно отобразить в виде карты. Точки – личные вещи людей и, соответственно, сами люди, их подсознание, их сны. Линии, соединяющие точки, – пути к этим людям.

Киркий. Северо-западный ветер.

Клетка ламии, клетка удержания. Ловушка, которую ламия создает из своего тела сновидения. В нее она заключает свою жертву, сплетая с собой и вытягивая жизнь. При этом сама ламия теряет силы и рискует погибнуть, если вовремя не выпустит пленника или если не убьет его, чтобы восполнить потраченную энергию. Но и в этом случае для нее остается очень мало шансов выжить. Поэтому ламии стараются не прибегать к подобному средству воздействия на человека, применяя его лишь в редчайших случаях. Спасти человека из клетки удержания может лишь опытный охотник, но при этом велик риск гибели пленника.

Койне. Официальный язык Полиса. Распространенная форма греческого языка, возникшая в постклассическую античную эпоху, может называться также александрийским или же общеаттическим диалектом. Возник в качестве общего диалекта в армиях Александра Македонского. Литературный койне использовался в большинстве художественных и научных произведений в постклассический период. Таких, например, как

работы Плутарха и Поли бия.

Ком. Божество праздников. Сын Вакха и Кирки. Изображался в виде крылатого юноши.

Либ. Юго-западный ветер, дует со стороны зимнего захода солнца. В Полисе его именем назван скоростной экспресс – «Либ».

Мак. Растение-атрибут Гипноса.

Мойрагет («водитель судьбы», *др.-греч.*). Одно из прозвищ Аполлона.

Мойры. Богини судьбы. Их три. Клото – прядущая нить жизни, на которую нанизаны события настоящего. Лахесис – определяющая судьбу. Назначает судьбу каждому человеку еще до его рождения. Атропа – перерезающая нить. Неотвратно приближает будущее человека и перерезает нить его жизни, тем самым обрывая ее.

Персонификация высшего закона природы, которому покорны и люди, и боги.

Первая, Клото, мойра настоящего в образе прядущей женщины – олицетворяет постепенное, неуклонное действие судьбы. Вторая, Лахесис, мойра прошлого – случайность судьбы. Третья, Атропа, мойра будущего – неотвратимость судьбы.

Мом («насмешка, хула», *др.-греч.*). Бог злословия, насмешек, глупости. Ненавидит людей и богов, помогающих людям. По легендам, лопнул от злости, когда не смог найти ни одного недостатка у Афродиты.

Морфей. Бог сновидений. Сын Гипноса. Морфей больше всех из остальных богов симпатизирует людям. И любит принимать облик человека.

Музы. Божества, покровительницы наук и искусств. Всего их девять: Каллиопа – эпической поэзии, Эвтерпа – лирической музыки и поэзии, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – пантомимы и гимнов, Терпсихора – танца, Клио – истории, Урания – астрономии.

Мусагет («предводитель муз», *др.-греч.*) Одно из прозвищ Аполлона.

Ника. Ника Птерос. Богиня победы. Сестра Силы, Мощи и Зависти, которые сопутствуют победе.

Спутница Афины – олицетворения высшей мировой, всепобеждающей силы. Во время борьбы Зевса с титанами и гигантами помогала ему, поэтому он сделал ее своей неразлучной спутницей.

Помогает и людям и богам. Персонификация счастливого результата, успешного исхода. Является богиней побед не только в военных сражениях, но и в спортивных, поэтических, гимнастических состязаниях.

Нику изображали крылатой, с лавровым венком на голове или

пальмовой ветвью в руках, часто на колеснице.

Ника Аптерос – бескрылая Ника. Древние полагали, что, если изобразить победу бескрылой, она всегда будет оставаться с ними и не сможет улететь к врагам.

Нимфы. Олицетворение стихийных сил, подмечавшихся в журчании ручья, вроее деревьев, в дикой прелести гор и лесов. Изображаются в виде юных, прекрасных девушек.

Номос. Персонификация закона.

Нот. Горячий, южный ветер. Приносит с собой туманы и дожди. Сын богини утренней зари Эос и бога звездного неба Астрея.

И хотя Гесиод называет его «ужасным», в Полисе в его честь наименован один из скоростных экспрессов – «Нот», он курсирует по мегаполису насквозь с юга на север и обратно.

Одеон. Выстроенное полукругом сооружение со сценой внизу и поднимающимися вверх рядами высоких ступеней. Для проведения певческих и музыкальных состязаний, а также советов и собраний.

Олефр. Маха. Божество разрушения, порожденное Эридой.

Ониры. Младшие божества вещей и лживых сновидений. Их цель – наблюдение за спящими. Они усиливают или ослабляют видения, транслируют поток информации, отключают сознание, переводят из одной фазы сна в другую. Могут наслать кошмар или провидческий сон.

Ониры привязаны к определенным участкам сна и ограничены в передвижениях, поэтому иногда они выбирают юного человека, который будет своеобразным проводником, расширяющим для них границы сна. В благодарность они наделяют его способностями, приближающимися к талантам сновидящего. Проводник будет обладать ими до тех пор, пока не перестанет быть полезен онирам, то есть пока не вырастет.

Того, на кого пал выбор, мастера снов называют любимец ониров, а также – вир^[35], поскольку это прозвище предпочитают сами ониры.

Мастера снов, занимающиеся проблемами сна, объясняют такое сотрудничество с подростком тем, что его сон более глубок, пластичен, всеобъемлющ по сравнению со сном взрослого, и предполагают, что ониры более всего интересуются детьми и подростками, страдающими от гиперсомнии – избыточной продолжительности сна.

Панакея. Всеисцеляющая. Божество – персонификация исцеления. Дочь Асклепия. Сестра Махаона и Подалирия – знаменитых лекарей войска эллинов под Троей. Целительница всех болезней.

Панарей. Одно из имен Ареса.

Перековка. Сложная система воздействия на дэймоса. Выработка

условного рефлекса на боль и страдания других.

Темные сновидящие с детства отличаются от других людей преувеличенно высокой самооценкой, повышенной агрессией. А также полным отсутствием совести, сочувствия к окружающим, неумением нравственно себя контролировать. Для достижения своих целей используют всю свою расчетливость, хитрость, актерское мастерство. Виртуозные манипуляторы, нуждаются в постоянном восхищении и поклонении.

Чем старше становится дэймос, тем все более жестокими и изощренными становятся его проступки.

По мнению ученых, социопатия дэймосов – генетическое нарушение, которое не позволяет наследственной памяти формировать в мозгу ребенка человеческие качества: сопереживание, ответственность, привязанность, умение действовать в коллективе...

Единственное, что может сдерживать агрессию дэймоса – выработка условного рефлекса. Причинил боль другому – получил в ответ жесткое наказание, еще более сильную боль. Отсюда психологический вывод: чтобы избежать собственной боли, не надо причинять ее.

Перековка осуществляется в несколько этапов и ведется на физическом и психическом уровне. В реальности и во сне.

Перекованный дэймос не возвращается к прежней жизни, приобретая черты нормальной, здоровой личности. И пробудить в себе прежние черты социопата уже не сможет.

Но возможна эта сложная процедура лишь при желании самого дэймоса измениться. Он должен сам захотеть изжить в собственной личности разрушительные черты и действовать вместе с мастером-перековщиком, иначе перековка не произведет в нем необходимых изменений.

Система воздействия на темных сновидящих разработана охотником на дэймосов и членом Пятиглава Тайгером, им же применена впервые.

Последний сон. В Полисе любой человек имеет полное право уйти из жизни в тот момент, когда посчитает, что прожил достаточно долгую, наполненную жизнь и достиг всего, чего хотел. В таком случае он или его близкие могут обратиться в центр снов с просьбой создать последний сон.

Это может быть удивительное путешествие в те места, куда человек, решивший закончить жизнь, хотел бы отправиться, или невероятные приключения вместе с любимыми людьми, а может быть, сон повторит самые значительные события из жизни или исправит ее не самые приятные моменты.

Подобное сновидение создает харита или вдохновитель, используя

свое богатейшее воображение и фактические материалы, предоставленные клиентом. Когда человек в полной мере насладится своим последним сном, врачи проводят эвтаназию.

Реперы. Маяки, реперные точки. Стабильные ориентиры в неустойчивом мире сновидения, своеобразный фундамент, основа, которую устанавливает сновидящий для того, чтобы стабилизировать неустойчивую психику пациента, и которая будет в дальнейшем поддерживать всю структуру сновидения и гармонизировать мир снов. Эти символы, знаки могут выглядеть как угодно в зависимости от предпочтений конкретного мастера снов.

Сатиры. Жизнерадостные козлоногие жители гор и лесов. Божества плодородия. Составляли свиту бога Диониса.

Силены. Божества рек, источников и мест, изобилующих водой и богатой растительностью, в противоположность сатирам – божествам гор и лесов. По сказаниям, силен неохотно делится с людьми знанием будущего: для этого надо его поймать хитростью и силой заставить пророчествовать.

Сильваны. Божества, обитатели гор.

Сиринга. Древнегреческий музыкальный инструмент, род продольной флейты. Символ идиллии и безмятежной радости. Сиринга была наядой, известной своим целомудрием, и спутницей Артемиды. Когда в нее влюбился Пан и стал преследовать, она превратилась в болотный тростник. Из этого тростника Пан сделал себе многоствольную сирингу, которая также известна как флейта Пана.

Танатос. Бог – олицетворение смерти. Сын Ночи, брат-близнец бога сна Гипноса. Постоянно перелетает от ложа одного умирающего к другому, прислушиваясь к их дыханию, и когда оно замедляется, срезает прядь волос с головы человека своим мечом и забирает его душу. Единственный из богов не любит, когда ему приносят дары. Потому что подкупить или умиловить его невозможно.

Чаще всего изображается прекрасным, крылатым юношей с погасшим факелом в руке.

Тело сновидения. Образ-двойник, который есть у каждого сновидящего и благодаря которому тот попадает в мир снов. Тело сновидения может выглядеть так же, как и его владелец в реальности, а может кардинально отличаться от него внешне – эту особенность часто используют для маскировки дэймосы. Тело сновидения обладает волей, памятью, привычками и характером своего владельца, но также может совершать поступки, руководствуясь только своими желаниями. Однако чем более опытен сновидящий, тем лучше он контролирует

подсознательные и эмоциональные порывы своего тела сновидения. Если тело сновидения погибает в мире снов – умирает и сновидящий в реальном мире.

Трисмегист. Одно из имен Гермеса, означающее Гермес Триждывеличайший.

Харон. Перевозчик душ умерших через реку Стикс в царство мертвых. Берет за это плату в один обол. (По древнему погребальному обряду – монету клали умершему под язык.) Никогда не перевозит душу обратно.

Изображается мрачным стариком в рубище. Одна из отличительных черт – свирепые, сверкающие глаза. Его острый взгляд легко отличает душу умершего от живого человека.

Химеры. Человекоподобные существа, населяющие сон. Они могут быть воспоминаниями спящего о людях, которых он встречал в реальности, знаками, которые подает подсознание, или просто иллюзиями.

Сами химеры полностью осознают себя реальными, свободными личностями. Думают и чувствуют как люди. Испытывают боль, страх, привязанности, симпатии. При нападении защищают свою жизнь. И умирают так же, как люди. Поэтому мастера снов, в отличие от дэймосов, никогда не используют химер как воинов, убийц или палачей, заставляя причинять вред людям или другим сновидящим.

Хоры. Богини времен года. Следят за тем, чтобы один сезон вовремя сменял другой. Также они запрягают коней Гелиоса – солнца. И открывают небесные врата в жилище богов, за что их называют небесными привратницами.

Хюбрис («дерзость», др.-греч.). Гордыня, высокомерие, спесь, гипертрофированное самолюбие. Персонифицированное свойство характера.

Фама («молва», «сказание», др.-греч.). Богиня молвы. Живет на высокой горе во дворце из меди, где собираются слухи и новости со всего света.

Фантас. Бог сновидений, сын Гипноса. Принимает облик неодушевленных предметов, а также явлений природы.

Фобетор. Бог сновидений, которого также называют «пугающим». Создатели кошмаров верят, что он постоянно сопровождает их, предупреждает об опасности, следит за тем, чтобы они не прекращали наводнять сновидения страхом, может давать и отнимать силы.

Эвр. Восточный ветер. В Полисе по его имени назван один из отделов департамента эринеров – «ЭВР».

Эвтаназия («хорошая смерть», др.-греч.). В Полисе это добровольное

прекращение жизни человека, страдающего от неизлечимого заболевания, испытывающего непроходящую боль или душевные страдания. Возможность уйти из жизни достойно, не теряя разума, и остаться в памяти близких людей не немощной развалиной, потерявшей человеческий облик и достоинство, а достойным уважения человеком и сильной личностью.

Эйдетическая память. Особый характер зрительной памяти, позволяющий удерживать и воспроизводить чрезвычайно точный и реалистичный образ воспринятого ранее предмета или явления. Эйдетические образы отличаются от обычных тем, что человек как бы продолжает воспринимать предмет в его отсутствие, и зачастую в них входят также насыщенные образы по иным руслам восприятия: слуховые, тактильные, двигательные, вкусовые, обонятельные... В том или ином виде и степени эйдетизм присущ каждому человеку, особенно в детском или подростковом возрасте, однако в своих ярких проявлениях встречается довольно редко.

Люди с выдающейся эйдетической памятью способны читать с огромной скоростью, запоминать наизусть сотни тысяч страниц текста, визуальные изображения (карты, схемы и т. п.), помнить мельчайшие детали событий и воспроизводить их.

Все оракулы Полиса обладают уникальной наследственной эйдетической памятью, которая является одной из особенностей их дара и необходима им в работе.

Эликсир сновидения. Зелье, которое варят божества сновидений из собственной крови, которая нечто иное, как маковый сок. Сновидящим этот эликсир дает мощный приток энергии, укрепляющей их способности, будит фантазию, освежает восприятие.

Эосфор. Зареносная, почтительное обращение к прекрасным богиням.

Эпиона. Божество, облегчающее боль.

Эргия. Богиня, охраняющая сон Гипноса.

Эринеры. Стражи порядка. Название произошло от наименования богинь мести – эриний, всегда находящихся и преследующих преступников.

Основные задачи эринеров Полиса – защита личности и общества, выявление и раскрытие преступлений, предотвращение и пресечение нарушений закона, обеспечение порядка в общественных местах. Также они занимаются розыском пропавших лиц, охраной частных и общественных объектов.

В состав департамента эринеров входит подразделение «ЭВР» – отдел «Экстренного внепланового реагирования», которое использует специальные тактики в операциях с высоким риском, где требуются

способности и навыки, выходящие за рамки возможностей обычных эринеров Полиса.

Эринии. Они же фурии. Богини мести. Преследуют преступников, ввергая их в безумие.

По легендам, эринии появились после первого свершившегося преступления. Когда Кронос ранил своего отца Урана, из падающих капель его крови родились эринии.

Всего их три: Тисифона – «мстящая за убийство», Алектэ – «непрощающая», Мегера – «завистница».

Согласно древнему мифу, эринии преследовали Ореста, наказывая его за убийство. Это преследование остановила Афина – богиня мудрости, проведя первый в истории суд над преступником, в результате которого Орест был оправдан. Эринии пришли в ярость, когда поняли, что не смогут осуществить свою месть. Но Афина утормила разгневанных богинь, обещав, что им будут оказывать почести наравне с остальными богами и высоко чтить их. С тех пор как эринии утормили свою ярость, их стали называть также милостивыми.

Ятр. Врачеватель. Одно из имен Асклепия.

---

notes

СНОСКИ

Диадох – преемник (*греч.*). – *Здесь и далее примеч. авт.*

Александр Великий, он же Александр Македонский – царь из династии Аргеадов, полководец, создатель мировой державы. Еще в античности за Александром закрепилась слава одного из величайших полководцев в истории. Сотер – «спаситель» (*др.-греч.*). Кроме прямого значения, слово использовалось как эпитет Зевса, а затем и некоторых других богов-олимпийцев; в женском варианте употреблялось как Сотейра, например в обращении к Афине.

Имя София (*греч.* «мудрость») – одна из более поздних интерпретаций имени Афина.

Квестор – должность в Древнем Риме. Занимался расследованием уголовных дел.

Дословное значение – «вестник радости».

Багги – открытый полноприводной автомобиль с мощным двигателем и рамной конструкцией, обладает высокой проходимостью.

Римское имя Руф означает «рыжий».

От *лат.* Mons Silvanus – «лесная гора», «лесной перевал».

Хронос – время (др.-греч.).

Имевшая хождение в Древнем Египтосе игра шашечного типа. Самая древняя из известных на сегодняшний день настольных игр, возникла около 3 тысяч лет до н. э.

Рай (др.-греч.).

Хеп, он же Апис – имя древнеегипетского бога, который изображался в виде быка с солнечным диском между рогов, символ фараона.

Скимитар (*араб*, «коготь тигра») – разновидность сабли.

Электромагнитная волна.

Столбы большого сечения.

Черная смерть (*лат.*).

Все это прозвища Прокруста.

Коцит – приток реки Ахеронта в царстве мертвых, отличается ледяным холодом своих вод.

Классификация сновидящих, посвященных их специализации социотипических моделей (ранее – богов), а также понятия, связанные с миром сновидений. *Из свитков библиотеки Ареопага Полиса.*

Фобетор – «пугающий» (др.-греч.).

Мастера снов, работающие под руководством Пятиглава.

Дэймосы получили свое название по имени сына бога войны – Ареса. По легендам во время битвы Арес призывал своих сыновей, чтобы сеять в рядах врагов страх, смятение и ужас. Одного из них звали Дэймос (др.-греч. «смятение, ужас»), а другого – Фобос (др.-греч. «страх»).

Воин (*лат.*).

Предсказатель (*лат.*).

Любовь (лат.).

Блеск (др.-греч.).

Мрак (*лат.*).

Зло (*лат.*).

Страшная (др.-греч.).

Дух мщениа (др.-греч.).

Причинять боль (*лат.*).

Тъма (*лат.*).

Страх(лат.).

Жнец (*др.-греч.*).

Человек (*лат.*).